

КИР БУЛЫЧЕВ

ВЕЛИКИЙ ДУХ И БЕГЛЕЦЫ

КИР
БУЛЫЧЕВ

ВЕЛИКИЙ ДУХ
И БЕГЛЕЦЫ

КИР
БУЛЫЧЕВ

ВЕЛИКИЙ ДУХ
И БЕГЛЕЦЫ

Москва 1993

ВНИМАНИЕ !

Издательство «Хронос» доводит до сведения всех заинтересованных лиц и организаций, что обладает исключительными правами на издание произведений Кира Булычева (И.В.Можейко) на всей территории Российской Федерации и стран Содружества. Литературное агентство издательства осуществляет охрану прав автора и уполномочено вести переговоры от его имени.

Булычев Кир

Б90 Полное собрание сочинений. Серия А. Т. 1: Великий дух и беглецы.—М.: «Хронос», 1993.—448 с.

ISBN 5—85482—003—1

В первый том серии А полного собрания сочинений Кира Булычева включены повести из цикла о космическом докторе Павлыше: «Тринадцать лет пути», «Последняя война», «Великий дух и беглецы», «Половина жизни».

ISBN 5—85482—003—1

ББК 84Р7

© «Хронос», 1993

© «ЭЛКО—ЛТД», 1993

Вступление

Столь знаменательное для любого писателя событие, как выход в свет Собрания сочинений, требует вступительной статьи, написанной солидным критиком. Кто-то ведь должен поведать миру о том, что автор с детства тянулся к перу, не шалил, был отличником и проявлял способности.

Попав в положение такого автора, я сообразил, что и сам могу создать подобный черновик для некролога, потому что лучше всех знаком с автором и знаю, как на него влияла эпоха и почему он не смог повлиять на эпоху.

По крайней мере, мое вступление будет коротким.

Кир Булычев родился под именем Игоря Можейко в октябре 1934 года в районе Чистых прудов и при первой же возможности переехал на романтический Арбат, провел детство и юность в доме № 21 на Сивцевом Вражке, учился в 59-й школе и смотрел «Джордж из Динки-джаза» и «Индийскую гробницу» в кинотеатрах «Арс» и «Юный зритель».

Школьные годы автор помнит плохо, потому что был средним учеником, даже в аттестате имел две тройки, зато все летние каникулы глубоко запали в память. Когда кончал школу, был уверен, что выучится на палеонтолога, но по комсомольскому набору попал на переводческий факультет Института иностранных языков, а пока учился там и ходил в туристские походы, умер Сталин, наступила новая эра, и обнаружилось, что за границами нашей державы есть другие страны. В 1957 году, когда он завершил высшее образование, объявилась нужда в переводчиках в

отдаленных концах земного шара, куда мы направили специалистов, чтобы показать на нашем примере преимущества советского образа жизни лишь недавно обретшим независимость азиатским и африканским народам. И тогда всех выпускников, которые догадались жениться до завершения образования, разослали в отдаленные страны. Как вы уже догадались, наш автор был недавно женат и попал переводчиком на строительство в Бирму.

В Бирме было жарко, пыльно и влажно. Уже через несколько месяцев будущий Кир Булычев понял, что ему не нравится работать переводчиком. Где-то года через два он узнал о существовании Института востоковедения и, возвратившись, по отбытии срока, домой, поступил в тамошнюю аспирантуру по специальности «История Бирмы». Это случилось в конце 1959 года, и с тех пор Игорь Можейко служит востоковедом.

Денег в аспирантуре платили немного, надо было подрабатывать, Игорь Можейко стал наведываться в журнал «Вокруг света», с которым и связаны последующие несколько лет его жизни. Для журнала он писал очерки и статьи, от него он ездил в командировки в Арктику, на Памир и прочие великолепные места. «Вокруг света» был в шестидесятые годы чудесным журналом, и там работали чудесные люди.

В институте тоже все шло своим чередом. Игорь Можейко учился в аспирантуре, на полтора года возвратился в Бирму, на этот раз редактором АПН, и там дописывал диссертацию. Защитил диссертацию в 1966 году. Так как он был беспартийным и аполитичным молодым ученым, то и диссертация была ему под стать: «Паганское государство в Бирме в XI—XIII веках». Покойный академик А. Губер называл его «Мой паганый аспирант» (шутка).

К середине 60-х годов Игорь Можейко достиг возраста Христа, надолго пережил Лермонтова, но ничего кардинального не создал. Он был читателем фантастики, поклонником Стругацких, в Бирме накупил тысячу американских и английских фантастических книг, и, очевидно, хоть он об этом не догадывался, все шло к

тому, чтобы он и сам начал писать фантастику. Больше того, в Бирме он написал для себя две сказочных и одну реалистическую повести, но так как не рассчитывал их опубликовать, то писал, как хотел, что думал, и, конечно же, их нельзя было никому, кроме друзей и близких, показывать. Потом они потерялись...

В 1965 году Игорь Можейко написал первые сказочные истории о девочке Алисе, которая живет в двадцать первом веке. Цель их была — найти пути к детской литературе, которая была бы адекватна поколениям детей, возвращенных телевизором, а потом и компьютером. Тогда же он написал и детский приключенческий роман «Меч генерала Бандулы», в котором отразились годы, проведенные в Бирме, и, к сожалению, все еще жившие в голове автора стереотипы «колонизатор — борец за свободу — друг с Севера» и так далее.

А вот первый взрослый фантастический рассказ был написан случайно.

В приложении к «Вокруг света» — журнале «Искатель» случилась беда: вылетел в цензуре американский переводной рассказ. Я не знаю, и тогда не знал, что за рассказ. Но беда заключалась в том, что с рисунком именно к этому рассказу тиражом в 300 тысяч экземпляров была напечатана цветная обложка. И это была катастрофа для всего журнала. Ведь изготовить новую обложку стоило бы очень дорого. И вот тогда собрались все вокругсветовские литераторы и решили попробовать — кто напишет за ночь рассказ по обложке.

Задача была не такая простая, как может показаться на первый взгляд. Потому что на обложке был нарисован стул, на стуле стояла большая банка, как из-под маринованных помидоров, а в ней сидел бронтозавр. Вот и выдумывай как хочешь!

Кир Булычев почувствовал в картинке вызов. А может быть, просто ему подошло время написать свой первый рассказ.

Он пришел домой, он не лег спать, пока не написал рассказ, содержание которого сводилось к следующему.

В одной редакции получают телеграмму с Дальнего Востока от фотокорреспондента, что пойман динозавр. Живьем. В Москве начинается суматоха, раздобывают платформу и сооружают клетку. А тем временем дверь открывается, входит фотокорреспондент с банкой в руках. А в банке динозавр. «Нет, не вымерли динозавры, — сообщает корреспондент своим коллегам, — но сильно измельчали».

Автор назвал свой рассказ «Когда вымерли динозавры» и отнес в «Искатель». Желание избежать скандала и сохранить премии заставило редактора «Искателя» и остальных журналистов отнестись к рассказу с нежным либерализмом. Все делали вид, что рассказ удался. А автор начал толстеть от гордости. И с тех пор не раз включал этот рассказ в свои сборники. Из тщеславия. Так что если кому-нибудь из читателей когда-нибудь попадется в руки «Искатель» № 2 за 1967 год, пусть он знает, что картинка с динозавром на обложке нарисована вовсе не к рассказу Кира Булычева.

Я пишу «Кира Булычева», потому что к тому времени первые истории про Алису уже увидели свет и псевдоним был уже выдуман. Он не выразителен и собран из имен и фамилий членов семьи, потому что в то время Кир Булычев не подозревал, что продолжит фантастические занятия. Он был занят в институте, ковал монографию на основе диссертации и начал писать научно-популярные книги, посвященные Азии. Впоследствии разного рода доброжелатели и недоброжелатели искали в псевдониме Игоря Можейко какие-то глубокие тайные умыслы, от политических до национальных. А причины того, что Игорь Можейко стал писать фантастику под псевдонимом, были самыми житейскими. Ведь Игорь Можейко был молодым специалистом середины шестидесятых годов и подчинялся всем правилам игры для молодых специалистов. Но зачастую их нарушал. И когда он понял, что его рассказы будут напечатаны, живому воображению автора предстала картинка: его непосредственный начальник произносит разоблачительный монолог: «Хорош этот Можейко! На профсоюзное собрание не явился, овощную базу про-

судил, к лаборантке Люсе отнесся не по-товарищески, и теперь еще пишет сказочки? Так долой его из института!»

Трудно поверить, но факт, свидетельствующий о глубокой скромности автора, заключается в том, что до 1982 года в Институте, за исключением нескольких друзей, никто не знал о грехе сначала младшего, а потом и старшего научного сотрудника. Впрочем, это мало кого интересовало. А в 1982 году Кир Булычев получил Государственную премию за сценарии к фильмам «Тайна третьей планеты» и «Через тернии к звездам». Сообщение об этом было опубликовано в газетах и там же псевдоним был предательски раскрыт. Как автору стало впоследствии известно, заведующий отделом и парторг отдела, узнав об этом и не ведая, как следует реагировать, отправились к директору института с запросом о необходимых мерах. К счастью, у директора было чувство юмора, и он сказал очередную историческую фразу: «План выполняет? Выполняет. Значит, пускай выполняет его и дальше». С тех пор Кир Булычев (в институте известный более как Игорь Можейко) выполняет производственный план.

Что касается кино, раз уж о том зашла речь, то Кир Булычев занимался этим делом с середины 70-х до середины 80-х годов. Так получилось, что к нему обратились с предложениями работать вместе два таких славных режиссера, как Ричард Викторов и Роман Качанов. С первым Кир Булычев сделал два фильма — «Через тернии к звездам» и «Комету»; со вторым две мультипликационные ленты — «Тайна третьей планеты» и «Два билета в Индию». Еще Киру Булычеву удалось поработать с такими хорошими режиссерами, как П. Арсенов, А. Майоров, Г. Данелия, Ю. Мороз и В. Тарасов. И с другими хорошими режиссерами тоже. Всего он писал сценарии к двадцати фильмам (включая короткометражные «дебюты»). Но в последние годы отошел от кино — скорее, по причинам внутренним: темп жизни в кино с возрастом становится трудным для некоторых писателей. Впрочем, и ситуация в на-

шем кинематографе переменялась, и ему стали нужны иные сценарии.

Начав с фантастических рассказов, Кир Булычев вскоре написал и фантастический роман, который назывался «Последняя война». В том романе впервые появился его первый «постоянный» герой доктор Павлыш. Этот доктор имеет свой прототип, хотя Булычев старается никогда ничего подобного не делать. История эта произошла в 1967 году, когда журнал «Вокруг света» послал Булычева своим корреспондентом в переход по Северно-морскому пути на сухогрузе «Сегежа». В Карском море «Сегежа» сломала винт, выбилась из всех сроков, еле добралась до Диксона и там приводила себя в порядок. Рейс был внутренний, спокойный, Кир Булычев делил каюту первого помощника с художником, также командированным в Арктику, чтобы запечатлеть труд советских моряков. Любой знакомый с морскими порядками нашей страны сразу поймет, почему лишние рты на борту «Сегежи» обитали в каюте первого помощника. А для несведущих разъясню: в судовой роли такой корабельной должности и быть не может. Есть старпом — это моряк. А есть первый помощник — это политрук, нужный Родине и своей организации лишь в заграничных рейсах. А чего ему делать в Арктике? Кто там убежит или предаст иностранцу государственную тайну?

Художник оказался человеком скучным, иные моряки — чудесными, но порой чрезмерно — по случаю холодов и сломанного винта — пьющими, а вот корабельный доктор Слава Павлыш — просто чудесным. Булычев с ним подружился и до сих пор поддерживает, хоть и ослабевшие с годами, но дружественные отношения. Булычев с Павлышом провели много дней в неспешных дружеских беседах и прогулках по окрестностям Диксона и Хатанги. И вот это ощущение «Сегежи», черты характера ее моряков, отношений на борту, необычного и бесчеловечного простора Арктики — все это как-то перешло в первый роман Булычева. А потом Слава Павлыш, чем-то напоминающий настоящего Павлыша, а чем-то все более разнящийся с

ним, начал появляться в различных повестях и рассказах. Но крайней мере, в настоящем Собрании сочинений ему посвящены два тома.

Другая «постоянная тема» для Кира Булычева — это городок Великий Гусляр. Он тоже имеет свой прототип. Географический. И также на уровне ассоциаций, не более.

Тогда же, в начале своей писательской карьеры, Кир Булычев с друзьями поехал в Вологду, оттуда в Кирилло-Белозерск и Великий Устюг. Как свидетельствуют современники, Великий Устюг оказал на Булычева неизгладимое впечатление. Он был им очарован. И надо же было так случиться, что на одной из центральных улиц города, именно в момент пребывания там автора, произошел провал: кусок мостовой провалился в какой-то древний подпол. И Булычеву вдруг представился этот город Великий Гусляр совсем как настоящий, и его обитатели, имена которых он извлек из «Адресной книги города Вологды» за 1913 год, подаренной ему умнейшей и обаятельной Еленой Сергеевной, бывшей директоршей тамошнего музея, и провал на главной улице... — с этого момента должно было начаться действие. А потом ему приглянулся один из зеленых дворов, окруженный двухэтажными скучными домиками. За могучим столом в том дворе сидели люди в майках и зашибали козла. Так родился центр действия... Но написан первый гуслярский рассказ был в Болгарии, в горном городке Боровец, под шум сосен и звон колокольчиков возвращающихся с альпийских лугов овец. Булычеву, попавшему в Болгарию по приглашению друзей, катастрофически требовались деньги. А деньги согласился дать журнал «Космос». За рассказ. Вот почему первый гуслярский рассказ увидел свет на болгарском языке. Уже вернувшись домой, Булычев начал писать большую повесть о Гусляре. Где фигурировали персонажи из «Адресной книги» и провал на улице.

С тех пор Булычеву удалось придумать шестьдесят восемь рассказов и повестей о Великом Гусляре, некоторые из них удачные, а некоторые совсем плохие. Но

даже если выкинуть совсем неудачные, то хватило на три тома в этом Собрании.

У Булычева долгие годы была репутация оптимиста. Ему очень надоедало состоять в оптимистах, но хотелось верить в то, что наша жизнь все же повернется к лучшему. Скептики и борцы за свободу в последнее время укоряют Булычева за то, что он был дитем застоя. Каждому свое. Булычев оказался прав в своем историческом оптимизме, а скептики вышли из диссидентов, заняли посты президентов и принялись бороться с оппозицией. Зато теперь, когда быть оптимистом не возбраняется, Булычев достал из-под стола целый том пессимистических опусов и, с опозданием на век, предлагает читателям. Если бы он был посмелее и посерьезнее, то напечатал бы это все давно в свободной прессе и сегодня бы приезжал оттуда советовать интеллигенции, как ей следует жить.

Скинув маску оптимиста, под которой оказалось лицо оптимиста, Булычев надел теперь маску фаталиста. Ему хочется еще пожить в свободном обществе, но он не уверен, что судьба даст такую возможность на долгое время. Это отражается в его рассказах последнего времени. Чтобы не впадать в уныние, Булычев уже с 1989 года, преодолевая болезни и старость, а также растущий маразм, пишет большой-большой роман. Роман называется «Река Хронос». Неизвестно, что выйдет из этой затеи, и ответ на этот вопрос может дать лишь настоящее Собрание сочинений. Если к его завершению удастся завершить и роман, то, значит, одна из задач выполнена. Вторая — сбросить лишний вес и делать по утрам гимнастику. Остальные задачи уже невыполнимы.

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ ПУТИ

Повесть

1.

Сто шесть лет назад корабль «Антей» покинул Землю.

И как ни велика его скорость, как ни ничтожно сопротивление космического вакуума гигантской пуле, траектория полета которой соединяет уже неразличимую даже в самый мощный телескоп Землю и Альфу Лебеда, путь займет в общей сложности сто девятнадцать земных лет.

Сто шесть лет миновало на Земле с того дня, как семьдесят шесть космонавтов, в последний раз взглянув на голубое небо, на пух облаков и зелень деревьев, вошли в планетарные катера и те взмыли вверх, где на высоте полутора тысяч километров, на постоянной орбите их ждал «Антей».

Подлетая, они могли оглядеть этот дом издали. Одному космический корабль казался неуклюжим насекомым, другому напоминал сломанную детскую игрушку. «Антю» никогда не придется снижаться на Землю или на другую планету. Ему суждено было родиться в космосе, где его собрали, и умереть там. Поэтому конструкторы создавали его без оглядки на сопротивление среды. Непривычному глазу он представлялся нелогичным совмещением колец, труб, шаров, антенн и кубов.

Пока корабль набирал скорость — а разгон его занял месяцы, — экипаж «Антея» мог видеть Землю. Сначала она занимала половину неба, но постепенно превращалась в тускнеющую точку среди миллионов подобных ей и более ярких точек...

Так начался путь. Прошло сто шесть лет.

Еще через тринадцать лет «Антей» достигнет цели.

2.

Павлыш миновал двадцать четвертый резервный коридор и остановился перед дверью в оранжерею. Оранжерея была заброшена лет пятьдесят назад, и, кроме механиков, сюда никто не заходил.

Дверь сдвинулась не сразу. Словно ее механизм забыл, как открываться.

Когда Станцо рассказывал о заброшенной оранжерее, Павлыш представлял, что увидит пышные джунгли, выросли лиан и странные цветы, свисающие с крон.

Оранжерея была тайной, открытием. Путешествие к ней — более часа ходьбы по пустым коридорам и залам корабля — подготавливало к тайне.

Путь оказался обыденным.

Где-то на полдороге он встретил робота-уборщика, а в шаре «Д» попал в область использованных складов — они были слабо освещены, пустые коробки и контейнеры громоздились в гулких залах.

Здесь царило запустение. Краска стен, теоретически вечная, поблекла, листы пластиковой обшивки кое-где отстали. Пахло теплой пылью.

Павлыш никак не мог отделаться от ощущения, что пустота следит за ним. Что у нее есть глаза.

Корабль был населен памятью.

Он был самым старым кораблем Земли. Ему было более века.

За эти годы на Земле изобрели новые сплавы и источники освещения, даже коробки и контейнеры были бы иными, если бы «Антей» отправился в путь на сто лет позже. Все было бы иным.

Корабль был не дряхлым, но очень старым. Он был рассчитан на то, что проведет в космосе многие десятилетия. И все равно состарился.

И постепенно пустел.

Один за другим освобождались его склады, закрывались дальние помещения и коридоры — в них уже не было нужды. В тот день, когда Павлыш отправился разыскивать заброшенную оранжерею, на борту было вдвое меньше людей, чем сто шесть лет назад. Жилая, действующая часть корабля с каждым годом съеживалась. Так пустеющую деревню осаждают лес, занимая уже ненужные поля и покосы.

Павлыш открыл дверь в оранжерею и был разочарован, потому что никаких буйных джунглей там не оказалось.

Длинные сухие грядки.

Среди высохших стеблей — колючие кусты. Бурая трава у ног, плети выродившегося гороха ползут по стенам, кое-где на пыльных лабораторных столах остались колбы и пробирки — много лет назад кто-то ставил здесь опыты. Теперь же хватает оранжереи в шаре «В».

Стебли зашуршали, вздрогнули.

Что-то серое метнулось в дальний конец оранжереи. Павлыш отпрянул назад. Никого не могло быть на корабле. Никого лишнего.

Он отскочил за дверь и нажал кнопку. Сначала надо изолировать помещение. Затем вызвать помощь. Все, что неизвестно, непонятно, — может быть опасно. Не только для Павлыша — для всего корабля.

Дверь нехотя задвинулась. Павлыш стоял один в очень тиком коридоре. Ровно светился потолок.

Он был на корабле, куда ничто не могло проникнуть снаружи.

Тому, что он видел, должно быть реальное объяснение.

Хорош он будет, если прибежит к Станцо и скажет, будто видел что-то в заброшенной оранжерее. А что? Что-то.

Тогда Павлыш снова открыл дверь.

Закрыв ее за собой. Чтобы это Непонятное не смогло выбраться наружу. Затем осторожно пошел вперед.

Он старался не наступать на грядки. Керамические плитки пола похрустывали под ногами. Некоторые легко выпадали. В оранжерее стоял неприятный тухлый запах.

В двух шагах от того места, откуда выскочило нечто, Павлыш замер.

Метрах в десяти была округлая стена — конец оранжереи.

И тогда он увидел.

Там, в сплетении ветвей, сидели две серые кошки.

Они смотрели на него в упор, разумно и настороженно. В полумраке — здесь освещение было куда слабее, чем у входа, — их глаза горели желтым злым огнем.

— Еще чего не хватало, — сказал Павлыш вслух. Надо было догадаться с самого начала.

Когда-то кто-то решил, что на «Антее» нужны животные. Домашние. Такие, что не будут много есть, но скрасят одиночество людей.

И на корабле появилась кошачья семья.

И хоть за ней следили, старались контролировать численность этого племени, уже не в первый раз в отдаленных уголках корабля обнаруживались нелегальные, неучтенные кошки.

Кошкам надо чем-то питаться. Значит, они освоили вентиляционные ходы, и оранжерея не была так изолирована, как казалось.

— Живите, — разрешил кошкам Павлыш.

Он нагнулся, вытащил из земли бледный, почти белый стебелек.

Какая-то жизнь все же теплилась. Надо будет сказать Христе, пускай сюда заглянет.

Больше никаких привидений в оранжерее не было.

Привидения — часть корабельного фольклора. За сто с лишним лет на корабле обязательно должен возникнуть фольклор.

В глубине души Павлышу хотелось увидеть привидение. Это не означает, что он верил в подобную чепуху. Но когда корабль так стар и бесконечен, должно же в нем таиться что-нибудь необыкновенное.

3.

Павлышу не хотелось возвращаться в жилую часть корабля.

Там сразу найдутся дела. А когда еще удастся повторить это неспешное путешествие?

Павлыш пошел от оранжереи к соединительному туннелю, по которому можно выйти во Внешний сад. И через него уж вернуться обратно.

По дороге он заглянул в бывшую библиотеку. Когда-то часть жилых кают находилась в этом секторе корабля, и филиал библиотеки размещался поблизости от них.

В библиотеке стоял другой запах — запах пленки. Ячейки для микрофильмов и видеолент были раскрыты. В некоторых остались ленты.

Павлыш знал — почему. Когда библиотеку перевозили, те кассеты, что дублировались в главной, брать не стали.

Павлыш понимал, что и здесь его не ждут открытия, но все же потратил несколько минут, читая надписи на кассетах.

И не зря.

В одном из ящичков он нашел восьмую, шестнадцатую и двадцатую серии «Подводного мира», которых в главной библиотеке не было.

Потом отыскал несколько кассет без этикеток. Их он тоже захватил с собой.

Минут через двадцать он достиг соединительного туннеля и остановился перед лифтом.

Здесь было светлее, сюда иногда заходили.

Лифт поднял Павлыша на несколько ярусов вверх, что было условным понятием, так как низ — всегда центр корабля, верх — его внешние помещения. Гравитационное поле, создаваемое двигателями, таилось в центральном шаре.

Зал отдыха перед входом во Внешний сад тоже был пуст. В бассейне голубоватым зеркалом застыла вода. Настолько ровная и неподвижная, что Павлышу захотелось нарушить эту неподвижность. Он сунул руку в карман. В карманах у Павлыша всегда есть что-нибудь лишнее. Пальцы нащупали металлический шарик. Павлыш швырнул его в бассейн. Зеркало вздрогнуло, плеснуло столбиком воды и разбежалось кругами, облизывая борта бассейна.

Вот так-то лучше.

Низкие мягкие диваны скобками тянулись вокруг бассейна. Павлыш с размаху прыгнул на диван, неудобно сел на сумку с кассетами, что тащил из библиотеки. Диван ожил, стараясь примериться к телу Павлыша.

Павлыш представил, что он на «Наутилусе». В нем, где-то в недрах, живет последний его обитатель, старый капитан Немо.

А может быть, это «Мария Целеста»? Неожидаанная беда обрушилась на шхуну. Почему-то все покинули корабль, все до последнего человека. И кастрюля на плите еще теплая.

Нет, он на необитаемом острове. Вот он, темный лес, за стеклянной стеной. Высоко справа в стене серый круг. Заплата.

Когда Павлыша еще не было на свете, во Внешний сад «Антея» угодил метеорит. Это бывает с кораблями. Хоть над метеоритной защитой «Антея» думали лучшие умы Земли — ни одна крошка материи не должна была дотронуться до корабля: слишком высока цена, — все же шестьдесят лет назад «Антей» попал в мощный метеоритный поток. Настолько мощный, что один из камней достиг корабля.

Метеорит пронзил внешнюю прозрачную тонкую стенку сада.

Затем пробил вторую стенку, отделяющую сад от Зала отдыха.

Затем миновал еще три перегородки и вылетел наружу.

Происшествие строило жизни двум космонавтам, которые в тот момент были в Зале отдыха. Павлышу рассказывали, что они играли в шахматы.

И Внешний сад погиб. Он погиб так быстро, что не успел измениться.

Павлыш подошел к стеклянной стене.

Когда-то сад любовно собирали, создавали на Земле как то место, где космонавты в невероятной дали от дома могут ощутить и летнюю ночь, и запахи земного леса.

Под прозрачным высоким куполом толпились березы и ели, кусты роз и орешника, а дальше, где поддерживалась температура повыше, возвышались пальмы.

После ремонта тогдашний капитан «Антея» решил не подключать сад к системе отопления. Иначе бы, отогревшись, деревья и кусты сгнили. А так они остались стоять замерзшими памятниками деревьям и цветам. Если не знаешь, что случилось здесь шестьдесят лет назад, может показаться, что за стеклом начинается настоящий лес.

4.

И Павлыш представил себе бесконечный ночной лес. Теплый влажный воздух, в котором покачиваются пряные тяжелые запахи, где шуршание падающих листьев так же осторожно и почти беззвучно, как шаги волка. Лишь иногда треснет сухой сук или смело ступит на груд валежника ничего не боящийся медведь.

Громкий плеск, удар, почти грохот обрушился на тишину зала.

Взрыв?

Павлыш резко всем телом обернулся, прижавшись при этом спиной к прозрачной стене. Сила тяжести на корабле мала, вдвое меньше земной, и оттого даже самые резкие движения замедленнее. Мозг уже закончил поворот тела, а оно все еще не может остановиться.

Брызги воды вылетели на пол зала.

Длинная зеленая тень, словно тень крупной рыбы, скользила под взбаламученной голубой водой.

Коротко остриженная девичья голова пробилла воду, девушка раскрыла глаза, смахнула рукой воду с ресниц.

— Испугались? — крикнула она. — Я нарочно тихо разделась и потом — как прыгну!

Павлышу стало неловко, что девушка могла увидеть его испуг. Но нет, когда он обернулся, она была еще под водой.

Девушка перевернулась на спину. На ней был зеленый купальник.

Вода в бассейне успокаивалась медленно и солидно, словно бассейн был наполнен маслом.

— Вода здесь удивительная! — сказала девушка. — Я каждый день купаюсь. Вы не пробовали?

— Еще нет.

Он не видел эту девушку раньше. Вчера был такой сумасшедший день. А сегодня он отправился в путешествие по кораблю.

Девушка подплыла к бортику.

Я тоже иногда прихожу сюда специально, чтобы поглядеть на этот лес. Но я всегда знаю, что он мертвый. Видно, у меня плохо развито воображение.

Павлыш вернулся к диванам и сел.

— Я вас вчера не видел.

— Когда вы прилетели, я была на вахте. Меня зовут Гражиной.

— Я кошек видел. В пустой оранжерее.

— Вот где никогда не была, — сказала Гражина. — Я не романтик.

В голосе ее прозвучала снисходительность к новичку.

Девушка снова нырнула, быстрее, чем Павлыш успел придумать достойный ситуации ответ.

Когда она вновь появилась на поверхности, Павлыш спросил:

— Вы биолог?

— Гравитация, — ответила Гражина.

— А как вас называть, если коротко?

— Гражина мне нравится, — сказала она. — Короче не надо.

— Длинно.

— Ничего, не успеете утомиться. Я завтра улетаю.

Гражина подплыла вновь к бортику. Павлыш увидел, какие у нее длинные пальцы. Просто удивительные длинные пальцы. А ногти обрезаны коротко.

На щеке, под левым глазом, тонкий шрам. Губы мягкие и подвижные. Уголки их все время вздрагивают.

Глаза Павлыша выхватывали детали лица, фигуры — кусочки мозаики строились в портрет, который, если бы они остались на корабле еще надолго, не имел бы почти ничего общего с первым впечатлением.

— Этот год, — сказала Гражина, — пролетел мгновенно. Честное слово. Где-то в середине стало тоскливо — все-таки мы очень оторваны. А сейчас — вы не представляете, как не хочется улетать.

— А если бы вам предложили — оставайтесь еще на срок?

— Нет, не осталась бы, — ответила Гражина.

Тут Павлыш понял, что у нее зеленые глаза. Темные мокрые ресницы затеняли их, и потому они сначала показались Павлышу куда темнее.

— Жаль, — сказал Павлыш. — Чем больше народу, тем интереснее.

— И без меня достаточно, — возразила Гражина. — Сколько в вашей смене?

— Тридцать два.

— В нашей было тридцать шесть. Но мне не повезло.

— Ага, — Павлыш сразу сообразил, что она имела в виду.

Еще тринадцать лет «Антею» лететь до звезды. Еще тринадцать смен. Тринадцатая будет самой счастливой. Именно тем космонавтам будет суждено спуститься на планету, завершить труд тысяч людей и полтораста лет.

— Ничего, — сказал Павлыш. — Мы с вами будем еще не очень старыми. Мы там обязательно побываем.

— Там нам нечего делать, — сказала Гражина. — На планете нужны совсем другие специалисты.

— Почему? Двигатели будут нужны. И кабины будут нужны.

— Вы кабинщик?

— Медик-кабинщик.

— Редкое сочетание. Какой курс?

— Четвертый. А вы?

Гражина вылезла из воды.

— Дайте полотенце, — сказала она.

Полотенце лежало рядом с Павлышом.

Тот быстро поднялся, протянул полотенце. Она начала вытирать волосы, и Павлыш понял, что глаза у нее не просто зеленые, а очень зеленые.

— Я уже старуха. Я в аспирантуре. Мне двадцать три года.

— Ну и что? Разница в три года. Несущественно, — ответил Павлыш.

Гражина засмеялась. Она так сильно смеялась, что руки с полотенцем опустились, и Павлыш увидел, как изменилось ее лицо. Мокрые волосы, что прижимались к голове, сейчас, подсушенные полотенцем, превратились в пышную гриву. И лицо стало меньше. Только глаза не уменьшились.

Она бросила полотенце на диван, взяла оттуда халатик, накинула его, сунула ноги в туфли.

— К обеду не опаздывайте! — сказала она. — Сегодня прощальный обед.

— Ну что вы!

— Не забудьте сумку. Что там у вас?

Гражина была бесцеремонна, но Павлыш не обижался.

Ее бесцеремонность была личной связью между ними. Только человек, который тебе не чужой, может спросить, что у тебя в сумке.

Я был в пустой библиотеке, — признался Павлыш, и взял там кассеты.

Я тоже раньше туда ходила. Все наши ходили. Я подозреваю, что когда-то там нарочно оставили массу интересных кассет, чтобы устроить нам дополнительное приключение. Что вы взяли?

Павлыш пожалел, что не взял ни одной книги Достоевского или Маркеса.

— Так, — сказал он, — приключения.

— «Звездный рейс»?

— «Подводный мир». Я пропустил несколько серий.

— Не смущайтесь, курсант. Я не спросила, как вас зовут.

— Слава. Слава Павлыш.

— Вот видите, Гражина вам не нравится, а Слава мне нравится. Так вот, Славик, я должна вам признаться, что сама еще два месяца назад вытащила из той библиотеки третью и четвертую серии «Подводного мира», несмотря на мой почтенный возраст и солидность.

— Вы не производите солидного впечатления.

— Я стараюсь.

5.

Они спустились лифтом к центральному шару, потом Гражина побежала к себе в каюту переодеваться.

Павлыш прошел к кабинам.

Обычный корабль имеет два центра: пульт управления и двигательный отсек.

На «Антее» было три центра. Помимо двух обычных там были «кабины».

В обыденности этого слова была извечная попытка причастных к градиозному делу снизить пафос причастности.

В космическом институте, который имел счастье заканчивать Павлыш, шла давнишняя и безнадежная война между профессорами, для которых уважение к правильной терминологии означало уважение к предмету изучения, и курсантами, которые даже на экзаменах не могли одолеть простых слов «телепортационные ретрансляторы».

К таким курсантам относился и Павлыш, который был хорошим, в меру старательным и в меру способным студентом, достаточно хорошим, чтобы попасть на «Антей» — предмет мечтаний многих поколений студентов.

По законам изящной словесности автор, дабы не привлекать к себе внимания читателей, должен на этом этапе

рассказа заставить своего героя — Павлыша — по пути к «кабинам» продумать все, что положено знать читателю.

К сожалению, в данный момент ничто на свете не могло бы заставить Павлыша думать о проблемах, истории и перспективах телепортации, так как он с каждым шагом все больше проваливался в сладкую пропасть влюбленности, притом влюбленности, обреченной на разлуку, что всегда усиливает чувство.

За невозможностью использовать монолог Павлыша, автор вынужден сам поведать о предмете беседы.

К сожалению, для физиков и пилотов даже к двадцать третьему веку путешествие со скоростью большей, чем скорость света, оказалось прерогативой фантастов. Прыжки сквозь изогнутое пространство и подобные изобретения мечтателей пока не стали реальностью. Законы природы обмануть не удалось. Следовательно, за освоением планет Солнечной системы наступила пауза, которая грозила затянуться навечно. Звезды были недостижимы, так как путь к ним требовал сотен лет полета. Технически возможно было построить корабли, которые выдержали бы столь долгое путешествие, но нельзя было придумать бессмертного человека. Разумеется, мечта о выходе к звездам, к иным цивилизациям, существование которых оставалось лишь теоретическим допущением, продолжала беречь воображение. Проекты, разработанные мечтателями еще в двадцатом веке, рассматривались и обсчитывались, но не осуществлялись. Можно было построить гигантский корабль, снабдить всем необходимым, чтобы экипаж существовал в нем многие десятилетия. Чтобы космонавты рождались, росли, учились и умирали на борту корабля. Сто, двести, триста лет в пути...

Добровольцам, идущим на это, предлагалась пожизненная тюрьма, причем тюрьма, доведенная до абсурда — тюрьма не только для них самих, но и для их детей и внуков. К тому же можно было вычислить, что в подобном путешествии экипаж, как бы ни был к этому подготовлен и готов жертвовать собой и своим потомством, неизбежно деградирует, как деградирует любое человеческое сообщество, оторванное от остального человечества. Цель не оправдывала жертв.

Теоретически и даже практически был возможен и другой вариант. После отлета с Земли экипаж корабля погружался в анабиоз, из которого выходил к моменту посадки у дальней звезды. То же делалось и на обратном пути.

Таким образом тюрьма оставалась тюрьмой, однако заключенному давали возможность проспать бесконечно длинный срок и даже выйти на свободу.

Но жертвы, которые приносил экипаж, все равно оставались слишком большими. Ведь космонавты должны возвратиться домой через триста лет. То есть они никогда не увидят Землю такой, какой она была при их жизни, никогда не смогут по-настоящему найти своего места в этом мире, как не смог бы найти его современник Ньютона или Наполеона.

Но открытие телепортации, которое произошло, когда люди научились пользоваться гравитационными законами, изменило ситуацию и позволило вернуться к этой проблеме.

Сначала смогли передать грамм вещества на расстояние в десять сантиметров. Затем белая мышь — вечный мученик научного прогресса — была разложена на атомы и собрана вновь в соседнем городе, после чего она облизнулась и принялась глотать кусочек сахара. Наконец, 4 августа 2198 года Бисер Симонян вошел в кабину телепортационного центра в Пловдиве и вышел — живой и здоровый из такой же кабины в Бомбее.

Так как в телепортации используются гравитационные волны, распространяющиеся буквально мгновенно, ограничения в переброске объектов обуславливались лишь энергетическими мощностями и максимальной емкостью кабины.

В течение пятидесяти ближайших лет кабины были установлены по всей Земле и на планетах Солнечной системы*. Космические корабли, разумеется, остались, так как на их долю выпали перевозки крупных грузов, руд, сырья. Кабины не только невелики. Они так и не стали и вряд ли станут дешевым удовольствием.

Кабины открыли путь к межзвездным путешествиям. Если отправить в бесконечно длинный полет космический корабль, но снабдить его при том кабиной для телепортации, то экипажу нет нужды оставаться на борту сто лет. Через определенный срок экипаж можно сменить.

* Возможность мгновенно переправиться в любую точку Земного шара и парадокс, заключающийся в том, что стало быстрее добраться от Парижа до Рио-де-Жанейро, чем от центра Парижа до Версаля, изменили не только скорость сообщений, но и сам порядок жизни. Если ты можешь жить в Москве, а работать на Марсе, ты психологически коренным образом отличаешься от человека двадцатого века.

Так появился «Антей».

Первый его экипаж после года работы вернулся на Землю, уступив место другим космонавтам. Причем в течение того же года кабины несколько раз вступали в действие. На корабль прилетала комиссия из ООН, дважды вывозили больных, к тому же туда доставляли некоторые продукты, почту и приборы.

Итак, за сто шесть лет полета на борту «Антея» сменилось сто экипажей.

Правда, с каждым годом связь с кораблем становилась все труднее. К этому были готовы, и это даже предусматривалось при создании корабля.

Ведь хотя гравитационные волны распространяются бесконечно, потребление энергии с расстоянием растет.

Наука продолжала развиваться, появились новые источники энергии, и возможности Земли также увеличивались. Правда, приходилось ради экономии энергии и припасов на борту «Антея» постоянно уменьшать экипаж, и к тому дню, когда курсант Слава Павлыш попал на «Антей», там оставалось лишь тридцать человек. К звезде долетит и того меньше. Очевидно, окончательное число членов экспедиции окажется немногим более десяти. И среди них уже не будет курсантов. «Антею» же суждено кончить свои дни на орбите у далекой планеты. Постепенно, если там образуется человеческая колония, его разберут, используя на постройку.

За сто с лишним лет путешествия «Антей» стал частью земной истории. Павлыш, еще находясь на Земле, знал и о кошках, которые расплодились в пустых складах, и о заброшенной библиотеке, и о бассейне с голубой водой. Он тысячу раз видел корабль в фильмах и изучал его на специальных занятиях, как делали это и его учителя, и учителя его учителей, которые работали на «Антее».

Но все его обитатели в конце концов возвращались домой. Как моряки из дальнего, но не бесконечно дальнего плавания. Кроме тех, кто умер или погиб в пути. Их было немного, шесть человек.

6.

Очевидно, зал телепортации, если из него вытащить всю начинку, был бы грандиозен. Но за последние сто лет никто не видел его стен.

Кабины на Земле были куда скромнее — в конце концов, всегда можно было вызвать ремонтников. Здесь же

же системы были дублированы и передублированы, и за них ответственности был в несколько раз выше теоретический. И сущности этот центр был главной причиной существования «Антея».

Павлыш легко прошел сквозь путаницу коридорчиков, приложенных между молчащих, но живых машин. Улицы и закоулки этого зала были известны Павлышу наизусть: только разбуди, вели проверить 50-й блок — с закрытыми глазами найдет дорогу.

Ясно почему: в институте стоит тренажер — точная копия и в таком зале. Тренажеру столько же лет, сколько оригиналу.

Студенту положено знать тренажер как свои пять пальцев. Если повезет, то он увидит когда-нибудь кабины «Антея».

Помимо долга, отличное знание студентами этого дремучего зала объяснялось иной традицией: зал был самым укромным местом в институте, его лесом, его парком, его лабиринтом. И никому не сосчитать, сколько судеб было изменено, погублено или спасено в его полутемных закоулках, сколько здесь произошло решительных объяснений, задуманных разговоров, случайных встреч, драматических расставаний. Да и сам Павлыш всего месяц назад услышал решительное «нет» в тесном отсеке между блоком 8-Е и макетом энергонакопителя. После этого Павлыш прогулял два дня несмотря на то, что решалась его судьба — лететь или не лететь. Когда вернулся, выслушал справедливый выговор декана, и в наказание все воскресенье пылесосил зал. Декан, сам бывший антеевец (тридцать лет назад он провел на нем тринадцать месяцев), полагал, что самое полезное для студента — это познавательное наказание. Разумеется, декан не говорил студентам, что его жена, сама генный конструктор, ныне солидная дама, сказала ему «может быть» именно у блока 8-Е.

Макеты блоков в институте были немые. Блок на «Антее», если приложить ухо к его теплому матовому боку, низко жужжал, как далекий шмель.

И Павлыш понял, что институт так далек, словно он, Павлыш, летит на «Антее» уже сто седьмой год.

Доктор Варгези сидел на неудобном высоком вертящемся стуле у стойки с пробирками. Он контролировал плотность и состояние раствора.

За его спиной находилась ванна — свинцового цвета шар. От нее тянулась к Земле незримая нить. Там, на

другом ее конце, дежурный проверит, плотно ли прилегает к тебе одежда, нет ли в карманах металлических вещей, затем впустит тебя в раскрытое чрево кабины, напоминающей вспоротый кокон — как будто ты куколка. Студенты называли кабину «испанской вдовой». Это доказывало, что кто-то из них читал историю инквизиции. «Испанская вдова» — изощренное орудие пытки. Она напоминает поставленный на попа саркофаг, утыканный гвоздями — остриями внутрь. Когда человека ставили внутрь, а затем закрывали половинки «вдовы», острия гвоздей вонзались в тело несчастного.

Здесь гвоздей не было. Но были захваты.

Отправляемый объект следовало очень четко зафиксировать.

Информация о его габаритах, массе и весе уходила на приемную кабину заранее — за несколько сотых долей секунды до переброса.

Когда ты через мгновение — субъективно оно могло показаться вечностью — оказывался, допустим, в Антарктиде, то «испанская вдова», в которой ты приходил в себя, так же туго сжимала тебя в гибких, упругих захватах. От этого всегда возникало ощущение того, что никакого перелета не было.

На «Антее» кабина выглядела иначе. Здесь во избежание ошибок, опасность которых резко увеличивалась с расстоянием между передающей и приемной кабинами, человек должен был погрузиться в ванну с тягучим киселеобразным раствором — ни о какой одежде и речи не было. Вещи неорганические шли через вторую кабину, грузовую, в небольших контейнерах. Размеры кабин ограничивали возможности снабжения корабля. За сто лет на Земле научились сооружать более крупные кабины, но на «Антее» оставалось, естественно, старое оборудование.

Доктор Варгези, прямой начальник и руководитель практики Павлыша, проверял плотность раствора — его состав должен абсолютно соответствовать составу в земном Центре. А после каждого запуска неизбежно происходили микроизменения от контакта с человеческим телом.

— Ты чего пришел? — спросил доктор. — Тебе еще рано.

— Я себя хорошо чувствую, — ответил Павлыш. — Я был в старой библиотеке и в пустой оранжерее. И в бассейне.

Зря мне об этом рассказываешь, — сказал доктор. — После космического переноса следует отдыхать в течение суток.

Я, честное слово, себя хорошо чувствую. А когда Максис прилетит?

Максис был сокурсником. Их двоих отобрали с курса для стажировки на «Анте».

— Ты же знаешь, — Варгези поправил белую шапочку, которую, как утверждали, он не снимал даже ночью, скрывая лысину, — у них, как всегда, неразбериха. Я жду Максиса, а перед сеансом идет информация — ждите биолога До До Ки, который оказывается бирманской женщиной средних лет. А я вообще ее не встречал в списках. Ты же знаешь.

Павлыш не стал спорить, хотя знал, что Варгези преувеличивает.

— Я диких кошек видел, — сказал Павлыш.

— Я бы не удивился, если бы здесь водились удавы, крокодилы и летучие мыши. Ископаемое чудище, а не корабль. Если он доберется до цели, это будет такая развалина, что стыдно показаться на люди.

— Вы думаете, что «Анте» развалится?

— Курсант, ваши шутки неуместны. С «Антеем» ничего не случится. Хотя, конечно, надо было еще пятьдесят лет назад вернуть его на Землю.

— Почему?

— Современные корабли передвигаются вдвое быстрее.

— Так это современные. — Павлыш поймал Варгези на логической ошибке и обрадовался.

Остроносый Варгези ему не нравился. Он умел находить дурное в любой светлой вещи. Конечно, психологически — психологию Павлыш проходил — в большом коллективе желательно разнообразие эмоциональных типов. Вернее всего, Варгези попал сюда именно для разнообразия. Но он надоел Павлышу уже в Центре подготовки на Земле, где они оказались в одной комнате.

— А кабины? — Варгези никогда не сдавался в спорах. — Это же прошлый век!

— В них многое заменено.

— В такой кабине я бы не рискнул отправиться к маме в Милан.

— Но отправился сюда.

— Они работают на пределе. Я не удивлюсь, если кабина откажет. И ты понимаешь, что это значит?

— Вряд ли нас отправили бы сюда, если так опасно.

— Речь идет о тщеславии целой планеты. — Варгези почесал переносицу. Когда он сердился — всегда почесывал переносицу.

«А что я делаю, когда сержусь?» — подумал Павлыш. Никогда не приходило в голову.

— Тщеславию человека можно поставить предел. Всегда есть кто-то над ним. Общество, государство. Но жертвой тщеславия целой планеты может стать не только дряхлый корабль — целый континент. «Антей» давно уже не корабль, а символ. Символ нашего всеислия, символ нашей гордыни. Мы, видите ли, бросили вызов Галактике! Нам не страшны расстояния! А разум молчит! Зачем нам этот «Антей» и это путешествие, которое потеряло смысл задолго до его завершения?

— Вы же знаете, что это не так.

— Докажи, юноша. — Движения Варгези оставались размеренными и сдержанными. Он зафиксировал результаты анализа, слил пробирки, отнес их к мойке, потом снял халат, тщательно сложил его. — Докажи мне, что мы с тобой не жертвы тщеславия очень многих людей, каждый из которых бессилен, однако представляющих вместе эфемерную субстанцию — мнение планеты!

— Но сколько сделано за эти годы. — Павлыш вдруг почувствовал себя на экзамене. — Сколько опытов, открытий. Сколько еще будет сделано! В конце концов, даже если корабль не долетит, само путешествие — это уже великое событие! Вы же знаете, что мы долетим. И установим там, на планете, кабину.

— А планета будет пустая!

— Пустых планет не бывает! Эта кабина будет первой станцией в Галактике — мы сможем переноситься за миллиарды километров так, словно остаемся на Земле.

— Пустая кабина на пустой планете!

Павлыш развел руками.

Станцо, который вошел в отсек и, видно, стоял все это время неподвижно, вмешался в спор.

— Джованни, — сказал он физиологу, — не смущай молодежь.

— Пускай закаляется.

— Что тебя ест?

Станцо — шеф телепортационного центра. Он раньше работал вместе с Варгези. Станцо — редкое исключение

на корабле. Он здесь второй раз. Он уже отбыл одну вахту шесть лет назад.

— Энергетический предел, — ответил Варгези. — Ты не знаешь.

— Об этом думают люди, которые умнее нас с тобой.

— Умнее нас с тобой никого нет, — возразил Варгези. — И я утверждаю, что весь этот эксперимент полетит в чертовой бабушке.

— Ладно, не будем об этом.

И Пилышу показалось, что Станцо не хочет вести этот разговор при студенте. Как бы подтверждая подозрения Пилыша, Станцо сказал:

— Если ты не устал, отправляйся в кают-компанию. Там нужны молодые крепкие руки.

— Зачем?

— Вернее всего — резать салат.

7.

За сто лет «Антей» оброс традициями, как днище парусника ракушками.

Одной из традиций, хранимой свято, был Двойной Обед.

Пересменка на «Антее» проходила в течение недели. По мере того, как на корабль прилетали новые члены экипажа, «старики» уходили на Землю. Наступал момент, когда примерно половина «стариков» уже возвратилась на Землю, а половина «новичков» оказывалась на корабле. И в этот день, третий день пересменки, происходил Двойной Обед.

Двойной, потому что он проходил одновременно на Земле, в Центре управления, и на корабле. На Земле половина новичков угощала тех, кто вернулся с «Антея». На «Антее» старожилы чествовали тех новичков, которые туда перебрались. Обеды начинались одновременно.

Никто, кроме двух экипажей, на обеде не мог присутствовать.

Качество угощения было делом чести.

К обеду готовились загодя, неделями.

О некоторых, наиболее удачных обедах слагались легенды.

Десять лет назад смена на «Антее» умудрилась вывести устриц.

Это был выдающийся биологический эксперимент. Уст-

рицы выводились в искусственной морской воде и должны были вырасти до нужных габаритов за несколько месяцев.

Устрицы подавались тогда на закуску. Мало кто их ел, но поражены были все.

На этот раз обед был шикарным, но не невероятным.

Павлыш пришел в кают-компанию скорее в надежде увидеть Гражину, чем обуреваемый желанием помочь по хозяйству. Но Гражины он не нашел; оказывается, она сдавала дела сменщику. Вскоре из кают-компании Павлыша выгнали — его присутствие там было нарушением традиции.

Тогда Павлыш пошел на нарушение дисциплины. Небольшое нарушение, но тем не менее недопустимое. Он отправился в гравитационный отсек.

Путь туда занял довольно много времени. Хотя расположение помещений корабля Павлышу было известно, в действительности все выглядит совершенно иначе, чем на снимках или планах. Павлыш представил себе положение гравитационных отсеков относительно кают-компании, но дверь, которая должна соединять их, была закрыта. Павлыш решил пройти через пульт управления, но, спустав коридор, попал в полутемный компьютерный зал, где в низких креслах сидели два навигатора.

Павлыш замер на пороге.

Разумеется, можно было войти и спросить, как пройти в гравитацию. Но не хотелось оказаться в положении заблудившегося мальчика.

Павлыш стоял в дверях, стараясь сообразить, куда двигаться дальше.

— Подтверждения не было, — сказал один из навигаторов.

— Если отменили, то и не будет подтверждения.

— Почему?

— Что-то случилось. А если так, то и гравиграммы не проходят.

— Ты думаешь, авария?

— Немыслимо. Всегда есть возможность перебросить энергию с антарктического щита.

Зажужжал зуммер.

Навигатор протянул руку, провел над пультом ладонью, принимая вызов.

Павлыш видел, как на экране видеофона обрисовалось лицо капитана-1. То есть капитана старой смены. Сейчас на борту были оба капитана, но новый капитан офици-

явно примет командование в последний день. Капитан I, Железный Лех, спросил с экрана видеофона: Флуктуаций курса нет?

Не надейся, капитан, — сказал навигатор. — Все нормально.

Чего они молчат? — спросил второй навигатор.

Капитан-I ничего не ответил. Отключился.

Павлыш счел за лучшее уйти. Он понял только — что-то случилось. Вернее всего, со связью. Те трое были встревожены.

Не хватало еще, чтобы начали сбываться пророчества Иеремеи.

Павлыш задумался, но не настолько, чтобы забыть о цели своих поисков.

В лифтовой шахте послышалось шуршание — кто-то поднимался. Павлыш остановился. Крыша лифта всплыла в шахте, показалась открытая кабина. В ней стояли Гражина и другая девушка. Невысокая, полногрудая, кареглазая брюнетка.

Девушки увидели Павлыша.

— Поехали, — сказала Гражина. — Знакомься, это Арминс. Мы вместе работаем.

Павлыш ступил в медленно поднимающийся лифт.

— Ты чего здесь делаешь? — спросила Гражина.

— Вас искал.

— Почему здесь? — разговаривая, Гражина смотрела в упор.

— Я зашел на пульт управления.

— Навигаторы не любят посторонних.

— Я не входил.

— Нет логики. Зачем же заходил, если не входил?

— Навигаторы говорили, я не стал мешать.

— Ты чем-то встревожен?

— Мы без связи с Землей.

Сначала он решил было никому не говорить о том, что подслушал. Но язык сказал это за него. Человек с новостью всегда интереснее женщине, чем человек просто так.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Гражина. — Этого никогда не было. Ты что-то не так понял.

8.

За обедом, который, как уже говорилось, был изумительным, но не сенсационным, оказалось, что Павлыш прав.

После первых тостов и речей, ритуал которых был раз-

работан много лет назад, подошла очередь говорить капитану-1.

Капитан-1 сказал, как и положено, что он передает корабль капитану-2 и его новой команде, надеясь, что с их стороны не будет претензий к предыдущему экипажу.

Затем он должен был сказать о том, как будет приятно встретиться через год на Земле. Но капитан-1 вдруг замолк. И сказал совсем другим голосом:

— Сегодня мы получили с Земли гравиграмму.

Павлыш сидел как раз напротив капитана-1. Он долго не садился, пока все рассаживались, делая вид, что любит пирамидой салата, потому что хотел увидеть, куда сядет Гражина. Он уже начал считать минуты до момента разлуки и представлять, как будет пуст корабль без Гражины. Но получилось так, что Гражина заговорила с незнакомыми Павлышу гравитационщиками из старой смены и совсем забыла о нем. И села между ними. Так что Павлышу пришлось садиться далеко от нее, почти в торце стола, напротив капитана-1.

— Что случилось?— спросил Варгези. Спросил мрачно, как будто не спрашивал, а произносил: «Я же предупреждал».

Гравиграммы — редкие гости на корабле.

Для того, чтобы отправить послание за столько световых лет, требуется огромное количество энергии. Внеплановых гравиграмм быть не должно. Потому что через час будет переброска следующего человека из новой смены и все новости он принесет с собой. А раз на Земле не стали ждать переброса, значит, что-то случилось.

— Гравиграмма неполная, — сказал капитан-1.

Он был невысокого роста и потому стоял, опершись ладонями о стол.

Маленький, сухой, жилистый человек. Несколько лет назад он установил кабину на Плутоне.

— Гравиграмма неполная, — повторил капитан-1. — Содержание ее таково: «Переброс откладывается...»

— Не может быть! — тихо произнес кто-то в дальнем конце стола.

9.

В семнадцать двадцать по корабельному времени Павлыш был у кабины.

Здесь он был не турнстом. Он работал.

Вернее, ждал — придется ли работать? Его деятельность как медика начиналась в тот момент, когда в ван-

ний материализовывался астронавт. До того момента он публиковал Станцо.

Польше с Земли не поступало никаких известий. Ясно было, что переброса не будет.

Тем не менее на «Антее» все вели себя так, словно ничего не случилось. Это решили капитаны. В семнадцать двадцать сотрудники центра телепортации были на своих местах, готовые к приему.

В отличие от нормальной процедуры на этот раз в отсеке были и оба капитана.

За сто шесть лет полета еще не было случая отмены переброса.

За столом, когда строились гипотезы, высказывались умные и не очень умные соображения по поводу того, что могло случиться, вспомнили, что однажды вместо одного астронавта приняли другого. Первый внезапно заболел.

Поэтому на «Антее» решено было вести себя так, как будто гравиграммы и не было.

В семнадцать двадцать шесть Павлыш включил свою установку — дубль-контроль.

Установка выдала на дисплее параметры системы. Павлыш ждал слов Станцо.

— Параметры нормальные, — сказал Станцо. Он находился у основной установки. — К приему готов.

Павлыш взглянул на индикатор Станцо, перевел взгляд на свой индикатор. Идентично.

— Дубль-установка к приему готова, — подтвердил он. Было семнадцать двадцать семь.

— Раствор нормальный, — произнес Варгези.

Дальше все делала автоматика.

Это были самые длительные минуты в жизни Павлыша.

— Время, — сказал техник Джонсон.

— Время, — повторил Станцо.

Приемная кабина была мертва.

Они подождали еще семь минут. Они разговаривали, в этом оказалось даже облегчение. Потому что в те минуты перед сроком была неизвестность.

Прогноз подтвердился — переноса не будет.

И больше было нечего ждать.

Капитаны ушли. Жилистый капитан-1, так и не сдавший команды, и капитан-2, высокий, худой, очень молодой — даже слишком молодой, с точки зрения Павлыша.

А еще через пять минут капитан-1 по внутренней связи

оповестил все отсеки о том, что вызывает экипажи в кают-компанию.

На постах остаются только дежурные.

У кабин остался Станцо.

10.

Со стола уже успели убрать.

Только скатерть осталась на длинном столе. И стулья вдоль стола.

Кок принес кофе.

Павлыш сел рядом с Гражиной.

Варгези молчал. Павлыш ожидал, что он будет разглагольствовать, но тот молчал.

Капитан-1 сказал:

— Мы все же не отказались от попытки приема. Но кабина не работала. Больше гравиграмм мы не получали. Мы не знаем, сколько продлится эта ситуация, и не знаем, чем она вызвана. Еще вчера все было нормально.

Павлыш кивнул, хотя никто его кивка не увидел, — он хотел сказать, что сам прилетел именно вчера, последним из экипажа. И ничего особенного на Земле не было. Шел дождь. Когда Павлыш бежал от центра к пусковой базе, он успел промокнуть. У кабины его ждала Светлана Павловна, оператор. Она протянула ему махровое полотенце и сказала: «Вытри волосы. Неприлично мокрым появляться в другом конце Галактики». Павлыш так волновался, что не заметил, как прошел к раздевалке, чтобы сдать вещи в контейнер, с полотенцем в руках, и Светлане Павловне пришлось бежать за ним.

— Пока у нас нет никаких данных о природе этого... — капитан попытался подобрать правильное слово, — инцидента. Поэтому мы временно считаем наш смешанный экипаж — постоянным экипажем корабля, и приступаем к нормальной работе. Как только будут получены новости, мы сообщим экипажу.

Все поднимались молча.

— Я рад, — сказал Павлыш, когда они подошли к двери.

— Чему? — спросила Гражина.

— Ты теперь не улетишь.

— Улечу. Первым же рейсом.

— Они на Земле слышали мои молитвы, — сказал Павлыш.

— Я не разделяю твоих молитв. — Гражина смотрела в упор.

— У тебя друг на Земле? Он ждет?

— Ты умеешь быть нетактичным!

К ним подошла Армине.

— Мне страшно, — сказала она.

— Еще чего не хватало! Нам ничего не угрожает, — возразила Гражина, сразу забыв о Павлыше.

У Армине была очень белая кожа и пушок на верхней губе, как у подростка. «Странно, — подумал Павлыш, — чего тут страшного?»

11.

Павлыш вернулся к кабине.

Он думал, что застанет около нее только Станцо, а там уже были и Джонсон, и Варгези. И еще два кабинщика из прошлой смены.

Станцо сказал, что Павлыш правильно сделал, что пришел. Надо прозвонить все контакты. Даже при тройном дуближе могло произойти что-то экстраординарное.

И они начали работать. Работа была скучной, понятной и ненужной, потому что самим фактом своим она отрицала существование последней гравиграммы с Земли.

Сначала работали молча, разделенные перегородками и телами блоков. Потом стали разговаривать. Человеку свойственно строить предположения. Но главного предположения, которое давно крутилось у всех на уме, почему-то долго никто не высказывал. Первым заговорил об этом Павлыш.

Как самый молодой. Так на старых кораблях — в кают-компании — первое слово на военном совете предоставлялось самому молодому мичману, а последним всегда говорил капитан.

— Я читал статью Домбровского, — произнес Павлыш. Стало тихо. Все услышали.

Потом Павлыш услышал голос Станцо.

— Контраргументация была убедительной.

— Над ним просто смеялись, — раздраженно прозвучал из-за другой стенки голос Варгези. — А ведь он не мальчишка, он же тоже просчитал все варианты.

— Но нельзя забывать, — это говорил Джонсон, — что, по его расчетам, предел переброски должен был наступить уже шесть или семь лет назад.

— Шесть лет, — сказал Павлыш. — Критическую точку «Антей» уже миновал.

Статья, о которой шла речь, была обречена остаться достоянием узкого круга специалистов, так как ее напечатали в Сообщениях Вроцлавского института космической связи, да и сам Домбровский не был кабинетчиком. Но она попала на глаза журналисту-популяризатору, который смог понять, о чем в ней шла речь.

Домбровский рассматривал теоретическую модель гравитационной связи. И по его условным и весьма неортодоксальным выкладкам выходило, что гравитационные волны — носители телепортации — в Галактике имели определенный энергетический предел. Он утверждал, что конструкторы корабля допустили ошибки в расчетах. И что связь с «Антеем» неизбежно прервется.

Статья была опубликована около десяти лет назад.

Журналист, откопавший статью, добрался до Домбровского, который рассказал на понятном языке, что имел в виду. Затем он поговорил с оппонентами Домбровского, которые указали на три очевидных ошибки в расчетах Домбровского. И эту дискуссию журналист опубликовал.

И хоть аргументы оппонентов Домбровского были куда внушительней, чем его расчеты, именно выступление журнала вызвало к жизни споры, которые формально завершились поражением Домбровского. Правда, сильные математики признавали, что в расчетах Домбровского что-то есть. В пользу его выкладок говорило и то, что расход энергии на связь и телепортацию рос быстрее, чем предполагалось вначале.

Вновь о статье вспомнили через четыре года, когда, если верить Домбровскому, связь должна была оборваться.

Связь не оборвалась, но произошел новый скачок в потреблении энергии. Оппоненты Домбровского облегченно вздохнули, но и его сторонники не умолкли.

Прошло еще шесть лет.

— Даже если это не так, — сказал Варгези, — полет уже сейчас — пустая трата энергии. Каждая переброска стоит столько же, сколько возведение вавилонской башни.

— К счастью, вавилонская башня нам не требуется, — заметил Станцо.

— А может так случиться, — спросил Павлыш, — что теперь мы останемся одни? Ну, если Домбровский в чем-то прав?

Никто ему не ответил.

— А что тогда делать? — спросил Павлыш после долгой паузы.

— Ясно что, — сказал Варгези.

И опять же остальные промолчали.

Но так как для Павлыша ясности не было, он повторил вопрос.

— Возвращаться, — сказал Станцо.

12.

На ужин все свободные от вахт собрались в кают-компании. Ужин был из породы «сухих именин» — представлял собой остатки обеденного пиршества. Павлыш прибежал одним из первых и крутил головой, ожидая, когда войдет Гражина. Пришла Армине, очень грустная, и сказала, садясь рядом с Павлышом:

— Гражина не придет.

— Устала?

— Злится.

— Почему?

— Ты же знаешь, — сказала Армине. — Мы разговаривали с нашими навигаторами. Представляешь, сколько займет разворот корабля?

— Не задумывался.

Они разговаривали тихо, думая, что их никто не слышит. Но услышал биолог, сидевший напротив.

— Два месяца, — сказал он. — Как минимум два месяца. Навигаторы сейчас разрабатывают программу.

— Наверное, больше, чем два месяца. И неизвестно, сколько лететь потом, прежде чем восстановится связь. Предел Домбровского довольно неопределенный.

Павлыш удивился. Ему казалось, что лишь в их отсеке подумали о связи событий с теорией Домбровского. Оказывается, везде на корабле думали одинаково.

— Ну и ничего страшного, — сказал Павлыш. — Два-три месяца летаем вместе.

— А мы рассчитывали, что завтра будем дома.

— Что за спешка?

Легкомыслие иногда нападало на Павлыша, как болезнь. Он потом сам себе удивлялся — почему вдруг серьезные мысли пропадают куда-то?

Армине положила ему на тарелку салат.

— Ты хочешь сказать, что ты рад?

Павлыш понял, что ведет себя глупо. Оснований для радости не было. Он оказался в той, несчастливой смене,

которая, возможно, присутствовала при конце полета — громадного, векового порыва человечества, провалившегося в нескольких шагах от цели.

— Проклятый Домбровский, — сказал Павлыш.

— Не знаю, когда ты притворяешься — сейчас или раньше, — вздохнула Армине. — Но в самом деле это трагедия. Я всегда думала, что побываю на звездах. Я думала, что буду еще не старая, когда выйду из кабины на планете другого мира. Представляешь — сколько лет и усилий! И все впустую.

— Не впустую! — сказал Павлыш. — К тому же меня можно понять. Я фаталист.

— То есть?

— Если я бессилен, то не буду биться лбом о стену. Я думаю о том, что в моей власти.

— А что в твоей власти?

— Надо искать утешение. Да, полет прекратится, но ведь мы будем все вместе, все вместе полетим обратно. А потом когда восстановится связь, может, окажется, что тревога была ложной, и корабль снова полетит к звездам.

— Нет, — сказала Армине.

— Почему?

— Мы уже посчитали, что торможение, разворот и переход на обратный курс съест все ресурсы корабля. Ведь «Антей» рассчитан на один полет. Через какое-то время придется его остановить.

Павлыш кивнул и принялся за чай.

Не мог же он признаться Армине, черные брови которой трагически сломались над переносицей, что не ощущает трагедии. Главное, что Гражина остается на «Антей». Два месяца, три месяца... там видно будет.

— Что-нибудь придумаем, — сказал Павлыш к удивлению Армине. — Жаль только Макис не прилетел. Мы с ним с первого курса дружим.

13.

На следующий день жизнь корабля текла обычно, как освящено традициями.

Помощник капитана-2 вызвал к себе Павлыша, Джонсона, еще одного стажера-биоэлектроника.

Павлыш знал, зачем.

Помощник, человек молчаливый, даже мрачный, провел их в каптерку. Выдал по пульверизатору с клеем. Губки. Баллоны. Щупы.

Роботов на корабле было мало, и каждая смена начиналась с косметического ремонта. Пластиковые покрытия кое-где состарились. Их надо было подклеивать, чистить, если нужно, заменять. Можно рассчитать на сто лет пути корпус корабля, двигатели, переборки, но всех мелочей не предусмотреть. Старела посуда, мебель, ткани... К тому же на корабле была пыль.

Павлышу достался спортивный зал.

Когда он уходил, помощник капитана сказал:

— Береги клей. И пену.

— Почему?

— А вы мне можете сказать, когда будет следующая доставка? — Как положено хозяйственнику помощник капитана был перестраховщиком. Но в его словах отражалось то чувство неизвестности, что постепенно овладевало экипажем корабля.

В спортивном зале на матах боролись два механика, а Армине старалась сделать сальто назад на бревне. Каждый раз она не удерживалась и соскальзывала на мат. Павлыш медленно пошел вдоль стены, глядя, не отстал ли где пластик. На корабле существует главное правило — если можешь не мешать человеку, не мешай. Когда ты собираешься провести год в железной банке с тридцатью другими людьми, деликатность — лучшее оружие против конфликтов.

Стена справа от входа — особая стена. Здесь расписываются все, кто побывал на борту «Антея». Кто-то очень давно рассчитал, сколько места потребуется для всех, и потому подписи первых лет находились высоко, под потолком. Но тот, кто это считал, не учел, что на корабле с каждым разом будет все меньше людей. Так что последние подписи оказались на высоте груди. До пола ковер подписей так никогда и не дотянется.

Павлыш остановился у стены подписей.

Без стремянки не разберешь имен самых первых космонавтов.

Зато подпись Гражины Тышкевич прямо перед глазами. Армине Налбандян рядом.

— Ты сегодня ремонтник? — спросила Армине.

— А когда расписываться? — ответил вопросом Павлыш. — В начале или в конце смены?

— Ты имеешь право расписаться уже сейчас, — сказала Армине. — Но обычно перед отлетом.

— Я подожду, — решил Павлыш. — Но я хочу, чтобы мое имя стояло рядом с именем Гражины.

— Ты сентиментальный студент.

— А ты?

— Мое сердце далеко отсюда, — призналась Армине. Она помолчала, глядя себе под ноги, потом добавила: — Так я и не научилась делать сальто.

— Вся жизнь впереди, — успокоил Павлыш. — К тому же, пока будем разворачиваться, потренируешься.

— Я чувствую, что не переживу, — сказала Армине. — Я уже мысленно на Земле. Как будто все, что здесь, мне только снится. Такой вот неприятный сон.

— И я — кошмарное чудовище.

— Ты неплохой парень, — сказала Армине. — Иначе бы я с тобой не разговаривала.

— Гражина тоже так думает?

— Я никогда не знаю, что же на самом деле думает Гражина. Она очень боится, что ее сочтут слабой.

— А ты?

— Я боюсь растолстеть. Кому я буду нужна такая толстая? — Полные губы улыбнулись, а карие глаза были печальными.

— Ты не толстая, ты... крепкая, — сказал Павлыш.

— Это совсем не комплимент. Работай, я не буду мешать. Я еще немного попрыгаю.

Армине ушла к бревну, а Павлыш начал водить щупом по стенам, проверяя, не отстала ли облицовка.

Потом снова остановился.

Перед Черным ящиком. Или копилкой — любое название годилось.

Ящик стоял в углу.

В нем была щель, как будто для монеток, только для очень больших монеток, размером с тарелку. Да и сама копилка была по пояс Павлышу.

Сюда каждый мог перед уходом с «Антея» кинуть что-то на память о рейсе, какую-нибудь вещь, которую хотел послать к Альфе Лебедея. Одни оставляли записку, другие — значок или кассету с любимой песней. Или носовой платок. Или вырезанную из дерева фигурку, или свою фотографию.

Когда «Антей» долетит до той планеты, Черный ящик вынесут и закопают там. И пусть никто не узнает, что за привет послал тот или иной его пассажир. Главное, чтобы приветы добрались до цели.

Сейчас не время рассуждать, чья в том вина, — сказал капитан-2. — Но мы за ночь провели инвентаризацию припасов и хозяйства. Иногда это полезно сделать. Если запасов пищи, с учетом оранжереи и гидропоники, нам хватит надолго, вода в замкнутом цикле также не проблема, то многие нужные припасы на «Антее» подходят к концу.

Что, например? — спросил Джонсон.

Например, мыло, — сказал капитан-2.

Что было так неожиданно, что Джонсон хихикнул.

— Сгущенное молоко, — сказал капитан-1, — нижнее белье.

И многое другое, — заключил фразу капитан-2.

— Пришлют, — прошептал Павлыш Армине.

Армине сама села рядом с ним, Павлышу казалось, что он давно ее знает. С ней было легко, не то что с Гражиной. Гражина сидела в стороне и не замечала Павлыша.

— Когда пришлют? — прошептала в ответ Армине. — Мы же не знаем.

— Мы хотим сообщить вам еще кое-что о состоянии системы корабля. Оснований для тревоги нет, но основания для беспокойства имеются.

Капитан-2 достал желтый лист и начал зачитывать длинный список наличности припасов и запасных частей к приборам. Павлыш поглядывал на Гражину, надеясь, что она взглянет в его сторону.

Когда капитан-2 кончил зачитывать список, слово взял капитан-1.

— Мы познакомили вас с положением дел, — сказал он, — потому что мы стоим перед дилеммой. Решение первое: мы начинаем торможение и разворот корабля. Эта операция займет примерно шестьдесят восемь дней, после чего мы сможем двигаться обратно к Земле, придя еще через двадцать шесть суток к той точке, где мы получили последнюю гравиграмму с Земли.

— Три месяца, — подсчитал Павлыш.

Конечно, можно обвинять Павлыша в легкомыслии, в том, что он недостаточно глубокая натура и судьба великого дела не волновала его должным образом, зато волновали зеленые глаза Гражины, но факт остается фактом: только услышав, как капитан холодным и бесстрастным голосом подсчитывает сроки разворота и подчеркивает нужду в экономии, потому что неизвестно,

когда восстановится связь, Павлыш вдруг не умом, а внутренне, для самого себя, понял, что и в самом деле «Антей» никогда уже не долетит до Альфы Лебедя, и все поэмы об этом полете, все книги и воспоминания о нем, все картины и фильмы — все это напрасно, и усилия тех людей, которые собираются ежегодно на встречу «антеевцев», тоже напрасны, вернее, почти напрасны. Нет, никто не будет отрицать научной ценности полета. Но было в свое время немало экспедиций к Северному полюсу. И к Южному полюсу. Они не доходили до цели, хотя результаты их подвигов и достижений были велики. А запомнили Амундсена и Скотта — тех, кто дошел. Потому что если ты объявил Северный полюс целью своего похода, то уж, пожалуйста, добирайся до него.

— Есть альтернатива. — Павлыш задумался и не сразу понял, что это говорит Гражина.

Гражина сказала эти слова напряженно, будто решилась открыть тайну, которую нельзя было произнести вслух.

— Знаю, — сказал спокойно капитан-2. — И эту альтернативу мы тоже рассматривали и хотим обсудить.

«Мы полетим дальше, — вдруг подумал Павлыш, хотя еще секундой раньше такой мысли у него не было. — Мы полетим в надежде на то, что произошла ошибка, авария. И через сколько-то дней или даже месяцев связь восстановится.»

— Существует инструкция, — продолжал капитан-2, — на случай прекращения связи. Она предусматривает один выход — повернуть назад. Но... — капитан-2 поглядел на Павлыша, словно обращался только к нему, — инструкция не учитывает, что это могло случиться так близко от цели.

— Относительно близко, — сказал Варгези.

— Относительно близко, — согласился капитан-2, — и все же настолько близко, что есть возможность продолжить полет.

Станцо, сидевший неподалеку, вздохнул. И Павлышу показалось, что с облегчением. Неужели он тоже думал о таком решении?

— Мы допускаем, — продолжал капитан-2, — что через несколько дней или недель связь будет восстановлена. При условии, что обрыв ее — случайность. Но мы обязаны учитывать и другой вариант. Допустим, что Домбровский был прав.

Капитан-2 замолчал, взял со стола стакан, налил воды, выпил. И было очень тихо. И в этой тишине доктор Варгези спросил:

— И где же предел этого ожидания? Сколько мы будем лететь, испытывая научную компетентность физика Домбровского? Месяц? Год? Сколько мы будем ждать? Или пока не выпьем последнюю банку сгущенного молока?

— Очевидно, — капитан-2 осторожно поставил стакан на стол, — будто боясь разбить его и тем уменьшить количество посуды на корабле, — мы не должны в таком случае ставить временной предел. Мы должны предположить, что предел — звездная система Альфы Лебеда.

— То есть? — Голос Варгези повысился, будто он требовал от капитана признания вины. — Скажите, сколько лет?

— Тринадцать лет, — сказал капитан.

— Нет, — громко проговорил Варгези. — Двадцать шесть. Двадцать шесть лет. Мы должны рассматривать худший вариант: полет до цели, установку никому не нужной кабины и возвращение к пределу Домбровского.

И та и другая цифры были для Павлыша абстракциями. Год — это много. Год. А двадцать шесть... двадцать шесть лет назад, как говорил отец, его еще не было в проекте.

Павлыш подумал, что сейчас все будут горячо спорить, кто-то испугается, кто-то обрадуется. Гражина закричит: «Нет!» А сам Павлыш? Он был сторонним наблюдателем. Он смотрел на эту сцену откуда-то издали, и даже голос капитана, который продолжал звучать в полной тишине, долетал, как сквозь вату.

— Вариант, который мы сейчас рассматриваем, — говорил он, — возник не сразу. Сначала мы просчитали лишь естественное решение...

Тут Павлыш поймал себя на том, что, продолжая оставаться посторонним наблюдателем, он начал считать. Он смотрел на Станцо и считал: Станцо сорок три года. Сорок три плюс двадцать шесть — шестьдесят девять. Это не очень большой возраст, но известно, что в замкнутом пространстве «Антея» (а тут ставились эксперименты по этой части) старение организма идет быстрее, чем на Земле. А каким будет Станцо в семьдесят лет? С белой бородой?

«Капитану-2, — думал Павлыш, — куда меньше сорока. Может поэтому говорит он, а не капитан Лех, которому около пятидесяти. Он даже может умереть и никогда

не вернуться на Землю. Они будут лететь и лететь, а капитан-1 умрет уже от старости...»

— Сто шесть лет назад, — сказал капитан-2, — на Земле произошло очень важное событие, может, одно из самых важных в ее истории. Был отправлен первый звездолет. Все знали, сколько лет ему предстоит лететь. Те, кто строил и отправлял его, знали, что никогда не увидят своей победы. Они это делали для нас с вами. Много тысяч людей летели на нем. И мы думали, что скоро установим кабину в созвездии Лебеда, и Земля сделает невероятный скачок вперед — человечество в самом деле станет галактическим.

Капитан говорил медленно, внятно, словно вспоминал выученный текст.

— Несколько поколений людей на Землеросло со знанием того, что этот шаг будет совершен. Я, наверное, не очень хорошо объясняю, потому что речи — не моя специальность. И вот сейчас несколько миллиардов человек ждет этого свершения. Но где-то произошла ошибка. Вернее всего, ошибка. Не может же все идти гладко, но ошибка не трагическая. Не трагическая для отдельных людей, но трагическая для человечества.

— Человечество живо и будет жить еще довольно много лет, — возражал Варгези.

— Да, я знаю и знаю даже, что современные корабли летают почти вдвое быстрее «Антея», что можно построить новый корабль. Но давайте сосчитаем вместе с вами. Строительство «Антея» заняло шестнадцать лет. Допустим даже, что строительство нового корабля займет вдвое меньше времени, второе меньше. Это пять лет. Сам полет — полвека.

— Больше, — сказал механик из старой смены. — Практически это семьдесят лет. Я уже думал об этом.

— Более семидесяти лет никто из людей не сможет вновь увидеть вблизи звезду.

— Это не трагедия.

— Наверное, нет, доктор Варгези, — кивнул капитан. — Назовем это разочарованием. Назовем разочарованием и те средства, которые Земля вложила в наш полет. В некоторые годы это до четверти энергии Земли. Земля жертвовала многим ради «Антея».

— Тщеславие планеты хуже тщеславия отдельного человека, — произнес Варгези.

Павлыш вспомнил, что Варгези это уже говорил недавно. Но тогда слова звучали иначе.

— Назовем мечту тщеславием, ничего от этого не изменится, — сказал капитан. — Но есть миллионы и миллионы людей, которые ждут.

— А мы? — вдруг сказала Гражина. — Мы же тоже ждем. Мы, может, ждем больше, чем другие.

— Правильно, — сказал капитан-2. — Я например, очень жду. В значительной степени «Антей» определил не только мою профессию, но и мою жизнь. Поэтому сам я — за второй вариант.

— Двадцать шесть лет, — сказал Варгези.

«А он, наверное, доживет, — подумал Павлыш. — Ему и сорока нет. Представить смешно — нас снимут с корабля — и не будет ни одного молодого. Даже Гражина. И я. Все немолодые».

И вот тогда Павлыш понял, что все, что здесь творится, касается его. В первую очередь его. Это он проведет здесь всю свою жизнь, а двадцать шесть лет — это вся жизнь.

— Вы все знаете, — продолжал капитан-2, что работы по усовершенствованию гравитационной связи продолжаются. Я надеюсь, что наша робинзонада продлится куда меньше тринадцати лет.

— А если предел связи окончателен? — донеслись чьи-то слова.

— У нас хватает энергии на один разворот. Мы все же долетим и вернемся.

— Корабль стар, — тихо произнес Варгези. — Это — развалина. Мы не знаем, что будет с ним дальше.

— Двигатели и корпус рассчитаны на двести лет. Вы же знаете. Правда, придется экономить. Все. От питания до мелочей.

И вдруг заплакала Армине.

— Мы должны решить это все вместе, — сказал капитан-2. — А это сразу не решишь.

15.

Все разошлись, почти не разговаривая.

Павлыш даже понимал, почему. Если бы решение было менее важным, если бы это была не собственная жизнь, люди, наверное, задержались бы в кают-компании, спорили, обсуждали.

А тут все на какое-то время стали друг другу чужими.

И расходились тихо.

И Павлыш понял, что он не хочет подходить к Гражине и не хочет слышать Армине, которая плакала тихо, от-
вернувшись к стене. Ей бы уйти к себе в каюту.

Павлыш пошел по коридору. Совершенно один.

Он шел долго.

Потом оказался в пустой оранжерее. Это было ненамеренно. Просто его подсознание вспомнило о вчерашнем путешествии.

Сейчас оранжерея показалась еще более жалкой.

Кошка, застигнутая Павлышом у двери, сиганула в сухие кусты, послышался треск ветвей. Павлыш поскользнулся на лишайнике, выросшем между гряд. Потом сел на грядку. Как будто был на Земле и вышел в огород, в маленький огород, который пестовала его бабушка в Скнятино, под Кимрами.

Павлыш не думал о том, что ждет его. Это было еще слишком невероятно. Он думал о том, чего не успел сделать на Земле и что отложил до своего возвращения. Симона — она окончила институт три года назад — звала на подводную станцию на Гаваях. Он очень хотел туда слетать. Потом ему стало жалко бабушку. Потому что он ее не увидит. А если увидит Симону, то она будет старой. С Жеребиловым они строили катер. Давно строили, третий год. Жеребилов сказал перед отлетом: «Шпангоуты я за год одолею, а обшивка на твоей совести». А почему он не отдал книгу Володину? Догадается Володин взять ее? Она на второй полке у самой двери. Там же кассеты старого диоксиленда. У бабушки в деревне он посадил три яблони. Эти яблони тоже будут старыми. Бабушка стала слаба, яблони могут вымерзти, если наступят сильные морозы... Все это были ничего не решающие мысли.

И Павлыш понял, что он думает обо всем этом так, словно уже решил лететь дальше на «Антее». Потому что примеривается к потерям.

И примиряется с потерями.

Он вспомнил, что ему как-то попался фантастический роман. Из тех старых романов, которые появились еще до отлета «Антея». Там люди жили на космическом корабле поколение за поколением, рождались, умирали на борту и даже забывали постепенно, куда и зачем они летят. А если у них с Гражиной будут дети, то те вырастут к возвращению на Землю и совершенно не будут представлять себе жизнь на Земле. Да и они сами тоже не будут это представлять. Возвращение со звезд в мир, ко-

торый ушел далеко вперед и забыл о тебе. К другому поколению. Ископаемый герой В. Павлыш! Где ему место? В заповеднике?

Так когда-то люди осваивали Землю.

Уходили в море полинезийские рыбаки, их несло штормом. Или течение. Многие погибали. Но одна пирога из тысячи добиралась до нового атолла или даже архипелага. Люди выходили на берег, строили дома, и только в легендах оставалась память о других землях.

И потом этот остров открывал капитан Кук. Хотя полинезийцы не знали, что их открывают. Может быть, это закон распространения человечества, который еще не сформулирован наукой?

А что если мы никогда не вернемся на Землю?

Связь так и не восстановится, и почему-то — мало ли почему — «Антей» останется у Альфы Лебедя. Он же старый корабль...

Вдруг Павлышу показалось, что в оранжерее холодно и несуютно.

Кошка сидела неподалеку, смотрела на него, склонив голову. Может, вспоминала о том, что люди кормят кошек?

— Ничего у меня нет, — сказал Павлыш вслух.

Кошка метнулась серой тенью к кустам и исчезла.

Павлыш пошел прочь.

Ему вдруг захотелось, чтобы рядом были какие-то люди, нормальные люди, которые знают больше тебя.

И он пошел к кабинам.

Там были уже все.

Витийствовал Варгези. Павлышу было ясно, что он — главная оппозиция на корабле.

— Гуси спасли Рим, — говорил Варгези, глядя на Павлыша пронзительными черными глазами. — Но никто не задумывается об их дальнейшей судьбе. А ведь гуси попали в суп. В спасенном же Риме. Так что на их судьбе факт спасения Рима никак не отразился. Представляете, что говорили их потомки: наш дедушка спас Рим, а потом его съели.

Варгези сделал вид, что улыбается, но улыбки не получилось.

— Мы не гуси, — возразил Павлыш.

— Пришло молодое поколение, готовое к подвигам, — съязвил Варгези.

— Формально Варгези прав. Но дело не в том, гуси мы или нет, — сказал Станцо. — Главная ошибка нашего

доктора заключается в том, что домашние гуси функционально предназначены, чтобы их съели. Спасение Рима — для них случайность.

— Я все равно в принципе возражаю против героизации, — сказал Варгези. — Чего только человек не натворил в состоянии аффекта. Муций Сцевола даже отрубил себе руку. В тот момент он не представлял себе ни болевых ощущений, на которые он обречен, ни того, как он обойдется без руки.

— Так можно опопшлить что угодно, — не выдержал Павлыш.

— Слава, не перебивайте старших, — сказал Варгези. — Я понимаю, что мои слова вызывают в вас гнев. Но научитесь слушать правду, и вообще научитесь слушать. Мы покоряем космос, а уважать окружающих так и не научились.

— Меня все это касается больше, чем вас. — Павлышом овладело упрямство.

— Любопытно, почему же больше?

— Вы уже все прожили, — сказал Павлыш. — А я только начинаю.

— Вы что же думаете, что мне надоела жизнь?

— Нет, не надоела, но вы многое уже видели. Вам будет что вспоминать. А мне мало что можно вспомнить.

— Аргумент неожиданный, — сказал Станцо, — но очень весомый.

— Значит, вы за то, чтобы повернуть обратно? — спросил Варгези.

— Не надейтесь, я вам не союзник, — отрезал Павлыш. — Если все решат, я согласен лететь дальше.

— Почему, юнга?

— Потому что не верю в то, что подвигов не бывает.

— Значит, вам хочется славы? Хоть через тринадцать лет, но славы? И вы не уверены, что вам удастся ее найти без помощи аварии, которая приключилась с нами?

— Я не думал о подвиге, — сказал Павлыш убежденно. — Но мне будет стыдно. Мы вернемся, и нас спросят: как же вы испугались? И все будут говорить: «На вашем месте мы бы полетели дальше».

— Такая опасность есть, — произнес Джонсон. — В воображении каждый полетит дальше.

— В воображении очень легко идти на жертвы! — почти закричал Варгези. — В воображении я могу отрубить себе обе руки. Им, которые так будут говорить, ничего не

грозит. Они не запаковывают себя на четверть века в ржавой банке, которую закинули в небо.

— Жалко, — сказал Станцо.

— Что жалко?

Станцо говорил очень тихо, будто не был уверен, стоит ли делиться своими мыслями с окружающими.

— Жалко, что мы не долетим.

И в слове «мы» умещалось очень много людей. Как будто Станцо вдруг представил себе всю Землю, которая не долетит до цели.

— Жалко было бы в случае, — опять закричал Варгези, — если бы мы знали, что от нашего полета зависит судьба, жизнь, благо Земли! Но поймите же — ни один человек не заметит, долетели мы или нет. А вот если мы не вернемся, нашим близким будет плохо. Только в фантастических романах и бравых песнях космонавты навечно покидают родной дом. Ради Прогресса с громадной буквы.

Павлыш не заметил, как вошел капитан-1. Может, он стоял давно, его никто не видел.

— Простите, — сказал он. — Можно, я не соглашусь?

— Разумеется, — проговорил Варгези воинственно. — Мне будет интересно узнать, в чем моя ошибка.

— Не ошибка. Перекос. Вы сказали, что никого не трогает, долетим мы или нет.

— Конечно, «Антей» — давно лишь символ.

— Вы говорите, что этот полет не отразится на судьбе Земли.

— А вы можете возразить и на это?

— Если суммировать ту энергию и труд, которые вкладывались сто лет в этот корабль, то станет понятным, что это делалось за счет отказа от прогресса на других направлениях. Можно предположить, что некоторые люди, отдавшие свои силы кораблю и полету, смогли бы немало сделать в иных областях знаний. Можно предположить, что за счет энергии, которая пошла на полет и телепортацию, можно было бы создать на Луне искусственную атмосферу и превратить ее в сад.

— Преувеличение, — сказал Станцо.

— Может, и преувеличение. Но «Антей» оказался прожорливым младенцем.

— С другой стороны, — добавил Джонсон, — само строительство корабля, опыт его полета — немаловажны.

— Правильно. Но делалось все ради конечной цели.

Солнечная система тесна для человечества. В наших руках судьба шага в иное измерение человеческой цивилизации.

— Планета может оказаться пустой.

— Кабина на ней станет окном в центр Галактики. Горные вершины пусты. Но они вершины.

— Аналогия с альпинизмом здесь поверхностна, — сказал Варгези.

«Сейчас я его задую, — подумал Павлыш. — Задую, и на корабле сразу станет легче дышать».

— Люди стремятся на Эверест, — сказал капитан-1, — хоть там холодно и не дают пива. Люди идут к Северному полюсу. А там ничего, кроме льда. Да и вас, Варгези, никто не тянул в космос. Сколько раз вы проходили медкомиссию, прежде чем вас выпустили?

— Вот это лишнее, — ответил Варгези. — Ведь я ее в конце концов прошел.

17.

Если бы кто-то попытался поговорить с участниками рейса о том, что они передумали и пережили за те два дня, когда принималось решение, оказалось бы, что почти все ощущали подавленность, глубокую грусть по тем, кто остался дома. Но, за немногими исключениями, тридцать четыре человека, что были тогда на борту «Антея», не терзались перед неразрешимой дилеммой.

Возможно, это объяснялось тем, что большинство членов экипажа были профессиональными космонавтами. Механики гравитации, навигаторы, даже биологи и кабинщики не впервые выходили в космос. В сущности, разница между полетом корабля среди звезд и в пределах Солнечной системы не так уж велика. Тот же распорядок жизни, те же месяцы отрезанности от мира, которые становятся нормой существования. Спутники капитана Кука, уходя на три года в море, считали эту эпопею обычной работой.

Разумеется, двадцать шесть лет и год-два — это большая разница.

К тому же поворот событий был неожиданным.

Профессионализм предусматривает чувство долга. Они летели к звезде, и обстоятельства сложились так, что ради завершения полета им приходилось идти на жертвы. Торможение и разворот корабля лишали смысла столетний полет. «Антей» станет путешественником, повернув-

шим обратно в нескольких днях пути от полюса или от вершины, потому что путь слишком труден. Не невозможно, а труден. И в этом была принципиальная разница.

Поэтому гравиграмма, отправленная на следующий день к Земле, сухая и даже обыденная, отвечала действительному положению дел.

«После обсуждения создавшейся ситуации экипаж корабля "Антей" принял решение продолжать полет по направлению к Альфе Лебеда, выполняя полетное задание...»

Правда, не было уверенности, что послание достигнет цели.

18.

Гравиграмма не дает деталей.

Детали все же были.

Ночью Павлыш, не в силах заснуть, бродил по кораблю — его угнетала неподвижность сна — и вышел к зимнему Внешнему саду. Он пожалел, что не взял плавок, чтобы искупаться, но решил, что все равно искупается, потому что вряд ли кому еще придет в голову идти сюда ночью. И только он начал раздеваться, как увидел, что к бассейну, с полотенцем через плечо, подходит Гражина.

— Еще минута, — заявил он, — и я бы нырнул в бассейн в чем мать родила.

Он почувствовал, что улыбается от щенячьей радости при виде Гражины. Если бы у него был хвост, он бы им отчаянно крутил.

— Если я мешаю, то уйду.

— Знаешь ведь, что я рад, — сказал Павлыш.

— Не знаю, — ответила Гражина.

И тут же остановила жестом узкой руки попытку признания.

Гражина сбросила халатик и положила на диван. На этот раз на ней был красный купальник.

— Сколько их у тебя? — спросил Павлыш.

— Ты о чем? — Гражина остановилась на кромке бассейна.

— Разрешено брать три килограмма личных вещей — ты привезла контейнер купальников?

— Удивительная прозорливость. Я их сшила здесь.

— Ты еще и шить умеешь?

— Играю на арфе и вышиваю гладью, — ответила Гражина. — Можешь проверить.

И прыгнула в воду. Брызги долетели до Павлыша.

Когда голова ее показалась над водой, Павлыш крикнул:

— А мне сошьешь? Я не догадался взять плавки.

— Не успею, — ответила Гражина. — Я отсюда хоть пешком уйду — только бы с тобой не оставаться. Самовлюбленный павиан.

— Ты первая, кто нашел во мне сходство с этим животным.

Пришлось еще подождать, потому что Гражина под водой переплывала бассейн до дальнего берега. Павлыш любовался тем, как движется в воде тонкое тело.

Когда она вынырнула, он спросил:

— А если ты так хотела на Землю, почему ты первой сказала о втором варианте?

— О том, чтобы лететь дальше?

— Ты сказала раньше капитана.

— И ты решил, что из-за тебя? Чтобы остаться с тобой на ближайшие четверть века?

— Нет, не подумал.

— И то спасибо. Я сказала об этом, потому что это было естественно. Не сказала бы я, сказал бы кто-то другой.

— А если завтра спросят?..

— Я скажу, что согласна.

Гражина цепко схватилась за бортик, подтянулась и села, свесив ноги в воду.

— Тогда скажи, почему?

— Сначала я тебе отвечу на другой твой вопрос, который ты еще не задал: спешу ли я к кому-то на Земле? Меня ждет мама. Наверное, отец, но он очень занят. Он не так часто вспоминает, что у него есть взрослая дочь. Есть мужчина, который думает, что меня ждет... Мы что-то друг другу обещали. Обещали друг друга. Как будто должны вернуть взаимный долг. Он старше меня. Я чувствую себя обязанной вернуться к нему, потому что он ждет. И честно говоря, мне его очень не хватает. Он интересный человек. Мне никогда не бывает с ним скучно...

— Ладно, — не очень вежливо перебил ее Павлыш. — Ты себя уговорила. Я осознал. Я проникся. Я начинаю рыдать.

— Тогда считай, что мы обо всем поговорили.

— Нет, не поговорили. Ты не ответила на главный вопрос.

— На вопрос, почему я согласна остаться здесь? Да потому, что у меня нет другого выхода.

— Есть. У каждого из нас — есть. Я думаю, если хоть один человек скажет, что он не согласен, мы вернемся обратно.

— И ты хотел бы, чтобы я была тем самым человеком, из-за которого это случится?

— У каждого своя жизнь. Только одна.

— И ты хотел бы быть таким человеком? Или, может, ты уже решил стать таким человеком?

— Я подожду, пускай кто-то скажет первым.

— Это еще подлее. Ты, оказывается, и трус?

— Трус потому, что хотел бы вернуться?

— Трус потому, что не смеешь в этом признаться.

— Дура! — в сердцах закричал Павлыш. — Я не буду проситься обратно. Я знаю, что не буду проситься!

— Скажи — почему?

— Ты рассердишься!

— Из-за меня!

— Да.

— Глупо.

— Я тебе противен?

— Дурак. Ты самый обыкновенный. И, наверное, не хуже других. Я еще очень мало тебя знаю. Но любой женщине... любому человеку это приятно. Лестно.

— Спасибо, и все же не сказала о себе. Почему нет выхода?

— Потому что я выбрала такую профессию, которая несет в себе риск не вернуться домой. Не все корабли возвращаются на Землю. Это было и это будет.

— Я понимаю, когда так говорит капитан-1. Он космический волк.

— Не надо меня недооценивать, — сказала Гражина, — если тебе нравится форма моих бровей или ног. Я — не слабый пол.

— Не пугай меня. Мне не хотелось бы, чтобы у моей будущей жены был характер потверже моего.

— Твое счастье, что я не буду твоей женой. К тому же я старше тебя.

Потом Павлыш проводил Гражину до ее каюты. Они говорили о Ялте. Оказалось, что оба жили недавно на Чайной Горке, в маленьком пансионате.

Дверь в каюту Гражины была приоткрыта. Горел свет. На кровати Гражины лежала, свернувшись калачиком, Армине.

Она сразу вскочила, услышав шаги в коридоре.

— Прости, — сказала она Гражине. — Мне страшно одной в каюте. Я уйду.

— Спокойной ночи, Слава, — сразу попрощалась Гражина.

19.

Торжественность последнего собрания в кают-компании объяснялась, видно, тем, что все присутствующие старались показать подсознательно или сознательно, что ничего экстраординарного не происходит. Собрались для обсуждения важного вопроса. Разумеется, важного. Но не более. И готовы вернуться к своим делам и обязанностям, как только обсуждение завершится.

Павлыш сел сзади, на диван у шахматного столика.

Он подумал, что воздух здесь мертвый, наверное, потому что никогда не оплодотворялся запахами живого мира. Павлышу захотелось открыть окно. Именно потому, что этого нельзя сделать. Год еще можно протерпеть в закрытой комнате, в которой нельзя открыть окно, но как же жить в этой комнате много лет? Нет, надо думать о чем-то другом, смотреть на лица, чтобы угадать заранее, кто и что скажет.

И он понимал, что если капитан-1, весь сегодня какой-то выглаженный, вымытый, дистиллированный, обратится к нему — он, Павлыш, скажет: «Да». Но Павлыш ничего не мог поделать с червяком, сидевшим внутри и надеявшимся на то, что другие, например мрачный Варгези, или Армине, складывавшая на коленях влажный платочек, или не проронивший за последний день ни слова Джонсон, скажут: «Нет».

И он поймал себя на том, что внушает Варгези, чтобы тот поднялся и сказал: это невозможно, чтобы все мы, включая таких молодых людей, как Павлыш, которые очень спешат домой, отказывались от всех прелестей жизни среди людей ради абстрактной цели... И Павлышу стало стыдно, так стыдно, что он испугался — не покраснел ли, он легко краснел. И он боялся встретиться взглядом с Гражиной, для которой все ясно и которая все решила. А почему она должна решать за него, за Павлыша?

— Павлыш, — сказал капитан-1, — вы самый молодой на борту. Вы должны сказать первым.

Павлыш вдруг чуть не закричал: не я! Не надо меня первым!

Это как на уроке — смотришь за пальцем учителя, ко-

торый опускается по строчкам журнала. Вот миновал букву «б», и твой сосед Бородулин облегченно вздохнул, ит его палец подбирается к твоей фамилии, и ты про- гиши его: ну проскочи, минуй меня, там еще есть другие люди, которые сегодня наверняка выучили это уравнение или решили эту задачу.

Павлыш поднялся и, не глядя вокруг, ощутил, что взгляды всех остальных буквально сжали его.

В голове была абсолютная первозданная пустота. Точно так же, как тогда, в школе, только нельзя смотреть в окно, где на ветке сидят два воробья, и думать: какой из них первым взлетит? А что касается уравнения, то никаких уравнений не существует...

Павлышу казалось, что он молчит очень давно, может быть, целый час.

Но все терпели, все ждали — ждали двадцать секунд, пока он молчал.

— Да, — произнес Павлыш.

— Простите, — сказал капитан-1. — Под словом «да» что вы имеете в виду? Лететь или возвращаться?

— Надо лететь дальше.

— Спасибо. — И капитан-1 повернулся к молодому навигатору, стажеру, который прилетел вместе с Павлышом.

Тот поднялся быстро, словно отличник, ожидавший вызова к доске.

— Лететь дальше, — сказал он.

Павлышу стало легко. Как будто совершил очень трудное и неприятное дело. А теперь стало легко. И он уже видел всех обыкновенными глазами. И вообще первые слова словно разбудили кают-компанию. Кто-то откашлялся, кто-то уселся поудобнее...

Люди вставали и говорили «да».

И говорили куда проще и спокойней, чем представлял себе Павлыш.

Десятым или одиннадцатым встал Варгези.

Павлыш понял, что наступает критический момент. И видно, это поняли многие. Снова стало очень тихо.

— Лететь дальше, — просто сказал Варгези.

Павлышу показалось, что все облегченно вздохнули.

А может, кто-то был так же слаб, как Павлыш? И вздохнул не только без облегчения, а наоборот? Словно закрывалась дверь?

Но Варгези не сел. Ему хотелось говорить еще. И никто его не прерывал.

— Когда ты молод, — продолжал Варгези, — жизнь не кажется ценностью, потому что впереди еще слишком много всего. Так много, что богатство неисчерпаемо. Мне было бы легче решить, если бы я был так же молод, как Слава Павлыш. В конце концов, пройдет несколько лет, и я буду первым человеком, который ступит на планету у другой звезды. То есть я стану великим человеком. При всей относительности величия. Наверное, я на месте Славы завидовал бы тому, кто должен был... кому выпал жребий быть в последней смене. А жребий пал на нас. Только с поправкой на тринадцать лет. Повезло ли нам? Повезло. Повезло ли мне лично? Не знаю. Потому что я уже прошел половину жизни и научился ее ценить. Научился считать дни, потому что они бегут слишком быстро. Но ведь они будут так же бежать и на Земле. И я буду все эти годы — тринадцать лет — мысленно лететь к звезде и каждый день жалеть о том, что отказался от этого полета. Ведь тринадцать лет — это совсем не так много. Я знаю. Я трижды прожил этот срок.

И он сел.

Павлыш подумал, что Варгези немного слукавил. Он говорил лишь о тринадцати годах. А не о двадцати шести. Хотя, наверное, он прав. Не может быть, чтобы за эти годы на Земле не сделали бы так, чтобы достичь «Антея».

И Павлыш попытался представить себя через тринадцать лет. Мне тридцать три. Я молод. Я открываю люк посадочного катера. Я опускаюсь на холодную траву планеты, которую еще никто не видел. Я иду по ней...

— Армине, — произнес капитан-1.

Армине вскочила быстро, как распрямившаяся пружинка.

— Я как все, — сказала она. — Я не могу быть против всех.

— Но ты против? — спросил капитан.

— Нет, я как все.

Она пошла к выходу.

Гражина вскочила следом.

— Ничего, — сказала она, — вы не беспокойтесь. Я сейчас вернусь.

— А ты сама? — спросил капитан-1.

— Я за то, чтобы лететь. Конечно, чтобы лететь, неудобно не ясно?

И Гражина выбежала вслед за Армине.

Ни один человек из тридцати четырех членов экипажа не сказал, что хочет вернуться.

«Наверное, — думал Павлыш, — многие хотели бы вернуться. И я хотел бы. Но не хотел бы жить на Земле и через тринадцать лет спохватиться: вот сегодня я ступил бы на ту планету».

— В конце концов, — сказал механик из старой смены, один из последних, — у меня и здесь до черта работы.

20.

Павлыш отправился к Гражине.

Теперь он не робел перед ее дверью. Теперь они уже никогда не будут чужими. Какой бы ни была их дальнейшая жизнь — она общая, одна.

— Ну и что там? Чем кончилось? — спросила Гражина.

Перед ней лежала открытая книжка в синем переплете.

— Я веду дневник, — пояснила Гражина, заметив, что Павлыш смотрит на книжку.

— Капитан-1 советовал отложить решение еще на один день.

— Из-за Армине?

— Конечно. И из-за того, чтобы некоторые получили возможность подумать еще. И сказал, что те, у кого сомнения, пускай приходят прямо к нему. Бывает, когда вокруг люди, труднее сказать что думаешь.

— И что?

Павлыш оглядывал маленькую каюту. Здесь Гражина жила уже год.

Ни одной картинки, ни одного украшения. Только маленькая фотография красивой женщины. Наверное, матери. Может, уже собралась и готовилась улететь?

— Я уже собралась, — ответила на его мысль Гражина. — А вообще я большая аккуратистка. Что решили?

— Единогласно. Решили — значит, решили. И послали гравиграмму.

— Которая не дойдет.

— Может, и не дойдет. А может, дойдет. Ведь не это важно.

— «Антей» продолжает полет?

— Да. А как Армине?

— Она ушла к себе.

— Она не хочет лететь?

— Она полетит, как все, — сказала Гражина. — Она

понимает, что ее желание не может стать на пути желаний всех нас. И всех тех, кто остался дома. Это и есть демократия.

Павлыш стоял в дверях, Гражина не пригласила его сесть.

— Мне трудно спорить, — произнес Павлыш. — Я не знаю, как спорить. Но, может, ей очень нужно домой?

— Что такое — очень нужно? Больше, чем тебе? Больше, чем мне?

— Каждый понимает это по-своему. И я сомневаюсь, имеем ли мы право, даже если нас больше, навязывать волю другому.

— Глупые и пустые слова! — Гражина буквально взорвалась. — Если все единоголосны, прогресса быть не может! Чаше всего в истории человечества меньшинство навязывало свою волю большинству. И еще как навязывало. А непокорных — к стенке! Читал об этом?

— Это не имеет к нам отношения.

Павлыш понял, что у Гражины глаза пантеры. Это не значит, что Павлыш видел много пантер на своем веку и заглядывал к ним в глаза. Но такие вот светлые холодные зеленые глаза должны быть у пантеры. Наверное, смотреть в них боязно. Но парадокс влюбленности как раз в том, что явления, в обычной жизни вызывающие протест, в объекте любви пленяют. Любовь кончается тогда, когда человек начинает тебя раздражать. Мелочами, деталями, голосом, жестами. А Павлыш подумал: какие красивые глаза у пантер.

— К счастью, не имеет, — согласилась Гражина. — Но к нам имеет отношение принцип демократии. Армине не сказала против.

— Но она подумала?

— Она влюблена. И тот мальчик ждет ее. — Гражина отмахнулась от той, чужой влюбленности. Даже в слове «мальчик» звучало презрение.

— Я думал, что Армине — твоя подруга.

— Она моя подруга. И для нее я сделаю все, что в силах человека. Но я всегда говорю правду. И если бы даже три, четыре человека высказались за то, чтобы вернуться, я бы кричала, дралась, доказывала, что мы должны лететь дальше. Потому что тех, кто думает правильно, — большинство.

— Не знаю, — вздохнул Павлыш.

— Ты никогда не станешь великим человеком. Ты не умешь принимать решений.

— Я не хочу стать великим человеком.

— Жалко. Ты и сейчас втайне надеешься, что связь восстановится и ты вернешься в срок. Ты перепуган, но тебе стыдно в этом признаться. Я тебе нравлюсь, и ты даже придумал романтическую историю о том, как мы с тобой поженимся и будем вечерами смотреть на звезды во Внешнем саду. А на самом деле ты очень хочешь домой.

— Хорошо, что ты не капитан. Ты бы всегда принимала решения за других.

— Именно для этого и назначают капитанов. Я могу понять положение на «Антее». Здесь сразу два капитана, здесь необычная ситуация, не предусмотренная ни в одном справочнике. Ни одно из решений не грозит немедленной опасностью кораблю и экипажу. И капитаны, обыкновенные люди, растерялись.

— Я этого не почувствовал.

— Я знаю одного мужчину. Он уже третий год не может принять решения — он измучил и меня и другую женщину, а больше всех себя. Это трусость и глупость. Прими он решение сразу — три недели бы кое-кто помучился, а потом бы все вздохнули с облегчением. Люди, не способные принять решение, — преступники. Ты не согласен?

Павлыш понял, что его ответа не требуется. И потому сказал:

— Ты была отличницей?

— Это не так сложно, Слава. Нужно только вовремя делать уроки. Не откладывать их на завтра.

— А дневник ведешь каждый день?

— Разумеется. К счастью, в твоем голосе звучит разочарование. Ты создал себе образ красавицы — за неимением других. Выстроил меня в воображении такой, какой тебе хотелось представить свою возлюбленную. А я отказываюсь играть по твоим правилам. И ты разочарован. Вторая неожиданность за двое суток...

— Хватит, я тебе не верю. Когда человек уверен, ему не надо кричать и злиться.

— Уходи, — сказала Гражина. — Уходи, чтобы я тебя больше не видела! Ты жалок!

Павлыш пожал плечами. Он не обиделся. Он понимал, что Гражина разговаривала сейчас не с ним, а с тем, кто остался на Земле.

Какой удивительный человечек — Гражина... Павлыш перекатывал во рту это слово, как горошинку, — гражина, гражинка...

Он тихо закрыл за собой дверь.

«Проблемы, — подумал он, — проблемы... У всех проблемы, а корабль летит к звезде. И совершенно не понятно, что и когда важнее...»

Все же важнее, чтобы летел корабль.

21.

Ночь на корабле, который всегда летит в вечной ночи.

Ты — часть громадного мира, каким бы ничтожным он ни казался в пространстве.

Чуть светят огни в коридорах, чуть ниже температура воздуха, чуть поскрипывает под ногами упругий пластик пола — днем он молчит. Люди, встретившиеся ночью в коридоре, говорят вполголоса, хотя услышать голоса из каюты нельзя.

Павлышу, как и в прошлую ночь, не хотелось спать.

Честь космонавту, который всегда спит вовремя, — это первое правило. Павлыш его нарушил уже дважды.

Он остановился у двери Армине.

Он не хотел входить. Он представил себе, как Армине заснула, наплакавшись. Если Гражина права, то ведь страшно представить себе возвращение к любимому через четверть века. Даже если он будет верен и будет ждать — это уже не тот человек. Может, лучше, чтобы он не ждал?

Из каюты пробивался свет.

Павлыш понял, что дверь закрыта неплотно.

— Армине, — тихо позвал он, приложив губы к щели.

Если она не спит, он войдет. Потому что сейчас она куда ближе и понятнее ему, чем стальная Гражина. Хоть Павлыш и не до конца верил в непоколебимость и самоуверенность Гражины. У каждого своя маска. Армине — человек без маски.

Нечаянно, а может, и нет, он толкнул дверь, и она открылась.

Каюта была пуста. Кровать смята. Он не стал заходить, это было как подглядывать.

Он вдруг подумал, что Армине сейчас — у Внешнего сада, у бассейна. Там видишь лес и воду.

Там одиночество не столь безлико. И нельзя его нарушать.

А может, надо нарушить?

Павлыш прикрыл дверь и пошел по коридору дальше.

Он очень удивился, увидев, что из навигационной появился капитан-2, высокий, смуглый человек, будто только что спустившийся с высокой горы и обожженный тем, высокогорным солнцем.

— Не спится? — спросил он.

— Сейчас пойду спать, — сказал Павлыш.

— Спите. Вам с утра на вахту. Сейчас от вашего внимания, от точности работы многое может зависеть.

Павлышу не хотелось бы, чтобы капитан стал узнавать, какое у него настроение или как он себя чувствует. Капитан, к счастью, ничего не спросил. Они стояли, как люди, толкнувшиеся на улице после долгой разлуки, которым неловко расставаться, но нечего друг другу сказать.

— Если хотите, — добавил вдруг капитан-2, — я вам завтра покажу портреты моих сыновей. Одному шесть, другому девять. Крепкие ребята. Показать?

— Спасибо.

— Ну ладно, спокойной ночи.

И капитан-2 беззвучно пошел по коридору к своей каюте.

А Павлыш двинулся дальше, к Внешнему саду.

22.

Дверь в отсек бассейна была закрыта.

Странно, кто и зачем закрыл ее?

На корабле вообще не закрывались двери. В случае аварии автоматика все равно сработает быстрее и надежнее.

Мало ли что могло случиться — ремонт, профилактика, просто сломался запор. И если бы не заплата в прозрачной стене, Павлыш бы вернулся обратно.

А тут он сделал иначе.

Его тревога была необоснованной и вернее всего смешной. Наивной.

Но он побежал к нише.

Ниша была на другом уровне, в двух минутах, если бежать.

Павлыш распахнул дверь в нишу и надел скафандр.

Это заняло еще две минуты.

Он выбежал в коридор и побежал обратно.

Бассейн и Внешний сад были отсеком. Одним из двадцати трех отсеков «Антея». Между отсеками на случай

аварии были переходники. Ввести в действие переходник можно было, отключив автоматику.

Павлыш отключил автоматику, потом повернул тяжелый рычаг.

Тогда внешняя дверь отъехала в сторону.

Павлыш вошел в шлюзовую камеру. Убедился, что герметизация работает. Включил внутреннюю дверь.

Приборы на пульте показали, что в бассейновой — нормальное давление. Значит, успел.

Дверь за его спиной закрылась. Затем очень медленно открылась внутренняя.

Павлыш вбежал в бассейновую.

Армине сидела в кресле у бассейна и смотрела на воду.

Очень спокойно. Она так глубоко задумалась, что и не заметила, как Павлыш вошел в зал.

А Павлыш в полной растерянности замер у двери.

Последние несколько минут были наполнены действием, гонкой — дышать некогда, — одним всепоглощающим желанием — успеть — и страхом опоздать... А секунды в переходнике, пока закрывались и открывались двери, дали возможность воображению отчетливо и убедительно нарисовать распахнутую дверь во Внешний сад и стеклянное, подобное стеклянным деревьям, тело Армине.

А Армине сидела у бассейна.

Павлыш страшно испугался. Вот-вот она повернет голову и спросит, подняв густые прямые брови: «Ты что здесь делаешь в скафандре?» И что ответить? «Я решил, что ты покончила с собой и побежал надевать скафандр, чтобы, не рискуя собственной драгоценной жизнью, вынести твоё тело из Внешнего сада».

Павлыш, стараясь не произвести ни малейшего шума, начал отступать в переходник — чтобы уйти незамеченным.

И это обратное движение оказалось почти роковым.

Армине услышала.

Вернее всего, она в тот момент собралась с духом и решила подняться, поэтому шорох шагов Павлыша донесся до нее.

Она резко обернулась — не как человек, а как испуганное маленькое животное. И, как испуганное животное, стремительно вскочила и кинулась к перегородке Внешнего сада.

Павлыш не понял смысла движения — он уже отказал-

от мысли, что Армине может покончить с собой. Поэтому он остановился и сказал ей вслед:

— Не бойся, это я, Слава.

И тут понял, что Армине набирает код на двери во внешний сад.

Он мысленно считал — и оставался нем и неподвижен — число единиц кода. Их должно быть семь. Щелкнула первая цифра. Вторая, третья, четвертая... Она же сейчас откроет дверь!

— Армине! — завопил Павлыш. — Стой, Армине! Помилуйста!

Пятая, шестая...

— Смотри, что я сделал! Смотри на меня!

Он обеими руками откинул крепления шлема и рванул его назад. Шлем сорвался, оцарапав лоб, и покатился по полу.

Может быть, от этого неожиданного звука Армине обернулась.

И увидела, что Павлыш стоит без шлема.

— Ты что? — сразу поняла она. — Нельзя. Там вакуум!

— Я знаю, знаю!

— Ты же погибнешь.

— Да.

— Но тебе нельзя! Это только я. Я так хочу! Надень шлем!

— Не надену.

— Я все равно открою дверь! Мне надо уйти!

— Открывай.

Павлыш не успел испугаться в тот момент, когда срывал шлем, и не боялся смерти. Он уже понимал, что Армине не сможет открыть дверь, зная, что Павлыш погибнет тоже.

Армине кинулась к Павлышу. Нет, не к Павлышу, она побежала к шлему, что медленно катился к бассейну, и Павлыш вместо того, чтобы перехватить девушку, как зачарованный смотрел на шлем. Шлем подкатился к кромке бассейна, и было интересно — кто первый? Успеет ли шлем упасть в воду? Или Армине схватит его? Как будто на стадионе, Павлыш болел за шлем.

Армине успела первой. Она подхватила шлем, когда он уже скатывался в воду, прижала к груди и тут же побежала к Павлышу. Наверное, со стороны это выглядело смешно — Армине старалась нахлобучить шлем на Пав-

лыша. Она словно лишилась рассудка. Ведь невозможно надеть шлем на мужчину, который этого не хочет.

Павлышу не стоило труда схватить девушку за руки — ее запястья оказались совсем тонкими — и отвести к дивану. Армине шла послушно, даже не пыталась вырваться, так замирает в руках маленькая птица.

— Садись, — сказал Павлыш. Сел рядом. Но рук Армине не отпустил.

— Мне больно, — сказала Армине.

— А ты не убежишь? — Павлыш отпустил ее руки.

— Мне больно. Мне больно... — Она повторяла как закливание: — Мне больно. — И уже плакала. Она плакала так сильно, что упала на диван. Она била кулаками по мягкой обшивке, и глупый диван никак не мог сообразить, как лучше прогнуться, чтобы Армине было удобно.

— Мне так больно...

Надо бы принести воды, но где тут найдешь стакан?

Павлыш вел себя так, словно наблюдал все со стороны. Он поднялся, прошел к двери во Внешний сад, набрал новый код, заперев дверь. Потом вернулся к Армине. Она плакала тихо, волосы разбежались по плечам и всером — по сиденью дивана.

— Ты меня чуть не провела, — сказал Павлыш. — Я чуть-чуть не попался. Когда я увидел тебя, то решил, что ты и не собираешься... идти во Внешний сад. И подумал: вот я дурак.

— Ну зачем ты пришел? — Армине спросила тихо, словно в самом деле ее интересовал ответ.

— Тебя в каюте не было, — ответил Павлыш. — И меня что-то сюда повело. А когда я узнал, что переходник закрыт, я сразу понял.

— А разве человек не имеет права убить себя? — спросила Армине.

Она села, убрала тыльной стороной руки волосы с глаз. Глаза были красными.

— Зачем? — спросил Павлыш.

— Чтобы вам не мешать, — сказала Армине.

— Ты никому не мешаешь.

В скафандре было жарко. Павлыш включил охлаждение.

— Я бы ушла, и все хорошо кончилось, — сказала Армине. — Вы бы летели дальше. Вы все хотите лететь дальше, чтобы стать героями.

— Чепуха. Никто не хочет специально стать героем. И когда на Земле починят кабину, мы все улетим обратно.

Ты в это хоть немножечко веришь? Ну, хоть чуть-чуть?

— На шестьдесят процентов, — ответил Павлыш, который в тот момент был совершенно искренен.

— Врешь, — сказала Армине.

— То, что ты придумала, — это ужасное предательство.

— Ты не понимаешь.

— Чего же такого непонятного?

Армине подтянула коленки к подбородку. Диван даже вздохнул от невозможности решить задачу. Она уперла подбородок в колени. Подбородок был маленький и круглый. Армине шмыгнула носом. Странно, подумал Павлыш, если бы не случайность, то она лежала бы там, в ледяном лесу. И представить это уже было невероятно.

— Когда я узнала, что обратно нельзя, — сказала Армине, — я ведь уже как будто была опять на Земле. Я знала с самого начала, что мне здесь надо пробыть год. Все за меня радовались. Говорили, что мне повезло. Только мама плакала. У нас свадьба через месяц. Так решили. А в последние месяцы гравиграмм из дома не было. Ты же знаешь, если все в порядке — гравиграммы из дома не идут. А я вдруг испугалась. Я вот работала, все делала, смеялась, я была обыкновенная, а на самом деле я буквально дрожала. Меня так давно нет на Земле, что Саркис уже забыл. С каждым днем все страшнее. А Гражине этого не скажешь. Я сначала пыталась, а потом вижу, что ей это непонятно. Я все время считала дни. Первые одиннадцать месяцев были в сто раз короче, чем последний. Я выйду из Центра в Москве, а меня ждет только мама. И мне страшно спросить — где Саркис. Конечно, это психоз...

— Типичный психоз, — подтвердил Павлыш. — Ты чего с врачом не поговорила?

— Ты еще мальчик...

Павлыш пожал плечами.

— А потом мне сказали, что домой нельзя. Много лет нельзя. И все кончилось. Потому что нет смысла. Зачем лететь? Куда лететь? Зачем мне нужна эта звезда? И я испугалась, что не выдержу. Что из-за меня придется поворачивать всем.

— Все равно теперь придется, — сказал Павлыш.

— Почему? — Армине смотрела на него в упор. Глаза ее были велики, темные, но прозрачные, можно заглянуть глубоко.

— Я доложу капитану, и он сразу прикажет поворачивать.

— Ты ничего не скажешь капитану.

— Чтобы завтра ты сюда пошла снова?

— Зачем? — Армине вдруг улыбнулась. — Я же знаю, что ты набрал новый код затвора. И никто, кроме тебя, его не знает. Только это нарушение правил.

— Ты заметила?

— Я догадалась.

Армине смотрела на Внешний сад.

— Я могла там быть, — сказала она.

— Глупо, правда? — спросил Павлыш.

— Нет, не глупо. Но не нужно, — сказала Армине. — Оттого, что я это почти сделала, все прошло.

— Ты поняла?

— Гражина смогла бы говорить со мной куда убедительней тебя. Она бы сказала, что я возлагаю свою судьбу на совесть остальных.

— Он тебя обязательно дождется, — сказал Павлыш. — Неужели ты выбрала такого мерзавца, который не дождется?

— Это было очень давно. В другой жизни.

— А твоя мама? Она тебя ждет?

— Не говори об этом.

— Тебе стыдно?

— Сейчас, нет.

— Потом будет стыдно.

— Наверное.

— Пошли к капитану.

— Ты никуда не пойдешь.

— Я тебя не понимаю. Ты не хочешь вернуться домой?

— Я себе этого никогда не прощу.

— Если я не скажу капитану, мы полетим дальше.

— Правильно.

— Армине, я ничего не понимаю. Если я пойду к капитану, то полет прекратится, и мы все вернемся. Ты же этого так хочешь, что чуть было... не ушла.

— Если бы я ушла, то я бы никогда не вернулась домой, — сказала Армине. — А я теперь хочу вернуться. Пускай через много лет.

— Я обязан сообщить капитану.

— Я прошу, я умоляю тебя. Если ты это сделаешь, ты меня убьешь. Ты меня спас сегодня, пожалуйста, не убивай. Я не вынесу такого возвращения...

Армине схватила Павлыша за руки. Ее пальцы так впелись, что ногти впились в кожу Павлыша. Но он ничего не сказал. Вытерпел.

— Пошли, — сказал Павлыш, — мне надо спрятать «шифандр», чтобы никто не заметил.

Армине быстро вскочила. Она была рада. Когда Павлыш поднялся, она поцеловала его в щеку.

— Ты обещаешь? — спросил Павлыш.

— Ты же знаешь. Я никогда не обманываю.

23.

«Антея» летел к Альфе Лебеда.

Честно признаться, у Павлыша тогда возник соблазн — как маленький зверек заскребся под ложечкой: если выполнить долг и доложить капитану о случае с Армине, тот отдаст приказ возвращаться. И вроде бы ты не виноват, сам хотел лететь дальше, но обстоятельства выше тебя. Существование такого хитрого зверька Павлыша испугало. Но и хранить тайну было тяжело. Когда-то один брадобрей поведал о тайне царя Мидаса безмолвному тростнику, а тростник, став дудочкой, проговорился. Надо было отыскать тростник, который будет держать язык за зубами. На эту роль была лишь одна кандидатура — Гражина.

Это не означает, что Павлыш тут же отправился к Гражине делиться с ней страшной тайной. Он до вечера дебатировал с собой вопрос: если Армине просила сохранить событие в тайне, означает ли это, что просьба распространяется и на Гражину?

К ужину Гражина не вышла. Армине тоже.

Ужин был скучный, деловой, почти молчаливый. И Павлыш вдруг подумал, что именно таким будут тысячи ужинов, что предстоят им в пути. К тому же ужин был куда более скучным, чем обычно — на корабле уже начал действовать режим экономии.

Поев, Павлыш сразу же отправился в каюту к Армине. Он нес за нее ответственность. Если с ней что-то произойдет — виноват будет только Павлыш.

Он постучал к Армине.

Та откликнулась. Она уже лежала в кровати.

— Не проверяй меня. Я же обещала. А сейчас я хочу спать. Я устала.

— Я только про ужин, — соврал Павлыш. — Я думал, может тебе принести?

— Нет, спасибо.

Армине отвернулась к стене.

Павлыш ушел. Следующий визит был к Гражине.

Гражина не спала. Но лежала на койке, укрытая до подбородка пледом.

— Что ты? — спросил Павлыш. — Плохо себя чувствуешь?

— Простудилась.

— Так не бывает, — сказал Павлыш. — Здесь нет сквозняков.

— Ты привез с Земли, и меня заразил, — сказала Гражина почти серьезно.

— Хочешь я тебе ужин принесу?

— Нет.

— Позвать доктора?

— Не надо. Ничего серьезного.

Павлыш оглядел каюту — ничего со вчерашнего дня в ней не изменилось. И что могло измениться? Мелочи, крупницы быта остались запакованными — вряд ли они сразу могут вернуться на свои места.

— А я у Армине был, — сказал Павлыш. — Она тоже не ужинала.

— Знаю, — ответила Гражина.

— Я за нее немного переживаю. — Что было говорить дальше, неясно. Может, прямо сказать: «Сегодня она хотела покончить с собой»?

— Армине мне рассказала, — неожиданно помогла Павлышу Гражина.

— Что рассказала?

— Как ты ее у Внешнего сада нашел.

— В самом деле? Я рад. А то, понимаешь, если я один знаю...

— Не бойся. Ничего с ней не случится. Такое бывает один раз. Потом становится стыдно.

— Ты рассуждаешь абстрактно. Вот если бы ты видела своими глазами...

— Я рассуждаю конкретно, — сказала Гражина.

Тогда Павлыш понял, что лучше дальше не спрашивать.

— Ты тоже будешь за ней приглядывать? — спросил Павлыш.

— Ты правильно сделал, что никому не сказал. Привидениям лучше оставаться в шкафу — это английская поговорка.

Павлыш никогда не слышал такой поговорки.
Настроение было неплохим. Поступки лучше совершить тогда, когда есть кому оценить их благородство.

24.

Гражина недомогала больше трех недель. Варгези ска-
зал, что характер заболевания Гражины — нервный. В
исток — стресс, который нарушил иммунные функции
организма. Ничего страшного, но лучше отдохнуть.

Армине была молчалива, исполнительна и старалась
казаться незаметной. С Павлышом она почти не разгова-
ривала. Впрочем, сделать это было нетрудно — работали
они в дальних отсеках и встречались только в кают-ком-
пании. Павлыш своего общества не навязывал. Он пони-
мал, что для Армине он часть дурного воспоминания. Ес-
ли будешь навязываться, ей станет еще хуже.

Как-то Павлыш понес Гражине обед.

Гражина читала. Павлыш увидел — шестой выпуск
«Подводного мира». Она отказывалась есть суп, и Пав-
лыш спросил:

— Где же твоя железная воля?

— У меня ее никогда не было.

Наверное, Павлышу надо было уйти, но уходить не хо-
телось.

— Я разговаривал с механиками. Они думают, что
можно поднять предел мощности переборки. По крайней
мере, теоретически.

Гражина махнула рукой, как бы отгоняя слова Павлыша.

— Самообман, — сказала она. — Теоретически можно
долететь за пять минут.

Павлыш воспользовался жестом, чтобы вложить ей в
руку ложку. Подвинул тарелку поближе.

Гражина съела две ложки супа.

Отложила ложку.

— Честное слово, не хочется.

— Я подожду. Я упрямый.

— Жди.

— Ты читаешь шестую часть «Подводного мира»?

— Так, просматривала...

— Только не кисни. — Павлыш взял ложку и протянул
ее Гражине.

Гражина неожиданно положила ладонь на кисть Пав-
лыша.

Он замер.

- У меня никого нет, кроме тебя, — сказала Гражина.
— Нас здесь тридцать человек... И Армине.
— Ты один, Славик, — сказала Гражина. — Армине теперь совсем чужая.
— Ты серьезно?
— Я вообще без чувства юмора. Ты же знаешь.
Ее рука ушла в сторону. Павлыш снова дал ей ложку, потому что ничего умнее придумать не мог.
— Скажи, только честно, а то обижусь. Ты с самого первого взгляда меня полюбил?
— Любовь бывает только с первого взгляда, — сказал Павлыш. — Иначе какой в ней смысл? Зачем приглядываться полгода? Чего нового увидишь?
— Это правда?
— Со мной всегда случается только так.
— Как — так? — Гражина даже села на кровати. Ее зеленые глаза загорелись пантерным яростным светом. — Немедленно уходи. Значит, ты всем так говоришь? У тебя во всеми так случается?
— Вот доешь суп, тогда уйду. Не раньше. Я могу ждать. Хоть двадцать лет.
— Спасибо, Славик. Только ты сейчас уйдн, хорошо?
— Ладно.
— Ты завтра придешь?
— Подумаю, — сказал Павлыш, поднимаясь.
— Я тебя ненавижу, — сказала Гражина, — потому что ты всегда шутишь.
— Это я от растерянности.
У двери его догнал ее голос:
— И с самого первого взгляда?
— Честное слово.
— А раньше так не было?
— Никогда.
— Спокойной ночи.

25.

В ту ночь Павлыш заснул почти мгновенно. Добрался до своей каюты и лег, чтобы думать о Гражине.

Но заснул.

А утром проснулся от ощущения счастья.

И само ощущение счастья было настолько приятным, ласковым и спокойным, что он даже не старался вспомнить: а что же произошло? Потом вспомнил.

И понял, что жутко соскучился без Гражины.

А вдруг у нее поднялась температура?

Завонили к завтраку. Оказывается, он проспал. Этого еще не хватало!

Павлыш вскочил, наскоро вымылся, оделся и поспешил в кают-компанию.

Сейчас он возьмет ее завтрак и отнесет к ней в каюту. И даже если Варгези снова будет язвить, не станет обижаться. Пускай Варгези язвит, у него просто такой характер.

Гражина сидела в кают-компании.

На лице Павлыша отразилось такое разочарование, что кто-то засмеялся.

— Что случилось? — спросил Джонсон.

Но Павлыш не успел ответить. Он смотрел в зеленые глаза, а в зеленых глазах был вопрос.

— Он готовился бежать с завтраком к больной, — сказал Варгези, — а больная лишила его этого удовольствия.

— Мы решили пожениться, — признался Павлыш. Секунду назад и в мыслях не было такого. Слова вылетели неожиданно.

— Правда? — спросил капитан-2. Но спросил не Павлыша, а Гражину. Уголки губ его дрогнули, будто он старался не улыбнуться.

Впервые Павлыш увидел, как Гражина краснеет. Она молчала.

— Не сердись, — сказал Павлыш.

— Я не сержусь, — зло, но спокойно ответила Гражина.

— Извини, мне надо было тебя спросить.

— Мы об этом даже не говорили!

Сцена, наверное, выглядела смешной, но засмеяться никто не посмел.

— Я так понял. — Павлышу захотелось уйти.

— Это шутка, — сказала Гражина, обращаясь ко всем. — Ты чего стоишь? Завтрак кончается. Опоздаешь на вахту.

Павлыш послушно сел. Он боялся, что на него будут смотреть, но все сразу заговорили о других делах. Только Армине поглядела на него и сразу отвела взгляд.

Вот мы и квиты, подумал Павлыш.

26.

— Можно было бы меня сначала спросить, — сказала Гражина, когда они вышли из кают-компании.

— Я не успел. Я увидел тебя и подумал, что ты не будешь сердиться.

— Какой-то детский сад.

Они остановились у ее двери.

Гражина поднялась на цыпочки и поцеловала Павлыша в угол губ.

— Ты спал ночью? — спросила она.

— Еще как!

— Жалко. А я не спала. Иди.

Когда Павлыш подошел к центру кабинного отсека, там уже собрались все его коллеги. Свои. Им можно было обсуждать.

— Намечается самый странный брак во Вселенной, — сказал Варгези. — Следствие психологического стресса.

— Ничего особенного, — сказал Джонсон. — Это случается и на Земле.

— Ну и свадьбу мы устроим, — сказал Станцо. — Я давно не гулял на настоящей свадьбе.

И тогда загорелся сигнал готовности на пульте приема.

Он мигнул. Загорелся вновь, и сначала никто не понял, что происходит.

За прошедшие дни все привыкли, что сигнал гореть не может.

Сигнал горел стабильно.

Станцо поднялся, задействовал основной пульт.

Джонсон сообщил на пульт управления, что есть связь с Землей.

Еще через двадцать две минуты с Земли пришла гравиграмма. Краткая.

«Ждите переброску». И все необходимые данные — точное время, масса, спецификация.

27.

Гражина, единственная на корабле, не знала, что произошло.

Она была в каюте, и внутренняя связь у нее была отключена.

Павлыш, как только смог, побежал к ней.

С момента приема гравиграммы прошло лишь пять минут, и потому все были так заняты в телепортации, что никто толком не успел задуматься о смысле случившегося. Но, конечно, обрадовались. И ждали, что будет.

— Гражина! — вбежал Павлыш. — Знаешь, что случилось?

— Связь, да? — Голос Гражины звучал испуганно.

То, что Гражина сразу догадалась о самом невероятном, было даже обидно.

— Как ты догадалась?

— Я думала об этом, — ответила Гражина. — Как раз сейчас я думала об этом.

Ты ждала этого? — И тут Павлыш понял, что ничего хорошего не случилось. Что жизнь, которая недавно началась так сложно и драматично, настоящая необычная жизнь, кончается. Словно видеопленка.

— Я боялась этого, — сказала Гражина.

— Но мы с тобой останемся, ведь у нас все по-прежнему? Да?

— У нас с тобой — наверное. Только вокруг все иначе.

— Подожди! Мы же не знаем. Может, связь временная! Может, ничего еще не будет.

— Ты смешной человек, Павлыш. — Гражина подняла руки и сильно схватила пальцами за его плечи. — А я боюсь.

— Но мы можем сказать, что уже решили остаться на порту до конца...

Павлыш осекся. Зачем говорить чепуху?

Чрезвычайные обстоятельства прекратились, началась обыкновенная жизнь, к которой надо привыкать. И это тоже не очень просто.

28.

Первая переброска произошла на следующий день.

Милев, из второго экипажа, пройдя обследование после перелета, перешел в кают-компанию. Он сказал, что экипаж «Антея» на Земле уже называют «зимовщиками». Как древних полярников.

Оказалось, что Домбровский был прав. Но лишь частично.

Энергетический порог переброски существовал. Но это был не предел телепортации, а лишь порог.

Обрыв связи случился неожиданно. И земному Центру понадобилось несколько дней, чтобы установить новые гравироторы.

В первые дни все ждали вестей о возвращении «Антея». Это было крушением давней мечты, крушением образа жизни.

Потом стало ясно, что «Антей» продолжает путь к Альфе Лебеда.

— Ну, ребята, — сказал Милев, — приготовьтесь воз-

вернуться героями. Вы бы почитали, что о вас пишут, послушали, что говорят. Я вчера еще был самым популярным типом на планете. Я летел к тем самым, Которые Пожертвовали Собой Ради Человечества! Ну, ребята... — Милев был возбужден, он чувствовал себя гонцом добрых вестей.

Его слушали смущенно. Ведь, честно, никто не был героем.

— Желающие из новой смены, из моей смены, могут вернуться до срока. Конечно, это влетит Земле в копеечку, но мы все понимаем — нервное напряжение почище, чем у первого космонавта...

Он засмеялся, и некоторые вежливо улыбнулись.

Павлыш понимал, что никуда он сейчас не улетит. Ему осталось десять месяцев практики, и он их проведет на «Антею». Только без Гражины. И все десять месяцев будет думать: а что она сейчас делает? И ему будет страшно вернуться.

Гражина положила ладонь на руку Павлышу.

— Ничего, — сказал Павлыш очень тихо, чтобы не перебивать монолога Милева. — Мы потерпим.

Гражина убрала руку.

29.

Гражина улетела через день. Первой, потому что все еще была нездорова.

— Ты дождешься меня? — спросил Павлыш.

— Не знаю, — сказала Гражина. — Я ничего не знаю.

До Альфы Лебеда «Антею» оставалось лететь двенадцать лет и десять месяцев.

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Повесть

Глава первая

С ОПОЗДАНИЕМ НА ГОД

1.

СУДОВАЯ РОЛЬ К/К* «СЕГЕЖА», ПОРТ ПРИПИ-
СКИ — ЗЕМЛЯ-14,
Г/П 304089**

Капитан корабля — Загребин Геннадий Сергеевич.
Старший штурман (старпом) — Баков Алексей Иванович.
Старший механик — Лешук Александр Александрович.
Второй штурман — Бауэр Глеб Андреевич.
Второй механик — Антипин Иван Филиппович.
Третий штурман — Кудараускас Зенонас.
Третий механик — Ткаченко Кира Сергеевна.
Врач — Павлыш Владислав Владимирович.
Радист — Цыганков Юрий Петрович***.
Повар — Ионесян Эмилия Кареновна.
Практиканты — Райков Христо, Панова Снежина****.
Пассажиры — корона Аро, корона Вас.

2.

СРОЧНО Г/П 304089 КАПИТАНУ ЗАГРЕБИНУ ПО
ДОГОВОРЕННОСТИ С ГАЛАКТИЧЕСКИМ ЦЕНТРОМ
ВАМ ПРЕДПИСЫВАЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО ПРЕРВАТЬ
ПОЛЕТ В СЕКТОРЕ 31-6487 ОЖИДАТЬ К/К КОРОНА
КВНШ Г/П 312 ПРИНЯТЬ НА БОРТ ПАССАЖИРОВ
И ГРУЗ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ОБОРУДО-

* К/к — космический корабль.

** Г/п 304089 — галактические позывные к/к «Сегежа».

*** Более известен под прозвищем «Малыш».

**** Стажеры Софийского института космических исследований.

ВАНИЕ ДЛЯ ШАХТ ТИТАНА ПЕРЕГРУЗИТЬ НА К/К
КОРОНА КЕНШ ПРОДОЛЖАТЬ ПОЛЕТ СОГЛАСНО
УКАЗАНИЯМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕНТРА ЖЕЛА-
ЕМ УСПЕХА ЗЕМЛЯ-14 КОЛЛИ

Малыш подписал бланк, поставил время: 8 часов 40 минут. Время судовое. Сеанс связи с Землей должен начаться только через два часа.

Малыш включил экран внутренней связи. На мостике капитан был не один. Он стоял, наклонившись над столом с картами, большими ладонями придавив края, и оба стажера — Снежина и Христо — заглядывали через его плечи, слушали.

«Лучше поднимусь сам, передам мастеру, — подумал Малыш. — Радиограмма персональная, срочная».

Малыш подтвердил прием и выключил передатчик. Сигнал подтверждения, помчавшийся к Земле-14, представился ему в виде зримого тела, пропадающего из глаз, несущегося между потоками метеоров и космических лучей туда, где за много миллионов километров ждет его Агнесса Колли. Нет, она не ждет. Она знает, что сигналу добираться почти полчаса. Она оборачивается к напарнику, рыжему Ахмеду, просит его сбегать за кофе. И Ахмед бежит. А Агнесса, пользуясь минутой одиночества, достает спрятанное в журнале метеоритных сводок письмо от Юры Цыганкова, которого она никогда не называет Малышом и не любит, если называют другие. Письмо уже потерялось на сгибах — кончается вторая неделя, как «Сегежа» стартовала к Титану. Ахмед возвращается с чашкой кофе, Агнесса незаметно прячет письмо. Ахмед улыбается и говорит, что у него есть два билета...

Часы над головой прозвенели четвертушку часа. Восемь сорок пять. У Малыша испортилось настроение. Почему он решил, что Агнесса перечитывает его письмо? Она могла выбросить его, не распечатывая. Малыш включил авторадииста, вышел в коридор.

Коридор был наполнен негромким, многозвучным гулом. В нем сливались далекие голоса, шорох воздуха в кондиционерах, пришептывающие шаги роботов, звон посуды в буфетной — и все эти звуки растворялись, перемешивались и тонули в монотонном, утробном говоре двигателей.

Малыш остановился, с удовольствием прислушиваясь к голосам корабля, одернул куртку, прилепнул ла-

длинные волосы. И увидел доктора Павлыша. Доктор вышел из своего кабинета. Он нес рулон белой бумаги, подгребал им, как веслом. Доктор был более других на «Снегже» похож на идеального космонавта. В порту, на Земле, он облачался в голубой мундир космонавта дальнего плавания; глаза его принимали тогда цвет горного озера, а серебряная змея, обернувшись вокруг чаши над верхним карманом, почему-то производила впечатление штурманского штурвала. Девушки называли его «капитаном». Павлыш улыбался чуть загадочно.

Малыш не устоял перед искушением. Он вспомнил, что доктор все уши прожужжал Снежине об аметистах Титана, хотя сам на Титан не ходил.

— Послушай, Слава, — сказал Малыш. — На Титан не идем.

— Что случилось? — спросил доктор.

— Срочная с Земли, — сказал Малыш, показывая ему издали бланк, и хотел проследовать дальше.

— Стой. — Слава преградил путь рулоном бумаги. — Не води себя как женщина.

— А как? — спросил Малыш.

— Знаешь, они говорят: «Ах, что я знаю, но тебе не скажу».

— Чудак. Видишь же: лично капитану. Выходим на свиданье с «Короной Кенш». Знаешь такой? Г/п 312?

— Еще бы! Это же Галактический центр. Пойду скажу Снежине.

«Ну вот, — подумал Малыш, оставшись в одиночестве. — Почему это не я скажу Снежине?»

— Как дети малые, — пробурчал он сам себе, открывая дверь в рубку. — Скажу, не скажу...

— Ты кому? — спросил Глеб Бауэр, вахтенный штурман.

— Себе.

— Что за депеша?

— Мастеру, — ответил Малыш строго.

— А почему не вовремя? — спросил Бауэр. Он сидел на диванчике в штурманском закутке и читал лоцию сектора. — Что-нибудь серьезное?

Малыш молча прошел в рубку. Загребин стоял у большого экрана, рассказывал какую-то байку практикантам; те хлопали глазами от восторга и по наивности верили каждому слову. Малыш не спеша подошел к ним и встал лицом к мастеру. Рядом с Христо. Сделано это

было с намерением — Христо невелик ростом, а Снежина значительно превосходила Малыша, и тот не любил стоять с нею рядом.

— Геннадий Сергеевич, — сказал Малыш, — Вам срочная с Земли.

Загребин погасил сигарету о пепельницу, прикрепленную к ободу большого экрана, прочел телеграмму медленно и обстоятельно, даже чуть шевелил губами.

Малыш посмотрел на Снежину и обрадовался, что Павлыш не успел ей ничего сказать.

— Что там? — шепнул Христо, толкнув Малыша локтем.

Загребин протянул вдоль пульта большую, мягкую, покрытую веснушками кисть, включил внутреннюю связь.

— Старшего помощника прошу подняться на мостик, — сказал он.

Потом обернулся к Малышу и спросил добрым — обманчиво добрым — голосом:

— Команда уже оповещена?

— Я сюда прямо из рубки, — ответил Малыш. — Разве не понимаю?

— Между приемом и вашим появлением здесь прошло десять минут. Издалека шли?

Дверь отъехала в сторону. Старпом Баков возник на мостике. Скорость, с которой он преодолел расстояние от своей каюты до мостика, была фантастической, но при том Баков сохранял спокойствие и делал вид, что не спешит.

— Учись, — сказал капитан Малышу. — Алексей Иванович, прочтите, — продолжал он.

Малыш отступил на несколько шагов, натолкнулся спиной на Глеба Бауэра. Тот уже поднял с диванчика два метра своих костей и сухожилий. Малыш задрал голову и сказал тихо:

— На Титан не идем. Срочная с Земли-14.

— Шутить, дуся, — сказал Глеб.

— Глебушка, — позвал капитан. — Брось ты эти вторичные источники информации. Разыщи сектор три-один-шесть-четыре-восемь-семь. Запомнишь? Или повторить?

Через сорок три минуты «Сегежа» начала торможение. К этому времени содержание телеграммы было знакомо всему экипажу.

Некоторые особо деликатные операции Эмилия Каренина никому не доверяла, тем более роботам. К их числу относилось мытье и вытирание голубого сервиза. Как-то, еще в прошлом рейсе, она поручила достать его из шкафа Гришке, кухонному роботу. Тот одну чашку тут же разбил. Не хватало и еще одной чашки: ее уронил Йенонас Кудараускас — поставил мимо стола.

Иногда, если накатывало плохое настроение и надо было успокоиться, отвлечься, тетя Миля осторожно извлекла тонкие фарфоровые чашки из гнезд в шкафу, обдавала их теплой водой и насухо протирала чистым махровым полотенцем.

За полуоткрытой дверью трепетали голоса; приглушенный, доносился грохот из трюмов. Тетя Миля перетирала голубые чашки.

— В первом же порту расчет, — говорила она, глядя в белую стену буфетной. — В первом же порту.

Крупная слеза сорвалась с ее ресницы и гулко щелкнула по тонкому фарфору. Тетя Миля подставила чашку под кран, смыла слезу.

В коридоре завершали роботы, и Глеб Бауэр прикрикнул на них, чтобы не портили обшивку.

Снежина заглянула в буфетную, хотела напиться, увидела, что тетя Миля перетирает чашки, заподозрила неладное, взмахнула большими красивыми руками:

— Что-то случилось? Кто вас обидел, Эмилия Кареновна?

— Никто, — сказала тетя Миля. — Никто не обидел. Чего тебе, Снежка?

Снежина поправила волосы, самые пышные и самые черные волосы в Космическом флоте, и села на вертящийся табурет. Она была дотошна и обстоятельна. Она любила ясность.

— Я не верю. Рассказывайте.

Тетя Миля прижала чашку к груди. Поняла, что рассказывать придется. Да и хотелось.

— Я их ждала, — начала она. — Как ждала! Вся команда свидетель. Торт сделала со словами «Добро пожаловать» по самой середине... В холодильнике стоит. Каравай был, ты сама видела. Соль на верхушке. Ты же знаешь, я перегрузок совершенно не выношу, а пока тормозили, из камбуза не вылезала фактически, даже

Гришку моего отключила. Все сама. Правда, Кирочка Ткаченко немного помогала, она это любит. Потом вышла к тамбуру, а как увидела — каравай Кирочке, а сама сюда. Плохо мне, просто не могу. Такое впечатление, словно в детстве снились, в кошмаре.

— А вы их разве на Земле не видали? — удивилась Снежина.

— Там у нас, на базе, другие были, двигатели монтировали. Милые такие, с тремя ногами, аккуратные, глазастые. А этих я как увидела — каравай Кирочке сунула и бежать. Даже стыдно, но ничего с собой поделать не смогла. Ой, идет...

Тетя Миля непроизвольно зажмурилась. Вцепилась пальцами в край стола — даже суставы побелели.

Снежина обернулась. Мимо открытой двери прошла хвостатая жаба. У жабы были длинные тонкие руки. Она жестикулировала ими, объясняя что-то семенившему рядом Малышу.

— Ты иди, — произнесла тетя Миля тихо, не открывая глаз. — Мне самой стыдно, ты не думай. Только пирожок сверху возьми, из белой кастрюли. С рисом и яйцами.

Снежина вздохнула, мотнула головой, рассыпав по плечам чудесные волосы, открыла шкаф и взяла из белой кастрюли пирожок.

— Это очень крупные ученые, — сказала она.

— Я знаю, — согласилась тетя Миля. — Во мне животный атавизм пробудился.

— Вы к ним обязательно привыкнете, — утешила ее Снежина. — Можно еще один пирожок?

— Возьми. Только один. Скоро обед.

В буфетную заглянул Христо.

— Извините, — сказал он. — Снежина за схемой пошла, а я жду. Извините. — У Христо печальные карие глаза и подвижные брови, движущиеся в такт губам. — Извините, — повторил он еще раз.

— Мы пошли. — Снежина отломила практиканту половинку пирожка. — Все будет хорошо.

В коридоре Снежина вспомнила, что хотела пить, но возвращаться не стала.

4.

В два тридцать громыхнул гонг. Загребин купил его в Рангуне, когда был в отпуске. Такого гонга не было больше ни на одном корабле. С боков его поддерживали

роботами слоны из тикового дерева. В гонг любили бить роботы. Даже чаще, чем нужно.

Снежина подошла к зеркалу. Зеркало у нее в каюте было похоже на грушу или на голову императора Франца Луи-Филиппа, каким его рисовал Домье. Зеркало придумал какой-то умник из Института интерьеров. Снежина предпочла бы самое обычное, круглое или четырехугольное.

Снежина поглядела в зеркало и понравилась себе. Она не была самовлюбленной. Просто Снежина настолько красива, что даже сама это признавала. Причесываясь, она вдруг улыбнулась. «А ведь и мы им не нравимся, — подумала она. — И я тоже для них уродлива».

Вошла Кирочка Ткаченко. Кирочка ниже Снежины на две головы, беленькая и почти прозрачная. На медкомиссии она тратит втрое больше времени, чем любой космонавт. Врачи не могут поверить, что она здорова, настолько здорова, чтобы работать третьим механиком на «Сетеже».

— Идешь обедать, Снежка? — спросила она.

— Иду. Сейчас. Заколоть волосы или так?

— Так, — сказала Кирочка. — А я одна боюсь в кают-компанию идти. Вдруг они уже все за столом сидят, я иду, а мастер скажет: «Вот наш третий механик, вы не думайте, что она у нас такая маленькая и тоненькая...». Ну знаешь, как он всегда гостям говорит.

— Чепуха, — сказала Снежина, закалывая волосы на шпильке. — Он тебя очень уважает.

— Я не об этом. Это же не обыкновенные гости. С тобой спокойнее.

— Тетя Миля кончила расстраиваться?

— А что?

— Испугалась корон.

— По-моему, ничего особенного.

— Ну, а как теперь? — Снежина обернулась к Кирочке.

— Я же говорю: ты как ни причешешься...

— А мне они сначала тоже страшными показались, — призналась Снежина. — Мир полон неожиданностей.

— Пошли, и в самом деле сегодня опаздывать не стоит.

Девушки спустились по трапу. У экспериментального номера стенгазеты, полностью сделанного роботами, стоял доктор Павлыш.

— Жуткое зрелище, — сказал он. — Все правильно.

Даже есть анонимное письмо в редакцию: «Долго ли гонг будет звенеть в неположенное время?»

Доктор Павлыш церемонно предложил дамам обе руки, и двери в кают-компанию раскрылись.

— С вашего разрешения, — кивнул Павлыш старшему штурману.

— Пожалуйста, — ответил Баков.

Его казачий чуб и усы были тщательно расчесаны. Старпом был в парадной форме. Знак космонавта дальнего плавания вбирал в себя свет люстры и разбрасывал его зайчиками по углам кают-компаний.

Все свободные от вахт члены экипажа уже сидели за столом. Снежина прошла на свое место между Павлышом и Кудараускасом.

Кухонный робот Гришка в кокетливом белом передничке (тетя Миля сшила для уюта) раскладывал приборы.

— А где тетя Миля? — спросил Малыш.

— Эмилия Кареновна, — позвал Баков. — Мы вас ждем.

— И праздничный торт тоже, — вставил Малыш.

— Эмилия Кареновна не придет, — быстро сказала Снежина. — Она себя плохо чувствует.

— Как так? — Старпом строго посмотрел на Павлыша.

Павлыш густо покраснел — румянец мгновенно разбежался по щекам, подобрался к голубым глазам и даже залил лоб.

— Она ко мне не обращалась, Алексей Иванович.

— Ничего особенного, — сказала Снежина. — Медицинская помощь не требуется.

Как-то все одновременно замолчали, и затянувшаяся пауза заставила всех обернуться к двери. «Сейчас они войдут, — подумала Снежина. — Может быть, им тоже немножко не по себе. Они войдут, увидят длинный стол: на одном конце место капитана, на другом — старшего помощника. Нам этот стол уже настолько знаком, что мы его и не замечаем. А их может удивить. Допустим, у них вовсе столов нет. А там дальше, за полураздвинутой зеленой портьерой, полукругом диван, перед ним шахматный столик, одной пешки не хватает; нарды: в них играют Малыш с доктором. На стене по обе стороны от двери — картины. Одна — чайный клипер, срывающий в стремительном полете верхушки волн, другая — лесное озеро...»

Капитан Загребин открыл дверь, чтобы пропустить го-

тей. Сначала корону Аро, потом корону Вас, а может, и наоборот. Загребин вошел за ними.

— Добрый вечер, — сказал он.

Загребин был официален и несколько торжествен. Густые волосы зачесаны назад, на макушке хохолок.

— Разрешите представить, — произнес он, — наших гостей. С сегодняшнего дня — членов экипажа.

Гости заняли все свободное место между столом и дверью. Они были на голову ниже Загребина, но куда тяжелее и массивнее. Хвосты они закинули на плечи, чтобы не задеть мебель. Концы хвостов, роговые, раздвоенные на концах, чуть шевелились. Гостям было тесно и неуютно. Они волновались.

— Добрый вечер, — сказал один из гостей.

На груди у него висела черная коробочка лингвиста.

Члены экипажа по очереди подходили к гостям, чтобы представиться. Все отлично понимали, что этого не следует делать — церемония затянулась, каждому приходилось огибать стол, протискиваться между стульями, потом возвращаться на свое место. Загребин не догадался сказать: сидите, но ошибку исправлять не стал, а отступил на шаг, в дверной проем.

Когда дошла очередь до Снежины, она протянула руку, и рука короны, тонкая, шершавая, как газетный лист, легко сомкнулась вокруг ее кисти. Снежина посмотрела в глаза гостю, отклонив голову подальше от страшноватого рога на хвосте. Глаз было несколько. Они протянулись цепочкой поперек головы.

— Корона Аро, — сказал гость.

Чешуйчатая зеленая кожа на его теле оказалась тонким комбинезоном.

— К сожалению, — добавил Загребин после того, как Малыш, последний из членов экипажа, вернулся на свое место, — наши гости не могут обедать с нами в кают-компании. У них есть запас питания, которое отличается от нашего...

Снежине показалось, что со стороны буфетной донесся вздох облегчения.

Корона Аро — он был в более темном комбинезоне — потрогал концами соединенных перепонками пальцев сиденье кресла. Руки его были такими длинными, что ему даже не пришлось нагибаться. Загребин указал ко-

роне Вас кресло по другую руку от себя. Сам не сел — ждал, когда усядутся гости.

— Рискните, — сказал Павлыш.

— Разумеется. — Аро как-то сжался с боков, вытянулся, мягко вошел в круг сиденья, охваченного подлокотниками, и замер, будто ждал, не упадет ли кресло.

— Очень удобно, — сказал он.

— Интересно, сколько они весят? — спросила шепотом Снежина у Павлыша.

За столом наступила секундная тишина, и все услышали шепот Снежины.

За Павлыша ответил Аро:

— Около ста тридцати килограммов.

Баков посмотрел на Снежину укоризненно. Он умел укоризненно смотреть на практикантов. Снежина не поднимала глаз, но чувствовала его взгляд.

— А я — сорок шесть, — сказала Кирочка Ткаченко, чтобы разрядить неловкую паузу.

— Спасибо, — ответил Аро.

Гришка в белом передничке заглянул в кают-компанию и спросил:

— Суп подавать?

— Пожалуйста, — кивнул Баков.

— И не забудь наших гостей, — сказал Загребин. — Ты знаешь?

— Да, я помню, — ответил робот.

Гришка поставил на стол супницу с борщом и принес коронам поднос с желеобразными кубиками.

— Передайте мне, пожалуйста, хлеб, — попросил Кирочку Малыш, краем глаза наблюдая за тем, как короны перекладывают кубики желе себе в тарелки. Они делали это ложками, посмотрев предварительно, как пользуются ложками люди.

5.

— Слава, — спросила Кирочка Павлыша, — чем можно объяснить — такая древняя раса, а хвосты не атрофировались?

— Может, у них есть полезные функции, — ответил рассеянно Павлыш. — Надо будет поинтересоваться.

— Тебе хочется их исследовать? Взять анализ крови? — спросила Снежина, затягиваясь. На первом курсе ее чуть не исключили из института за курение.

.. Бессмысленно. — Павлыш посмотрел в зеркало, по-
хожее на Луи-Филиппа, и пригладил тугие кудри. — Все
равно что шимпанзе захочет взять анализ крови у меня.
И сейчас о другом думаю: почему капитан до сих пор не
рассказал нам, куда и зачем мы летим?

— Может, он сам не все знает? — предположила Ки-
рочка.

— Они пошли на мостик, — сказала Снежина.

— Кто — они?

— Мастер, старпом и короны.

— А почему они все короны? — спросила Кирочка. —
Прижила бы ты, Снежка, курить. Дышать нечем. Слава
как доктор мог бы тебе сказать, что это вредно.

— Знаю без него. — Снежина погасила сигарету. —
Хронический кашель курильщика, потом искусственные
легкие и скучная старость в санатории.

— Может, и обойдется, — сказал Павлыш. — Чем мы
можем быть полезны коронам? Я понимаю: если их надо
куда-то подвезти, а собственный корабль далеко. Но
ведь они же летели на своем.

— Вот что, Слава, — сказала Кирочка, — хочешь по-
спорим, что через полчаса ты все будешь знать?

— Капитан просит свободных от вахт членов экипажа
собраться в кают-компанию, — раздался голос Бакова по
внутренней связи.

— За тобою, Слава, торт ленинградского «Метропо-
ля», — улыбнулась Кирочка.

— И, кажется, уже восьмой, — заметила Снежина.

— А я и не спорил, — сказал Павлыш. — Кстати, тор-
тов всего пять.

6.

Короны сели рядышком на диван. «Я к ним еще при-
выкну», — подумала Снежина. Она успела забежать к те-
те Миле. Тетя Миля уже знала, что короны не будут пи-
таться в кают-компании, и относилась к ним куда мягче.
Она даже сказала: «Правильно, что привезли с собой про-
дукты. Чего мучиться на нашем рационе? Чуть ли не
все — консервы. Луку всего килограммов пять осталось».

Загребин оглядел кают-компанию: все ли удобно уст-
роились?

— Цыганков, — обратился он к Малышу, — в ногах

правды нет. Разговор может получиться долгим. Эмилия Кареновна, вы не заняты?

— Иду, — отозвалась из буфетной тетя Миля. Капитана она не посмела послушаться. Тетя Миля села за спиной Бауэра, подальше от корон.

— Сначала, — сказал Загребин, — я прочту перевод одного донесения. Этот перевод только что закончил Мозг. Поэтому я не рассказал все сразу после обеда. Я понимаю, на вашем месте я бы тоже удивился: чего это мастер таится?

— А мы нет, — сказал уверенно Малыш.

— Не верю, — отрезал Загребин и развернул лист бумаги. Потом с секунду подумал, свернул его и снова продолжил: — Перед тем как прочесть, скажу в двух словах предысторию этого документа. Как вы знаете, Галактический центр в последние годы ведет большую работу, чтобы исследовать звезды, и в первую очередь планетные системы нашей Галактики. Работа эта долгая, трудная, и Галактический центр привлекает к ней всех, кто может быть полезен. Не исключено, что после окончания нашего рейса «Сегежа» тоже уйдет в дальний поиск. Почему я называю «Сегежу», вы, надеюсь, понимаете. Пока на Земле кораблей этого класса три. Двигатели для них монтировали с помощью специалистов Центра. Мы можем прыгать сквозь пространство. Без этого Галактику не освоишь. Так вот... — Загребин посмотрел на корон, которые сидели неподвижно, то ли опасаясь сломать диван, то ли внимательно слушали. В присутствии гостей Загребин немного стеснялся. Вроде бы стесняться нечего: корабль как корабль и команда хорошая, а все-таки... — Так вот, — повторил Загребин, — в ходе этих исследований... Шестнадцать лет назад Галактический центр встретился с нами. То, что он встретился с нами случайно, хотя мы уже самостоятельно вышли в космос, говорит, как трудны эти поиски. Могли бы не встретиться еще десять лет. К настоящему времени исследовано семь процентов планетных систем Галактики. Еще процентов тридцать планет находится под наблюдением. Среди них существует несколько пригодных для жизни. Одна из таких планет названа условно Синяя. Туда мы и летим.

Стало очень тихо.

— Расстояние? — вдруг спросил Иван Филиппович Антипин, второй механик.

— Десяносто три световых года отсюда, — сказал корона Аро. — Большой прыжок.

Снова пауза. Тогда капитан пригладил хохол на затылке и продолжил:

— Возникают вопросы. Несколько вопросов. Они возникли у меня, значит, и у вас тоже. Первый вопрос: почему мы туда летим? Второй: почему именно мы? Третий: зачем? Правильно?

— Правильно, — подтвердил Антипин. У него эти вопросы тоже возникли.

— Сначала ответим на первый. Для чего я и прочту заявление. Это длинный и очень подробный документ. Он будет лежать здесь, на столе, и каждый может прочесть его целиком, не торопясь. Я тут подчеркнул некоторые места. На них и остановлюсь...

Загребин снова развернул мелко отпечатанный лист перевода.

— Начинается он обращением: «Галактическому центру. Доклад автоматического разведдиска Г/п 31-4576. Цель полета — исследование планеты Синяя, на которой отмечен ряд взрывов большой мощности, очевидно, ядерного происхождения. Определение характера взрывов (сигнальный, конфликтный, нападение извне) и дальнейших мер».

— Ну и ну, — сказал тихо Павлыш.

— У меня у самого вопрос к нашим гостям, — произнес капитан.

— Пожалуйста, — ответил корона Аро.

— Откуда шло наблюдение за Синей планетой? Из Галактического центра? Визуально? Ведь расстояние — несколько парсеков.

— Другими словами, вы хотите спросить, когда произошли взрывы? Немногим более года назад, — сказал корона Аро. — Наблюдение велось не с нашей планеты, а с наблюдательной станции того сектора Галактики. А оттуда сигнал шел по каналу Галактического центра. Практически немедленно. Через три месяца после взрывов к планете ушел разведочный диск. Я правильно ответил на вопрос?

— Спасибо, — кивнул капитан. — Продолжим чтение: «При подлете к Синей планете уточнены ее физические характеристики. Диаметр по экватору — 13000 километров, расстояние до светила...». Ну, тут идет целый ряд длинных... ага, вот, что нас интересует: «Температура на

поверхности в пределах от плюс до минус тридцати градусов по Цельсию; состав атмосферы: кислород — двадцать восемь процентов, углекислый газ, азот, инертные газы; семьдесят процентов площади планеты покрыты водой...» Ну, и так далее. Теперь самое главное: «При первом облете планеты на высоте 100 километров обнаружены многочисленные следы разумной деятельности населяющих ее существ. А именно, города, гидротехнические сооружения, дороги, открытые выработки и так далее. Живых существ на планете нет. После перехода на более низкую орбиту стало возможным с уверенностью утверждать, что цивилизация на Синей планете достигла технологического уровня раннеатомной эпохи. Периода конфликтов. Очевидно, один из таких конфликтов стал для планеты гибельным»...

Корона Аро медленно повернул голову, вглядываясь в лица членов экипажа. Все молчали. Ждали.

— ...«Радиация на планете достигает такого уровня, что биологическая жизнь того типа, который обитал на планете до возникновения конфликта, невозможна. Предполагаем, что даже если кто-то из обитателей Синей планеты смог спрятаться во время катастрофы в подземном укрытии, к настоящему времени он уже погиб. Уровень радиации опускается крайне медленно. Во время конфликта на планету враждующими сторонами было сброшено несколько сот крупных ядерных устройств и уничтожено большинство населенных пунктов». — Загребин аккуратно сложил листок и разгладил его. — Вопросы есть? Ясно теперь, куда мы направляемся?

— Боже мой! — вздохнула тетя Миля. — Всю свою землю погубили?

— Да, — сказал корона Аро. — Не осталось даже животных, даже птиц. Там совершенно пусто.

— А как возник конфликт? — спросил Кудараускас.

— Мы еще не знаем.

— И наша задача узнать как можно больше о погибшей цивилизации?

— И это тоже, — подтвердил Аро.

Капитан Загребин сел рядом с гостями на диванчик. Предоставил им возможность отвечать на вопросы.

— Почему именно мы? — спросил Павлыш. — Наш капитан сам задал этот вопрос несколько минут назад.

— Я отвечаю? — обернулся к капитану корона Аро.

— Конечно, — сказал капитан. — Вы лучше меня знаете.

Капитан положил на столик лист с переводом донесения, и тут же Антипин протянул руку и взял его со стола. Снежина заглянула Антипину через плечо. Донесение было напечатано на знакомом аппарате: еще вчера Снежина получала у Мозга консультацию по хранению запасных стержней; консультация была выполнена на такой же бумаге и этим же шрифтом.

— В документе, который взял механик Антипин, — сказал корона Аро (Антипин поднял голову, удивился, что корона уже запомнил его имя), — есть этому объяснение. Разведиск совершил посадку в одном из городов, взял пробы воздуха, почвы, нашел кое-какие предметы, изготовленные обитателями Синей планеты. Среди них оказалось и вот это. — Аро оттянул зеленую чешуйчатую кожу на боку — обнаружился карман — и осторожно вытащил фотографию. На ней был изображен человек. Человек стоял на берегу озера, в тени остролистого дерева. Человек улыбался.

7.

Последней фотографию рассмотрела Эмилия Кареновна. Она отдала ее обратно и громко всхлипнула. Малыш обернулся, хотел сказать что-то, но не сказал. Корона Вас подкрутил настройку лингвиста — видно, принял всхлипывание за непонятное и не переведенное лингвистом слово.

— Вот так, — сказал Загребин. — Туда мы и летим.

— На кладбище, — добавил Бауэр.

— Что же раньше-то не видели? — спросила тетя Миля.

— Знаете же, — сказала Кирочка, — увидели взрывы. И было поздно.

— Такое могло случиться и с нами, — заметил Кудраускас. — Но мы справились.

— Вы справились, — сказал корона Вас. — И мы тоже.

Голос его звучал очень ровно, нивелированный динамиком лингвиста.

Фотография человека на берегу озера легла на стол.

— Странное чувство, — произнесла Снежина. — Если бы я знала, что он просто умер, была бы фотография, как фотография. А я знаю, что не только он умер — умерли все они. Представляете, все. Они строили дома, ждали друг к другу в гости. Думали, что их дети тоже

будут строить дома и ездить в гости. И теперь нет никого — ни детей, ни домов. И некуда ездить в гости. И мы опоздали. На один год. И наверное, когда последние из них умирали, они знали уже, что больше ничего не будет. Так значительно страшнее умирать, когда знаешь, что больше ничего не будет...

— А почему все-таки мы? — спросил Бауэр. — Почему вы не полетели сами, на своем корабле?

— Это ясно, — ответил Малыш быстрее, чем успел сделать это корона. — Те были такие же или почти такие же, как мы. И мы лучше поймем все, что у них было. Лучше.

— Да, вы правы, — сказал корона Аро. — Вам ближе все, что создано на той планете. Когда мы получили донесение, то нас просто поразило совпадение. Природа редко повторяется. Вернее, совсем она не повторяется. Но так случилось, что Синяя планета очень похожа на Землю. И эволюция на ней проходила по похожим на земные путям. Конечно, бывшие обитатели ее — не совсем люди. Мы покажем вам материалы разведки. Они отличаются от вас. Но во всей Вселенной они существа наиболее близкие вам. И я понимаю ваши чувства. Очень прискорбно узнать, что во Вселенной у вас были братья и ваши братья погибли. Но если бы вопрос шел только о сборе материалов, мы не стали бы просить Землю, чтобы был выделен корабль для полета на Синюю планету...

Наступила пауза. Тишина. Малыш приоткрыл рот, чтобы сказать свое «я знаю», но промолчал. То был редкий случай, когда даже Малыш не знал, что сказать.

— Пожалуй, здесь трудно будет объяснить, — произнес капитан.

— Да, — согласился корона Аро. — Мы прибыли к вам не с пустыми руками.

Снежина поймала себя на том, что внимательно смотрит на тонкопалые руки короны, будто надеется что-то увидеть в них, нечто таинственное и значимое, ради чего «Сегежа» была снята с рейса и получила такое необычное задание.

— Не могли бы сейчас все пройти в нашу лабораторию? — попросил корона Аро. — Мы оборудовали ее в шестом грузовом отсеке. Там мы вам все покажем и объясним.

Оба гостя одновременно поднялись с диванчика и направились к выходу. В дверях корона Аро приостановил-

чтобы пропустить Снежину вперед. Хвост он спрятал
спину

Снежина сказала ему:

— Вы быстро усваиваете информацию.

— Я надеюсь в ближайшее время говорить с вами без
помощи лингвиста, — ответил Аро, — у меня хорошая
память.

Тетя Миля подождала, пока все вышли, чтобы все-та-
ки быть подальше от корон. Но в лабораторию пошла.
Тетя Миле было очень жалко людей. Или почти людей,
которые загубили себя. Она догнала в коридорчике Ки-
рилку и сказала ей:

— Кира, вы уж спросите у этих, может, не они сами,
может, кто к ним прилетел?

— Ну, кто может прилететь?

— Галактика большая, — произнесла тетя Миля.

Павлыш услышал разговор и сам спросил:

— Скажите, корона Аро, а не могло так случиться,
что жители планеты подверглись нападению извне?

— Очень маловероятно, — ответил, не оборачиваясь,
корона. — Но на месте мы все узнаем.

8.

Корона Аро подошел к зеленому пульту, занимавшему
половину дальней стены. Робот обслуживания тихо отка-
тился в сторону, чтобы не мешать ему. Корона Вас оста-
новился у похожего на операционный стол аппарата, по-
крытого сверху прозрачным колпаком и соединенного
шлангами и проводами со вторым, небольшим пультом у
ниголовья.

— Это опытная аппаратура, — сказал Вас. Если в ка-
кой-то компании говорил в основном Аро, то здесь Вас был
более уверен и разговорчив. — Мы закончили ее разра-
ботку несколько месяцев назад. В Галактике она пока
неизвестна. И долго не была бы известна, не случись
несчастья с Синей планетой. Назначение ее — оживать
погибшие или умершие живые существа.

Павлыш, как зачарованный, подошел к столу.

— Если в теле сохранились наследственные клетки,
можно восстановить по ним весь организм, — продолжал
Вас. — В любом живом организме наследственные клет-
ки хранят информацию, включающую его строение,

функции, способ воспроизводства. Не только у нас — и на вашей планете давно уже научились читать эту информацию, вносить коррективы в нее, борясь с генетическими заболеваниями и пороками. И вы и мы много десятилетий назад научились искусственно выращивать зародыши. Следующий шаг — клетка.

— Браун в Массачусетсе работает с мышами, — сказал Павлыш. — Я читал. Но пока...

— Неудивительно, — ответил корона Аро. — Мы начали опыты значительно раньше. И у нас тоже долго не получалось. Проблема была в том, как прочесть информацию, заключенную в мертвой клетке.

— И сколько же времени после смерти клетка хранит информацию? — спросил Павлыш.

— Это зависит от условий, в которых она находилась.

— Но если вы воссоздадите организм по клетке, будет ли возвращена ему память? Вспомнит ли ваше существо о приобретенном опыте? Этого же нет в обычной клетке.

— Вы правы, доктор, — согласился Вас, нетерпеливо постукивая по полу кончиком хвоста. — Нам подходит не каждая клетка.

— Прошел год, — сказала Снежина.

— И все же мы не теряем надежды, — ответил Аро.

— Нам уже удавалось оживлять подопытных животных через несколько месяцев после их гибели, — дополнил Вас, — и сейчас мы продемонстрируем вам наше знание. К сожалению, в нашем распоряжении нет ни одного живого существа, которое можно было бы умертвить. Скажите, на вашем судне есть какие-нибудь животные?

Баков обернулся почему-то к Эмили Кареновне.

— Эмилия Кареновна? — спросил он строго.

— У меня мышей нет, — сказала тетя Миля. — И быть не может.

— Говорила вам, возьмем кота, — напомнила Кирочка. — На «Кейптауне» ведь восемь котят. Любого отдавали.

— Мы этого опасались, — сказал корона Вас и обернулся к Аро. Он отключил лингвиста.

Разговор корон казался похожим на настройку симфонического оркестра — невозможно было уловить одну последовательную линию в разнотонных музыкальных звуках.

— Простите, — опять включился корона Аро. — Мы обсуждали возможность временно убить одного из нас.

Но оставшемуся вряд ли удастся справиться с аппаратурой.

— Ну что вы, — успокоил его Загребин. — Мы что-нибудь придумаем, вы уж не волнуйтесь.

— Я к вашим услугам, — сказал Малыш.

— Не сходи с ума! — остановила его Кирочка.

— А почему и нет? Буду по крайней мере первым искусственно оживленным человеком. Повесть потом напишу. «Полчаса на том свете».

— Нет-нет, — отказался Вас. — Мы не согласны. Так нельзя рисковать.

Тетя Миля вдруг спросила:

— А если мороженную курицу?

— Курицу?

— Это такая птица, — разъяснил Бауэр. — Мы ее употребляем в пищу.

— Только она потрошенная, — сказала тетя Миля.

— Очень хорошо, — сказал корона Вас.

Тетя Миля поспешила в кладовую.

— Придется подождать, пока она согреется, — сказал корона Вас. — Это недолго.

— Мы подождем, — ответил Баков, и концы его племичных усов приподнялись.

Баков впервые летел старпомом и был подчеркнутым патриотом «Сегежи». Придирчиво следил за чистотой, здоровьем, образцовым состоянием экипажа и корабля. За это Павлыш порой ворчал на старпома. «Завтра начнет ставить пятерки и двойки за чистоту в каютах, — жаловался он Снежине. — Или считать калории в супе». Тетя Миля называла его «наш с усами», она не любила, когда посторонние распоряжались на камбузе или в буфетной.

— Мы подождем, — повторил Баков.

Все было в порядке. Мертвое животное на корабле нашлось, потому что на образцовом корабле должно быть все. Неизвестно, что может понадобиться на планете «Х».

Тетя Миля держала курицу за ноги, связанные тесьмой. Кожа курицы была покрыта инеем, переливалась фиолетовыми и желтыми пятнами. Когти растопырены, длинная шея замерзла, закоченел приоткрытый клюв.

— Я выбрала с головой, с мозгами, — сказала тетя Миля.

Вас взял курицу, положил на столик у пульта. Тельце гудко стукнулось о поверхность столика.

Аро подкатил от стены зеленый блестящий ящик. Ящик послушно остановился. Вас откинул крышку, положил курицу внутрь. Корона Аро между тем привел в действие пульт, дрогнули стрелки, побежали по экранам пики.

— Минуты через три-четыре поднимем температуру до нужного уровня, — пояснил корона Вас.

— И вы собираетесь так оживлять людей там? — спросил Бауэр.

— Это зависит от того, найдем ли мы останки достаточной сохранности, которая позволит произвести эксперимент удачно. И вам понятно теперь, почему мы просили снять с маршрута именно земной корабль?

— Да, — произнесла Эмилия Кареновна.

Все повернулись к ней. Тетя Миля густо покраснела и выставила, как бы защищаясь, ладонь перед грудью.

— Я ничего не хотела сказать.

Губы короны Аро загнулись в подобии улыбки.

— Правильно, — сказал он. — Извините, но для нас не секрет: наш внешний вид несколько смущает Эмилию Кареновну. Он ей неприятен. Не так ли?

— Нет, что вы, — быстро проговорила тетя Миля. — Я уже привыкаю.

— Но еще не привыкли. А ведь вы были предупреждены о нашем прилете. Вы знаете, что Галактический центр объединяет существа очень разного типа. Может, даже видели наши изображения. Вы не пережили гибели своей цивилизации. Верно?

— Не пережила, — подтвердила тетя Миля.

— Мы решили, что если оживим хотя бы одного жителя Синей, он должен очнуться среди существ, близких ему.

— Можно начинать, — заметил Вас, который, казалось, не слушал своего товарища.

Снежина шагнула поближе к операционному столу. Остальные тоже.

— Операция займет несколько минут.

Корона Вас положил обмякшую, мокрую курицу под сдвинувшийся колпак. Колпак тут же вернулся на свое место.

— Начинаем. — Аро нажал несколько клавишей на пульте.

Поверхность стола ожила. Из нее выросли зажимы, щупы, иглы, и через несколько секунд курица была крепко опутана и почти скрыта под их слоем. Аппарат тихо заурчал. Снежина достала сигарету, но закурить не решалась.

Она смяла ее пальцами, и табак рассыпался по полу. Бак заметил и сердито зашевелил усами, но ничего не сказал. «Потом скажет», — подумала Снежина.

— В течение первой минуты мы анализируем состав тела, структуру клеток, — сказал Вас.

Павлыш отошел к пульту и старался угадать логику в показаниях приборов.

— Мы просим вас помочь нам, — обратился к нему Аро. — Это несложно.

Минуты тянулись страшно медленно. Секундные стрелки двигались вдесятеро ленивей, чем положено...

Павлыша вдруг охватило холодное чувство надвигающейся неудачи, провала. Сейчас пройдет еще несколько минут, корона Вас засуетится растерянно у приборов, Аро взмахнет вежливо хвостом, скажет: «Простите, но аппаратура экспериментальная...». Однако короны молчали.

— Смотрите, — сказал Христо. — Перо.

Кожа курицы дрогнула. Тонкие стружки молоденьких перьев просверливали ее и росли, как белые былинки.

— Правильно? — спросил Вас. — Я не видел раньше курицу.

Чуть шевельнувшись, наливаясь кровью, гребешок, и дрогнула нога, подтягивая когти.

«Ой, — подумала Снежина, — сколько нам еще работать, пока мы станем, как они. Человек — венец создания. Показать бы средневековым людям кого-нибудь из корон. Человек — венец создания. Чьего? Вот настоящие создатели. Наверное, Павлыш им завидует даже больше, чем я. Он специалист».

Вски курицы дрогнули, она приоткрыла клюв и издавала короткий, хриплый звук. Ей хотелось встать, но, крепко связанная, она могла только озиаться.

Аро отключил аппаратуру. Вас приоткрыл колпак. Щупы и ленты спрятались в стол. Курица забила крылом, встала неловко, будто обучаясь, сделала шаг, торжественно заклекотала и, замахав крыльями так, что в лаборатории поднялся ветер, слетела по широкой дуге на пол.

Все стояли, будто примерзнув к полу, глядели на курицу, а та как ни в чем не бывало подошла к рассыпанному Снежиной табаку и попробовала склевать крошку.

— Ну как? — спросил корона Вас.

— Убедительно, — кивнул Павлыш.

— И вся эта операция заняла двадцать восемь минут, — сказал Антипин.

— Дура эта птица, — произнесла Снежина. — Хоть бы что — гуляет.

— Что ж, я полагаю, что демонстрация окончена. — Загребин посмотрел на часы. — У нас очень много дел. И, по-моему, куда больше оснований спешить к Синей планете, чем раньше. Я думаю, что лучше всего мы выразим восхищение работой наших коллег, если сможем провести подготовку к большому прыжку и выход в точку прыжка за сорок часов. На вахты идут все. Мы со старшим штурманом и стармехом поднимемся на мостик. Остальных попрошу начать подготовку. Еще раз спасибо.

Последнее относилось к коронам.

Капитан вышел из лаборатории. За ним поспешил Баков. Расходились не сразу. Павлыш расспрашивал корон об аппаратуре. Бауэр помог тете Миле поймать курицу.

Малыш посмотрел на них и вдруг хихикнул.

— Ты что? — спросила Кирочка Малыша.

— Я подумал: паровое мясо нам обеспечено. В морозильнике должны быть коровьи туши. Скоро крупный рогатый скот примется расхаживать по кораблю.

— Ты с ума сошел, Малыш, — сказала Кирочка. — Я ужасно боюсь быков и коров. Они бросаются на красное, а я — рыжеватая блондинка.

9.

— Сначала я себя чувствовал очень неловко, — сказал корона Вас. — Мы вторглись в ваш мир, даже перепугали Эмилию Кареновну.

— Нам тоже было не по себе, — проговорила Снежина. — Вы бы сажались.

— Если не возражаете, на пол. У нас нет стульев в вашем понимании.

— Садитесь. Вам налить соку?

— Апельсинового, — попросил корона Вас. — Опять у Аро кончается белок, а синтезатор никак не наладим.

— А вот нам вы помогли, — сказала Снежина, открывая банку с соком. — Вы знаете, тетя Миля соорудила птицам загон и ждет, когда они начнут нестись.

— Нестись?

— Ну, яйца нести, зародышей. Мы их тоже едим.

— Прискорбно, что наши братья по разуму — отъявленные хищники, — сказал Вас.

— Сегодня входим в большой прыжок, — перевела разговор Снежина. — Придется лезть в гермованну. Опять всю прическу испорчу.

Вас был абсолютно лыс. Он не мог понять соображений об испорченной прическе.

— Хороший сок, — заметил он. — Немного кислый.

Он приоткрыл один из карманов, достал какой-то паке-тик, насыпал в стакан порошка. Сок вскипел и потемнел.

— Теперь совсем хорошо, — сказал корона Вас. — Я последние полгода не выходил из лаборатории. Когда близко решение большой задачи, остальное отступает на задний план. И однажды мы включили наш аппарат и положили туда высушенную труку — это такое насекомое. И вдруг он подпрыгнул.

Воспоминание было таким ярким, что Вас закрыл все глаза и застыл с поднятым стаканом в перепончатой руке.

— Мы бы еще долго испытывали. И вдруг это известие. Тогда к нам прилетел Координатор и спросил, сможем ли мы немедленно вылететь к Синей планете. Это большая честь. И я чувствую себя великим ученым.

— Вы не страдаете излишней скромностью, — улыбнулась Снежина.

— А разве я не прав? Чье изобретение было применено для того, чтобы спасти целую планету?

— Вниманию пассажиров и членов экипажа, — вдруг произнес динамик в углу. — Через двадцать минут объявляется готовность номер один к прыжку через пространство. Просим всех членов экипажа проверить состояние кают и служебных помещений. Для пассажиров подготовлены ванны второго резервного отсека. Повторяю, второго резервного отсека.

— У нас еще есть несколько минут, — сказал корона Вас. — Я немного опасался, что различия во внешнем облике, в привычках помешают нам работать вместе. Но, по-моему, прошедшие пять дней...

— Тетя Миля вчера сама к вам в лабораторию ходила. Одна, — напомнила Снежина.

— И, пока ждала, рассказывала Аро, что на Земле есть небольшие земноводные, похожие на нас. И она с детства их не любит.

— Они называются жабами, — добавила Снежина. — Они крайне низко организованы.

10.

Когда роботы задраивают колпаки ванн, в которых членам экипажа придется перенести ничтожно малое и в то же время бесконечно долгое время большого прыжка, люди начинают думать быстрее, чем обычно. Вся эта процедура чем-то похожа на собственные похороны. Правда, сравнение это бродит только среди курсантов и журналистов. Космонавты стараются делать вид, что дематериализация во время прыжка — обычная и несложная процедура, проще, чем перегрузки торможения. И все-таки...

Двигатели того типа, что стоят на «Сегеже», появились на Земле меньше десяти лет назад. Через несколько лет после того, как в ее жизнь вошел Галактический центр. Вошел он без фанфар и барабанного боя. На лунную базу опустился диск. Из него появились незнакомые существа и на хорошем французском языке (база была французской) сказали, что по договоренности с экипажем корабля «Антарктида», с которым встретились на одной из недалеких (сравнительно) систем, они привезли с собой почту «Антарктиды». Ведь она вернется на Луну через четыре года, так что почта, наверное, представляет интерес для родных и близких...

Двигатель, установленный на корабле Галактического центра, позволял перемещаться через нуль-пространство так называемыми прыжками. Так что сам полет состоял из вылета в открытый космос, набора крейсерской скорости, подготовки к прыжку и затем снова торможения у нужной точки пространства. Полет на Плутон и полет на окраину Галактики занимал примерно одно и то же время — три-четыре недели. Столько требовали процедуры разгона и торможения.

«Сегежа» была одним из первых кораблей, построенных с галактическим двигателем. Она была диском, около ста пятидесяти метров в поперечнике, — издали ее трудно было отличить от других галактических кораблей. Полет на Титан, с которого ее сняли для участия в спасательной экспедиции на Синюю планету, был ее вторым путешествием. До этого в прошлом году «Сегежа» участвовала в экспедиции к Сириусу. Так что для

большинства членов экипажа прыжок был уже не в новинку. И капитан, и Бауэр, и Кудараускас были знакомы с ощущением медленного, не очень приятного погружения в сон и еще более неприятного пробуждения после выхода из прыжка.

Болгарские практиканты и Баков летели на таком корабле впервые. Они, правда, провели несколько сеансов в тренажных ваннах Памирского института. Но там прыжок был условен. Когда просыпаешься, видишь все тот же пик Маяковского и то же стадо яков, которое успело за время, пока ты был без сознания, опуститься на несколько сот метров с перевала.

На этот раз между началом и концом сна протянутся мириады километров, число которых доступно математике, но не разуму.

Роботы задраивали крышки ванн. Движения их были спокойны и неспешны. Для них не играло роли, людей они запаковывают или посуду.

Антипин, вахтенный механик, который войдет в ванну последним, когда убедится, что остальные заснули и корабль готов к прыжку, проверял герметичность ванн и соединений, улыбался запеленатым, будто мумии, товарищам, переходил к следующей ванне.

...В эти минуты люди начинают думать быстрее, чем обычно. Баков поймал себя на мыслях о Черном море, о теплой гальке пляжа, о пене, взлетающей над набережной Алушты, о солнечных бликах на волнах. Отогнал настойчивое видение, представил, что идет по кораблю: нет ли забытых, неукрепленных, брошенных вещей? У Павлыша в медкабинете? В буфетной? Запаковала ли Милия Кареновна голубой сервиз? Баков из чужих рассказов знал, что при выходе из большого прыжка обязательно обнаруживается недостача различных вещей: на большом корабле всего не учесть, каким бы старательным старпомом ты ни был. Уж очень силен толчок. Но даже зная это, Баков всем существом противился подобной неизбежности. Такое могло случиться на любом корабле, но «Сегежа» не должна подвести...

Снежина представила себе разрушенную мертвую планету. Ветер, дующий между островами домов. То ли старый кинофильм, то ли прочитанная и давно забытая страшная книга придала видению конкретность вплоть до деталей: повисшего на остатках балок балкона, оста-

новившихся круглых часов на столбе, детской куклы, брошенной посреди мостовой...

Корона Вас думал о том, что после прыжка опять будет болеть голова, вернутся короткие обмороки, неожиданные и унижительные. Потом почему-то подумал, что эволюция обделила людей, дав им только два глаза, сильно ограничив им поле видимости. Сам же он отлично видел и голубой потолок отсека, и дно ванны, блестящее и мягкое, охватившее тело снизу...

Агнесса Колли, сильно приукрашенная воображением Малыша, заглядывала ему в глаза и шептала о том, что обязательно дождется. Последняя радиограмма, подписанная ею, пришла перед самым прыжком. Земля-14 давала «добро». Ближайшие несколько недель, а то и месяцев разделят радистов так надежно, что, захоти Агнесса наконец сказать Малышу «да», новость эта затеряется где-то на полпути к «Сегеже», пропадет, иссякнет.

Антипин убедился, что все в порядке. Включил газ. Он стоял на мостике один, смотрел, как стрелка тянется к красной черте. Он знал, что сейчас мысли пассажиров и космонавтов путаются, превращаются в сны, пропадают. Голубой газ медленно заполняет ванны, охлаждая тела, закутывая их надежно и плотно.

— Что ж, пора и нам, — сказал себе Антипин. Включил сирену «готовность-ноль».

Роботы послушно бросились к амортизаторам. Лишь последний, которому предстоит задраить ванну механика Антипина, шел сзади, пришепывая ступнями по упругому пластику.

Корабль был мертв. Спал, заколдованный. И Антипин, словно принц, разыскивающий спящую красавицу, медленно шел по его дремучему лесу. Спешить некуда. До прыжка еще девятнадцать минут.

...За тридцать секунд до прыжка «Сегежа» проверила себя: все ли механизмы готовы, все ли живые существа надежно спрятаны, все ли роботы догадались закрепить-ся. Приборы доложили: все в норме.

Корабль содрогнулся — никто из людей уже не почувствовал этого — и, растворившись в космосе, субматериальной волной ринулся к точке, отстоявшей на девяносто три световых года от Земли и на два миллиона километров от Синей планеты.

Глава вторая

ЗДРАВСТВУЙ, АДАМ!

1.

Хуже всего перенес прыжок корона Аро. Павлыш приказал роботам перенести его в госпиталь. Аро терял сознание и в бреду старался сорвать коробочку лингвиста. Вас припелся в госпиталь, чуть только пришел в себя, у него оказался с собой целый ящик лекарств.

С мостика позвонил капитан. Спросил у короны Вас, как торможение может отразиться на здоровье Аро. Вас не знал. Договорились отложить торможение на десять часов. «Сегежа» на крейсерской скорости пошла по большому дуге вокруг Синей планеты.

Быков, расчесав казацкий чуб, обходил корабль. Настроение было плохое: «Сегежа» подвела. Роботы занимались ремонтом приборов, пострадавших при толчке. Тетя Миля спрятала разбившуюся чашку, уже третью, в шкаф. Потом попросит Кирочку склеить — у нее золотые руки.

Вынужденная пауза нарушила размеренное течение жизни «Сегежи». Свободные от вахт собрались в кают-компанию, в десятый раз читали отчет разведчика, разглядывали фотографии. Малыш пытался убедить Кудараускаса в том, что жители Синей планеты — потомки атлантов. Кудараускас, человек трезвый и сухой, обстоятельно доказал Малышу невозможность подобного допущения, чем укрепил Малыша в решимости разрабатывать эту гипотезу.

Баков поднялся на мостик со списком повреждений и убытков, нанесенных большим прыжком. Вид у него был миноватый, и кончики усов обвисли. Капитан список читать отказался, спросил только, не попало ли в него что-нибудь незаменимое.

— Как вам сказать... — начал Баков.

Капитан понял, хмыкнул и произнес:

— Я ведь тоже старпомом летал. Недавно еще. Переживал. Мы как-то в метеоритную бурю попали. Не в поток — в самую настоящую бурю. Бьются метеориты о корпус, мебель гнется; куда ни поглядишь, летят осколки корабельного имущества. А надо вам сказать, Алексей Иванович, судно наше было каботажником: Луна, ближние планеты — и домой. Так капитан наш, Паплиян — не слышали о таком? — он сейчас на Земле, во Втором управлении...

Павлыш сказал по внутренней связи:

— Корона Аро хочет поговорить с вами, капитан.

— Слушаю, — обернулся к видеофону капитан.

Аро лежал на подвесной койке, до подбородка закрытый простыней. Веки его набрякли и почернели.

— Мне уже лучше, Геннадий Сергеевич, — проговорил Аро. — Я хотел извиниться за задержку, вызванную моей слабостью.

Загребин постучал сигаретой о край пепельницы, улыбнулся и сказал:

— Надеюсь, вам скоро будет еще лучше.

— Мне уже лучше. Я думаю, можно начать маневр.

— Это мы сейчас увидим, — сказал капитан. — Павлыш, как ваше мнение?

— Рано еще, Геннадий Сергеевич. — Павлыш приблизил лицо к экрану видеофона. — И корона Вас со мной согласен. Я думаю, корона Аро несколько возбужден...

— Ясно, — решил Загребин, — отдыхайте. Время у нас есть. Они ждали год, подождут еще несколько часов. — Он отключил видеофон и сказал вошедшему Бауэру: — Прискорбная задержка. Я все отлично понимаю, а вот хочется сразу рвануть туда. И собственными глазами посмотреть.

— Да, странное чувство, — согласился Бауэр. — Как будто можем опоздать.

— И все-таки нам повезло, — сказал Загребин, — что мы шли на Титан. А если бы «Агра» оказалась на нашем месте?

Потом Геннадий Сергеевич завел длинный разговор о том, что делать на корабле после посадки.

— Уровень радиации смертелен. Работать будем в скафандрах высокой защиты. Подготовить дополнительные

плывы на выходах. Будем жить в состоянии постоянного радиационного аврала. И объявим его сейчас, чтобы не терять даром времени.

2.

«Сережа» вышла на ближайшую орбиту через неделю после прыжка. Синяя планета медленно поворачивалась в двухстах километрах внизу, последовательно показывая материки, океаны, острова. Жизнь корабля полностью нарушилась. Отстояв вахту, штурманы не уходили с мостика. Да и остальные члены экипажа предпочитали под всяческими предлогами, а то и вовсе без предлогов держаться поближе к экрану внешнего обзора.

Капитан много курил — робот едва успевал чистить пепельницу, — поглядывал на посторонних, чье пребывание на мостике ничем нельзя было оправдать, но молчал. Баков, единственный, кто покидал мостик сразу после конца вахты, хотя ему хотелось побыть у экрана никак не меньше прочих, указал как-то Загребину на нарушение внутреннего распорядка. Загребин только вздохнул:

— Это любознательность. Та самая, которая движет прогрессом и свойственна не только людям.

— Если бы прогулка... — сказал Баков.

— А я не рассказывал про того старика, который у нас в училище вел навигацию? Он всегда говорил: если будете перевозить слонов, обязательно запирайте клетки. Как почистите, так и запирайте. Мы, говорит, везли однажды на Марс двух слонов и забыли клетку запереть. Один слон был пожилой, умный и нелюбознательный. Он остался. Другой, молодой, вышел и отправился на мостик. В результате пришлось на два дня задержать торможение. Ловили слона.

Бауэр хихикнул. В прошлый раз притча о слонах была рассказана совсем с другой моралью.

— Не совсем понимаю, — сказал Баков, и усы его дрогнули.

— Я сам не сразу понял. Во-первых, зачем слоны на Марсе? Во-вторых, зачем слонам любознательность?

Загребин прикурил от недокуренной сигареты новую и спросил Бауэра:

— Посмотри, Глеб, у полярных шапок радиация не меньше?

Первые снимки, сделанные за миллионы километров, показывали спокойный мир, чем-то схожий с Землей. Так же облака закрывали клочьями океаны и материки, так же зелеными пятнами проглядывали долины и белыми — ледяные шапки у полюсов. Правда, облаков было больше, чем на Земле, и они быстрее двигались над планетой — видно, чаще дули ветры. Корона Аро предположил, что эти возмущения — следствие ядерных взрывов. На планете нарушен климатический баланс.

Зонды послушно отправлялись в полеты к поверхности, сообщали о составе воздуха, уровне радиации, температуре и составе биосферы. Биосфера была крайне бедной, куда беднее, чем положено иметь планете такого типа.

Увеличенные снимки участков планеты, принесенные разведдисками, грудями лежали на навигационных столах и в кают-компании, а после тридцатого витка объем собранной информации вырос настолько, что переработать его можно было бы, только переключив на это Большой Мозг. Однако основное было ясно и без обработки информации: планета мертва. Раньше, совсем недавно, здесь обитали люди, сотни миллионов, миллиарды людей. Но год назад после атомной катастрофы они погибли. Все до единого. Кто спасся от ядерных взрывов — умер от радиации. Заражено все — и воздух, и вода, и почва. Пройдет еще много лет, прежде чем планета снова станет пригодной для жизни.

Причин катастрофы, ее продолжительности зонды и съемочные камеры выяснить, естественно, не смогли — это придется делать людям.

Пора было спускаться.

Совещание на мостике, посвященное этой проблеме, было длительным и бурным. За последние дни каждый из членов экипажа рассматривал карты, каждому приглянулось то или иное место на планете и каждый считал, что именно в его точке больше всего шансов найти «материал» для аппарата короны Вас.

Загребин всех выслушал, никого не перебивая, потом сказал:

— Я поддерживаю вариант короны Аро, который предлагает совершить посадку у города в южном полушарии, где климат довольно суров и в течение девяти месяцев температура ниже нуля. Город сравнительно мало поврежден. По крайней мере, меньше многих других горо-

Он лежит в низине, на берегу моря и с трех сторон защищен от ветров. Речка, протекающая через город, берет начало неподалеку в горах, из ключей. Возможно, уровень радиации в ее воде ниже, чем в воде других источников. Вот вроде и все.

Снимок города, который капитан выбрал для высадки, прикрепили к стене. Сверху, с высоты тридцати километров, город казался коротконогим осьминогом, подобравшим половину щупалец. Он обнимал двумя из них полукруглую бухту, упрятав тело между высокими холмами. Часть зданий в городе сохранилась, и улицы, извилистые и узкие, проглядывали кое-где светлыми полосками. В некоторых местах они прерывались, засыпанные обрушившимися домами. Бомбы взорвались, видимо, на его восточной окраине, а западные районы, на центральном холме, увенчанном руинами какого-то большого здания, остались целы. Правда, после взрывов в городе бушевали пожары — черные полосы гари широкой кистью были нанесены на карту.

За городом вдоль дороги к горам встречались отдельные домики и группы домиков.

Большого при первом осмотре нельзя было узнать. Но все равно космонавты подолгу стояли у снимка, вглядываясь в извилины улиц и зелень холмов (в городе была поздняя весна). Пройдет день, и город из не очень четкого снимка превратится в пейзаж, в камень и дерево, в проблемы и споры. Он приобретет имя, вернее, вернет себе свое старое имя. И еще долго члены экипажа «Сегежи» будут говорить, встречаясь: «А помнишь, как мы жили в ...» Может быть, если удастся эксперимент, этот город войдет в учебники истории Галактики как место, где было начато возрождение Синей планеты. И в книгах будут писать: «Космический корабль «Сегежа» г/п 304089, опустился в районе города...».

3.

Диск «Сегежи» опустился на планету в районе города...

Некоторое время на корабле царила зыбкая тишина встречи с землей, тишина не беззвучная, а полная гудения механизмов, суетни очнувшихся роботов, мерцания аварийных ламп и шелеста креплений.

Загребин протянул руку к раме экрана, достал сигаре-

ту и, не отрывая глаз от экрана, закурил. Баков демонстративно откашлялся в соседнем кресле и спросил:

— Включить внутреннюю связь?

— Включайте, — сказал капитан.

Он знал: старший помощник хотел, чтобы капитан, как и положено по инструкции, поздравил экипаж с благополучным прибытием на новую планету. Но следовать инструкции не хотелось. Уж очень было тревожно.

И тогда Баков включил внутреннюю связь и спросил:

— Корона Аро, корона Вас, как перенесли посадку?

— Хорошо, — ответили короны по очереди.

Тут Загребин посмотрел на экран и сказал:

— Мы прилетели. Пришли. За работу. С настоящего момента входит в силу наземное расписание номер три. Для чрезвычайно сложных условий. Начать подготовку механизмов для разведки.

Баков нахмурился. Поздравления не было, а слова о расписании положено говорить старшему помощнику.

Капитан смотрел, не отрываясь, на экран и старался угадать, что принесет завтрашний день и все те дни, что придется провести на этой погибшей планете.

Экран вобрал в себя окружающий мир. С одной стороны, совсем близко подступали крутые склоны холма, кое-где затянутого пятнами зелени. По другую, за пустырем, поломанным рядом тянулись небольшие дома, незнакомые, непонятные, но в то же время приспособленные для того, чтобы в них жили именно люди. Стекла в домах были выбиты, и окна зияли черными провалами.

Загребин включил звук, и в корабль ворвался заунывный шум ветра.

4.

В коридоре стало тесно. Роботы под наблюдением Антипина соорудили дополнительный антирадиационный тамбур. Тамбур был тесен. Это не играло роли, когда вы выходите наружу, но задерживало возвращение на корабль.

Первыми в тамбур втиснулись Баков, Бауэр и Снежина. Снежина сказала — правда, не очень искренне, — что следовало бы вместо нее выпустить в первой партии Кирочку: она, по крайней мере, вдвое меньше.

Бауэр ничего не ответил. Он стоял, прижавшись к стенке, ожидая, когда отодвинется люк в основной шлюз корабля, и думал о чем-то очень далеком и невеселом.

Это было не только с Бауэром.

Многим из членов экипажа уже приходилось ступать на камни или лед новых планет или астероидов. Многим приходилось проводить часы перед высадкой в ожидании, пока автоматы принесут последние сведения, и видеть в нескольких метрах недоступную еще поверхность планеты. И всегда это было связано с томлением, но томлением скорее сладостным, томлением мореплавателя, который должен ждать прилива, чтобы спустить якорь и преодолеть последние метры до неведомой земли, до ее золотого песка и пышных пальм...

Люк в основной тамбур отошел в сторону, и Баков пропал вперед Снежину. Здесь было свободнее. Зашуршал входящий в тамбур воздух. Он будто шептал о чем-то, и Снежине показалось — предупреждал, запрещал.

Баков смотрел, как медленно уходил люк. Это было похоже на солнечное затмение. Тень луны уходит с солнечного диска. Только это был не солнечный диск. На планете было дождливо, серо и ветрено.

Легкий туман клочьями пролетал мимо корабля, и за занавесой дождя скрылись недалекие дома города. Снежина включила отопление скафандра. Было градусов пять тепла.

Баков первым прыгнул на поверхность планеты. Он постарался прыгнуть легко и даже изящно, потому что всегда помнил о впечатлении, которое должен производить на окружающих. Он знал, что на мостике у экрана стоят его товарищи и каждое движение старшего штурмана видно им во всех деталях. Баков обернулся и помог выйти Снежине. Бауэр шел последним.

Несколько секунд они стояли, глядя, как на люк снова наползает крышка. Потом Бауэр поднял руку для тех, кто остался на мостике. В наушниках прозвучал голос Загребина:

— Не увлекайтесь.

Загребин откашлялся, и Бауэр представил, как он покуривает сигаретой о край пепельницы.

Бауэр прислушался. На планете все было тихо. Вдруг слышишь что-то лязгнуло. Снежина вздрогнула и обернулась.

— Это «Еж», — успокоил Баков. — Он будет нас сопровождать.

— Может, все-таки поедете на нем? — спросил Загребин.

— Нет, Геннадий Сергеевич, мы так пойдем. А в случае чего заберемся в «Ежа», — ответил Баков.

— Ну, давай, — сказал Загребин. Он сам предложил, чтобы вездеход шел за группой. На всякий случай.

Бауэр посмотрел на шкалу счетчика радиации. Стрелка дрожала далеко за красной чертой.

«Еж», скорее напоминающий жука с длиннющими передними ножками, остановился в двух шагах от разведчиков.

— Пошли, — сказал Баков. — Все в порядке!

Он сделал шаг по мелким камням, усеивающим продрогшую влажную землю. Его прямые широкие плечи, обтянутые скафандром, были напряжены. Баков был очень серьезен и не собирался рисковать.

5.

Видно, здесь, за последними домами города, никогда ничего не строили. Пустырь пересекали тропинки, заросшие плесенью и мхом. Вчера роботы притащили их образцы, и Павлыш засел на ночь в лаборатории. Потом к нему присоединился Вас. Биологи решили, что плесень — мутация, приспособившаяся к жизни на мертвой планете. Вернее всего, она недавно покрыла этот пустырь. Раньше здесь росли трава и кусты.

Снежина подобрала высохшую ветку и протянула ее «Ежу». Тот взял ветку длинной рукой и спрятал в свой «горб». Павлыш потом разберется.

Мелкие капли дождя били по шлему и стекали струйками к плечам. Приходилось время от времени вытирать забрало перчаткой. Но все равно через минуту мир снова начинал дрожать и расплываться, искаженный струйками воды.

Баков увидел тропинку и свернул на нее, отклонившись от прямого пути к домам. Шагов через двадцать тропинка раздвоилась.

Мощенная камнем дорожка вела к дому. У закрытой растрескавшейся двери стояло дерево. На надломанной ветви сохранились бурные, скрючившиеся листья.

— Подождите здесь, — сказал Баков Снежине и Бауэру. И для сведения Загребина добавил: — Сейчас войду в помещение.

Снежина рассматривала дом. Закрытая дверь, краска облупилась, и между ее розовыми пятнами проглядывает

густое дерево. Несколько окон — шесть или семь по фасаду. Окна, высокие и узкие, сужаются кверху. Некоторые закрыты ставнями. Раньше в окнах были стекла, но стекла вылетели, и осколки валяются на дорожке. Некоторые из осколков белые — на окна были наклеены полосы бумаги. Плоская крыша выступает далеко над стеной.

Тем временем Баков подошел к двери и потянул ее на себя. Дверь скрипнула и отворилась.

Баков включил фонарь на шлеме и медленно повернул голову, обшаривая лучом комнату.

— Пусто, — решил он наконец. — Пойдемте.

«Еж» подвинулся по дорожке к самому входу, и Снежина знаком приказала ему ждать.

Первая комната была пуста, только на дальней стене висела картина без рамы и прибор с циферблатом, похожий на часы.

Лучи фонарей метались по комнате, играя тенями на стенах.

Дверь в следующую комнату была открыта. Баков сделал шаг к ней, но вдруг остановился, прислушался. Снежина тоже услышала тихое постукивание, быстрое и ровное, будто кто-то на цыпочках пробежал через ту комнату.

— Прибавь мощности, — шепнул Бауэр.

Баков переключил фонарь на шлеме, и тот кинул ослепительный поток света. И тут же постукивание пропало, будто налетев на препятствие.

— Что-нибудь случилось? — спросил в шлемах голос Загребина.

— Тише, — прошептала Снежина.

Баков сделал шаг вперед, в дверной проем.

— Вот она, — сказал он.

Снежина заглянула ему через плечо. Пойманное в ловушку яркого луча, ослепленное, в углу комнаты сидело рыжее животное, похожее на крысу, только без хвоста, с большими острыми ушами. Услышав голос Бакова, крыса, будто очнувшись, бросилась к высокой кровати, занимавшей чуть ли не половину комнаты, и исчезла под ней.

— Обнаружили животное, похожее на крысу, — доложил обыденным голосом Баков. — Поймать пока не удалось.

— Интересно, — сказал Загребин.

Баков, задумавшись о чем-то, кивнул.

— Может, отодвинем кровать? — спросил Бауэр. — Эта дуся могла построить себе гнездышко.

Баков ничего не ответил, но потянул на себя кровать, аккуратно застланную истлевшим, ветхим покрывалом.

Снежина ахнула. За кроватью обнаружилось большое гнездо, из которого к щелям между стеной и полом кинулись крысята. Бауэр открыл ставни, и в комнату вошел серый дождливый день.

Потом осмотрели остальные помещения. Снежина удивилась несхожести таких знакомых вещей, как плита, кастрюли, стулья, будто изобретатель долго ломал голову, чтобы сделать их не такими, какими положено им быть в Москве или Париже. На Синей планете вся мебель — столы, стулья, кровати — почему-то были на трех, пяти или даже более ногах, с треугольными и пятиугольными поверхностями...

6.

Они сошли по ступенькам вниз и свернули направо к другим зданиям. Бауэр нес в руке пачку отпечатанных листов, вернее всего, газету. Он осторожно передал их ожившему при приближении людей «Ежу».

Второй дом выплыл из тумана, похожий на первый провалами выбитых окон и безнадежным запустением. Разведчики прошли мимо, приостановившись на секунду. Большая устоявшаяся лужа перекрывала дорожку дальше, и пришлось обогнуть ее по камням пустыря. Никому не хотелось входить в черную воду — было такое чувство, будто промочишь ноги.

Третий дом был побольше других. Угол его обвалился. Сквозь дыру виднелись треугольный стол, шкаф и какой-то небольшой ящик, блестящий с одной стороны. «Еж» задержался, сунул лапу в дом и уложил ящик к себе в багажник. «Еж» был похож на старьевщика, который умудрился превратить в мешок самого себя. Третий дом стоял уже на углу настоящей улицы, с мостовой и тротуарами по сторонам. По обе стороны вдаль уходили вереницы одинаковых зданий. Улица вела к центру. Вчера ее осмотрели роботы-разведчики. Маршрут группы дальше вел по ней.

— Почему дома кажутся старше, чем они есть на самом деле? — спросил сам себя Бауэр.

— Старше?

— Ведь всего год, как люди ушли отсюда.

И как бы в ответ на его вопрос дождь внезапно усилился, и со стороны моря на улицу ворвался ветер. Ветер бил струями дождя по потрескавшимся облезлым стенам, старался сорвать кровлю и выбить остатки стекол. Идти вперед стало труднее. В десяти шагах впереди Пиков казался Бауэру туманным привидением.

Остановились. Ветер все крепчал и, казалось, хотел выгнать космонавтов обратно на корабль.

— Возвращайтесь, — приказал Загребин. — Слишком сильный ветер.

Снежина оглянулась, стараясь разглядеть такой близкий и совершенно еще незнакомый город. Что-то круглое катилось посреди улицы к разведчикам. Баков отступил в сторону. Бауэр нагнулся и поднял ржавую каску с поперечным невысоким гребнем. Каска была пробита сбоку, и в круглое отверстие можно было просунуть палец. Бауэр так и вошел в «Ежа» с каской в руках. Он был похож на пожарника или солдата, отдыхающего после трудного дела.

Крыша кабины «Ежа» задвинулась, и вездеход развернулся к кораблю. Он шел медленно, обходя выбоины на мостовой, и дождь бил по куполу кабины...

7.

Погода до вечера не улучшилась. Шторм старался раскачать диск «Сегежи» и заткнуть его в расщелину между холмами. Экран на мостике почти ослеп, и сквозь разрывы в ливневой стене иногда мелькала блестящая спина дежурного робота, кружившего, не обращая внимания на непогоду, вокруг корабля. Экраны локаторов показывали, что вокруг все спокойно: зеленые точки и полосы улиц были неподвижны.

Корона Аро поднялся на мостик и сел подальше от капитана, чтобы не задохнуться от табачного дыма.

— Странная привычка, — сказал он. — Попали бы вы на нашу планету лет тысячу назад, вас бы сочли за колдуна и уничтожили.

— У нас было тоже нечто подобное. — Загребин погасил сигарету. — Колумб, великий путешественник, привез табак из Америки. Некоторые думали, что это колдовство... Что вы можете сказать о сегодняшнем дне?

— Я им недоволен, — ответил корона Аро.

Кудараускас, сидевший у локатора, покосился на корону, потом подумал, что вмешиваться в разговор ему не следует, и снова повернулся к локатору.

— Два фактора, не учтенных разведэкспедицией, меня очень смущают.

— Я их назову за вас сам, — сказал Загребин. — Это погода и крысы.

— Да, погода и крысы, — согласился корона Аро. — Я сейчас был у Павлыша. Он увеличил снимки. Крысы всеядные, и я не исключаю, что их много. Они как-то приспособились к радиации.

Робот Гришка, в белом переднике, принес поднос со стаканами чая и бисквитами. Загребин подвинул один из стаканов Аро. Кудараускас отставил свой в сторону — пусть остынет.

— Чай очень возбуждает, — заметил Аро. — Два-три глотка — и я уже всю ночь не сплю. Но это неважно. Я могу не спать несколько ночей без вреда для себя. Как биолог, я знаю, что чай мне пить не следует.

— Посмотрите! — воскликнул Кудараускас.

На экране локатора одна из зеленых точек сдвинулась с места и медленно поползла по направлению к кораблю. Потом остановилась.

— Где это? — спросил капитан.

— Расстояние... расстояние три километра. Размеры объекта примерно десять квадратных метров.

— Крышу сорвало ветром, — уронил корона Аро, прихлебывая чай. — Крышу.

— Правильно, — сказал капитан. И добавил: — Поглядывай в тот сектор, Зенонас.

— Извините, Геннадий Сергеевич, — произнес вдруг Кудараускас. — Можно я задам вопрос?

— Почему так официально?

— Вопрос серьезный. Имеем ли мы право вмешиваться в их жизнь?

— Не понимаю, — ответил капитан, но, видно, все понял, потому что вынул из пачки новую сигарету, закурил, забыв, что Аро, возможно, неприятен дым.

— Я слышал все аргументы в пользу попытки оживить здешних людей. С научной точки зрения, очень интересная попытка. А нужна ли она?

— Я удивлен, — сказал корона Аро. Хвост его неожи-

лаино вздрогнул, и коготь на конце хвоста три раза стукнул об пол.

— В развитии каждой цивилизации, — продолжал Зенонас, — есть своя логика, своя целесообразность. Изобретения, которые становятся доступны этой цивилизации, — одновременно испытание ее на прочность.

Зенонас встал и подошел поближе к капитану и короне. Он говорил медленно и внятно. Человеку, который не знал Зенонаса, могло бы показаться, что этот худой не-красивый блондин холоден и равнодушен. В самом деле, он подчеркнутой флегматичностью, за внешней размеренностью всего, что делал и говорил Зенонас, скрывалась сумятица мыслей и чувств и неуверенность в себе, которая заставила Зенонаса три года поступать и три года подряд проваливаться на труднейшем конкурсе факультета астронавигации, и все-таки поступить на четвертый год и стать лучшим из молодых навигаторов Земли.

— Могло так случиться, — развивал свою мысль Зенонас, — что мы на Земле не справились бы с атомом. И мы тоже погибли бы, как и люди на Синей планете. Теперь вопрос: стоило бы нас тогда спасать, стоило бы возрождать цивилизацию, которая, по сути дела, кончила жизнь самоубийством? Ведь если она убила себя, значит, в ее структуре, в ее судьбе был какой-то серьезный, скажем, генетический изъян, который предопределил ее гибель.

Загребин не любил отвечать сразу на сложные вопросы. Он в таких случаях тщательно составлял в уме ответ или решение, проверял его до запятой и только потом говорил. Но говорил уже окончательно.

Ответил корона Аро:

— У нас на планете была биологическая война... Сегодня мы можем с высоты сотен лет смотреть на нее как на болезнь роста. Не как на генетическую болезнь — как на болезнь роста. Тогда же она была страшной трагедией. И может быть, мы не пережили бы ее, если бы к нам не пришла помощь сферид. Их диски опустились в разгар войны в нескольких стратегических пунктах нашей планеты.

— Нас с вами трудно сравнивать.

— Почему?

— Люди воевали не потому, что им этого хотелось, — вступил, наконец, Загребин. — Людям никогда не хотелось воевать. Но некоторым, всегда меньшинству, войны

были выгодны. В любой войне страдали не те, кому войны были выгодны, — они обычно выпутывались. Страдали и умирали те, кто войны не хотел. И я не удивлюсь, если мы найдем на этой планете солидные бомбоубежища, в которых еще несколько недель, а может, и месяцы после катастрофы существовали виновники войны. И умерли они одними из последних. Они планировали эту войну, планировали убийства, убийства всех, кроме себя. Другое дело, они недооценили силу джинна, которого выпустили из бутылки. Так вот, жители Синей планеты не виноваты в своей смерти, как не виноваты в своей смерти заключенные концлагерей и жители Хиросимы. В них не было никаких генетических изъянов. И если мы можем вернуть их к жизни, наш долг сделать все, чтобы вернуть их. Если бы тебе, Зенонас, сказали, что ты можешь оживить хотя бы десять человек, погибших в Хиросиме, неужели ты отказался бы делать это, потому что их гибель была предопределена природой, роком или еще чем бы то ни было?

— Вы меня не совсем правильно поняли, — Зенонас покраснел, и оттого его прямые волосы казались еще светлее. — Я не хочу, чтобы меня принимали за человеконенавистника. Если бы я мог оживить жертву Хиросимы или еврея, задушенного в Освенциме, я бы это сделал не раздумывая. Но на Земле мы смогли не допустить гибели цивилизации. Значит, мы миновали пору детства. На планете корон также еще не известно, погибла бы цивилизация, не приди на помощь сферыды. Может быть, и нет. Может, она была бы сейчас еще выше. На Синей планете не нашлось сил, способных остановить войну. И если мы оживим их, возникнет дилемма. Или мы оставим их в покое, и тогда через полвека они с таким же успехом снова перебьют друг друга. Или мы будем контролировать их действия, как няньки, и тогда это уже будет не их цивилизация, а наша, галактическая. То есть мы ничего не возродим, а построим свое, новое.

— А галактическая цивилизация — это пока самое интересное, чего добилась эволюция во Вселенной, — сказал корона Аро.

— Есть третий путь, — заметил капитан. — Даже и без нашего контроля жители планеты, знающие, что с ними произошло, справятся со своими проблемами. Почему вы отказываете им в разуме?

— Вы знаете почему. Они однажды не проявили его.
На контрольном пункте замигали россыпью зеленые огоньки. Метеоприборы сообщили, что ветер стихает.
— Вот что, — сказал капитан. — Мы еще поговорим на эту тему. Пора готовиться к экспедиции. Затишье ненадолго.

8.

Члены экспедиции собрались у «Великана» — основного вездехода «Сегежи». Корона Аро в своем скафандре казался злодеем из старинного фильма космических ужасов. Возможно, что он думал то же самое о людях, потому что подошел к Антипину и сказал:

— Как вы только обходитесь без хвоста?

И, чтобы показать, как удобно обладать такой частью тела, он поднял под скафандром хвост, лежащий концом на плече, и почесал роговым концом один из своих многочисленных глаз.

Снежина засмеялась, а Антипин сокрушенно покачал головой и поклялся сделать себе хвост, какой коронам и не снился.

Дождь почти перестал, и у горизонта, в просвете между облаками, поблескивало синее небо.

Последним из корабля вышел Загребин.

— Где Павлыш? — спросил он.

— Я здесь. — Павлыш высунулся по пояс из верхнего люка вездехода.

— Тогда прошу всех по местам, — приказал Загребин.

Антипин перевел вездеход на ручное управление и тронул с места. Павлыш с короной Аро спустились на нижний отсек, чтобы еще раз проверить рефрижератор. Снежина с Загребинным уселись за спиной Антипина.

Вездеход медленно проехал мимо дома с крысами, миновал следующие два дома и повернул на улицу, ведущую к центру.

— Мы с Баковым до сих пор дошли, — сказала Снежина. — Здесь нашли каску.

— Интересно, как они последний день прожили? — сказал Антипин.

— А что?

— Вот, например, магазин. Всякую одежду продавали. Видите? Наверно, еще в последний день кто-нибудь платье примерял.

Вездеход объехал кучу камней — остатки разбитого взрывом или ураганом дома. За камнями пришлось задержаться. «Великан» перекинул через глубокую воронку мост из собственных рук и перетащил себя, подобно Мюнхгаузену, на другую сторону, на небольшую площадь, с трех сторон окруженную домами. С четвертой стояло пирамидальное здание с изображением диска с волнистыми лучами. Сделанный из какого-то блестящего металла диск покосился, и некоторые лучи отломились.

Аро, который к тому времени уже вылез из рефрижератора, сказал, показывая на пирамиду:

— Культовое здание.

— Может быть, какое-нибудь учреждение.

— На верхушке изображение солнца.

— Подъедем поближе, — сказал Антипину Загребин. — Там что-то...

— Человек? — Снежина даже привстала на сиденье.

— Где?

— Там, у входа в храм!

Треугольный проем входа в храм был черен. Поперек него лежало что-то напоминающее человеческую фигуру.

Вездеход развернулся к храму быстрее, чем двигался обычно. Антипин наклонился вперед, стараясь разглядеть дальний край площади. Храм в несколько секунд вырос перед вездеходом — серый, каменный, видно, очень старый: камни были выщерблены. Ветрам, даже таким сильным, как здесь, понадобилось бы на это много лет.

Поперек входа лежал скелет человека. Несколько обрывков одежды цеплялось за белые кости. Рядом, откатившись к косяку, валялась каска.

Загребин вылез из вездехода и нагнулся над скелетом. Он обошел его, стараясь не задеть, потом обернулся к подошедшему короне Аро и спросил:

— Очевидно, безнадежный случай?

— Тут мы ничего сделать не можем, — ответил Аро. — Ничего.

Загребин засветил фонарь на шлеме и заглянул внутрь храма. Луч рассеялся и утонул в пустоте большого зала.

— Здесь больше никого не было, — сказал Загребин.

Зал был пуст — ни украшений, ни скамей, — только в конце его несколько ступеней вели к алтарю, украшенному мерцающим в темноте изображением солнца.

Голос Загребина разлетелся по залу и вернулся удесятворенным.

— Есььь ольшее иини не было...

Когда Загребин вышел из храма, скелет у дверей исчез: Павлыш приказал «Великану» взять его с собой. Павлыш был прежде всего биологом, и неизвестно, найдут ли они сегодня останки других жителей планеты.

— Теперь куда? — спросил Антипин.

— Направо. Улица ведет к центру, — сказал Загребин.

Через несколько десятков метров вездеход снова остановился. Антипин взглянул на капитана, и тот кивнул. У тротуара стоял экипаж. Три пары колес несли длинное обтекаемое тело машины. Машина казалась совершенно новой, только вчера оставленной здесь владельцем. Лишь проржавела приоткрытая дверца.

— Я загляну в двигатель, — сказал Антипин.

— Давай, — согласился Загребин. — Снежина останется со мной в вездеходе. Павлыш и корона Аро, можете выйти, размяться. Вон там что-то вроде большого магазина. Только не пропадайте из виду.

Снежина немного расстроилась, что ей придется сидеть в «Великане», но отогнала обиду и, включив камеру, принялась снимать улицу. Загребин постучал себя по бедрам, рассеянно нащупывая карманы. Но карманы скафандра были не совсем там, где карманы костюма. И в них не было сигарет.

— Все равно бы не закурили, — засмеялась Снежина. — Шлем.

Капитан ничего не ответил, взял карандаш и стал крутить и разминать его в пальцах.

Корона Аро шел в двух шагах сзади Павлыша, предоставляя доктору полную свободу действий. Павлыш остановился перед разбитой витриной. По грудке истлевших и проржавевших вещей трудно было угадать, что же она представляла собой раньше. Ветер влетал в широкое окно и блуждал между полок с рулонами тканей, вешалок с костюмами, домашней утварью и прочим добром.

Павлыш взглянул вдоль улицы, перед тем как вступить в магазин. Антипин, раскрыв капот машины, увлеченно копался в двигателе и напевал: «Как мы с вами проржавели...»

— Обратили внимание, — сказал корона Аро Павлышу, — что на улицах не видно останков людей?

— Да.

— И в домах, по крайней мере в тех, куда мы заглядывали, тоже людей нет.

— И что же вы думаете? — спросил Павлыш, осторожно перебираясь через холм кастрюль и сковородок.

— Я думаю, что в этом городе жители были предупреждены об опасности. И успели спрятаться. В укрытия.

— Я тоже об этом подумал, — раздался голос капитана, который слышал этот разговор. — И одно из таких укрытий может быть под магазином. Это большой магазин. Поищите.

— Я буду смотреть на указатели, — сказал Аро. — Должны же быть указатели. Вот поглядите, Павлыш. Синие стрелы.

Они пошли, следуя указаниям синих стрел, нарисованных на стенах магазина. Миновали большой зал нижнего этажа. Стрела показывала на комнату в конце зала. Комната была уставлена стульями и длинными низкими столами.

— Столовая, — сказал Павлыш.

— Попробуйте поискать пути вниз, — предложил Загребин.

— Тут много дверей, — ответил Павлыш.

Следующие пять минут корона Аро и Павлыш, разделившись, обошли зал вокруг, открывая все двери. За двумя или тремя из них обнаружили ступени вниз. Но в одном случае они привели в склад, населенный крысами, которые разбежались, стуча когтями, когда в помещение вошел Аро; другая дверь скрывала пустую комнату, неизвестно для чего предназначенную. Комната была оклеена листовками и яркими плакатами, изображающими разъяренных мужчин с оружием в руках.

Аро и Павлыш встретились посередине зала. Рассказывать Загребину о неудаче не было смысла — тот знал о каждом шаге разведчиков.

— И все-таки люди где-то были. Куда-то убежали, спрятались, — продолжал настаивать корона Аро.

— Убежище, возможно, было на улице. К тому же город мог погибнуть ночью, — предположил Павлыш. — Когда магазины закрыты.

— В общем, все ясно, — вмешался в разговор Антипин. — Двигатель внутреннего сгорания. Кое-что интересно. А вот еще...

Голос Антипина оборвался.

Загребин посмотрел в сторону машины. Антипина там не было.

— Иван, — произнес он негромко, — что у тебя? Ты куда делся?

А сам уже смотрел в сторону дверей магазина — он знал, что Павлыш и Аро все слышали и должны вот-вот выбежать. Павлыш появился на улице даже быстрее, чем Загребин ожидал, и в два прыжка был у машины.

— Тут лок, — оповестил он.

— Что случилось? Нужна помощь? — В шлемах зазвучал голос Бакова, который дежурил на мостике «Сегежи».

— Я немного ушибся, — сказал вдруг Антипин. — Не спеши, Слава. Тут метра три и крутая лестница. Сейчас я зажгу фонарь.

Снежина спросила:

— Можно я к ним?

Загребин кивнул.

Снежина выпрыгнула из вездехода. Корона Аро зашел в машину. Загребин понимал, что они все нагнулись над люком, в который провалился Антипин, поэтому их не видно, но именно это раздражало — казалось, что он один на улице. Загребин развернул вездеход и осторожно подогнал его к тротуару так, чтобы с места водителя видеть люк.

— Сейчас, — бормотал Антипин. — Сейчас. Что-то загло. Видно, повредил. Это ты, Павлыш?

Павлыш спускался по зыбкой металлической лестнице, которая вела в подвал. Он наклонил голову, чтобы свет фонаря упал на Антипина, и увидел, что тот сидит на неровном полу. Павлыш повернул голову, чтобы осветить подвал, и понял, что они случайно нашли то, чего не могли отыскать в магазине, — убежище.

10.

Пожалуй, за всю свою тридцатилетнюю жизнь Павлыш не видел ничего более страшного, чем это убежище на Синей планете.

Половина подвала — сводчатого длинного туннеля, уходящего вдаль, высотой метра в три и шириной в пять-шесть метров, — была завалена скелетами. Среди скелетов лежало мало вещей. Видно, люди прибегали сюда, схватив самое необходимое, надеясь выбраться

вскоре отсюда. Неизвестно, что погубило людей: то ли они погибли сразу от теплового или радиационного удара, от газовой атаки, то ли умирали постепенно, задыхаясь от недостатка воздуха или мучаясь в скоротечной лучевой болезни... Павлыш на секунду зажмурил глаза,

— Почему молчите? — спросил Загребин.

Павлыш не смог ответить. Ответил Антипин.

— Мы нашли их, — сказал он.

...Распугивая нахальных и быстроногих крыс, космонавты шли по темному туннелю. Казалось, он никогда не кончится и никогда не кончится галерея смерти.

— Крысы там побывали? — спросил капитан.

Аро ответил:

— Да. Если они завладели всей планетой, мы ничего не сможем сделать. Крысы — хорошие санитары.

Перед возвращением на корабль вездеход сделал круг по городу, уже нигде не останавливаясь. Проехали по главной улице, с трудом протиснувшись между запрудившими ее машинами и повозками, поднялись по пологой дороге к руинам громадного замка, оттуда были видны бухта и скалы, запирающие ее. Над портом поднимались голенастыми птицами подъемные краны, и между ними, выброшенный на причал, лежал на боку небольшой корабль. Труба его откатилась в сторону.

Раза три космонавты натыкались на скелеты людей, в основном военных, лежащие на улицах. Но теперь этому уже не удивлялись и этой пустоте тоже не удивлялись: под улицами, под домами пролегали туннели бомбоубежищ. То, что осталось от жителей города, находилось там.

Возвращение к «Сегеже» было невеселым. Говорить не хотелось, и участники экспедиции только изредка обменивались словами. Равнодушно стрекотали камеры, запечатывая улицы и дома, и вездеход время от времени тормозил, чтобы объехать груды камней или машину, вставшую поперек дороги.

В этот вечер тетя Миля впервые вышла к ужину, хотя знала, что короны будут в кают-компании. Она заваривала специально для корон очень слабый чай, а то спать не будут.

— Завтра в город отправляется группа: Бауэр, Кудара-

Цыганков, — объявил после ужина Загребин. —
Старший — Бауэр.
И все разошлись по каютам.

11.

Первое тело человека привезла на корабль именно группа Бауэра. Находка была совершенно случайной. Разведчики попали в портовые склады и уже собирались уйти оттуда, как их внимание привлекла запертая дверь. Дверь была не только заперта, но и забаррикадирована изнутри. Уже это заставило космонавтов не жалеть усилий для того, чтобы ее открыть. За дверью оказался холодильник, давно отключившийся, но заделанный плитами не растаявшего льда. На глыбе льда лежал полуразложившийся труп человека.

Узнав о находке, корона Вас сразу начал готовить аппаратуру, не ожидая, пока вернутся разведчики. И когда их отход покатил к кораблю, все было готово.

С курами дело ясное — с ними машина работала. Но что получится с человеком?

— И бог создал Адама, — сказал Малышу Бауэр.

— Бог, как ты теперь знаешь, понятие коллективное, — ответил Малыш. — Один из богов включает холодильник, второй будет следить за температурой, а еще один, поменьше рангом, — это я — будет в это время на вахте. И потому пропустит исторический момент.

Ожил динамик внутренней связи, и подчеркнуто сухим голосом Баков произнес:

— Вниманию членов экипажа. Желющие наблюдать за операцией могут подняться на мостик. Мы переключимся на лабораторию большой экран. В лаборатории находятся только участники эксперимента и доктор Павлыш. Повторяю...

Экран показывал внутренность лаборатории — Аро у пульты, Павлыш и Вас у приборов рядом с колпаком операционного стола. Колпак был чуть матовым, и человек, лежащий на столе, опутанный проводами и шлангами, казался бесплотным. Лицо его было закрыто широкой белой повязкой.

Вошла Снежина, и Бауэр подвинулся, освобождая половину стула.

— Готово, — сказал в лаборатории Аро, повернувшись к операционному столу. Он включил пульт.

Действия Павлыша и короны Вас были уверенными, но казалось, что уже прошло полчаса, а они все так же наклоняются над пультами, подходят по очереди к операционному столу, снова возвращаются к приборам, делают массу неспешных и не очень нужных движений, которые никак не отражаются на состоянии прикованного к операционному столу тела.

Иногда биологи обменивались короткими фразами или словами, чаще даже цифрами, понятными только им.

В один момент получилась заминка: по приказанию Аро засуетились роботы, подключая дополнительные линии питания. Павлыш выпрямился, пользуясь минутой, чтобы отдохнуть, и объяснил для тех, кто был на мостике:

— Еще минут пять, и начнем поднимать температуру.

— Пока все нормально? — спросил Загребин.

— Трудно сказать. Идет регенерация клеток на молекулярном уровне.

— Доктор Павлыш, — прервал его Вас, — проверьте содержание белка.

И Павлыш тут же забыл обо всем остальном.

Бауэр встал и прошелся, чтобы размять затекшие ноги. Пять минут тянулись часами...

— Ой, смотрите! — сказала вдруг Снежина.

Даже под слоем креплений и шлангов видно было, как тело человека меняет цвет, розовеет, наполняется жизнью.

— Температуру не поднимать выше тридцати градусов, — приказал корона Вас.

...Когда первый человек Синей планеты очнулся, он лежал на кровати в госпитале доктора Павлыша; над кроватью был натянут прозрачный звукопроницаемый купол, защищающий человека от вирусов, от могущего оказаться для него смертельным, несмотря на принятые меры, воздуха корабля.

Это случилось в восемь вечера. Через три с половиной часа после начала эксперимента, на пятый день после спуска корабля «Сегежа» на Синюю планету.

Глава третья

РАНМАКАН В ЧУЖОМ МИРЕ

1.

Пробуждение было мучительным. Жесткая сильная рука тянула вниз, хватала за горло, запрокидывала голову, чтобы Ранмакан не мог вырвать ее наружу из черной воды и вздохнуть. Один раз вздохнуть воздуха, и тогда он снова будет в состоянии бороться. И вдруг рука упала. Ранмакану показалось — а может, это он потом придумал, — что даже увидел ее, волосатую, костлявую и покрытую блестящим инеем.

Потом стало тихо, и Ранмакан заснул. Он давно не спал так спокойно и сладко, с того дня, как началась война, сперва далекая, не затрагивающая обыденности существования пятидесяти тысяч жителей Манве, но уже неизбежная, подкрадывающаяся с каждым днем все ближе известиями о гибели других городов.

В сладкой дремоте мирно думалось. Все миновало. И даже воздушные тревоги, с каждым днем все более настойчивые и реальные, и патрули на темных улицах, и вылазки. Война пронеслась мимо и пощадила Манве. И теперь можно спокойно спать. Не открывая глаз. Долго-долго не открывая глаз.

Ранмакан ощупал пальцами кровать — простыни были мягкими и свежими. Значит, он в госпитале. Наверно, в госпитале. Ведь тогда... Когда это было? Вчера? А может, уже несколько дней назад? Тогда он бросился к первому попавшемуся убежищу — убежищем оказалась дверь в какой-то подвал, склад. Это был... что же это было? Да, какой-то ледник. Он захлопнул за собой дверь. Потом были удары, тяжелые удары, будто кто-то могучий и безжалостный раскачивал землю. И вдруг

удушье, рука, тянущая его вниз... и вот эта постель. Открыть глаза? Лень. Еще немного.

Ранмакан услышал голоса. Женский, высокий, встревоженный, и мужской, тихий, уверенный. Ранмакан прислушался, но не понял, о чем они говорят. Он не понял ни единого слова. Стало еще страшнее. Может быть, город оккупировали пьи? И он в плену?

Голоса звучали совсем рядом, в той же комнате. Это Кирочка Ткаченко говорила Павлышу:

— Смотрите, он двигает рукой. Может, ему плохо?

— Нет, все в порядке. Сейчас он откроет глаза. Где лингвист?

— Сейчас Бауэр принесет. Где же Глеб? Давно пора прийти. Может, человека усыпить пока?

— Нет, не надо. Вдруг это ему повредит? Включи внутреннюю связь. Бауэр? Это ты, Глеб? Куда ты запропастился? Человек приходит в себя, а у нас нет лингвиста. Мы же должны ему объяснить.

— Одну минуту, — сказал Бауэр. — Бегу. Вы что думаете, нам с Мозгом легко было за несколько часов выучить язык?

Выучил язык и вложил его в черную коробочку лингвиста корабельный Мозг. Бауэр тут был почти ни при чем. Он только «накормил» Мозг газетами и книгами Синей планеты.

— Скорее, — повторил Павлыш, отключаясь.

Ранмакан слышал весь этот разговор. Он мог бы открыть глаза, но предпочел этого не делать. Если ты в плену, то пускай враги думают, что ты еще не пришел в себя.

— Он уже очнулся, — сказал Павлыш Кирочке. — Только не хочет открывать глаза. Он волнуется.

Ранмакан старался не шевелиться. Но чувствовал, что грудь выдаёт его, в такт учатившемуся дыханию приподнимаемая простыню. «Они могут оставить меня для опытов. Я читал, что пьи делают опыты над живыми людьми».

Кто-то вошел в комнату. Ранмакан пытался угадать по шагам кто. Если шаги тяжелые, громкие — солдат, военный; если мягче — штатский. Шаги были почти неслышными. Третий голос присоединился к двум прежним. Бауэр передал Павлышу коробочку лингвиста.

— Вот, — сказал он. — Язык Синей планеты. Правда, пока без тонкостей.

Ранмакан постарался представить себе, о чем они го-

верат. Может быть, этот, вновь вошедший, спрашивает, готов ли пленный к опытам? К пыткам? И те, прежние, отвечают, что вполне готов?

Гауэр подключил тонкие провода лингвиста к пульту у постели человека.

— Включать? — спросил он.

— Включай.

Гауэр нажал кнопку лингвиста. Ранмакан вдруг услышал:

— Можете открыть глаза. Вы находитесь среди друзей.

2.

Голос был невыразительным, ровным, механическим. В голосе таился подвох. Что они еще скажут?

— Вы можете открыть глаза, вам ничего не угрожает, — повторил механический голос. — Как вы себя чувствуете?

Ранмакан открыл глаза.

За прозрачным пологом, нависшим над кроватью, стояли три человека. Это не были пьи, враги страны, враги Ранмакана. Он даже не знал, откуда эти люди. Может, с дальнего севера? И они странно одеты.

— Вы среди друзей, — повторил механический голос. Он принадлежал высокому человеку с курчавыми темными волосами и очень яркими голубыми глазами. Человек был весь в белом, даже перчатки, скрывающие его руки, были белыми. Человек держал в руках черную блестящую коробочку.

«Может, это микрофон? — подумал Ранмакан. — Если этот полог не пропускает звука, то это микрофон. Но почему тогда я слышал, как они говорили между собой?»

— Как вы себя чувствуете? — спросил человек с черной коробочкой в руке.

Ранмакан ответил:

— Хорошо.

И удивился, услышав, как тоненькая желтоволосая женщина, стоявшая рядом с тем человеком, громко ахнула и засмеялась.

— Поднимите руку, — сказал человек в белых перчатках. — Медленно.

Ранмакан поднял руку. Он понял, что человек в белых перчатках тут главный.

— Другую руку, — сказал человек в белых перчатках. Ранмакан подчинился.

— Вам не трудно?

— Нет. Я могу встать?

— Вам придется некоторое время полежать. Вы должны отдохнуть и окрепнуть.

Ранмакан оглядел комнату, в которой лежал. Это была странная комната. Стены и потолок окрашены в светло-зеленый цвет, матовые, гладкие, без единого украшения. Непонятно, откуда в комнату попадает свет, хотя освещена она ярко. В комнате было много приборов. Они стояли на длинном столе за спинами людей, на столике в изголовье кровати и составляли одно целое — непонятное переплетение светящихся дисков, шкал, трубок, шлангов и проводов. Некоторые из них тянулись к кровати, и, проследив их, Ранмакан понял, что они должны оканчиваться у его тела. Худшие его подозрения оправдались. Он подопытный. Ранмакан снова поднял руку и обнаружил, что к кисти прикреплен один из проводов.

— Зачем это? — спросил он, стараясь не выдать волнения.

— Приборы следят за вашим здоровьем, — ответил человек в белых перчатках. — Когда вы выздоровеете, мы их снимем.

— Когда?

— Может быть, сегодня, — сказал человек.

И Ранмакан ему не поверил, хотя не стал этого показывать. Он должен обязательно перехитрить своих тюремщиков.

Маленькая женщина наклонилась к черной коробочке и спросила: Вы не голодны?

Коробочка не отличалась богатством интонаций: она произнесла эти слова тем же мужским голосом. Ранмакан понял, что коробочка — что-то вроде переводчика. И еще он подумал, что эти люди наверняка связаны с военными: ни такого оборудования, ни таких переводчиков в коробочке ему еще встречать не приходилось. Наверное, он на секретной базе.

— Нет, спасибо, я не голоден, — отказался Ранмакан и тут же пожалел о своих словах.

Лучше есть, пока дают. В Манве было плохо с продуктами. Ранмакан питался плохо и скудно. Наверно, у военных на базе по этой части куда лучше, чем в городе.

— Где я? — спросил Ранмакан.

— Мы вам все объясним, — пообещал человек в белых перчатках.

Что-то неладно у того с руками... В чем же дело? Ну конечно, как же раньше не догадался! Так и есть: и у человека в белых перчатках, и у женщины, и у того, третьего, на руках больше пальцев, чем положено иметь человеку. По пять пальцев. У Ранмакана — четыре. Отдельный, длинный, средний и маленький.

Четыре. У них — пять. Этого быть не может. Так не бывает. У людей так не бывает.

— Где я? — спросил он снова. Ему стало страшно, и он заметил, как замельтешили огоньки у кровати.

— Я вас прошу, не волнуйтесь. Мы вам все объясним, как только вы окрепнете.

— Нет! — крикнул Ранмакан. — Нет! Кто вы?

И он уже видел, что у его тюремщиков по-иному, чем должно быть, прорезаны глаза, по-иному лежат волосы, по-иному намечены скулы...

Павлыш понял, что сыграло роль — пальцы. Больной, может быть, и не заметил бы этого, надень они перчатки с четырьмя пальцами, и тогда объяснение можно было бы отложить на некоторое время. Павлыш краем глаза поглядывал на приборы. Он знал, что в лаборатории за стеной корона Вас сидит у пульта и не упустит опасного для жизни человека момента. И все-таки с тревогой следил за приборами.

— Вы сильно пострадали во время войны. Сильно пострадал весь город. Мы стараемся вам помочь. Постарайтесь мне поверить. А теперь вам принесут пищу. Вам надо подкрепиться. Кирочка, — обратился человек в белых перчатках к женщине, — возьми поднос сама. Понимешь?

— Одну секунду. — Женщина вышла из комнаты.

Ранмакан поглядел ей вслед, стараясь увидеть, что там за дверью, но увидел только часть такой же зеленой стены коридора.

В коридоре Кирочку ждала тетя Миля. Она не выдержала, и прибежала к двери госпиталя, и стояла здесь, слушающая по внутренней связи происходящее, и надеялась, что ее помощь может понадобиться. Она стояла рядом с кухонным Гришкой и смотрела, чтобы тот по услужли-

восты не открыл колпака, под которым стоял куриный бульон и сухарики — не дай бог, микробы пролезут.

— Ну как он? — спросила она у Кирочки, которая взяла поднос из рук Гришки. — Оживает?

— Вы же слышали, тетя Миля. — Кирочка показала подбородком в сторону динамика, в котором успокаивающе журчал голос Павлыша.

Ранмакан не отвечал доктору. Тот уже представился: доктор Павлыш. Непонятное, странное имя. Его и не произнесешь. Ранмакан старался привести в порядок мысли, но они никак не хотели приходить в порядок. Ранмакан только понимал, что случилось нечто очень страшное и необычное, если в городе распоряжаются уроды с пятью пальцами. Вошла женщина с желтыми волосами. Она несла поднос, накрытый прозрачным колпаком. На подносе стояла чашка с чем-то дымящимся. Чашка была знакомой (Бауэр настоял, чтобы посуду для кормления пациента принесли из города). Ранмакан понял, что голоден.

Женщина подошла к куполу, покрывающему его кровать, и приставила колпак с подносом к прозрачной стене. Станным образом колпаки объединились, как объединяются мыльные пузыри, если их осторожно приблизить друг к другу. Ранмакан ощутил, как подушка и верхняя часть кровати медленно поднимаются, заставляя его сесть, а сбоку, из стены, вдруг вылез столик и повис у него перед грудью. Поднос, не разорвав пленки купола, проник в замкнутый мир Ранмакана и лег на столик.

— Если вам неудобно есть при нас, — сказал Павлыш, — мы можем уйти.

— Нет уж, — ответил Ранмакан. — Я тут не хозяин.

Он решил пока не задавать вопросов. Вспышка собственного страха была ему неприятна и снижала его шансы обмануть тюремщиков, убежать, скрыться от них. Надо держать себя в руках, будь они хоть злые драконы.

Павлыш уселся в кресло пульта.

Ему за последние дни пришлось пройти три сеанса гипноза, пока он разобрался в принципе действия этих приборов. Теперь все в порядке. Павлыш не смотрел в упор на первого человека планеты, но краем глаза видел его и отлично знал, что творится у того внутри: и как работает сердце, и насколько напряжены нервы. На ми-

нутку он отключил лингвиста и спросил по внутренней связи королю Вас, не стоит ли ввести успокаивающее. Тот ответил, что не надо: организм отлично справляется с нагрузкой.

Ранмакан подозрительно взглянул на Павлыша. Тот снова говорил на непонятном языке, тайлся — значит, замаскировал что-то. Ранмакан по натуре был недоверчив. Недоверчивость — одно из основных качеств бедного человека в большом городе. Ранмакан мало кому верил.

Ранмакан допил бульон, взял последний сухарь и, крутая им, присматривался к Павлышу.

Павлыш убрал посуду. Наступило неловкое молчание. Ранмакан ждал, что скажет доктор. Доктор глядел на Ранмакана, думал, как это сделать лучше, легче, безболезненней. Перед ним сидел, опершись на подушку, человек с очень бледным, голубоватым лицом и с иссиня-черными прямыми волосами. Кожа на скулах, казалось, оттягивала книзу углы его черных глаз, делая выражение лица скорбным. Туго сомкнутые губы также были опущены уголками вниз. Щеки и подбородок гладкие. Волосы на лице не растут, — подумал Павлыш.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Ранмакан из Манве.

— Манве — это город, в котором вы живете?

— Да, это город. Чего спрашивать? Вы и без меня знаете.

— Нет еще, — ответил доктор, и по всему видно — сказал правду. — Сколько вам лет?

— Тридцать.

— Значит, тридцать четыре по нашему счету, — подумала Кирочка. — У них год длиннее.

— У вас есть семья, родственники?

— Никого у меня нет. — Ранмакану допрос не нравился. — Возьмите мои документы и посмотрите.

— Документов ваших у нас нет.

— А зачем вам все про меня знать?

Ранмакан думал, что на такой наглый вопрос последует вспышка гнева тюремщика. Но тот сделал вид, что не обратил внимания на вызывающее поведение пленника.

— Мы очень мало знаем о вас, — объяснил Павлыш. — Нам, очевидно, в будущем придется работать вместе. Хот и хочется познакомиться.

— Так не знакомятся, — ответил Ранмакан. — Вы все у меня хотите узнать, а про себя — ни слова.

— В свое время сами расскажем. Хорошо, что у вас нет семьи.

— Почему?

— Потому что она погибла бы.

— Как так?

— Погибла бы в той войне, жертвой которой стали и вы.

— Ну, меня не сильно повредило. А что, большие жертвы?

— Да, большие.

— А вы — санитарный отряд, благотворители?

— В какой-то мере, мы — санитарный отряд.

— Тогда развяжите меня и отпустите. Я здоров.

— Вы не связаны. Скоро вам принесут одежду, и тогда сможете встать с постели. Но вряд ли вам удастся сейчас уйти отсюда.

— Ага, так я и знал. Я у вас в плену.

— Нет, Ранмакан из Манве, — сказал доктор. — Вы в плену у себя. У своего города, у своего мира.

Ранмакан посмотрел на женщину с желтыми волосами. Та сидела не шевелясь и перебирала пальцами — как у них много пальцев — край белой одежды. Волируется. Ранмакан чувствовал приближение чего-то страшного, не направленного против него лично, но тем не менее очень страшного; он хотел бы оттянуть это страшное, которое таилось в ответах на его же вопросы, а тогда надо бы замолчать и ничего не спрашивать, но Ранмакан не мог остановиться.

— Что случилось с городом? — спросил он.

Он не хотел, чтобы ему отвечали, он уже знал ответ.

— Ваш город погиб, — ответил доктор.

Ранмакан почувствовал, что он, маленький, одинокий, голый и незащищенный, как насекомое, приколотое к листу бумаги, виден всем и подвластен всем бедам.

— Так, — сказал Ранмакан, и веря и не веря доктору. — Город погиб. А люди?

— Люди погибли тоже.

— И что же, я один живой остался?

— Да, вы один.

— Как же?

— Вы разрешите, я отвечу на этот вопрос позже? — спросил доктор. — Это довольно опасно.

— Нет, — возразил с неожиданной яростью Ранмакан. — Вы мне ответите сейчас. Сейчас же!

- Хорошо. Но правда будет горькой.
- Все же лучше, чем вранье. Мы проиграли войну?
- Никто войну не выиграл.
- Мир?
- Обе стороны проиграли войну, — сказал доктор. — Никто не выиграл. Все погибли.
- А вы?
- Нас тогда не было на вашей планете.
- Так... А где же были? По небу летали?
- Мы жили у себя дома, на других планетах.
- Вы что же не с Муны?
- Если Муна — название вашей планеты, то тогда мы с Муны. Мы даже не из вашей звездной системы.
- А что вы тут делаете?

Ранмакан задавал вопросы быстро, не успевая осмыслить ответы на них, еще не до конца понимая, что же произошло, и не вполне веря своим ушам и своим глазам. Хотя все это не было сном, реальность оказалась непонятной, хуже любого сна.

- Мы прилетели, чтобы помочь вам.
- Мне?
- Всем вам, кто жил на Муне.
- А много осталось?
- Никого.
- А у них, у пьи?
- Это ваши враги? Тоже никого. Ваши бомбы уничтожили всех людей на планете.
- Этого не может быть!
- Это случилось. Мы узнали об этом слишком поздно. И когда прилетели, никого не застали в живых.
- И я один...
- И вы тоже погибли.
- Так я на Дальнем свете?
- Нет, вы живы. Мы, если можно сказать, воскресили вас.
- Я был мертв?
- Да.
- И сколько времени?
- Больше года.
- Но я только вчера...

Ранмакан осекся. Они говорили правду. Они, конечно, говорили правду, просто такую невероятную правду, что в нее нельзя поверить. И вот он один, и, может, это даже не он, не настоящий он...

— Мы надеемся, что вы будете не одиноки. Так же, как мы вернули к жизни вас, мы постараемся вернуть к жизни других людей.

— Ему надо отдохнуть, — напомнила Кирочка.

— Отдыхайте. Мы потом придем, — решил Павлыш.

Ранмакан не возражал. Он не хотел спать, но ему было лучше остаться одному.

Павлыш и Кирочка вышли из комнаты. Перед уходом Павлыш включил автоматику. Если человек станет буйствовать, автомат усыпит его.

Но Ранмакан не собирался буйствовать. Он закрыл глаза и лежал неподвижно. Только приборы продолжали отмерять биение его пульса и дрожь его нервов.

4.

На следующий день Ранмакан вместе с Павлышом поднялся на мостик. Загребин включил для него экран, и Ранмакан долго стоял, вглядываясь в расплывчатый за сеткой дождя город, в разрушенные дома и пустые улицы.

Он был единственным человеком на планете. Он не знал, можно ли верить пришельцам, обещавшим найти и вернуть к жизни других людей. Ранмакан находился во власти тупого длительного шока; он мог есть, спать, наконец, говорить, пользуясь черной коробочкой; он старался верить в то, что кроме него не осталось на планете ни одного живого человека, что воздух планеты смертелен для людей, что уже год, как нет в живых ни продавщицы в магазине порта, ни его начальника — впрочем, чего его жалеть? — ни полицейских в синих шлемах, ни соседского парнишки, который построил из фанеры автомобиль.

Ранмакан старался верить, но все-таки не верил. Он знал, хотя этой уверенностью не желал делиться с пришельцами, что где-то — или далеко на севере, или в горах Ракуны — живут еще люди. Представить себе гибель своей планеты — выше возможностей мелкого таможенного чиновника, которому, в сущности, никогда не приходило в голову, что война сможет подойти к тихому Манве.

Ранмакан вспомнил, как был незадолго до войны в визоре — смотрел ленту, в которой показывали, что после

войны все погибнут. Но в той ленте двое остались в живых — девушка и парень. И они долго шли по опустевшей планете и в конце концов нашли других людей. Конечно же, нашли. Ранмакан вспомнил, ему говорил кто-то, что картину скоро запретили. Страна готовилась к войне, и нельзя было подрывать боевой дух.

Город лежал перед ним на громадном овальном экране, знакомый и совершенно чужой. Ранмакану хотелось уйти туда, и снова войти в магазин, и спросить у пухленькой продавщицы, нет ли у нее жвачки. Ранмакан знал, что продавщица сначала скажет, мол, жвачки нет и он, видно, хочет, чтобы пришла секретная полиция, потому что жвачка уже три года запрещена, а потом она обязательно достанет из-под прилавка пакетик, и пакетик этот будет стоить всю недельную зарплату, но неважно — жвачки хватает надолго, дня на три, и продавщица тоже согласится пожевать кусочек: ему не жалко поделиться с такой продавщицей.

Большой светловолосый человек с широкими кистями рук стоял в стороне и пускал изо рта дым. Ранмакан боялся этого человека больше, чем доктора Павлыша. Он понимал, что этот человек, хоть и смотрит на него без злости, опасен и чужд. Может, это они, пришельцы, и разбомбили Манве?

Пожалуй, надо бы воздержаться от курения в присутствии Ранмакана, размышлял Загребин. Кто знает, что тот может подумать о людях: здесь, судя по всему, табак не знали, здесь жевали какую-то гадость.

— Возвращаемся, — произнес динамик. Это докладывала группа Антипина. — В большом замке никого нет.

— Что было в большом замке на холме? — спросил Загребин Ранмакана, который с недоверием прислушивался к словам, раздававшимся со стороны экрана.

— Дворец губернатора, — ответил Ранмакан.

Между домами на экране появился вездеход. Он медленно полз к кораблю.

— Что это? — спросил Ранмакан.

— Наша машина. Искали других людей.

— И не нашли, — добавил уверенно Ранмакан.

Они и не хотят искать. Но ничего. Он убежит. Он обязательно убежит отсюда. Ведь, в конце концов, почему он должен верить им, что воздух смертелен? Тысячи

поколений жили на планете, и он не был смертельным. А тут стал смертельным.

— Не нашли п о к а . — Загребин посмотрел на Павлыша: — Не пора ли кормить Адама? — Так называли Ранмакана на корабле, хотя он был слишком худ и мрачен для первого человека.

— Он неразговорчив, — сказал Кудараускас Загребину, когда доктор с пациентом вышли.

— А вы бы на его месте?

— Я не мог оказаться на его месте, — отрезал Кудараускас. — Я до сих пор уверен, что из нашего эксперимента ничего не выйдет. Потому что он порочен.

— Ладно уж, — сказал Загребин; ему не хотелось спорить. — Вы включили шлюзы?

— Да.

— Не забудьте удвоить время промывки вездехода. Они ведь сегодня побывали в эпицентре взрыва.

Кудараускас знал, где они были. Он внимательно смотрел, как вездеход разворачивается, останавливаясь у корабля, как из люка тяжело выскакивают похожие на головастых муравьев Антипин и Цыганков, нагруженные трофеями мертвого города.

Кудараускас включил шлюз, и космонавты, сказав что-то вездеходу, пошли к открывающемуся люку.

На мостик заглянул Христо Райков.

— У меня идея, Геннадий Сергеевич.

— Добро пожаловать. Надеюсь, оптимистическая?

— Почему?

— Да вот у Зенонаса тоже все время идеи, только довольно мрачные.

— Не знаю, — ответил Христо. — Наверное, оптимистическая. Я думал: мы все ищем и ищем людей. А если они на улице погибли или в убежище, то их давно крысы погубили. Совсем погубили. А ведь есть место, куда крысы не добрались. В каждом городе есть.

— Я об этом уже думал, — улыбнулся капитан. — Дня два назад подумал. Даже с коронами поговорил. Не получается.

— Да вы же не дослушали.

— Зато понял. Ты имеешь в виду кладбище?

— Конечно. Правильно! Они ведь прятали мертвых в землю. И если земля сухая, песчаная, то тело могло частично сохраниться... Вы ведь знаете: я геологией инте-

ресуюсь. Вот и взял образцы почв. На окраине. Где кладбище Там песок... Представляете, мы идем по кладбищу и видим: «Здесь похоронен великий физик». Или: «Здесь похоронен известный писатель». И мы уже знаем, кого оживлять. Мы самых лучших, самых умных людей планеты оживим.

— Все правильно, Христо, — согласился Загребин. — Есть два «но». Каждого из них достаточно. Первое: на Муне обычно сжигали мертвых. Под могильными памятниками, которые ты видел на кладбище, лежат урны с пеплом. Это проверено. Достаточно? Или нужно второе «но»?

— Достаточно, — сказал упавшим голосом Христо. — И разве не было исключений?

— Были. Особенно в стороне от больших городов. Но мы еще так мало знаем о Муне! Может быть, когда-нибудь мы вернемся к твоей идее. Сейчас будем искать более простые пути. Согласен?

— Согласен.

Когда практикант ушел, Кудараускас, продолжая сле-зачить за разгрузкой и дезактивацией привезенного из го-рода, спросил:

— А что вы имели в виду под вторым «но»?

— Это лучше объяснит корона Вас. Дело в том, что аппарат не делает людей бессмертными. Если человек умер от старости, то он возродится таким же старым, каким умер. И умрет, возможно, снова через несколько лет.

— А соблазнительно все-таки найти и вернуть к жизни лучшие умы планеты.

— Соблазнительно. Но пока придется действовать наугад.

5.

Тете Миле очень хотелось, чтобы Ранмакану понравились котлеты, весьма неплохие котлеты из филе кур. Таких на корабле давно не ели. Корона Вас обещал делать из каждой курницы десятков — но, видно, забыл в суматохе, а напоминать было неловко.

Ранмакан ел не спеша, о чем-то думал. «Хоть бы удивился разок, — подумала тетя Миля. — Это, конечно, горько, когда ты один-одинешенек остался на своей земле, но ведь не пропадешь теперь — мы же прилетели.

И других найдем. Как тебя нашли, так и других найдем, девушку тебе подберем. Дети пойдут...»

Ранмакан не спешил доедать обед. Он знал, что его в покое не оставят. Конечно, секретов он не знал, военных тайн тоже, он понимал: придется держаться настороже — неизвестно, что им от него нужно в самом деле и когда наступит такой момент, что его выкинут, а может, и переделают в такие вот котлеты... Может, это и есть котлеты из его предшественника? Того допросили и уничтожили... Вот сидит женщина напротив. Толстая, кудрявая. Хорошо бы, она помогла бежать отсюда. Но как она может оказаться другом? Ведь ей приказали его, Ранмакана, откормить как следует...

Вошел Павлыш. С ним еще одна девушка, которую Ранмакан раньше не видел. Высокого роста, не ниже Павлыша. У нее были очень пышные и длинные черные волосы, небрежно собранные на затылке, крупные губы и огромные, спрятавшиеся за длинными ресницами глаза.

— Снежина Панова, — представил женщину доктор.

Ранмакан кивнул головой. «Как в зверинце, — подумал он. — Ходят смотреть».

— Я буду занят в ближайший день, — сказал Павлыш. — Сегодня ночью мы улетаем к полюсу. Так что Снежина будет вам помогать.

— Мне можно ходить, куда хочу? — спросил Ранмакан.

— Конечно. Вы же себя хорошо чувствуете.

«Ладно, — подумал Ранмакан. — Буду послушным и добрым. Хорошо, что со мной остается женщина. Ее легко провести. Только бы сбежать с корабля — и потом в горы, к перевалам. Там должны быть свон».

Снежина сказала:

— Я сейчас уйду, не буду мешать. Вы найдете меня в моей комнате. В крайнем случае, чтобы не искать, видите кнопки вызова? Мой номер один — четыре.

— Хорошо, — ответил Ранмакан.

— Вы не хотите добавки? — спросила тетя Миля.

— Нет, я сыт.

— Погодите, я компотом вас угощу. Из настоящих вишен. Небось, не ели никогда?

Ранмакан невольно улыбнулся.

— Я даже такого слова не слышал.

Тете Миле хотелось поговорить со спасенным. Ведь

минутки не найдешь — все доктора да капитан с ним беседуют. Может, ему чего-нибудь такого хочется, а они и не догадаются? Вон глаза как бегают!

Тетя Миля принесла большую, поллитровую чашку компота из вишен.

Ранмакан попробовал.

— Не кисло? — спросила тетя Миля.

— Нет.

С сахаром в городе в последние месяцы было очень плохо. Ранмакан уже и не помнил, когда ел сладкое.

— Спасибо, — сказал он тете Миле.

К человеку, который вкусно поел, приходят добрые мысли. И Ранмакану стала более симпатична эта толстуха.

— Как уж вы это натворили? — спросила тетя Миля. Она не хотела быть нетактичной, но сказала и испугавшись: вдруг обидела человека?

— Что натворили?

Последние ложки компота шли уже через силу.

— Ну, перебили друг друга. Войну такую устроили.

— Это не мы виноваты, — ответил Ранмакан. — Это наши враги, пьи. Они на нас злодейски напали.

— За что же это?

— Пьи — враги свободы и враги нашего государства.

Ранмакан поймал себя на том, что говорит языком предвоенных передач. Но до тех пор пока эти передачи не начались, он своего мнения по военным вопросам не имел. Знал, правда, что пьи пытаются захватить плодородные колонии лигонской державы и из-за них нерегулярно поступает и все дорожает жвачка. Вот вроде и все. Какое ему было дело до пьи?

— Враги, враги... — проговорила тетя Миля. — Эти слова давно забыть бы надо. Чего ты-то с ними не поделил?

— Это так сразу не объяснишь, — сказал Ранмакан. — Это проблема сложная.

6.

Павлыш дремал у иллюминатора. Внизу покачивался располосованный белыми барашками океан. Океан покачивался уже третий час, и все так же висело над горизонтом солнце. Катер «Аист» догонял утро.

Экспедиция летела на остров в океане. Остров лежал

неподалеку от Южного полюса планеты, и там, по сведениям первого разведчика, были замечены какие-то постройки. Остров был окружен льдами, и группа строений на нем казалась неповрежденной. Туда могли не добраться крысы. Поэтому капитан дал согласие на полет, хоть это и должно было занять целый день и ради этого приходилось прерывать исследование города.

Но и в этом были свои плюсы. Накопилось довольно много материалов — книг, газет, вещей. Если не привести все это в порядок, утонешь в информации. Не распутаешься. На остров полетели Павлыш с Аро и Антипин с Малышом. Снежина занималась с Ранмаканом, Корона Вас вносил кое-какие усовершенствования в свой аппарат. Баков и Лещук, старший механик, стояли ночную вахту, потом по распорядку шли отдыхать. Остальные занялись разбором материалов. Когда катер был готов к полету, Павлыш заглянул в сектор Мозга. Там трудились самодельные археологи, искусствоведы, историки...

Павлыш даже позавидовал тем, кто остается. Кроме того, он беспокоился о Ранмакане. Как бы там Снежина чего не напутала, не наговорила лишнего. Корона Вас обещал не спускать с них глаз, но однако...

Все тот же океан. Все те же барашки.

— Их цивилизация примерно чему соответствует? — спросил Малыш. — По нашей хронологии?

— Наверно, середине двадцатого века. Тогда тоже создавались запасы ядерного оружия и была опасность всеобщей войны.

На горизонте показалась белая линия льдов. Где-то там, недалеко от кромки, находилась цель полета — маленький гористый остров.

— А Ранмакан что думает?

— С ним будет трудно, — сказал корона Аро. — Уровень интеллекта невысок, очень подозрителен, не верит, что разумные существа могут помогать друг другу. Привык видеть во всех людях врагов.

Белые льдины утихомирили океан, и он темно-синими реками и озерами улегся между белых полей.

— Вот он, остров, — произнес Антипин.

Остров был неуютен, мрачен. Черные зубцы скал прорезали лед и снег, и нигде не видно следов жизни. Катер

облетел остров вокруг — никаких домов или других строений, только снег между зубцами скал.

— Может быть, ошибка? — спросил Антипин. — Другого острова по соседству нет?

— Нет, это тот остров, — сказал корона Аро. — Все совпадает. Под большой скалой должно быть несколько домиков.

Катер опустился на ровную площадку у скалы и ушел в снег метра на три.

— Все ясно, — сказал Павлыш. — Дома занесло снегом. Так бывает у нас в Арктике.

— А что делать дальше? — спросил Малыш. — Мы же потонем в снегу.

— Утонуть не утонем, но найти их нелегко. Включи-ка локатор.

Зеленым прямоугольником на экране обозначился дом.

Через четверть часа Павлыш и Антипин стояли по колено в снегу на наклонной крыше дома. Павлыш разгреб снег, и серая обледенелая поверхность крыши появилась на свет.

— Жаль, что двигатель гравитационный, — сказал Павлыш. — А то бы растопили снег отработанными газами, и дело с концом.

— Да. — Антипин подошел к краю крыши и ощупал ногой карниз.

Карниз не выдержал его веса и обломился. Взмахнув руками, Антипин пропал в снегу.

— Ну вот, — сказал из корабля Малыш. — Второй раз на этой планете проваливается. Что за развлечение себе придумал?

— Ты как там? — спросил Павлыш, осторожно подходу к краю крыши.

— Тут, по-моему, дверь, — ответил Антипин. — Только ее никак не откроешь. Примерзла.

Шлем Антипина покачивался в осыпающихся краях дыры, пробитой им в насте.

— Погодите, — сказал Малыш. — Я, кажется, могу помочь. Здесь в инструментах должен быть тепловой резак. Ага, вот он. Я луч расфокусирую, получится конус. Слава, поднимись сюда.

Павлыш не сумел поймать брошенный резак, и тот исчез в снегу.

— Не потеряй! — крикнул Малыш. — Второго нету. И лопату не взял.

— Что такое лопата? — поинтересовался Аро.

— Очень простой инструмент, — объяснил Малыш. — С его помощью построены все великие памятники земной цивилизации. Прадедушка экскаватора.

— Понятно, — ответил Аро.

И не было ясно, действительно ли ему понятно или он думает, что Малыш шутит.

Антипин разыскал резак, включил его сначала на малую мощность, потом, когда снег стал съезживаться, открывая сумеречное небо и низкое, у самой земли, солнце, перевел на полный ход и уверенно двинулся вокруг дома, стараясь не задеть его тепловым конусом и слушающая, как журчит вода, прокладывая путь в снежном матрасе.

Оттаявшая дверь сама приоткрылась, и свежий воздух ворвался в хижину. Павлыш постучал пальцем по стеклу узкого, похожего на бойницу окна.

— Даже стекла не разбились, — сказал Антипин. — Удивительно: дом засыпан, а окна целы.

— Ты рассуждаешь, как старожил. — Павлыш потянул дверь на себя и включил фонарь на шлеме.

За небольшим тамбуром была комната с плитой — или печью — в углу и треугольным столом посередине. На плите стояла кастрюля, наполненная льдом. Ледяные сталактиты свисали с потолка, низкого и черного. Позади стола виднелась широкая лежанка, на которую была навалена куча окаменевшего тряпья. Свет чуть-чуть пробивался сквозь бойницы окошек, одинокая табуретка упала когда-то и вмерзла в слой льда, покрывающий пол. Людей нигде не было.

— Рыбаки, что ли, здесь жили? — спросил Антипин.

— Похоже, что дом покинут.

— Зря летели? — огорчился Малыш, который прислушивался к разговору.

Диссонансом обстановке комнаты была повисшая на одном гвозде полка с книгами. Некоторые из них упали на пол и утонули во льду, другие чудом держались на полке, скрепленные морозом.

— Может, здесь жил благородный и бедный отшельник?

— Не мешало бы найти его. А то наш Ранмакан даже

книг, по-моему, не читал. Я его спрашивал, а он как-то уклоняется от ответа, — сказал Павлыш.

— Где же остальные дома? Разведдиск два месяца назад видел несколько домов, — напомнил Малыш.

— Добраться до них будет труднее, — ответил корона Арс. — Боюсь, те дома попали под лавину. Чтобы к ним добраться, надо пройти завал льда и снега потолще того, что уже одолели.

— Интересно, такое ощущение, будто в комнате застоявшийся воздух. А ведь запахов я в скафандре не чувствую.

Антипин передал книгу перегнувшемуся из люка Малышу, а сам обернулся к доктору.

— Ты что?

— Хочу растопить лед у входа. Тут ступеньки. На них что-то вмерзло в лед.

Павлыш отошел на шаг в сторону, утонув по пояс в снегу, и направил луч резака вниз. Через несколько секунд лед поддался тепловому лучу и пополз по сторонам, освобождая широкую воронку. На дне воронки лежала овальная миска с замерзшей кашей.

— Только и всего, — усмехнулся Антипин.

Доктор снова включил резак, поводя им, чтобы растопить лед на большей площади. Через минуту сквозь слой льда уже можно было различить человеческую руку, тянувшуюся к миске.

— Вот он, — сказал Павлыш. — Вот он, наш отшельник.

7.

Только успели погрузить тело «отшельника», как на остров налетела метель. Она за одну минуту снова засыпала хижину и протоптанную вокруг нее дорожку, и следов не осталось.

Катер поднимался в шипучей и яростной толкотне снега и ветра, и пришлось уйти на семнадцать километров вверх, прежде чем фронт облаков поредел и остался внизу мохнатыми шапками снеговых туч. Связь прервалась, но Малыш успел сообщить на «Сегежу», чтобы Вас готовил аппаратуру. Операция «Человек» продолжалась.

Путешествие обратно было ничем не примечательным. Антипин с Малышом занимались исследованием верхних слоев атмосферы, Павлыш пытался разобраться в слип-

шихся горах бумаг, бывших когда-то книгами, корона Аро дремал или думал — кто его поймет?

Спускались вслепую. Локатор показал скопище домов внизу: город и диск «Сегежи» рядом с ним.

Облака расступились только у самой земли, «Аист» вошел в луч пеленгатора и мягко подплыл к грузовому люку — полозья выдвинулись навстречу ему из тела «Сегежи», и в узком ангаре пришлось задержаться, пока струи дезактиваторов тщательно промывали катер.

— Ну, как у вас дела? — включил внутреннюю связь Антипин. — Все в порядке?

На мостике был только Кудараускас. Светлые глаза его не выражали никаких эмоций.

— А как у вас? — ответил он вопросом.

— Вроде неплохо. Корона Вас приготовил аппаратуру?

— Вам придется подождать, — ровным голосом сказал Кудараускас. — Аппарат в действии. Он занят.

— Как занят? Вы нашли еще кого-нибудь?

— Нет, не нашли. По окончании обработки корону Аро просят немедленно прийти в лабораторию. Павлыша тоже.

— Чепуха какая-то, Зенонас, — сказал Малыш. — Послушай, что случилось?

— Ничего хорошего. Поскорее выходите из ракеты. Вам нужны здесь.

Кудараускас отключился.

Космонавты выскочили из ракеты, поворачиваясь под струями дезактиватора. Раздеваясь в следующем тамбуре, Малыш размышлял:

— Капитана на мостике нет, а вроде бы его вахта. И Зенонас ничего толком не объяснил...

— Может, что-нибудь случилось с Ранмаканом?

— Вряд ли с ним могло что-нибудь случиться, — произнес корона Аро мрачно. — По всем данным, он типичный представитель здешней цивилизации. Мы даже убрали у него начинающуюся язву желудка. Он о ней и не знал.

— Но все-таки, — настаивал Малыш. — Представьте себе какой-нибудь наш безвредный вирус. А для него — смерть. Или тетя Миля чем-нибудь его по доброте сердечной накормила.

— Малыш, брось свои бредовые идеи, — проговорил

Павлыш несколько резче, чем следовало. Ему также не понравился Кудараускас с его таинственностью.

— Вы готовы? — спросил Аро.

— Готовы.

Павлыш выключил очистительные установки и открыл люк в корабль.

У двери уже стояла Снежина. Снежина была бледной, на белом лице горели полные губы, и глаза казались еще больше и чернее, чем всегда.

— Снежина, здравствуй. Что у вас происходит? — спросил Малыш.

— Я слышала, как вы говорили с Зенонасом. И я побежала, чтобы вас встретить. На корабле несчастье. И я во всем виновата.

— Что случилось? — Павлыш взял ее за руку. — Не беспокойся. Что же случилось?

— Загребин убит, — сказала Снежина. — И я в этом виновата.

8.

Кроме нее самой, Снежину никто не винил. Виновато во всем было несколько беззаботное отношение всех космонавтов к проблемам, которые возникли на Синей планете. Корабль прилетел сюда для возвышенной миссии, и уверенность в том, что люди, которым помогли, должны испытывать в первую очередь чувство благодарности к «Сегеже», настраивала всех к добродушию.

Члены экипажа были увлечены борьбой за одушевление погибшей планеты, и появление первого живого человека, лишь только прошла сенсационность первых часов, было воспринято как вполне естественная вещь. Когда все убедились, что аппарат корон действует и в состоянии на самом деле помогать спасению планеты, корабль охватило деловое возбуждение. Надо было как можно скорее найти и оживить людей, обследовать и изучить как можно большую часть планеты. На смену подавленности первых дней наконец-то пришла настоящая работа, и теперь следовало выполнить ее побыстрее и получше. И радиограмма с катера о том, что найден еще один человек, только укрепила эту уверенность.

Покинутая на произвол судьбы планета с каждым днем приходила в большее запустение; каждый день где-

то гибли шедевры живописи и литературы, созданные тысячелетиями; каждый день крысы мутанты пожирали все, до чего могли дотянуться их мелкие и острые зубы.

И потому Снежину нельзя обвинить в том, что она не уделяла Ранмакану столько внимания, сколько нужно было бы, если знать его намерения.

В одном Снежина действительно провинилась — между ней и Ранмаканом произошел такой разговор.

— А как же вы прилетели к нам безоружными? — спросил Ранмакан. — А вдруг бы вас встретили враги? А вдруг кто-то из пьи остался в живых?

— Вряд ли это реально, — рассеянно ответила Снежина, которой очень хотелось убежать в лабораторию, где, если верить Христу, Мозг расшифровал важные документы.

Снежина, как и другие космонавты, предполагала, что Ранмакан не принадлежал к числу лучших умов планеты. Разговор с Ранмаканом был скучен, и его стандартные рассуждения о воинственности пьи и отсутствии жвачки на борту «Сегежи» быстро надоели.

— Ну ладно, а если трезар?

Снежина уже знала, что трезар — крупный хищник, что-то вроде тигра, который обитал на планете до войны.

— Для этого на корабле есть оружие.

— Ага, так я и думал. — Голубые тонкие губы Ранмакана сжались в ниточку. — Без оружия вы никуда, хоть и говорите о дружбе.

— Знаете что, давайте поговорим о другом, — предложила Снежина. — Мало ли тем для разговора?

— Опять допрос? — вздохнул Ранмакан.

— Ну хорошо, спрашивайте вы.

— Не хочу. Пойду спать. А у вас пистолет есть?

— В оружейном есть и на мостике у капитана. На всякий случай.

Ранмакан ушел. Снежина не беспокоилась за него. В лаборатории остается корона Вас, который в любую минуту может узнать, где находится Ранмакан.

Виноват был и корона Вас. Вместо того, чтобы хоть изредка поглядывать, где же бродит Ранмакан, он принялся оживлять кур.

Эта проблема его интересовала не только с точки зре-

нии услуги, которую он мог оказать тете Миле, но и как чисто научный эксперимент.

Виноват был и Кудараускас. Его подвела любовь к абстрактным психологическим исследованиям. Когда на мостик поднялся Ранмакан и принялся бродить по длинному помещению, поглядывая на экран внешнего обзора, Кудараускас начал задавать ему вопросы. Само существование Ранмакана давало ему, полагал Зенонас, определенные преимущества в споре с оппонентами. Позиции его были бы слабее, если бы первым человеком на «Сегеже» оказалось существо, вызывающее всеобщее уважение и любовь. Ранмакан не стремился ни к тому, ни к другому. Он даже не проявлял большой благодарности за то, что его вернули к жизни. И Кудараускасу хотелось найти в нем, в его мировоззрении черты, приводящие к гибели целую планету.

Поэтому Кудараускас, как только Ранмакан появился на мостике, всем своим видом показывая, что не собирается покидать его, принялся задавать Ранмакану вопросы, невинные на вид, но с двойным дном.

Ранмакан, с недоверчивостью относившийся к любым вопросам, не хотел раздражать отказом беловолосого штурмана и поэтому коротко и сухо отвечал на них, сам тоже спрашивал что-то малозначащее и тоже имеющее другое значение. Спросил он и об оружии. Этот вопрос Кудараускаса заинтересовал.

Он повторил то же, что говорила Ранмакану Снежина, и Ранмакан не поверил Кудараускасу так же, как не поверил Снежине. Однако про себя удивился сговору пришельцев.

— И сильно бьет? — спросил Ранмакан.

— Лучевой пистолет? Метров на сто, это же средство защиты.

— У нас есть пистолеты и пулеметы, бьющие без промаха на три километра.

Ранмакан употребил в разговоре другую меру длины, но лингвист у него на груди перевел меру в земные понятия. Лингвист передавал местное звучание слов только в тех случаях, когда понятию не было эквивалента в земных языках.

— Но я же повторяю, — сказал спокойно Кудараускас, — это оружие чисто оборонительного типа. И оно

еще не употреблялось за все время моей работы на «Сегеже».

— А какая точность выстрелов? — спросил Ранмакан.

В это время капитан зачем-то отлучился с мостика, и Кудараускас остался наедине с Ранмаканом. Он встал, подошел к стене и открыл небольшую дверцу в ней. В нише, на полке, лежал лучевой пистолет.

— Сейчас посмотрим, — ответил Кудараускас, — хотя это не имеет значения. Рассеивание... Точность попадания... Видите, как прост в обращении?

Ранмакан внимательно осмотрел пистолет, но тут Кудараускаса кольнуло какое-то неприятное предчувствие. По крайней мере, он сам так говорил потом Бауэру. Зенонас положил обратно пистолет, захлопнул шкафчик и внимательно поглядел на Ранмакана. Но тот как будто потерял уже к пистолету всякий интерес. Он снова подошел к экрану и стал смотреть на застланный мглой дождя город.

— Сегодня никто туда не поедет? — спросил он.

Он находился в странном состоянии: с одной стороны, его план неожиданно облегчался тем, что тюремщики даже не запирали шкафчика с оружием, но вдруг это ловушка? Страх, охвативший его в тот момент, когда он раскрыл глаза в госпитале «Сегежи», не отпускал. Он руководил всеми его действиями.

— В город? Сам Загребин собирался съездить туда на «Еже» с Бауэром. На самую окраину. Там, в начале улицы, здание редакции. Вы знаете?

— Я этот район плохо знаю, — сказал Ранмакан. — Когда они поедут?

— Скоро, через полчаса. Ага, вот и Загребин. Геннадий Сергеевич, вы когда собираетесь в город?

— Вахту сдам Бакову, и поедем. А вы что, Ранмакан, хотите с нами?

— Я там еще не был... после войны, — оживился Ранмакан.

— Тогда вместе поедем. Вы нам поможете.

Загребин вызвал по внутренней связи корону Вас. Тот очнулся от блаженных дум и ответил, что не имеет ничего против, если Ранмакан съездит в город.

Тут уже был виноват Загребин. Он должен был осторожнее относиться к Ранмакану. И корона Вас тоже. Но и тот и другой упустили из виду, что Ранмакан — пред-

ставитель цивилизации, отставшей на несколько сотен лет от Земли и Короны. С другими мыслями, с другими рефлексами и совсем другим отношением к людям.

9.

Вынуть пистолет из шкафчика и спрятать его в кармане оказалось нетрудно. Капитан вышел вниз подготовить «Ежа» к поездке, а Кудараускас углубился в какие-то свои расчеты.

Дальнейшее было еще проще. Управление скафандром оказалось автоматическим. Ранмакан прошелся в скафандре по коридору и сказал капитану, что чувствует себя хорошо.

В скафандре было слышно все, что говорили другие люди, также одетые в скафандры. Кроме того, можно было поддерживать связь с кораблем.

— Будете нашим гидом по городу, хорошо? — предложил капитан, забираясь в вездеход.

— Хорошо, — Ранмакан улыбнулся.

— Я даже и не надеялся, что вы захотите с нами поехать, — заметил Загребин. — С местным жителем куда удобнее. Я боялся, что вам будет тяжело...

— Ничего, — ответил Ранмакан. — Поехали. — Он спешил. В любой момент Кудараускас или Баков могли обнаружить пропажу пистолета, и тогда все погибло.

В кабине «Ежа», устроившись сзади Бауэра и Загребина, Ранмакан незаметно расстегнул скафандр сбоку и вынул из кармана пистолет. Кабина вездехода была слабо защищена от радиации. Но Ранмакан не верил тому, что доза радиации, прорвавшейся к его телу в эти секунды, была опасной для жизни.

У одного из первых домов улицы, ведущей к центру — она называлась улицей Торжества, — вездеход остановился.

— Мы тут немного задержимся, — сказал Загребин. — Не возражаете?

Ранмакан не возражал. Он подождал, пока Бауэр и Загребин скрылись в узкой двери одного из домов, и бросился бежать вдоль улицы, надеясь спрятаться в подьезде.

Движимый каким-то шестым чувством, интуицией

много повидавшего человека, капитан, входя в дом, обернулся. И увидел, что Ранмакан убегает.

— Ранмакан! Стойте! Что вы делаете?

Капитан бросился за Ранмаканом. Он понимал, что человек без корабля, без защиты скоро погибнет в этом мире.

Ранмакан этого не понимал. Он обернулся, выхватил пистолет и в упор, с пяти шагов, всадил в лицо и грудь капитану половину мощности пистолета.

Такого удара не выдержал даже скафандр высокой защиты. Прозрачная броня его почернела, обуглилась и, высоко подняв от невыносимой боли толстопалые руки, капитан упал на мокрую, выщербленную ветрами мостовую.

Бауэр уже стоял в дверях. Второй выстрел был направлен ему в лицо, но штурман за какую-то долю секунды успел нырнуть в проем двери, и синий дым тут же скрыл Глеба от следующего выстрела.

Ранмакан остановился. Что делать? Теперь он беглец, он враг могучего корабля и могучих пришельцев. Правда, у Бауэра оружия нет...

Ранмакан выстрелил в гусеницу «Ежа». «Еж», движимый инстинктом самосохранения робота, отпрянул в сторону, но его настиг следующий выстрел. Гусеница оплавилась, и «Еж» завертелся на месте.

— Что случилось? — кричал Баков, и голос его бился в ушах Ранмакана, как неумолимый преследователь. — Что случилось? Загребин! Бауэр!

Ранмакан побежал вдоль улицы, петляя, будто его могли увидеть с корабля, свернул в проходной двор и через узкие переулки направился к холмам. Город они могут сжечь, мстя Ранмакану. В холмах его не найдут.

— Ранмакан напал на капитана, — наконец услышал он голос Бауэра в шлеме. — Капитан ранен или убит. «Еж» поврежден. Срочно нужна помощь.

— Оставайтесь на месте! — приказал Баков. — Окажите помощь капитану. Откуда у Ранмакана оружие?

— У него наш лучевой пистолет. Что он сделал с мастером! Скорее!

— Спускаем «Великана»!

Ранмакан плутал по проходным дворам и переулкам, ища выхода к холмам. Он не мог поверить, что о нем в этот момент забыли, что его никто не преследует. Скафандр не успевал подавать достаточно воздуха для бе-

шесно сжимающихся легких. Ранмакан задыхался. Ему не хотелось снимать шлем: сняв его, он будет лишен возможности слушать разговоры по внешней связи. Но шлем с каждым шагом все тяжелее давил на голову...

Спрятавшись за углом крайнего дома, Ранмакан отвинтил шлем и бросил его на мостовую; прозрачным мячом шлем покатился к луже, занимавшей середину мостовой, и поплыл по ней, подгоняемый поднимающимся ветром. Надвигался ураган. Снег с дождем били Ранмакану в лицо, словно пытались остановить. Но тот был доволен, что погода испортилась: теперь его труднее будет найти.

Начался подъем на холм. Ранмакан убавил шаги — все равно он уже не мог бежать. С пистолетом он не расстался. Дальше от корабля, дальше от мести пришельцев...

Ранмакан был обречен на скорую и мучительную смерть. Спасти Ранмакана мог только аппарат короны Вас. Но Ранмакан бежал от него.

Скалы сомкнулись над тропинкой. Ранмакан присел, чтобы перевести дух. Ветер сюда не долетал. Ранмакан спрятал пистолет в карман. Он чувствовал себя здоровым и сильным. Теперь главное — найти своих и рассказать им о пришельцах. Должен же где-то существовать свой привычный мир, мир порядка и закона.

А тем временем Бауэр тащил к кораблю обугленное тело капитана, тяжелое и неповоротливое в скафандре высокой защиты. Он не обходил луж и камней. Он задыхался, спешил.

У последнего дома его встретил вездеход «Великан».

Ураган разыгрался к тому времени, и Бауэр увидел вездеход только тогда, когда спрыгнувший с него механик Лешук крикнул ему:

— Давай помогу!

Глава четвертая

ВТОРАЯ НЕУДАЧА

1.

В лаборатории — некому было запретить — собралась большая часть экипажа. Корона Вас не начинал работы до появления Аро и Павлыша. Без них он не мог справиться с аппаратурой. Вас понимал, что теперь, когда тело капитана, охлажденное и готовое к оживлению, находилось на операционном столе, время перестало играть решающую роль в спасении капитана. Корона Вас объяснил это Бакову, принявшему командование кораблем, и Снежине, но те все равно отсчитывали минуты до возвращения катера, и им несмотря ни на что казалось, будто с каждой минутой уменьшаются шансы на то, что Загребин вернется на мостик, постучит сигаретой о край пепельницы и скажет вахтенному: «А вот у нас в училище был такой случай...»

Когда Кудараускас сообщил в лабораторию, что катер снизился, Баков приказал Зенонасу не торопить их с дезактивацией. Все должно идти по плану. Если поторопиться, в лабораторию могут попасть вирусы или радиация. Это решение далось Бакову нелегко, но он теперь был капитаном корабля, и первой его обязанностью было вернуть к жизни мастера. Сформулировав так свою задачу, Баков принялся проводить ее в жизнь. Правда, освободить лабораторию от заинтересованных лиц он не решился.

Снежна встала у дверей рядом с Бауэром. Павлыш и Аро прошли к приборам. Лицо и грудь капитана были прикрыты тканью, и из сплетения приборов и креплений виднелись только усыпанные веснушками кисти рук.

— Все будет в порядке, — сказал Бауэр Снежине. Он очень хотел, чтобы все было в порядке.

— Прошу лишних уйти, — произнес Павлыш. — Пожалуйста, уйдите. Помощи от вас никакой, а разговаривать.

— Мы не будем разговаривать, — заверила Снежина.

— Пойдем, — предложил ей Бауэр. — На мостике есть экран. Павлыш тоже волнуется.

А когда они поднимались на мостик, он сказал Снежине:

— Я ведь тоже мог оказаться на этом столе. Мое счастье, что Ранмакан плохо управлялся с пистолетом.

— Вполне достаточно, чтобы убивать, — съязвила Снежина.

Бауэр открыл дверь на мостик и вдруг улыбнулся.

— Чего ты? — удивилась Снежина.

— Как быстро люди приспосабливаются к новым условиям жизни! Еще месяц назад случись такое, корабль был бы во власти безнадежного горя. Погиб капитан. А теперь: как бы еще чего не случилось? То есть говоришь в мастере как о пострадавшем в катастрофе, но абсолютно живом человеке.

— Не мели чепухи, — обиделась Снежина. Ей сейчас не хотелось философствовать. — Конечно, капитан будет жить.

Кудараускас включил экран лаборатории и, пока члены экипажа рассаживались, спросил:

— А где Ранмакан?

— Кто знает? — сказал Бауэр.

— Надо будет догнать его. Он погибнет.

— Я бы его снова не оживляла. Должно же быть наказание, — сказала Снежина.

— Постарайтесь понять, — возразил Павлыш. — Он просто нам не поверил. Решил: мы враги.

— А вдруг он сумасшедший? — спросил Кудараускас. — Не в нашем смысле, а сумасшедший, как и все другие жители планеты. Охваченный стремлением убивать.

— Мы привезли еще одного человека, — вспомнил Бауэр. — С дальнего острова. Завтра-послезавтра увидишь, что и здесь люди бывают разные.

— Ты уже уверен?

— Я давно уверен.

Биологи включили аппаратуру. С мостика экран показывал их сверху, как показывают операции в хирургическом театре для студентов. Все замолчали.

Открылась дверь, и тихонько вошла тетя Миля.

— Я с вами посижу, — шепотом сказала она. — Одно нехорошо.

— Садитесь, конечно. — Зенонас подвинул ей кресло.

По внутренней связи раздался голос Лешука из двигательного отсека.

— Зенонас, подключи нас к лаборатории. Ничего не слышим.

— Там пока слышать нечего, все идет как надо, — заметил Зенонас. — Включаю.

Еще через десять минут Вас склонился над колпаком операционного стола и сказал Павлышу:

— Кожные покровы начинают восстанавливаться.

— Ну вот, — сказал Бауэр.

— Сердце, — проговорил Аро. — Пульс семьдесят, наполнение нормальное.

— Будет жить, — произнес Павлыш громче, чем следовало говорить в операционной.

— Подождите, — остановил его Вас. — Не надо шуметь раньше времени. Я полагаю, что экран можно отключить. Через несколько минут операция будет закончена, и еще через два часа мы разбудим капитана Загребина в госпитале. Вы сможете его навестить.

Корона Вас отключил экран.

...Через два часа капитан, смущенно улыбаясь, лежал в госпитале на той самой койке, которую так недавно занимал его убийца, и принимал импровизированный парад экипажа. У изголовья его стоял корона Вас и хлопывал от удовольствия губами широкого рта. Он радовался не только тому, что капитан жив, здоров и ничем не отличается от прежнего Загребина, но и тому, что пришедшая одной из первых тетя Миля пожала короне руку.

— Спасибо вам, доктор. Без вас мы бы осиротели.

Малыш, когда подошла его очередь, приблизился к Вас и спросил у него шепотом, придерживая карман:

— Курить мастеру можно?

— Конечно. Если Павлыш разрешит. Он же здесь хозяин.

Павлыш благодушно кивнул головой. Малыш вытащил из кармана любимую пепельницу мастера и пачку сигарет.

— Вам можно, — поставил он пепельницу на тумбочку у кровати.

Загребин посмотрел на сигареты, вспоминая, зачем они могли ему понадобиться, потом вспомнил и ответил: — Спасибо, как-то не хочется.

Малыш даже вздрогнул. Такого с капитаном «Сегежи» просто быть не могло. Малыш подозрительно посмотрел на своих биологов. Во взгляде его ясно читалось «Что вы сделали с мастером?»

— Когда восстанавливали легкие, очистили их от никотина, — объяснил корона Вас. — Возможно, поэтому.

Но Малыш продолжал смотреть на Вас в упор, и тогда тот, догадавшись, добавил:

— Нет, больше никаких расхождений со старым Загребинным не будет. Не должно быть.

— Может, все-таки закурить? — спросил Загребин. — Нет, не хочется.

Корона Вас был прав. Во всем остальном капитан остался таким же, как прежде. Только бросил курить. И Снежине, которая вечно забывала сигареты, не у кого было их просить на мостике в вахту Загребина.

Павлыш потом как-то говорил Снежине, что он не заметил, чтобы Вас специально очищал легкие капитана от никотина. Тем более, если учесть, что курение — наркотическая привычка и закрепляется она в мозгу, а не в легких. Просто-напросто корона Вас не выносит табачного дыма, уверял Павлыш, и при этом он очень деликатное создание и никогда вслух своих претензий не высказывает. Вот и отключил потихоньку клетки, ведающие у капитана страстью к курению.

2.

На поиски Ранмакана «Еж» вышел на следующее утро. Кудараускас уговаривал Бауэра взять с собой оружие, но тот отказался. Кудараускас даже поспорил с ним.

— Ты пойми, — говорил он. — Пойми меня правильно. В крайнем, самом крайнем случае, если ты убьешь его — мы оживим снова. А так ты рискуешь и своей жизнью, и жизнью Малыша, который едет с тобой.

— Антипин соорудит силовое поле на вездеходе. Это первое. А второе — тебе приходилось умирать? Хоть полраза, хоть четверть раза? Ты думаешь, это просто: умер, и все? А впрочем, не веришь мне, поговори с Загребинным.

Кудараускас представил лицо капитана и ответил:

— Я не спорю. Если силовое поле будет, пожалуйста.

Отъезд «Ежа» задерживался. Антипин с роботами монтировал установку. Бауэр углубился в карты, чтобы вычислить возможный маршрут Ранмакана. Решили сначала осмотреть порт и склады — родные места Ранмакана. Если там его не найдут, придется перенести поиски на холмы.

— Меня что волнует... — говорил Малыш Бауэру, когда они спускались к машине. — Ведь он же должен есть и пить. Никаких запасов такого рода в скафандре нет. Значит, он, чтобы съесть что-нибудь, снимет шлем и получит смертельную дозу.

— Надеюсь, он не найдет ничего съестного на этой чертовой планете, — ответил Бауэр.

Ему совсем не хотелось ехать на поиски убийцы, но он сам вызвался в них участвовать, потому что считал себя (как, впрочем, и большинство членов экипажа) виноватым в случившемся. Бауэру намного интереснее было бы присутствовать при оживлении «отшельника».

Больше всего надежд возлагалось на пластилиновый детектор. Он мог за несколько сот метров обнаружить следы вещества, из которого был сделан скафандр.

Баков стоял у экрана, смотрел, как растворяется в струях дождя машина, и, когда она скрылась за домами, сказал:

— Осторожнее. Может, включите поле сейчас же? Он ведь может подстергать вас.

— Мы его раньше учуем, — ответил Бауэр. — Работает детектор.

Баков включил второй экран. В лаборатории происходило новое оживление. Баков думал, что это чудо становится уже будничным делом.

Баков вызвал госпиталь и спросил у тети Мили, как себя чувствует Загребин.

Тот услышал вопрос и ответил сам:

— Даю врачам еще час — самое большее, пусть тогда выпускают, а то сам сбегу.

Баков сдержанно улыбнулся и пригладил усы. В том, что капитан так хорошо себя чувствует, он признавал и свою скромную заслугу. Во время вынужденного отсутствия главы корабля все хозяйство работало нормально. Так что он обеспечил капитану покой.

— Отдыхайте, Геннадий Сергеевич: Бауэр и Цыганков выехали на поиски Ранмакана. В лаборатории успешно достигли оживления привезенного Павлышом человека.

— Пора подумать, Алексей Иванович, о том, чтобы построить купол над частью города. Будем переносить работу наружу. Нас, оживленных, с каждым днем будет все больше.

— Ну, вы не в счет, — ответил Баков. — Насчет купола я скажу Антипину. Он у нас главный конструктор.

— Хорошо, я отключаюсь, — решил Загребин, — и сейчас начну уговаривать Эмилию Кареновну, чтобы она смогла мне добраться до моей каюты. А вы об этом никому ни слова. Ясно? Это приказ.

— Слушаюсь. — Баков улыбнулся.

Капитан выздоравливал от смерти.

3.

Когда «отшельник» открыл глаза, Павлыш сидел у его кровати и сился одолеть первую страницу романа, найденного в хижине на острове. Из этого следует, что Павлыш делал уже некоторые успехи в освоении языка, которым пользовался «отшельник» (тот же язык был и в городе Манве). Последние полчаса Павлыш провел в секторе Мозга, впитывая под гипнозом сложнейшие окончания двадцати трех падежей.

«Отшельник» лежал не двигаясь, не говоря ни слова. Глаза его были больше и светлее, чем у Ранмакана.

Павлыш медленно отложил книгу так, чтобы «отшельник» увидел ее название, и включил лингвиста.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Спасибо, — ответил «отшельник». — Я долго был без сознания?

— Да, — сказал Павлыш.

Человек наморщил лоб, стараясь вспомнить что-то. Потом провел рукой по черным волосам.

— Они у меня перед смертью выпали, — произнес он.

— Да, — согласился Павлыш, не зная, как объяснить это человеку.

Он опасался враждебной реакции, шока. Он понял, что надо быть предельно осторожным. Павлыш покосился на пульт. Пульс «отшельника» был нормальным.

— Я умирал от лучевой болезни, — сказал «отшельник». — От острой формы. До нас не дошел газ.

— Газ? — спросил Павлыш.

— Да. Вы не знаете? Пыи пустили газ, который убил на материке тех, кто мог спастись от радиации. Так погибли люди в бомбоубежищах. А я умирал от лучевой болезни. Кто вы такие?

— Мы ваши друзья, — ответил Павлыш. — Уверю вас, мы ваши друзья.

— Мне хотелось бы верить вам, — проговорил «отшельник». — Друзей осталось мало. Как вам удалось спастись? Последняя подземная радиостанция кончила работать за неделю до того, как я... Я потерял сознание?

— Да.

— Вы не договариваете. Вы принадлежите к расе, которую мне не приходилось встречать.

— Почему вы так думаете?

Павлыш был в варежках.

— Это можно сказать и по разрезу глаз, и по... Вы пользуетесь механическим переводческим устройством? — «Отшельник» показал на черную коробочку лингвиста.

— Вы же видите, я читаю ваши книги.

— С трудом. Книга была открыта на первой странице. Я подумал даже, что вы вообще не можете читать, а этот шаг предприняли, чтобы успокоить меня. Неприятно очутиться в незнакомой обстановке. Меня зовут Девкали из Лигона.

— Доктор Павлыш, — представился Слава. — Лигона мы еще не знаем. Это где?

— Вы выдали себя, — сказал спокойно «отшельник». — Вы плохой конспиратор. Я бы вам дал сто очков вперед. Лигон — столица нашей империи. Вы не с Муны. Вы пришли из космоса. А может, вышли из-под земли. Были и такие легенды о государстве, ушедшем под землю.

— Вы правы, мы пришли из космоса.

— И опоздали?

— И опоздали.

Павлыш чувствовал растущую симпатию к этому человеку. Объяснить ему все?

— Вы хотите сказать... — начал человек. И замолчал. Приборы отметили усиление нервного напряжения в организме. — Вы хотите...

— Да, — сказал Павлыш. — Планета убила себя.

— Все?

— Все погибли.

Павлыш почувствовал себя виноватым. Это было нелепое чувство. Его испытывает человек, который должен прийти и сказать чьей-то матери, что сын ее попал в катастрофу. Такое испытывает почтальон, приносящий военную с войны...

— Тогда еще один вопрос, — произнес человек медленно. — Когда это произошло?

— Немного более года назад.

— Более года назад? И я был мертв более года?

— Да.

— Ваша цивилизация может побороть смерть...

— Вопрос несколько сложнее. Существует Галактический центр. Наша планета вошла в контакт с Галактическим центром недавно, всего несколько лет назад. Прибор, который возвратил вас к жизни, изобретен на одной из планет Галактического центра. И изобретатели его, совсем не похожие на людей, находятся на нашем земном корабле.

— Расскажите все по порядку, — попросил Девкали. — Не беспокойтесь, я себя хорошо чувствую.

— Может быть, вы хотите подкрепиться?

— Потом, — сказал Девкали.

4.

— Мне очень трудно поверить в то, что вы рассказываете, — проговорил наконец Девкали.

— Ранмакан не поверил.

— Это неудивительно. Я просто более подготовлен к этой встрече. Он погибнет?

— За Ранмаканом пошел наш вездеход. Часа два назад. Я не знаю, нашли ли они его. Я был занят с вами. Им с ним поговорите, когда он вернется.

— Если не считать Ранмакана, я единственный человек на планете?

— Да. Но мы уверены: придут другие.

— Откуда в вас такая уверенность? Ведь в городе вы вряд ли найдете достаточно сохранившиеся тела, чтобы на можно было вернуться к жизни.

— Есть много других городов.

— Спасибо за такую уверенность. Я хочу задать еще один вопрос. Личного характера.

— Вы можете спрашивать, что захочется и сколько захочется. И не только у меня — у всех членов экипажа.

— Почему вы привезли с острова именно меня? Почему не взяли других моих товарищей? И еще: когда вы их привезете?

— К сожалению, мы этого сделать не сможем. После вашей смерти лавина накрыла остальные дома. Это случилось в промежуток времени между прилетом разведдискa и нашей экспедицией. Масса льда и камней раздвинула остальные дома и, возможно, даже снесла их в океан. Ваш дом единственный, который, хоть и был засыпан снегом, но сохранился.

— Вы хотите сказать, что от всего поселка...

— Да.

— Оставьте меня, пожалуйста, — прошептал Девкали.

— Я уйду. Но почему мой ответ вас так взволновал? Там были близкие вам люди?

— Когда-то, года четыре назад, на этот остров попало, правда, не по своей воле, пятнадцать близких мне людей. Перед войной их оставалось четверо. В том числе моя жена, Пирра. Пирра была для меня все, без нее я вряд ли прожил бы эти годы на острове. Тех, кто умирал, мы вывозили на санях к проруби и хоронили их в океане. Мы голодали и болели снежной лихорадкой. Я не умер потому, что рядом со мной была Пирра. Я не мог умереть потому, что она должна была жить. Вы меня понимаете? Может быть, то, что я говорю, для вас пустой звук? Может быть, в вашей совершенной цивилизации, — Девкали усмехнулся, — подобные чувства уже устарели?

— Нет, — ответил Павлыш. — Не устарели.

— После взрывов и радиоактивных облаков мы заболели. Мы знали, что это, но мы надеялись тогда: вдруг кто-то остался жив на планете и мы, в стороне от путей и больших материков, переболев, останемся в живых. И вернемся. Пирра лежала в хижине, под самой скалой. Я еще мог передвигаться. Было холодно. Мы топили печь кусками опустевших домов, но с каждым днем все труднее было нарубить дров. Одного из оставшихся четверых я смог похоронить в море, другой остался лежать в своей хижине. Я знал, что если останусь жив, то останусь

жить вместе с Пиррой и благодаря ей. Она ни разу не жаловалась... Простите.

— Говорите дальше. Может, вам станет легче.

— Это сейчас уже не играет роли. Я пошел, вернее, я полз в ту хижину, около которой вы меня нашли. Там оставалась каша. И я должен был накормить Пирру. Тогда я почему-то решил, что, если это сделать, мы останемся живы. Я знаю, что такое лучевая болезнь, и все-таки тогда, на острове, я должен был принести ей эту миску... И я ее не принес.

— Наверно, слова покажутся банальными, — заметил Павлыш. — Но ваше горе — только часть горя вашей планеты. И ваш долг вместе с нами вернуть ее к жизни.

— Вы правы. Конечно, вы правы...

— Вам надо отдохнуть. В случае чего нажмите эту кнопку. Спите.

Павлыш вышел в коридор. Там стояла Снежина.

— Я слышала разговор, — сказала она. — Я все слышала. Я больше не могу. Я хочу тихо водить ракеты на Титан и возвращаться домой. Я не могу...

— Прекрати истерику, Снежка, — остановил ее Павлыш, — это нервы. Впрочем, знаешь что, отнеси ему бульон. Может, отвлечется — новое лицо...

Снежина взяла поднос у дежурившего у двери робота. Через две минуты она вышла.

— Я поставила бульон около постели. Он ничего не боится.

— Он еще что-нибудь сказал?

— Он сказал, что у нее были такие же волосы! — Снежина, ссутулясь, быстро пошла к своей каюте.

— Ну вот, — пробурчал Павлыш себе под нос и отправился к капитану.

С капитаном состоялся очень короткий разговор.

— Попытка — не пытка, — решил Загребин.

Потом капитан соединился с Баковым, и тот, выслушав его, отдал приказание автоматам готовить к пуску «Аиста». Он вызвал Антипина, чтоб тот повел катер. Антипин погрузил в катер взрывчатку, смонтировал мощный лазер.

Перед отлетом Павлыш заглянул на минутку в госпиталь. Девкали лежал, отвернувшись к стене. Приборы показывали, что он не спит.

Павлыш прошел в тамбур. Через пять минут «Аист»

отделился от корабля и взял курс на остров. У Павлыши был один шанс из тысячи, но он хотел его использовать.

Примерно через час Девкали нажал кнопку звонка и попросил дать возможность кое-что записать. Снежина принесла ему бумагу и ручку и не стала задавать вопросов. Еще через час Девкали попросил выключить свет, и корона Вас, поручив наблюдение за его здоровьем антоматам, вышел из лаборатории, чтобы встретить Бауэра и Малыша, измученных бесплодными поисками Ранмакана. Вас принес им прямо к тамбуру свои стимуляторы.

Когда он вернулся в лабораторию, приборы перемигивались тревожными огоньками. Сердце Девкали перестало биться. Он был мертв.

В госпитале, включив свет, Вас увидел, что Девкали повесился. Рядом лежала записка. Пока корона Вас обследовал Девкали, Мозг перевел записку:

«Простите за все. За неоправданные надежды, за предательство, которое я совершаю по отношению к собственной планете. Но бывает, когда один человек становится тебе дороже многих. Очень давно я обещал Пирре, что не буду жить без нее. Она улыбнулась: тогда мы не думали, что когда-нибудь умрем. Еще раз простите. И, надеюсь, вы выполните мою последнюю просьбу — не оживлять меня снова. Я не хочу жить. Я верю, что вы еще найдете многих людей, которых сможете оживить. И моя планета будет вам благодарна. Я же заранее говорю спасибо за то, что вы дали мне умереть. Девкали из Лигона».

— Корона Вас, — произнес Загребин, прочитав записку, — у меня к вам просьба. Вы уже собираетесь готовить лабораторию?

— Да, — кивнул Вас, прочтя записку. — Это ужасно. Разрешите я уйду к себе. Разумеется, я не буду...

Кудараускас, стоявший рядом, ничего не сказал. Загребин посмотрел на него, ожидая фразу о том, что цивилизация... Но Кудараускас не думал об этом. Он только вспомнил, как на космодром приехала жена Антипина. Маленькая робкая жеищина с пепельными гладкими волосами. Она сказала: «Я тебя буду ждать. Хоть всю жизнь. Я не могу жить без тебя».

Антипин тогда смущенно хмыкнул: «Ну что может со мной случиться? В космосе безопасней, чем на людной улице».

Шансов было мало. Так мало, что Павлыш и не очень рассчитывал на успех. И все-таки оставалась возможность, что домик, в котором лежала Пирра, не был свален в море лавиной.

Павлыш не стал говорить о своем полете Девкали, чтобы не возбуждать ложную надежду и затем загубить ее через несколько часов.

Остров был таким же, точно таким же, как и три дня назад. Так же торчали из снега черные пальцы скал, и ровный снежный покров долинки у моря уходил вверх откосом лавины. Катер утоптал площадку в стороне от края лавины, затем Антипин с Павлышом выгрузили теплое оборудование и очистили от снега долину с хижинкой, у которой нашли Девкали. Широкий ручей проложил себе дорогу к океану и разливался по льду, снег с которого сдуло ураганом. Было не очень холодно. Вода замерзала не сразу и покрывала лед у берега блестящей пленкой. Выглянувшее желтое солнце отразилось в пленке воды, и та засверкала вечерними красками горного озера.

Потом началась самая трудная часть работы. Слежавшаяся гора снега, льда и обломков скал была крепче камня. Павлыш с Антипиным попытались выяснить положение засыпанных хижин, пользуясь мелкой и плохо различимой съемкой разведдискa, — всю гору растапливать и резать было бессмысленно. Для этого требовался ядерный взрыв. Но Антипин рассудил, что лавина, прошедшая совсем рядом с уцелевшей хижинкой, сдернула остальные дома ближе к морю, у которого язык лавины заканчивался невысоким обрывом. Именно у океана, со стороны лавины, обращенной к долинке, Антипин и начал бурение.

Вур ломался. Он ломался раз шесть за четыре часа, и Павлыш несколько раз предлагал:

— Давай, Иван, положим заряд, взорвем этот край.

Антипин отмалчивался.

Наконец, они добрались до бревна. Такого же, как и те, из которых была сложена хижина. Бревно было ободрано льдом.

— Хороший знак, — сказал Павлыш. Он устал, прихо-

дилось работать обычной киркой и даже оттаскивать глыбы руками, как в каменном веке.

— Перекусим, — предложил Антипин и полез обратно в ракету. — После обеда работается веселей.

Пока обед грелся, Антипин связался с «Сегежей». Загребин — он уже вышел на вахту — спросил их, как успехи. Павлыш поведал про бревно и про то, что часа два-три они еще поработали бы. Хоть надежды немного.

Загребин сказал:

— Вот что, Павлыш. Вы уж лучше не спешите. Переночуйте и с утра еще покопайтесь в этой горе. Ваше присутствие на корабле пока не требуется. Понятно?

— Понятно-то понятно, — ответил Павлыш. — Но если часа через три ничего не появится, отправимся обратно.

— Не спешите, — повторил Загребин. — Было бы неплохо, если бы нашли. Да, если что надо — еду ли, энергию, — пришлю резервный диск. Если людей нужно, тоже пришлю.

— Что-нибудь случилось с Девкали? — спросил Павлыш, почуяв неладное. Резервный диск не должен покидать корабль, за исключением случаев чрезвычайных.

— Ищите, — велел капитан. — Это очень важно.

— Ну, и что скажешь? — спросил Павлыш Антипина.

— Ясное дело, случилось что-то, — решил Антипин. — Сворачивай обед, пошли в тамбур. Где твой шлем?

— Может, мне выйти на связь еще раз?

— Ага, вот твой шлем. — Больше механик ничего не добавил: он вообще был не очень разговорчив.

В темноте работали при помощи прожекторов «Аиста». Спать не хотелось. Нашли еще несколько разбитых и растрепанных бревен, кастрюлю, расплюснутую в лепешку, какие-то тряпки. Каждая находка была как птица, как плывущий по волнам кокосовый орех или пальмовый лист, указывающие, что берег где-то неподалеку. Но где?

Потом эти знаки исчезли. С час работали, не находя ничего. Громадная полость образовалась в теле лавины.

К утру вернулись в ракету и снова вышли на связь. Загребин не спал. Павлыш доложил:

— Мы, Геннадий Сергеевич, сделали дырку до центра планеты. И ничего нет. Будем возвращаться. Не возражаете?

— Возвращайтесь. — Загребин помолчал немного и добавил: — Вот что, я все понимаю, наверно, вам надо вернуться. Девкали умер. Повесился. И вот такую записку оставил... — Капитан прочел записку Девкали. — Я на прошлой связи не хотел вам говорить. Тогда вы только начинали работу. Теперь, судя по вашему сообщению, надежды не осталось. Возвращайтесь, что делать...

— До связи, — ответил Павлыш и посмотрел на сумрачного, заросшего суточной щетиной Антипина.

Антипин кивнул:

— Мы еще поработаем.

Солнце вышло на край горизонта и снова пропало за облаками, когда за бревнами они нашли изломанное лавиной тело женщины.

И тогда они, перетащив его на катер, улеглись спать, с трудом заставив себя задрать двери и потратить пять минут на дезактивацию. Они спали до вечера и не отвечали на запросы «Сегежи».

— Павлыш, Антипин! Павлыш, Антипин! Что с вами? Высылаем спасательный диск, — повторял Баков.

— Верните свой диск спать, — пробурчал Павлыш, не открывая глаз. — Хочется спать. Всем хочется спать.

6.

Снова было пробуждение. Еще борясь с черной водой смерти, Девкали почувствовал его приближение. Организм боролся за жизнь, но сознание упорно цеплялось за спокойствие, за сон, за ровную бесконечность. Уже почти очнувшись, он услышал голос Пирры, которая звала его обратно к жизни, но он сопротивлялся и этому голосу, понимая, что голос — только иллюзия.

— Девкали, очнись, я здесь, — слышал он голос Пирры.

Потом снова Павлыша:

— Это труднее, чем в прошлый раз. Он не хочет жить. — Павлыш говорил на лигонском языке.

— Девкали, — снова позвала Пирра.

Голос ее был очень похож на настоящий голос Пирры.

Потом откуда-то издали прозвучал механический голос:

— Введите стимулятор. Я оставил его на пульте, слева.

Девкали почувствовал укол и почти немедленно по-

нял, что совершенно жив и здоров и может открыть глаза. Не поднимая век, он произнес:

— Я все равно уйду. Сколько раз...

— Девкали, — произнесла Пирра. — Не будь ребенком. Это могла сказать только сама Пирра. И Девкали, не смея поверить голосу, открыл глаза.

Пирра смотрела на него золотыми влажными глазами, улыбалась и сердилась одновременно. Так с ней было, когда у них делали последний обыск и сыщик достал из-под шкафа много месяцев назад забытый там мяч для игры в продо и приложил его к уху — проверить, не бомба ли это замедленного действия. «Бомба, — согласилась тогда Пирра, — сейчас взорвется».

— Ну вот, — сказал Павлыш. — Я пойду, у меня дела в лаборатории. Срочные дела.

7.

Тело Ранмакана нашли на восьмой день после убийства капитана. В тридцати с лишним километрах от «Сегежи», среди холмов. По следам удалось узнать, что в последние два дня он брел обратно к кораблю, но заблудился, потерял силы.

Ранмакан был без скафандра и без пистолета. И то и другое он, видно, выбросил в пути. Также он потерял и коробочку лингвиста. Правда, сам Ранмакан этого не помнил.

Когда его во второй раз вернули к жизни и он стал вторым в Галактике дважды воскресшим человеком, он уверил Бакова, что ни с пистолетом, ни со скафандром не расставался.

За вторичным оживлением Ранмакана никто не наблюдал, никто не волновался, удастся ли опыт с ним. И, увидев его на следующий день опасно бредущим по коридору, Кирочка Ткаченко громко сказала Глебу Бауэру:

— Будь моя воля...

— Понял, дуся, — ответил Глеб. — Сегодня он треть населения планеты. Правда, худшая треть. Может, его еще удастся сделать человеком.

Глава пятая

КУПОЛ НА ОКРАИНЕ МАНВЕ

1.

Капитан Загребин не любил сумерек. Длинных весенних сумерек, полных глубоких синих теней и особенно напряженной тишины. Он не любил их даже на Земле. Здесь же, на Муне, лишенной птичьего гомона и шелеста листьев, сумерки казались ему особенно удручающими. В последние дни ему снова хотелось курить, и в сумерках он часто подходил к прикрепленной под экраном пепельнице и рассеянно постукивал по ней ногтем указательного пальца. Кудараускас, который поспорил с Павлышом, что капитан вернется к старой привычке, незаметно улыбался, слыша этот стук.

Чтобы разогнать сумеречное настроение, капитан отходил от экрана, поворачивался — руки в карманах — к главному пульту и, глядя в затылок трудолюбивому Кудараускасу, начинал:

— Зенонас, кстати, я вам не рассказывал, как у нас на третьем курсе?..

Если даже Кудараускас и слышал уже эту историю, он не говорил об этом, предпочитая ее выслушивать снова. Он считал рассказы мастера простительной слабостью, лишась которой, тот придумал бы себе другую, может быть, опаснее для окружающих. Например, начал бы собирать камни, как Фукс с «Нептуна». Потом в одном оказались бактерии, которые слопали весь урожай мандаринов на Земле и обошлись в год работы несколькими сотням биологов, а капитану Фуксу это стоило диплома капитана дальнего плавания. Капитан отвечает за груз своего корабля.

Корона Аро любил сумерки: сумерки напоминали его

планету, далекую от звезд, спрятавшуюся, чтобы не замерзнуть, под толстым слоем облаков. Аро приходил на мостик, спрашивал разрешения капитана и садился на пол у локатора, обернув хвост вокруг себя. Аро смотрел на серое небо большого экрана с искрениим удовольствием и слушал истории, происходившие с капитаном в богатом событиями космическом училище. Корона Аро был неразговорчив, но неразговорчивость эта проистекала от скромности. Он стеснялся своей громоздкости, стеснялся того, что приходится пользоваться лингвистом, отчего он упускал «душу» рассказа. Аро предпочитал слушать.

На пустыре за городом машины расплавили почву на круге диаметром в полкилометра и над гладким непроницаемым полом возвели прозрачный купол. Девкали с Малышом ездили несколько раз на «Еже» в город и привезли множество необходимых для жизни предметов. Предметы росли горой у купола и ждали очереди на дезактивацию.

Строительством первого дома ведали два пьи. Пьи уступали жителям Манве в росте, и кожа их при свете фонарей казалась чуть зеленоватой. Оба пьи были охотниками. Война застала их высоко в горах, и они укрылись от взрывов в пещере, где и умерли от лучевой болезни. Пещеру случайно нашел Антипин во время разведочного полета к столице пьи, за четыре тысячи километров от Манве. У членов экспедиции появилась уже привычка, условный рефлекс — заглядывать на всякий случай в самые невероятные места: каждый новый житель планеты Муна доставался после долгих трудов, поисков и неудач. Иногда казалось, уже не найти больше никого, и все-таки обязательно наступал день, когда, возвращаясь из очередного полета, разведчики радировали:

— Передайте Вас, пусть готовит аппаратуру.

И наступал праздник.

Уже шел третий месяц, как «Сегежа» приземлилась у Манве, но праздничных дней было всего шесть.

О том, чтобы очистить планету от радиации, не приходилось пока думать. Эта задача не под силу «Сегеже» и даже самой природе — пройдет еще много лет, прежде чем люди смогут снова ходить куда хотят и когда хотят по улицам и холмам планеты Муна.

— Мы наблюдаем с вами рождение совершенно новой цивилизации, — сказал корона Аро. — Был Адам, но не-

...инный, потом появились еще двое — они-то уже были больше похожи на настоящих Адама с Евой — теперь будут плодиться и умножаться. Я правильно цитирую Библию?

— Я сначала опасался, что могут быть какие-нибудь раздоры между лигонцами и пьи. Все-таки враждующие народы, — произнес капитан.

— Они уже не враждующие народы, — ответил Аро. — Они не народы.

— Они должны стать одним народом.

— Ранмакан откуда-то достал жвачку, — уронил Кудараускас, который теперь с особым вниманием следил за жизнью Адама планеты.

Ранмакан отталкивал его чем-то, и в то же время характер его гипнотизировал Зенонаса. Зенонас обязательно должен был знать, где тот находится и что делает.

— Это ему Девкали привез из города, — сказал Аро.

— Она не вредна? — спросил Кудараускас.

— Не вреднее курения. Легкое наркотическое средство.

— И все-таки, может, не стоило завозить ее в купол? — спросил Загребин. — Поговорить с Девкали? Курение — очень вредная привычка.

— Не надо, — возразил Аро. Он поднялся и подошел поближе к экрану. Хвост вяло волочился за ним по полу. — Это не наше дело.

— Не наше? — спросил несколько агрессивно Кудараускас. — Неужели мы дадим им вернуться к прежнему?

— Пока нет ничего, что указывало бы на такую опасность. — Аро глядел, как на экране маленькие фигуры людей суетились вокруг роботов, втаскивавших балки перекрытий на строящийся дом.

— Сначала жвачка, старая привычная жвачка, потом другие не менее привычные наркотики и поступки. Потом нас попросят удалиться потому, что мы уже сделали свое дело. И все начнется снова.

— Вы удобный оппонент, Зенонас, — произнес Аро. — На вас можно проверять сомнения. Вы неправы хотя бы потому, что на ближайшие годы люди планеты зависят от нашей помощи. Они не смогут покинуть купол.

— Я не говорю о завтрашнем дне, — ответил Кудараускас. — Я стараюсь смотреть в будущее.

— Мы туда заглянуть не сможем. Пока, — сказал Зе-

нонас. — Но, по-моему, нет оснований для пессимизма. Самое трудное позади. Самое трудное было вернуть к жизни первых людей. Теперь они сами заботятся о себе и, насколько понимаю, не собираются быть нашими хлебниками. Поговорите с Девкали.

— Девкали — особый случай. Он и до войны был исключением, — напомнил Кудараускас.

— Ну, не таким уж исключением...

— И все-таки таких, как он, которых боялись настолько, что ссылали на далекий остров, — таких было немного.

Вошел Малыш:

— Через пять минут отправляем капсулу по галактическому каналу связи. Дополнений не будет?

— Совсем забыл, — спохватился Аро. — В аппарате выгорели кристаллы настройки. Если их не пришлют на грузовом корабле в ближайший месяц, мы пропали.

2.

Пирра кормила пса. Это был пес охотников-пси: его Малыш нашел в той же пещере. Пса переселили под купол первым, раньше людей. Псу под куполом не нравилось — было скучно и ничем не пахло. Он подбегал к стене, чуть матовой у основания, и вглядывался в дождливый мир снаружи. Псы на Манве, длиннохвостые, длинноногие (кстати, не хищники, а грызуны), не лают. Пес попискивал и царапал лапой стенку купола. Когда утром в купол приходили на работу люди, пес встречал их у тамбура, катаясь от радости по гладкому стекло-видному полу. Пирра приносила ему из кухни обедки, и пес подолгу копался в них, отыскивая для себя экзотические и соблазнительные кушанья.

— Ешь, пес, — говорила Пирра. — Малыш найдет тебе компанию. Малыш обещал.

Пес не знал, что такое компания, но все равно вежливо мотал головой, продолжая копаться в обедках.

— Здравствуй, Пирра, — сказала Кирочка Ткаченко, незаметно подойдя сзади.

В руках у Кирочки был пакет с удобрениями, а сзади стоял понурый робот, переданный для огородных работ. Может быть, робот и не был понурым, но это сказал о нем корона Вас, и все поверили и с тех пор говорили,

будто робот опечален, потому что ему не хочется копаться в маленькой грядке, насыпанной в дальней стороне купола.

За огород отвечала Пирра. Когда-то, до ареста, Пирра была агрономом. Теперь она сама нашла и принесла на «Сегежу» семена и ветви растений. Вас оживил их.

Девкали и Пирра уже были знакомы с коронами. Они сами попросили об этом. Корона Аро, менее занятый в лаборатории, нередко разговаривал с Девкали, хотя все равно лучшим другом того оставался Слава Павлыш. У них вообще были отношения особого рода. Девкали считал Павлыша своим дважды спасителем. А Павлыш тайне гордился тем, что они с Антипиным не вернулись на «Сегежу», когда уже не осталось никаких надежд...

Кирочка с Пиррой подошли к огороду, окруженному невысоким забором, чтобы пес не забрался на плантации. Пес бежал за ними и делал вид, что его плантации совершенно не интересуют. Это была явная неправда, и потому женщины захлопнули дверь перед его носом. Пес раза два пискнул и тут же, забыв о Пирре, побежал к строителям.

Первый дом был уже почти готов. Дом был одноэтажный, длинный, с покатой крышей. Он был разделен на две половины: на одной жили Девкали с Пиррой, на другой было несколько комнат, которые занимали пьи, Ранмакан и сутулая пожилая прачка из пригорода Манис. Прачка тосковала по своей большой семье, погибшей в один миг во время взрыва, и по ночам стонала во сне, несмотря на лекарства, которые ей давал Павлыш.

Девкали с одним из охотников-пьи красил дом. Стремянку держал Малыш. Он ждал очереди покрасить. Окраска домов и заборов, как известно, еще со времен Марка Твена вызывает в наблюдателях желание включиться в этот процесс. Малыш от таких наблюдателей ничем не отличался. Он пришел под купол с полчаса назад, чтобы проследить, как роботы монтируют связь, но, на его счастье, робот сломался, и Антипин, углубившись в машинное чрево, уверял, что раньше, чем к обеду, связиста в строй не вернет.

Второй охотник-пьи — настолько маленький, что ростом уступал Малышу, — сколачивал разобранный при перевозке стол. Работа охотнику нравилась. Он мурлыкал какую-то заунывную песню, набрав, совсем как

плотник на Земле, полный рот гвоздей с треугольными шляпками.

Только Ранмакан не участвовал в строительных работах. И тому были причины. Ранмакан широкими шагами мерил соединительный туннель между «Сегежей» и куполом и думал. Кудараускас неосторожно намекнул ему, что каждое слово, написанное первым восставшим из мертвых жителем Муны, представляет неоспоримый интерес для Галактики. И Ранмакан обдумывал свои мемуары. Лучшим местом для этого оказался длинный соединительный туннель. Туннель был прозрачным, и Ранмакану представлялось, что он гуляет по открытому полю. Кроме того, в туннеле лучше слышался стук дождевых капель, и это организовывало мысли. Для творческого процесса полезно было смотреть на дальние холмы, хотя с ними у Ранмакана связаны очень тяжелые воспоминания — именно там он бродил, разуверившись, что может встретить хоть кого-нибудь. Однажды ему почудилось, что он увидел человека в скафандре; он бросился к нему по осыпи, сбрасывая вниз камни, но человек оказался бредовым видением. Когда Ранмакан добежал до скалы, там уже никого не было...

3.

Ранмакан принес первую часть своих мемуаров в каюту к Кудараускасу. Мемуары были написаны от руки, ровным канцелярским почерком, и, когда Ранмакан ушел, Зенонас прошел в сектор Мозга и уговорил вахтенного механика Кирочку Ткаченко отдать ему ровно пять минут времени Мозга, чтобы тот перевел мемуары. За это Зенонас пообещал дать их почитать Кире, конечно, с разрешения автора. Ранмакан уже намекнул, что собирается писать продолжение и, может быть, даже роман о последних днях жизни планеты Муна.

Машина расшифровывала текст минут десять. Текст был не длинным, но Мозг еще плохо разбирался в индивидуальных почерках. Кирочка поглядывала на часы, а Кудараускас делал вид, что ничего не замечает, и рассказывал, как он завоевал первенство Вильнюса по эспадруну.

Вернувшись к себе в каюту, Кудараускас восемь раз выжал шестидесятикилограммовую штангу, потом позанимался десять минут с гантелями. Ему очень хотелось

немедленно уселся за рукопись, но именно поэтому он не пропустил ни одного упражнения. Затем возникло желание лечь с мемуарами на диван. Это тоже было слабостью. Кудараускас сел на жесткий стул, включил настольную лампу и начал читать: «Мемуары-воспоминания Ранмакана из Манве, бывшего таможенного чиновника, а ныне первого человека, возрожденного к жизни с благородной и бескорыстной помощью пришельцев, представителей Галактического центра, а также планет Земля и Корона.

Часть первая, посвященная моей первой жизни.

Я родился тридцать лет назад в городе Манве, в семье таможенного чиновника и имел трех братьев, с которыми потерял связь, потому что один ушел в армию, второй умер от весенней горячки, а третий уехал искать работу в Лигон. Мои отец и мать тоже умерли в положенное им время. Их участь была счастлива, потому что им не пришлось уйти в дом стариков.

Я кончил обязательные три класса, положенные для детей чиновников восьмого разряда, и был определен на таможню в ученики писаря. Я не участвовал в волнениях и не был замечен в связях с врагами нашего государства.

Я все время жил в Манве и только один раз ездил в город Лигон, где расположена столица нашего государства и где живет наше правительство Разумных. Там я видел много интересного, а также наблюдал, как Разумные выходят из сенатского дома при звуках оркестра. Теперь я должен рассказать об удивительном приключении, имевшем место во время моего пребывания в Лигоне.

Однажды, когда я возвращался ночью в гостиницу и был в хорошем расположении духа, на меня напал грабитель и отнял у меня пальто и витой браслет. Я заявил об этом в полицию, но, к сожалению, вещи не были возвращены, а я был вынужден заплатить за переписку жалобы по форме на гербовой бумаге.

После окончания этого приключения я вернулся в Манве, наш мирный город, лежащий на берегу моря. Мне приходилось видеть во время моей работы различных людей, особенно моряков, которые приезжали в наш город. Я записывал вещи, отобранные у них при осмотре старшими таможенными чиновниками. Так я впервые увидел настоящих пьи, которые в то время еще не были нашими смертельными врагами, а были союзни-

ками в борьбе против колмаев. Однако уже тогда мне не понравились пьи за их небольшой рост, цвет кожи и ограниченность.

Вечером я ходил в визор, смотрел картины, особенно если там были шпионы пьи или колмаи и их били и побеждали наши во имя Свободы и Разумности.

Среди моих друзей были состоятельные люди и даже сын стражника. Его звали Бессмертным, потому что отец давал ему в детстве пить настойку белого корня. Бессмертный входил в Отряд и имел форму с кантами. Если бы я не был сыном таможенного чиновника, я бы тоже входил в Отряд. Когда били бунтарей на площади у замка, я ходил смотреть и тоже кидал в них камнями...»

На этом месте Кудараускас прервал чтение. Он аккуртно подчеркнул строку, в которой говорилось о белом корне — надо узнать подробнее. Потом подчеркнул и фразу о бунтарях.

Кудараускас знал по справочнику, сделанному Мозгом на основе прессы, книг и расспросов людей, что Лигонское государство управлялось по сложным и древним законам. В республике сохранялось множество наследственных каст. Кастовая система была подточена развитием общества, все более отвергавшего привилегии патрициев. Идеи равенства по рождению постепенно распространялись в стране, и тогда, чтобы спасти косную систему, патриции передали власть генералам. С каким удовольствием получившие власть генералы запретили не только свободы и споры, но и превратили Лигон в большую, славно организованную казарму!

Нельзя сказать, что никто не сопротивлялся генералам — оппозиция исходила из школ и научных центров, фабрик и книжных собраний. Неуправляемых сопротивленцев наказывали, убивали, сдавали в армию. Девкали и Пирру давно бы казнили, если бы не патрицианское их происхождение. Патриция казнить нельзя, но можно послать на бесплодный ледяной остров, чтобы он там умер от голода.

Но ссылки и процессы в конечном счете спасти генералов не могли. И тогда оставалось главное и самое надежное средство — война. А когда страна готовится к войне, то оппозицию можно уничтожить раньше, чем она откроет рот.

«Я вспоминаю, — продолжал свои мемуары Ранманни, — как однажды ко мне пришел Бессмертный и сказал, что я хороший чиновник и, когда я проработаю еще несколько лет, мне разрешат жениться на девушке из седьмого чиновничьего разряда и наши дети тоже перейдут в седьмой разряд. Я был очень благодарен, а Бессмертный сказал, что мои услуги нужны стране, которой угрожают новые заговорщики. Он мне велел пойти к учителю Паону и сказать, что я люблю читать книги, и потом брать их и читать. А если учитель скажет, что я могу быть полезным, то вопросов лишних не задавать, а сказать при случае, что я недоволен правительством и моим заработком. Я очень испугался и сказал, что я всем доволен. Бессмертный сказал, что я дурак — это метод борьбы с врагами. И я согласился, но, когда я возвратил учителю первую книгу, он спросил меня, о чем она, и я сказал, что против правительства, я ведь ее не читал. А учитель засмеялся, потому что это была хрестоматия для отрядов Охраны. И он добавил, что из меня никогда не получится провокатор. Потом я рассказал об этом Бессмертному, и тот на меня разозлился и ответил, что таким, как я, не место в седьмом разряде чиновников. А учителя все равно потом арестовали и сделали ему операцию. И он, конечно, пропал.

Потом начались угрозы со стороны пьи. Они наши враги. Я их встречал и видел в порту. Они производят неприятное впечатление. Они молятся живому богу, что является гнусным суеверием, и еще они приносят в жертву живому огню пленных и детей. У них нет атомных бомб, а те, которые есть, не взорвутся. Я слышал, как говорили на улице, что пора всех зеленых варваров прижать к ногтю. И я тоже согласился, и мы пошли жечь их Дом послов. Мы сожгли Дом, и в газетах писали про то, что мы — благородные патриоты.

Перед войной были еще беспорядки на военном заводе в нашем Манве из-за того, что рабочих перестали выпускать домой. Тогда нескольких рабочих сожгли на нефтяных кострах, а еще нескольких отправили в отряды смертников. Но и оставшиеся все равно не хотели работать. Тогда их куда-то увезли, наверно, на урановые рудники, а вместо них привезли крестьян с гор. Крестьяне работали плохо, и меня и еще других чиновников восьмого и седьмого разрядов мобилизовали работать на

заводе после окончания рабочего дня. Мы очень уставали и тоже работали плохо. Мы боялись, когда объявляли тревогу, но убежище было далеко от нашего цеха, и мы редко бегали туда. Потом говорили, что пьи изобрели смертельный газ, которого достаточно, чтобы уничтожить все живое, но у нас были такие бомбы, что мы тоже могли уничтожить все живое. Затем началась война, начались настоящие тревоги. Однажды, когда загудели ревуны, я побежал в склад, где меня спустя долгое время нашли благородные пришельцы.

Во второй части я расскажу о том, как попал на корабль пришельцев и стал самым первым человеком на нашей планете».

Кудараускас отложил рукопись и лег спать. Вахта начнется в шесть, и надо успеть хорошо выспаться.

Во сне Кудараускас видел, как Ранмакан забрасывает камнями бунтарей на площади и среди бунтарей почему-то оказался он, Кудараускас.

4.

— А я знаю этого Бессмертного, то есть знал, — сказал Девкали. — Тогда он был еще совсем молоденьким негодяем. Лет двадцати. Нас привезли в Управление секретной полиции. И пытали.

— Разве вас можно было пытаться? — удивился Павлыш. — Ведь тело патриция неприкосновенно.

— Вы не дали договорить, Слава. Пытали Торпа, учителя Свемаи, то есть тех, кто из низших каст. Но пытали их в нашем присутствии. Представьте подвал, надвое разгороженный решеткой. По одну сторону мы — четырнадцать отделенцев, предателей своей касты, по другую — негодные бунтари, простолюдины. Их пытали. Мы смотрели. Знаете, порой лучше, когда пытаются тебя самого. Еще три дня назад ты сидел с ними — я имею в виду учителя Свемаи, — и отчаянно спорил: выпускать заложников или нет? Я настоял. Заложников выпустили. Заложники потом провели солдат через тайный перевал. Так вот, три дня назад это был Свемаи, и ты никогда не думал, что он может так кричать... Бессмертный был одним из добровольцев-палачей. Я запомнил его имя. Я думал, что когда-нибудь с ним встречу.

— Вы знали, что будет война? — спросила Снежина.

Она вела «Великана». Рядом с ней сидела Пирра, остро-риженная и изящная в пришедшемся ей впору скафандре Малыша.

— Мы надеялись, что ее все-таки не будет. Не будет большой войны. Страх окажется сильнее жажды разрушать. Но в мире накопилось столько оружия, что началась цепная реакция бешенства. На наш остров не заходили суда — он был помечен на картах как запретная юна. Зона испытаний ядерного оружия. Хорошо еще, что ни одна ракета не приземлилась нам на голову. Но у нас был приемник. Мы нашли его сломанным в хижине: раньше здесь жили промышленники, охотники за морскими драконами. Среди нас был один инженер. Он умер дня за три до войны. Он починил кое-как приемник. Приемник иногда...

— ...если ему хотелось, — вставила Пирра.

— ...если у него было хорошее настроение, доносил до нас отрывки последних известий или музыкальные передачи. В последнее время передавали в основном боевые марши. Мы по тону передач понимали, что в любой момент может начаться война — в эфире копилась умело разжигаемая ненависть. Мы не могли даже рассчитывать на то, что сами доплывем до земли.

Вездеход дрожал, карабкаясь по каменной россыпи к седловине. «Сегежа» осталась далеко позади, и вокруг теснились холмы, кое-где покрытые плесенью, мхом и мертвыми стволами деревьев.

— Деревья погибли от газа, — объяснила Пирра. — Пьи прибегли к нему, когда поняли, что терпят поражение.

«На Земле Пирру приняли бы за учительницу алгебры — она суховата, размеренна и как-то подчеркнуто интеллектуальна. Ей бы пошли очки в тонкой оправе, — думал Павлыш. — И рядом Снежина — вся преувеличенная: слишком пышные волосы, слишком мягкие губы, слишком большие глаза и вообще слишком красивая...»

— Вчера Лешук еще одно бомбоубежище нашел. На окраине, за портом, — сказала Снежина.

— Наверно, построили перед самой войной. Раньше в том районе был ипподром, — собачьи бега, — произнес Девкали.

— Да, перед самой войной. Ранмакан с Лешуком ездил на «Еже» и показал место.

— Ну и что?

— Там устроили подземную площадку для ракет. Ракеты были выпущены. А под базой, на глубине метров сорока, находился бункер со всем необходимым для жизни и даже запасами жидкого воздуха.

— Не может быть! Неужели все-таки нашли их? — Пирра прижала ко рту сухой кулачок. — И они погибли?

— Они умерли не сразу — бомбоубежище не пропустило газ и защитило их от взрывов. Они умерли позже. Радиация снаружи не спадала, воздух истощался. Им, наверное, стало страшно. Они дрались между собой. Там была жуткая битва. Несколько человек пережили ее — они умерли позже, когда радиация все-таки проникла в бункер. А может, когда кончился воздух. Еды у них было достаточно... Представляете... — проговорила Снежина, не оборачиваясь: вездеход осторожно крался по краю обрыва. — Уже всех на планете убили, а сами живут.

— И вы будете их оживлять? — спросил Девкали. В голосе его звучало сомнение в необходимости такого шага.

— Там были крысы, — отозвался Павлыш. — Очень много крыс. Ведь продовольственный склад.

— Я, конечно, не могу указывать вам, кого возвращать к жизни, кого нет, — сказал Девкали. — Тем более, что нас очень мало. Но мне хотелось бы, чтобы наша планета жила в будущем хорошо. Вы меня понимаете?

Пирра протянула руку, и Девкали накрыл ее ладонью.

— Я согласен, — ответил Павлыш. — И наверно, если бы дело дошло до оживления, капитан бы поговорил с вами.

— А я не согласна, — возразила Снежина. — Я думаю, что на всей планете наберется едва ли сотни три-четыре людей, которые не имеют права жить. Другие хоть и были преступниками, убийцами — когда рождаются вновь, волей-неволей станут другими людьми. Ведь раньше вся их жизнь, все воспитание толкало к таким поступкам.

Никто не ответил. И непонятно было, соглашаются с ней или нет.

— Долго еще? — поинтересовалась Снежина, чтобы нарушить молчание.

— Нет, километров пять осталось, — ответила Пирра. — Жалко, дорога так разрушена, мы бы уже были там.

— Ранмакан сказал мне как-то, — заговорил снова

Павлыш, — что не знает, можно ли ему жить с вами в этом доме. Все-таки разница в кастах.

— И вы рассмеялись?

— Улыбнулся, а что?

— А ведь он до сих пор свои вещи — правда, их пока немного — не перенес с корабля. Для него жить в одном доме с патрициями — второе крушение мира, причем он должен принять в этом крушении активное участие. Войну за него придумали. Переехать в один дом с патрициями он должен сам, своими руками совершить тяжкий грех. А вдруг вернется старая власть? Что тогда?

— Ну, не так уж он глуп, чтобы не понимать, что старая власть не вернется. Тем более после визита в Бункер.

Вездеход снова въехал на прилично сохранившийся трезок дороги и мягко побежал по брусчатке.

— Сейчас будет поворот. За ним ворота, — сказала Пирра. — Когда-то эти холмы были очень красивы. Зеленые, веселые, птицы поют.

— Ну, у вас в саду под куполом тоже птицы есть.

— Только одна птица. Корона Вас восстанавливал ее по скелету и перьям, и она не умеет петь.

За поворотом дороги обнаружилась ветхая, серая от дождей и ветров арка. На ней надпись на лигонском языке. Павлыш и Снежина уже могли прочесть ее:

«Горный ботанический сад».

5.

Поездка в Горный ботанический сад была нужна всем обитателям купола. Очистка воздуха требовала много энергии, которая необходима и для других дел. А кроме того, «Сегеже» не вечно сидеть на планете. Она улетит. Люди останутся жить. Значит, нужно, чтобы купол сам себя снабжал чистым, незараженным воздухом, по крайней мере до тех пор, пока сюда не придут стационарные дезактиваторы.

На совещании у капитана, посвященном этой проблеме, Пирра вспомнила, что когда-то проходила практику в Горном ботаническом саду. И там работал старик биолог: выращивал кустарник с повышенной активностью жизненного цикла; кустарник активно поглощал углекислоту и вырабатывал кислород. Старик предполагал

использовать его в шахтах и в цехах с плохой вентиляцией — выделение кислорода растением прекращалось только в полной темноте. Достаточно было слабого источника света, и маленькая кислородная фабрика начинала работу. Тогда, до войны, растение ученого никому не понадобилось — в шахтах трудились и умирали рабочие самых низших каст, а их в Лигонской республике было много. Пирра сказала, что помнит дорогу к Горному ботаническому саду, помнит, где должны находиться делянки с тем кустарником. Если их, конечно, не выкорчевали за годы, что прошли с ее ареста.

Выехали затемно и до ботанического сада добрались к одиннадцати часам — дорога была плохая, да и сад находился сравнительно далеко от города. Он располагался в глубокой, защищенной от ветров долине, в которой, по словам Пирры, сохранилось несколько реликтовых видов растений. Это и определило выбор такого отдаленного места для ботанического сада.

— Здесь жили энтузиасты, — проговорила Пирра, когда вездеход остановился у небольшого белого дома с выбитыми стеклами. — Тут было интересно.

За домом начинался густой зимний лес. Вернее, это был мертвый лес, но Снежине он показался зимним, только сбросившим листья и готовым снова распуститься, как только пройдут холода. На некоторых деревьях еще сохранились привязанные проволокой таблички с их названиями, и забытая лесенка у одного из них как бы напоминала: хозяева здесь люди и они должны вернуться.

— Я сначала загляну в дом, — сказала Пирра.

— Я с тобой, — добавила Снежина.

Женщины вошли в дом. Снежина уже привыкла к тишине и гулкой пустоте домов планеты. Но этот дом показался ей не таким мертвым, как дома в городе. В одной из комнат у стены стояло два длинных стола, уставленных пробирками и банками с семенами. На стене висели застекленные рамы с гербарными листьями; срезы стволов в углу были еще свежими, но посеревшими от времени.

Пирра подняла с полу толстую тетрадь, развернула ее.

— Тетрадь наблюдений, — прочитала она. — Это его тетрадь, того старика. Как же его звали? Вот удивительная вещь — почерк его запомнила, а имени не помню. Последняя запись... — Пирра перелистывала тетрадь. —

Последняя запись... Она уже сделана не им. И последние страницы заполнены другим почерком. Наверно, с ним что-то случилось еще до войны. Может быть, он умер. Или уехал. Хотя это все равно. Тетрадь нам пригодится. По крайней мере, мы теперь знаем, что они работали над этим кустарником до последнего дня. Старика здесь любили. Вздорный был старик, но очень добрый и мудрый.

— Что нового? — спросил, подходя к узкой дыре окна, Павлыш.

— Сейчас идем, — ответила Пирра. Она раскрыла гербарную папку. — Так и думала. Вот этот лист — видишь, узкие, раздвоенные на концах листочки — то, что нам нужно. Даже если мы не найдем самой делянки, корона Вас сможет восстановить растение?

— Сможет, — заверила Снежина. — Корона Вас — волшебник. И умница.

— Только очень страшный, — созналась Пирра. — Я сначала его боялась.

Они шли по узкой аллее. Иногда Пирра останавливалась и надламывала сучок; сучки были сухие и с треском подламывались пальцам. Пирра бросала сучки на землю.

Над аллеей массой ветвей навис лесной великан; вокруг него земля на несколько сантиметров была покрыта длинными сухими иглами. Пирра подобрала несколько шишек и проверила, сохранились ли в них семена. Положила шишки в карман скафандра и потом сказала Девкали:

— Напомни на обратном пути взять банки с семенами из лаборатории.

— Хорошо вам, ботаникам, — проговорил Павлыш. — Раньше сажай зернышко в землю и жди неделями, пока оно вырастет, если прорастет. А с помощью корон, сдал семена в лабораторию — через полчаса заходи за саженцами.

— Как раз у нас основная работа все равно останется неизменной, — возразила Пирра. — Саженец мы получим, а остальное — наше дело. Пока из него вырастишь дерево, все равно годы пройдут. Да и одним деревом не обойдешься — у нас впереди, знаешь, сколько работы. Это вам, врачам, теперь делать будет нечего.

Деревья расступились. Впереди, поделенное на ровные четырехугольники, лежало большое поле, ограниченное

крутыми склонами долины. Некоторые из делянок щетинились сучьями кустов, другие стояли голыми или чуть прикрытыми сухой травой.

— Ой! — раздался сзади голос Снежины. Она отстала и еще не вышла из тени деревьев.

Павлыш резко обернулся.

Снежина сидела на корточках у большого ствола и махала рукой остальным, чтобы спешили к ней.

Спрятавшись между толстых корней мертвого дерева, из сухого песка долины тянулся тонкий стебелек с белой головкой цветка.

— Живой, — прошептала Пирра.

— Совершенно и абсолютно живой, — засмеялась Снежина. — Я подула на него, и он на секунду сложил лепестки.

— Лесной висан, — сказала тихо Пирра. — Я сейчас заплачу. Не срывай его. Пусть растет.

— Конечно, пусть растет. Я только подула на него. Он сложил лепестки, а потом опять расправил, будто поздоровался со мной.

— А планета хочет помочь нам, — произнес Девкали. — Она не совсем мертва. Помнишь, Пирра, как я первый раз принес тебе букет лесных висанов?

— Летом будет больше цветов, — добавил Павлыш.

6.

С делянки возвращались не спеша. Может, оттого, что видели живой цветок, оттого, что так легко и быстро нашли нужный кустарник, настроение у всех было хорошее. Девкали тащил ворох сухих сучьев и корней и допрашивал Павлыша, пишут ли на Земле стихи, а если пишут, то пользуются ли рифмой. Пирра тихонько напевала что-то, и Снежина подумала, что еще не видела Пирру смеющейся, а наверно, когда она засмеется, то станет очень красивой. Хотела было сказать об этом Пирре, но та вдруг остановилась и сказала:

— Если пойти по этой аллее, мы придем на кладбище. Здесь было маленькое кладбище. Ботаники предпочитали и жить и умирать здесь. Здесь не было крематориев, как в городах. Подождете меня секунду? Я загляну, не похоронен ли здесь старик. Я никак не могу вспомнить, как его звали. А это очень нужно. Правда?

Пирра повернула в боковую аллею. Остальные последовали за ней. Кладбище открылось через сто шагов — это небольшая поляна, окруженная высокими деревьями. На поляне несколько могильных холмиков, над каждым — камень или диск с лучами. Пирра прошла мимо ряда холмиков. Остановилась у крайнего.

— Конечно, — вспомнила она. — Его звали Кори, учитель Кори из Лигона. Он умер перед самой войной.

— Это хорошо, — заметил Девкали, — что он не дожил до нее.

До лаборатории было уже недалеко. Пирра провела к ней по узкой тропинке, мимо хозяйственных построек.

— Здесь песок? — спросил вдруг Павлыш.

— Да, песчаные почвы. Не все растения могли здесь жить. Приходилось ходить в соседнюю долину за переносом. Очень тяжелые корзины были, как сейчас помню.

Павлыш отстал и отошел немного в сторону. Разгреб листья под деревом и посмотрел, сухой ли там песок. Под листьями был перегной сантиметра три, потом песок.

Женщины и Девкали ушли вперед. Павлыш распрямился, отряхнул ладони и хотел идти дальше, но неожиданно увидел человеческие следы.

Первой его мыслью было удивление — как они могли сохраниться больше года? В тех местах, где землю покрывали листья, следы можно различить с трудом. Но чуть дальше на прогалине след отпечатался четко и глубоко. Это был свежий след.

Павлыш осторожно огляделся. Все тихо. Только уже довольно далеко, у здания лаборатории, слышны голоса женщин.

Недавно здесь был человек: ведь ночью шел дождь. Может быть, он даже видел их. Нет, это невероятно. Совершенно невероятно. Павлыш хотел позвать Девкали, но вдруг почувствовал, что ему страшно. Страшно крикнуть, потому что Он может услышать; страшно за своих товарищей: ведь они не знают, что кто-то, не боящийся смертельной радиации, ходит по мертвой планете. Кто это? Друг? Может, какие-то люди смогли приспособиться к радиации, обладают иммунитетом к ней? Нет, этого случиться не может. И потом... потом, не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться: человек был здесь совсем недавно. Возможно, видел людей и не подошел.

Павлыш решил никому не говорить о своем страшном открытии. Лучше быстро уехать отсюда, не рисковать — они не вооружены, с ними две женщины. Сначала надо посоветоваться с капитаном.

Павлыш еще раз оглянулся и быстро пошел по тропинке к лаборатории.

Его уже ждали. Пирра укладывала в вездеход банки с семенами и листья гербария. Снежина подавала ей их из окна лаборатории.

— Куда ты запропастился? — спросила она, увидев Павлыша. — Мы уж думали, ты попал в лапы к духу леса. Есть, оказывается, легенда, Пирра рассказала, что здесь живет привидение.

«Ну вот, еще не хватало», — подумал Павлыш.

— Кстати, Слава, ты почему спрашивал про песок?

— А, ты об этом, — ответил Павлыш, довольный, что разговор отошел от опасной темы. — Я думал, что песок хорошо сохраняет ткани. Мумифицирует их. Значит, если старик умер всего год назад, была надежда его вернуть к жизни. Ну ладно, поехали.

— Постой, постой, ты ведешь себя уж так нелогично, дальше некуда! — возмутилась Снежина. — Так это же светлая мысль, надо немедленно проверить. Девкали, знаешь, где лежат носилки? В нижнем багажнике. Достань.

— Нет, нет, — остановил их Павлыш. — Надо возвращаться. Уже поздно.

— Почему? Только первый час. Мы вполне успеем до темноты вернуться. Нашел, Девкали?

— Да, — сказал тот, выбрасывая из вездехода носилки.

И Павлыш понял, что он не в состоянии придумать никакой причины, которая бы оправдала немедленный отъезд. Открыть правду? Но что-то удержало его от этого. Может быть, то, что ему не поверят, не примут всерьез. Может, потому, что тогда Снежина — а с нее станет — решит немедленно пойти туда и исследовать следы.

Когда раскапывали могилу, Павлыш старался не становиться спиной к лесу, и волнение его было столь очевидно, что Снежина даже спросила:

— Что, жутковато стало?

— Нет, — ответил Павлыш. — Просто я думаю, что песок может быть влажным.

— Сейчас все узнаем.

Подсказка Павлыша была правильной. От этого ему стало еще хуже. Носилки с маленьким высохшим телом старика нес он с Девкали, а женщины, несмотря на уговоры Павлыша, все время отставали. И руки были заняты. Павлыш все оборачивался, и Снежина, смеясь, говорила:

— Не бойся, не потеряемся.

— Кстати, крупных хищников на планете сейчас нет, — добавила Пирра. — Хотя мы их разведем снова.

Ничего не случилось. Так же в тишине вернулись в лагерь. И без приключений добрались до «Сегежи».

Павлыш шутил, слушал, как Снежина рассуждает о том, будут ли на обед взбитые сливки, а сам, чуть отворачиваясь на секунду, снова видел глубоко отпечатанный в почве след, такой свежий, что края его не оплыли и виден каждый рубец подошвы.

7.

— А теперь, Павлыш, успокойся и подумай. Первое: не показалось ли тебе все это?

— Нет, Геннадий Сергеевич, не показалось.

— Вторая возможность, — продолжал Загребин. — Например, эти следы были оставлены в прошлом году, а над ними нависают ветви?

— Нет. И вообще не стоит тратить время на придумывание причин, почему этих следов не было. Я знаю, что они были. Свежие следы.

— Вы неправы, Павлыш, — возразил Баков. — Мы обязаны рассмотреть все варианты. Абсолютно все. То, что вы рассказали нам сейчас, очень странно.

— Я знаю, что странно. — Павлыш прошелся по каюте, остановился около модели каравеллы над письменным столом и провел пальцем по бушприту. — Я отлично понимаю, что на вашем месте я бы также старался перебрать все варианты. Но поймите, я их уже перебрал.

— Хорошо, Слава, — сказал Загребин. — Мы вам верим. Что из этого следует? Честно говоря, не знаю. Объяснить этого пока не могу.

— Объяснить можно, — вмешался корона Аро. — И вы это объяснение знаете не хуже меня, капитан. На планете, которую мы считаем мертвой, есть люди, которые пережили конфликт. Вопрос не в этом — важнее узнать, кто они, войти с ними в контакт.

— А почему они не хотят вступить с нами в контакт? — спросил Баков.

— Ну, этому найдется множество объяснений. Они могут, во-первых, и не подозревать о нашем присутствии. Горный сад находится в ста километрах от Манве. Во-вторых, они могут бояться нас. Кто мы такие? Пришельцы из космоса? Враги, пьи, выжившие в войне и пытающиеся оккупировать их страну? Или какие-нибудь другие загадочные существа, опять же, вероятнее всего, враги?

— Значит, — развил мысль капитан, — из этого следует, что, считая нас врагами, они могут предпринять враждебные действия?

— Могут, — ответил корона Аро.

В каюте было тихо. Только Павлыш быстро шагал по каюте из угла в угол по одной и той же прямой, и пластик чуть поскрипывал под каблуками. Из-за полуоткрытой двери доносились далекие голоса. Загребин, который знал обо всем, что происходит на борту, легко распутывал клубок голосов и шумов корабля: высокий гортанный голос принадлежит Ранмакану — он научился играть в нарды и опять спорит с Малышом, своим постоянным партнером. Вот вспыхнула скороговорка тети Мили — она отчитывает робота. Бухнула штанга — Кудараска закончил серию физических упражнений...

— Значит, так, — сказал Загребин. — Вы, Алексей Иванович, с Антипиным посмотрите, что можно сделать для обеспечения полной безопасности корабля и купола. На гравитационное поле энергии не хватит?

— Нет, мы не можем включить главный двигатель.

— Ну, подумайте. Рисковать нельзя. А после ужина соберем экипаж и, я полагаю, жителей планеты. И поговорим. А пока я считаю разговор законченным.

Павлыш попрощался и сразу ушел. Он считал, что капитан слишком спокойно отнесся к новости. Даже не приказал немедленно снарядить разведдиск, который попыбует выяснить, куда же ведут следы.

Корона Аро поинтересовался:

— А тот кустарник, о котором говорила Пирра, привезли?

— Да, привезли. И еще привезли его автора. Совсем забыл вам сказать: корона Вас ждет в лаборатории.

Корона Аро закинул хвост на плечо и молча последовал за Павлышом.

— Ну и как? — спросил Баков, оставшись вдвоем с капитаном. — Может быть, послать диск в ботанический сад?

— Я уже думал, — сказал Загребин. — У вас нет сигарет?

— Я не курю.

— Да, забыл, извините. Я уже думал, но сейчас пятый час. Через час стемнеет. Не хочется начинать поиски в темноте.

— Хорошо, пойду поговорю с Антипиным.

И Баков покинул каюту. Капитан Загребин постоял среди комнаты, размышляя, не могла бы заваляться пачка сигарет где-нибудь в нижнем ящике письменного стола. Но потом вспомнил, что сам приказал роботу выполнить все, что может напомнить табак. И робот проделал эту операцию очень тщательно. Капитан вздохнул и пошел все-таки к Снежине, надеясь, что ее нет в каюте. Он знал, что сигареты лежат у нее под зеркалом, похожим на Луи-Филиппа. Лучше взять сигаретку потихоньку. Может быть, желание курить пройдет и насмешникам не будет повода злословить над слабой волей капитана Загребина.

8.

После ужина в кают-компании собрались члены экипажа и жители купола.

Наверно, в последний раз они смогли все уместиться в этой небольшой комнате. «Пройдет еще сколько-то времени, и не только кают-компания, но и всей «Сегеже» не вместить жителей этой планеты, — подумал Загребин. — А может быть, уже и сейчас где-то под землей или под водой живут тысячи людей, которые не хотят никакой помощи извне?»

Неожиданное собрание нарушило привычную жизнь экипажа. Беспокойство усилилось еще и потому, что все увидели, как Антипин с Баковым объехали на вездеходе купол, о чем-то посоветовались и потом наружу вылезли роботы, которые установили на некотором расстоянии от купола сигнальные башенки, зажигавшиеся, как только кто-нибудь или кто-нибудь приближался к кругу, образуемому ими. Внутри круга уместились купол и «Сегежа».

— Сегодня, как вы знаете, — начал Загребин, когда все уселось, — наши товарищи ездили в Горный сад...

Загребин поведал о том, что видел Павлыш, потом сказал о мерах безопасности, принятых им. После него говорил Павлыш. Он повторил рассказ о следах и предложил послать к Горному саду разведдиск.

Бауэр не поверил Павлышу: все-таки следы могли сохраниться с прошлого года; Кудараускас предположил, что эти следы оставлены роботом: какой-нибудь из роботов-разведчиков побывал уже в саду. Кудараускаса подняли на смех: следы роботов не были похожи на человеческие. Павлыш их спутать не мог.

Пирра сказала, что если следы — реальность, то они принадлежат военным. Только у них были тайные бомбоубежища, где можно спрятаться от радиации. При словах Пирры Ранмакан побледнел. Он ничего не сказал, но подумал, что все-таки к власти снова могут прийти настоящие хозяева Лигона. Нельзя сказать, что он хотел этого возвращения. При новой власти, которую для него олицетворяли капитан Загребин и Девкали, жилось лучше и никто не напоминал Ранмакану, что он низшая каста и должен не делать того-то и того-то, но уважение и почтение к военной машине было в Ранмакане настолько глубоким, что он всерьез испугался, как бы его не наказали настоящие хозяева, когда вернутся к власти. Бывшая прачка огорчилась: она не любила военных, и если бы ей один из них попался в руки, она бы его, наверно, задушила. Она не могла простить им смерти своих близких. И прачка беззвучно молилась Солнцу, чтобы молодому доктору изменило зрение и чтобы это были вовсе не следы, а случайные ямки. Охотники-пым мало разбирались в политике и не хотели в ней разбираться. Они ждали того дня, когда воздух снова станет чистым. Снежина вспомнила, как было в том саду, и в душе поблагодарила Славу за то, что он тогда ничего не сказал.

Наутро диск слетал в сад, но следов не нашел. Ночью в горах прошел дождь.

В ближайшие две недели ничего не произошло, и все, кроме Павлыша, стали понемногу забывать о следах в Горном саду. Но Павлыш видел их, стоило ему закрыть глаза. Он знал, что они были.

Глава шестая

ПОХИЩЕНИЕ

1.

Профессор Кори из Лигона оказался сухим ехидным стариком с длинным носом и белым венчиком вокруг желтой лысины. Профессор за два дня вошел в курс дела, с удовлетворением отметил присутствие на корабле своей ученицы, поблагодарил ее за спасение кустарника, что он оценивал куда выше, чем спасение своей персони, и взял в собственные руки озеленение купола.

Знание того, что он полтора года провел в могиле, несколько не обескуражило профессора.

— Я деловой человек, — говорил он. — Я столкнулся с двумя фактами: первый — весьма прискорбный — эти идиоты все-таки добились своего и устроили бойню. Я всегда думал, что наши петиции их не удержат. Они устроили бойню и уничтожили все, что другие люди строили пять тысяч лет. Другой факт, с которым я столкнулся, — отрадный. А именно: к счастью, нас заметили раньше, чем пропали всякие следы нашей работы. Заметили и пришли нам на помощь. Мое воскрешение — частность, хотя приятная. Мне обидно было умирать, не окончив опытов со своими детишками. Кстати, если бы наши идиоты не загубили планету, никто не стал бы возиться с моим оживлением. Сколько мне осталось жить?

— Не знаю, — отвечал корона Вас. — Наверное, с нашей помощью вы проживете еще лет сорок. Мы в состоянии спасти человека, но не можем подарить ему бессмертие.

— Замечательно, коллега, на бессмертие я не претендую. Дорогой мой, вы не откажетесь помочь мне переса-

дить рассаду на клумбу? Я этого не могу доверить вашим железным роботам.

Корона Вас с удовольствием шел возиться с рассадой. Его пребывание под куполом было узаконено. Как-то Девкали собрал всех своих единомышленников и рассказал им о том, что на корабле живут не только люди, но и существа, на людей не похожие. Девкали опасался отрицательной реакции со стороны охотников или прачки. Но те восприняли новость спокойно. За последние недели с ними случилось столько невероятных вещей, что новостью больше или меньше уже не играло решающей роли. Первое время короны старались поменьше встречаться с жителями Муны, потом, когда обе стороны друг к другу привыкли, Вас, более общительный, почти совсем переселился под купол, отлучаясь только поговорить о жизни с тетей Милей и вырастить новую порцию рассады для опытов Кори.

Но эта спокойная и почти идиллическая жизнь продолжалась всего несколько дней, видимое однообразие которых было нарушено прилетом грузовой ракеты из Галактического центра, она доставила запасные части к аппаратам, почту и первую очистительную установку для воздуха. Кроме того, с ракеты сгрузили материал для второго, большого купола, сооружение которого должно было начаться, как только появится достаточное количество людей. Ракета улетела. И дня через два после ее отлета экспедиция, работавшая в развалинах Лигона, обнаружила заваленное наглухо бомбоубежище, в которое крысы не нашли доступа.

2.

Снежина проснулась оттого, что услышала детский смех. Какой-то мальчишка кричал по-лигонски:

— Отдай мой мяч или я проткну тебя мечом!

Потом он, видно, все-таки проткнул кого-то мечом, потому что жертва его страшным басом начала молить о пощаде. Мальчишка заливался смехом и топал ногами, потом голос его утонул в суетливом шуме людей, которые, если Снежина правильно поняла, давали советы плотникам, как вставлять раму.

Снежина лежала некоторое время, прислушиваясь к голосам, стараясь угадать за ними знакомые лица. От-

крывать глаза не хотелось. Как только откроешь их — значит, проснулась, значит, пора вставать, а Снежина считала, что каждый человек имеет право на десять минут между сном и явью, когда можно не спеша досмотреть сны и закончить их, как хотелось бы. Откуда могли идти голоса? Ну, конечно, из динамика внутренней связи. Кто сейчас на вахте? Кажется, Кудараускас. Значит, он включил шум купола вместо будильника.

Десять минут еще не истекли. Снежина подумала о том, что еще две недели назад Кудараускас, включив купол, донес бы до корабля только шаги роботов и тихий голос Ранмакана. Снежине тогда жители планеты Муны чем-то напоминали бронтозавров — живых, но в то же время чужих на своей планете. Уж очень они сегодня одиноки среди бесконечности разрушенных городов, пустынь полей и тоскливости радиоактивных дождей. Кучка людей, спасенных за недели поисков, ошибок, разочарований, была ничтожно мала. И вдруг — сразу шестьдесят человек!

Старики и старухи; шестеро детей — скоро надо будет школу открывать; два молоденьких солдата — бывшие охранники бомбоубежища; патриций, случайно погибший в компании простолудинов; два брата-старика. Эти люди проходили в момент оживления трагедию знакомства с собственным, уже чужим миром, пытались понять, что же делать дальше, как приспособиться к этой жизни.

Правда, теперь это шло проще и спокойней, чем вначале. С одной стороны, в бомбоубежище люди прятались семьями, семьями они и вернулись к жизни, с другой, их встречали Пирра и Девкали, Ранмакан и Кори — соотечественники, уже прошедшие через все, что ждало «новеньких», и готовые помочь.

И все-таки... Снежина вспомнила «голодный бунт».

3.

Этот бунт произошел на второй или третий день после начала оживления людей из Лигона. Тогда под куполом набралось человек двадцать новичков, встретившихся как после долгой разлуки, еще не осознавших целиком, что же случилось, но вместе с тем полных недоверия ко

всему миру, включая друг друга. К тому же эти люди были давно и привычно голодны.

Если до этого обед готовили Ранмакан с Пиррой — они справлялись (с помощью тети Мили и кухонного робота), не тратя много времени, — то на этот раз, пока кухня под куполом не была оборудована, обед, приготовленный на корабле в двух больших котлах, выкатили роботы. Образовалась нестройная очередь военных времен, заранее уверенная, что последним пищи может не хватить и, вернее всего, не хватит. Здоровый черный парень, бывший солдат, первым пробился к столу, схватил полную тарелку, присев за край длинного временного стола, в несколько глотков уничтожил суп и бросился снова к котлу, где произошла какая-то заминка. Нервная очередь сбилась в кучу вокруг робота, и Пирра тщетно пыталась успокоить растрепанную женщину с двухлетним малышом на руках. Малыш плакал, женщина кричала, вокруг раздавались несмелые, злые возгласы. И в этот момент солдат с пустой тарелкой врезался в толпу, как таран.

Супа было больше чем достаточно, но парень нарушил закон голодной очереди, и очередь моментально сплотилась против него. Пирра, отброшенная от бака, спряталась за спину робота — люди дрались за котлом, который покачивался, грозя вылить горячую жидкость. Патриций, не желавший драться, но тоже решивший, что супа не хватит, схватил со столика охапку ломтей хлеба и бросился бежать к дому. За ним погнался другой мужчина...

Бауэр, увидевший эту сцену с мостика, растерялся. Он никогда еще не видел, как люди дерутся из-за пищи. Он испугался, что кто-нибудь задавит ребенка. Глеб метнулся от экрана к пульту, но спокойные ряды кнопок не подсказали ему никакого решения. Тогда он нажал сигнал тревоги и подключился к каюте спящего Загребина.

Капитан вскочил с постели, как подброшенный батут, и сонными глазами уставился на Бауэра. Глаза постепенно наполнялись мыслью, капитан хрипло спросил: — Что?

И пока Бауэр, торопясь, объяснял, в чем дело, Загребин уже совсем пришел в себя и, не дав штурману закончить, оборвал:

— Дай сирену.

Повернулся на другой бок и заснул. Капитан не спал всю ночь — перед этим была его вахта, и как раз монтировали очиститель воздуха.

«Странно, — подумал Бауэр, — мастер никогда не сталкивался с голодными бунтами. Не больше меня знаю о них. И все-таки совершенно спокойно и быстро нашел единственное решение. И, главное, заснул снова».

Бауэр включил ревун.

Низкий гул заполнил купол, повис над городом — страшный крик громадного зверя, крик войны и приближающейся воздушной смерти. И в тот же момент застыли люди у котла и инстинктивно подняли головы. Только суп, льющийся из наклоненной тарелки, отбивал струйкой зигзаги на земле да с легким мягким стуком рассыпались по земле оброненные патрицием ломти хлеба.

Бауэр опустил ручку сирены. Все в порядке.

Бунт не повторился. Но на следующий день, когда людей стало еще на восемь человек больше, случилась новая беда. Очередь, пришедшую за обедом, охватил дружный вид массового психоза, причина которому была та же — страх. Кто-то взял вторую порцию супа, потом третью порцию мяса. Его примеру последовал сосед, и вот уже началась оргия. Люди жадно хватали хлеб и мясо, глотали бульон, матери засовывали кусочки в рот плачущим детям. Эту оргию никто не останавливал и не мог бы остановить. Внешне все выглядело почти благопристойно — люди ели.

Вечером Павлышу пришлось покинуть лабораторию. Он переключился на слабительное и болеутоляющие капли. Девкали между тем уверял пострадавших, что пришельцы и в мыслях не имели их травить. Виной всему их собственная жадность. Ему не верили.

На мостике капитан разговаривал с короной Аро о том, как снять с людей эту смесь подавленной истеричности и апатии — настроение переселенческого лагеря, вокзала, с которого не уходят поезда. Аро советовал ждать и положиться на человеческую натуру. Он говорил, что с уверенностью в завтрашнем дне придет и спокойствие.

Вошел профессор Кори.

— Если я и помешал, — агрессивно начал он, — то все равно вам придется меня выслушать.

— Садитесь, — сказал Загребин, указывая на кресло. — Вы пришли вовремя.

— Я хотел бы поговорить сейчас не с вами, а с моими соотечественниками, — сказал Кори. — И со всеми сразу. Я не могу бегать, как Девкали, из комнаты в комнату. Да это и не поможет. Включите внешнюю связь.

Кори напыжился, и венчик седых волос вздыбился нимбом вокруг блестящей лысины. Не очень удачно перешитый прачкой костюм Малыша топорщился у него на груди и кособочился у ворота.

Загребин подошел к пульту, включил внешнюю связь и протянул профессору микрофон:

— Пожалуйста.

Кори взял микрофон и, набрав в легкие побольше воздуха, быстро заговорил высоким голосом:

— Люди, с вами говорит профессор Кори из Лигона. Вы меня видели, вы меня знаете. Мне стыдно за вас и за нашу планету. Мало того, что вы разрешили своим правителям убить себя, вы показываете сегодня людям, пришедшим нам на помощь, что вы не достойны этой помощи. Я, профессор Кори из Лигона, говорю: с завтрашнего дня мы начинаем новую жизнь. Мы вспомним, что наши предки были гордыми людьми и не дрались из-за куска хлеба. И пусть завтра кто-нибудь посмеет броситься на еду, как паршивая собака. Я ударю его по лицу. Все... Извините меня, — сказал Кори капитану, дождавшись, пока тот выключил внешнюю связь. — Я люблю своих соотечественников, вы должны простить их.

И, не дожидаясь ответа, Кори выбежал из помещения, только щелкнула дверь, и каблуки профессора, удаляясь, отстукали что-то сердитое по ступенькам трапа.

Нельзя сказать, что с этого дня обитатели купола резко изменили свое поведение. Этого никто и не ожидал. Но когда дня через два один из вновь прибывших слишком быстро принялся хлебать суп, то несколько пар глаз обернулось к нему. И когда он украдкой просеменил на цыпочках к котлу, патриций, проявивший неожиданную склонность к демократии, остановил его.

— Не спеши, — произнес он. — А если будешь брать еще суп, то не больше половника. Организм у тебя новый, может не выдержать, лопнешь.

Бежавший огрызнулся, но шаги замедлил. Он, не обо-

принимаясь, прислушался, что скажут остальные. Остальные молчали. Молчание это было сочувственным к словам патриция, и новенький ощутил это...

Снежина открыла глаза. В самом деле, пора вставать. Ингребин освободил ее от вахт — она входила в группу купола. И там ее ждали проблемы — всякие проблемы, большие и маленькие, ожидаемые и совсем неожиданные. К ожидаемым относились проблемы еды и одежды. Корабельных запасов уже не хватает, и скоро придется выкручиваться собственными силами. Были маленькие: у единственной кормящей матери кончилось молоко, и надо было нажать на Павлыша, чтобы он заготовил побольше питательной смеси для малыша. Таких проблем Снежина могла насчитать десятки; разрешить их было совсем не легко.

Снежина зажмурилась, чтобы сконцентрировать волю в одном действии, и сбросила ноги с кровати. Пятки ударились о мягкий ковер. Теперь надо поднять голову. И Снежина подняла голову, показала язык своему изображению в зеркале и включила дистанционное управление душем — пусть греется, пока она доберется до кабинки.

4.

Робот, который тащил за собой толстую змею запасного тормозного парашюта, задел клумбу у швейной мастерской — первого промышленного предприятия Муны. Кори увидел это безобразие, догнал робота, который за таскивал парашют в дверь, и принялся честить его на двух языках. Робот покорно слушал; швеи сгрудились у окна, чтобы не пропустить этого уникального зрелища, а Ранмакан, который сам вызвался руководить швейной мастерской, вышел к дверям и молча водил в воздухе руками, заклиная прекратить ссору. Ранмакан отъелся, стал солиднее и осторожнее.

Робот был простой рабочий, но он догадался, что игнорировать гнев старика невозможно. Он отпустил конец парашюта и пошел пересаживать цветы. Профессор обогнал его и велел отправляться обратно в корабль. Потом стал восстанавливать клумбу сам. Ранмакан стоял над ним и наблюдал за его уверенными, точными действиями.

— Вам хорошо, — сказал наконец Ранмакан, — у вас есть специальность. А я таможенный писарь.

— И таможенные чиновники пригодятся, — успокоил его Кори. — Да притом вы пока тоже неплохо устроились.

— Да, это пост шестой или даже пятой касты, — сказал Ранмакан. — Но меня могут его лишить.

— Это еще почему?

— Будут более достойные люди.

— А вы работайте лучше, и не будет более достойных. Вместо того, чтобы стоять надо мной и разговаривать, могли бы втащить парашют — женщинам не справиться.

— Я начальник, — ответил Ранмакан просто.

— Ах, так! — воскликнул Кори. Он быстро переходил из одного настроения в другое. — Ах, так! — Кори поднялся и быстро прошел к двери, перед которой лежал толщиной в туловище человека червяк парашюта.

Кори перебрался через него и исчез в темноте прихожей. Ранмакан неуверенно последовал за ним и остановился, увидев, как червяк зашевелился и начал вползать в темную щель. Профессор громко крикнул — в парашюте было килограммов пятьдесят весу. Одна из женщин, наблюдавших эту сцену из окошка, всплеснула руками, сказала что-то своим подругам и побежала на помощь профессору. Остальные последовали за ней. Червяк пополз резвее и скрылся в доме. Ранмакан все еще раздумывал, что бы ему предпринять. Ситуация была сложной и неправдоподобной. Профессор принадлежал ко второй касте, и заниматься такой плебейской работой, как перетаскивание тяжестей, ему было абсолютно воспрещено тысячелетними традициями. Когда Ранмакан пробовал понять взаимоотношения людей на «Сегеже», он пришел к выводу, что все они там, за исключением, может быть, тети Мили, принадлежат к высшим кастам своей планеты. Вместо низших каст они взяли с собой роботов, никакие разубеждения Кудараускаса не могли поколебать Ранмакана. Они были ему не нужны. Когда мир можно объяснить удобной схемой, очень не хочется отказываться от нее и искать какие-то сложные и ненужные в повседневной жизни решения.

Поэтому то, что робот тащил парашют, было понятно. То, что этим занимался профессор Кори, было абсолютно непонятно. Ранмакан признал формально, что под

цуполом все равны и каст нет, но в душе он делил человечество на касты и относил себя к одной из низших, хотя не к той, к которой принадлежал до войны, а к следующей на пути вверх. Он беспокоился, что его могут лишить права заведовать мастерской, и с подозрением поглядывал на новичков: нет ли среди них патрициев, способных и желающих занять его место?

Пока все было в порядке, новых патрициев не было. Старые — Девкали, Пирра и Кори — занимали уже хоть и неопределенные, но все-таки явно руководящие места, а единственный патриций, спасенный в Лигоне, предпочитал ничего не делать и рассуждать о возможностях демократии. Ранмакан подошел к профессору для того, чтобы развеять свои опасения, и в результате еще больше запутался и решил, что недовольный им Кори может сообщить пришельцам о недостойном поведении Ранмакана. Но Ранмакан — первый человек на Муне, Адам, как называют его пришельцы, и он не может сидеть вместе с женщинами, шить или подносить им иголки с нитками. Нет, этого не будет. Женщины, конечно, согласны с демократией: они принадлежали к самой низшей из каст, да и мужья их тоже, и дети. Им нечего терять. Ранмакан же был чиновником, каким-никаким, но чиновником, представителем того слоя, который, с завистью глядя на вышестоящих, судорожно цепляется за свои маленькие привилегии, поднимающие его над другими, не имеющими привилегий вообще.

Профессор Кори, тяжело дыша, вышел из мастерской.

— Вместо того, чтобы здесь стоять, — заметил он Ранмакану, — помогли бы разрезать шелк на большие куски. Не кроить же из целого парашюта...

— Я позвоню на корабль, пусть пришлют второго робота, — упрямо сказал Ранмакан. Он продолжал цепляться за свои привилегии. — Робот сделает это лучше меня. А сам я должен писать мемуары.

— Ах, да, — ехидно улыбнулся Кори. — Мемуары. Сам Кризинзи из Плонги склонился бы перед вашими талантами.

— Штурман Кудараускас высоко оценивает мою работу.

— Тьма с вами, с писателем и со штурманом. Но я бы на вашем месте подумал о том, что мы обязаны работать. Ра-бо-тать. Понимаете? Пусть «Сегежа» улетает —

у нее свои дела. А мы будем править планетой. Мы останемся одни — вам это приходило в голову?

— Куда они улетят? — спросил Ранмакан. — Зачем им улетать?

Ранмакана устраивало присутствие людей. Он опасался, что, как только «Сегежа» поднимется над планетой, ему снова придется опуститься на свое место и, может, еще и сесть в тюрьму за сотрудничество с чужими.

— Им нельзя улетать.

— Это еще почему? — удивился профессор Кори. — Как только они смогут обеспечить работу очистительных аппаратов, а мы наладим снабжение пищей, мы останемся одни. Мы обязаны остаться одни.

— Что вы бормочете одно и то же: «Одни, одни»! — разозлился Ранмакан. — Кто вас обязывал оставаться в одиночестве? Я? Эти женщины?

— Недавно вы протестовали против прихода людей.

— Это мое личное дело. Тогда я был один. Еще неизвестно, как бы вы себя повели на моем месте!

Кори хотел ответить, но передумал, махнул сухой ручкой и ушел — к своим цветам и деревьям, с помощью стимуляторов вымахавших метра на три в высоту. Кори подумал, что пора бы возродить кое-каких насекомых; надо поговорить с короной Вас. Кори подошел к своему столу, спрятавшемуся в самой гуще кустарника, раздвинул срезы, бумаги, приборы, сел. Сердце работало неважно. К сожалению, корона Вас вернул ему старое сердце. Снова умирать очень не хотелось. Не стоило возиться с парашютом. Хотя он сделал правильно. По крайней мере, женщины в мастерской поняли правильно. Они говорили ему: «Учитель, отойди, без тебя справимся», — и не рассуждали, патриций он или простолюдин. А Ранмакана еще учить и учить. А может, он и умрет, в глубине души мечтая перейти в четвертую или даже вторую касту. Нет, на вторую у него не хватит воображения. Надо поехать в Горный сад — посмотреть, не распустились ли еще кое-какие растения. Ведь перед войной шли работы, связанные с влиянием радиации на рост растений.

Ранмакан тоже вернулся к себе в швейную мастерскую. В домике было два стола. Один большой, общий — за ним работали пять женщин. И стол в углу поменьше, за ним сидел Ранмакан. Он, когда нужно было, выходил

ни связь с мостиком или большим домом; он вел переговоры с роботами, когда те перетаскивали что-нибудь с корабля; он должен был вести бухгалтерию, планировать, когда и что понадобится мастерской.

Ранмакан сел за стол, отодвинул в сторону бумаги и задумался. Он ощущал взгляды женщин и их шепот, содержащий какие-то, возможно, неслестные для него высказывания. Но он был выше этого. Он смотрел вперед. Раздумывал, сказать ли капитану о том, что вчера ночью, когда все уже спали, он видел чужого человека в защитной одежде. На человека упал луч прожектора, и тот, ослепленный им, задержался на секунду, перед тем как нырнуть в темноту. В запале разговора с Кори он чуть не проговорился, что на планете есть и другие люди и что Павлыш был прав. Но не сказал, удержался. Могло так случиться, что те люди — законная власть. Вдруг они окажутся сильнее корабля? А если так, то знание того, что другие уже подошли близко к «Сегеже», могло пригодиться Ранмакану.

5.

Загребину не хотелось отпускать Кори в Горный сад. Существование неразгаданной тайны смущало капитана. «Тем более, — рассуждал он, — если бы те, неизвестные, хотели встретиться с нами, они бы давно могли это сделать». Согласившись с профессором, что тому необходимо побывать в Горном саду, капитан послал за день в Горный сад разведчик с металлоискателями и биолокаторами на борту. Диск не обнаружил ничего подозрительного.

— Вот что, — сказал Загребин Антипину, который уезжал в сад вместе с Кори и Снежиной. — Из «Ежа» по пути не выходить. Доедете туда, вездеход остановишь не у домика, как в прошлый раз, а прямо в саду, у делянок. В машине обязательно кто-то останется для того, чтобы держать остальных в поле видимости. На вездеходе лазер в боевой готовности. Если увидишь опасность, не стрелять; немедленно сообщайте нам и бегите оттуда со всех ног. Ясно?

— Ясно, Геннадий Сергеевич, — ответил Антипин. — Куда уж яснее. Второй купол завтра начнем надувать?

— Завтра. Вернешься, выплывшись, и начнем.

Роботы поставили на «Ежа» защитные козырьки. Теперь вряд ли его можно пробить даже прямым попаданием снаряда или лучевым зарядом.

Перед отъездом Снежина нашла Павлыша и повела его в купол. Там заболел один из ребяташек. Павлыш осмотрел его, приказал роботу притащить лечебный излучатель — мальчику не хватало солнечного света. Снежина ждала доктора, разговаривая с охотником-пси о строительстве амбулатории. Потом, когда доктор кончил облечение и робот уехал, Снежина попросила Павлыша зайти еще раз к ребенку вечером.

— Ладно, зайду. Что-то сад сильно разрастается. Скоро будет не купол, а джунгли.

— Кори и Вас этого, по-моему, и добиваются.

— Жалко, что нет живности в нашем саду.

— Тут есть одна птица. Смотри, вот она.

Птичка с длинным голубым хвостом и двумя парами крыльев, расположенных, как у бабочки, одни за другими, мелькнула между деревьями.

— Послушай, Снежка, — произнес Павлыш. — Ты в самом деле будь осторожнее. Я же видел там следы.

— Ну, знаю, знаю, сама с тобой была и никаких следов не видела. Ты не показал. Не волнуйся, мы будем осторожны.

— Серьезно, — сказал Павлыш. — Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

— Это как понимать? Не так, как к остальным?

— Нет.

— Значит, хуже, — уверенно проговорила Снежина.

И тогда Павлыш, чувствуя, что краснеет, попытался ей что-то объяснить. Она вдруг сделала большие глаза, и Павлыш почувствовал, что он в них уместился целиком. Сейчас Снежина хлопнет ресницами, и он там останется навсегда. Снежина хлопнула ресницами, и Павлыш, зажмурившись, протянул руку вперед, чтобы нащупать границы тюрьмы, в которой он очутился. Рука его натолкнулась на пальцы Снежины. И Павлыш хотел еще что-то добавить, но не всегда придумашь, что. И он сказал:

— Я зайду вечером к мальчику.

Снежина улыбнулась одними глазами.

И тут подошел Девкали с толстым патрицием и одним из новеньких и сказал:

— Здравствуйте, Слава. Снежина, мы сейчас собрались и официально запретили войну. Ведь мы имеем на это право?

— Вы имеете право на все, — объяснила Снежина. — Им хозяева своей планеты.

— Нет, не на все, — ответил патриций, который оказался в общем славным человеком. — Мы не будем больше воевать. Мы запретили войны. Декретом. Удивительно, правда? Никогда не думал, что придет день, когда я буду отменять войны декретами.

— Теперь у вас есть правительство? — спросил Слава.

— Как вам сказать, — ответил Девкали. — Вот Ренци и Плоци, он раньше был шахтером...

Новенький наклонил голову. Это был коренастый человек с большими руками и ступнями и шишкастой головой. Маленькие глаза спрятались под очень густыми рыжими бровями. Глаза были очень светлыми и яркими.

— Потом Пирра, профессор Кори и Ус-са-ян-ка — один из охотников-пы. Что-то вроде Совета.

Из корабля выбрался на землю «Еж», и Антипин, разглядев Снежину под куполом, дал сигнал.

— Ой, — воскликнула Снежина, — я опоздала! Мне же еще скафандр надевать!

И она побежала вперед к кораблю, оставив Павлыша в одиночестве, совсем позабыв о нем, будто три минуты назад не протянула руку ему навстречу.

Но, стоя у выходного люка, пожалела, что в тамбуре нет зеркала.

Вездеход развернулся и шустро пополз к холмам.

На мостике капитан, проверяя связь, спросил:

— Как себя чувствуете?

Снежина ответила раньше Антипина:

— Мы себя отлично чувствуем.

— Ну-ну, — сказал капитан. — Чуть что — сообщайте. Канал свободен.

Снежина поинтересовалась:

— Делегация уже приходила?

— Какая делегация?

— Значит, сейчас придет. Представители правительства планеты Муна.

Капитан повернулся к двери. Именно в этот момент она открылась, и делегация вошла на мостик.

— Добрый день, садитесь, пожалуйста, — пригласил капитан. — Где нам лучше разговаривать?

— Если вы не заняты, лучше в кают-компании, мы здесь будем мешать, — сказал Девкали.

Капитан спустился вниз и, когда вернулся через час на мостик, спросил у вахтенного штурмана, все ли в порядке с «Ежом». Тот ответил, что Антипин только что выходил на связь.

Потом Антипин сообщил, что вездеход достиг заповедника. Остановились на делянках и даже нашли целую колонию цветов. Еще через пятнадцать минут связь с «Ежом» прервалась.

6.

Капитан был на мостике, когда Бауэр сказал:

— Молчат... Видно, со связью что-то не в порядке.

Но и Бауэр и капитан знали, что со связью все в порядке. Что-то случилось с людьми в вездеходе.

— Диск, — произнес капитан.

Бауэр, ходивший с Загребиным и раньше, предугадал слова капитана, его рука уже тянулась к кнопке запуска.

Корабль чуть вздрогнул. В открывшийся люк вылетел «глаз» корабля — диск с телевизионной камерой на борту, налетавший к тому времени много тысяч километров над планетой. Бауэр включил небольшой экран слежения. По нему проплывали серые с зелеными подпалинами вершины холмов и оловянные ленточки ручьев в долинах. Разведдиск шел быстро, и Бауэр с трудом угадывал прерывистую полосу дороги. По экрану побежали серые неровные полосы.

— Опустите его пониже, вошел в облака, — велел капитан.

Бауэр перевел диск в бреющий полет и предупредил:

— Придется здесь его вести медленнее, как бы на вершинку не налететь.

— Две минуты вряд ли играют роль, — сказал капитан. — Они могут сейчас быть и не в заповеднике, а где-то ближе, на дороге. Проверим весь путь.

Бауэр кивнул головой. Вошел Баков.

— Что-то случилось? — спросил он, заметив светящийся экран.

— Нет связи, — отозвался Загребин. — Разведдиск пошел.

— Я этого боялся, — произнес Баков, хотя этого и не следовало говорить.

На экране промелькнула арка у входа в заповедник. Бауэр снял скорость, и, снизившись к самой крыше лаборатории, диск повернул к серой путанице ветвей — к лесопитомнику.

На краю поляны стоял вездеход. Крышка люка была открыта настежь. Бауэр опустил диск еще ниже, и тот явился над открытым люком. Вездеход был пуст.

Около «Ежа» не было следов. Трава стояла прямо, будто люди покинули его по воздуху. Каждая травинка была видна на экране ясно, словно под лупой.

Нет, кроме отпечатков гусениц самого вездехода, никаких другие следы к машине не вели.

— Мистика какая-то, — вздохнул Бауэр, когда диск завершил второй круг над вездеходом.

— Никакой мистики, — ответил капитан, — пройдишь диском по следам гусениц.

Цепочка следов, оставленных рубчатыми подошвами, различалась кое-где поперх отпечатков гусениц.

— Все ясно, — сказал капитан. — Смотрите, как стоит машина. Она уткнулась в кусты. Дальше откос, хода нет. Раньше она стояла посреди поляны. Потом что-то случилось со Снежиной и Кори — видно, уже в кустах... Тогда Антипин подвел машину к кустам, выскочил, пробежал несколько шагов обратно по гусеничным следам и тоже свернул в кустарник. Все это произошло так быстро, что он не успел или не счел нужным выйти на связь. Теперь проверим. Ага, видите, следы ведут к кустам.

Диск сначала летел над прогалиной в кустах, и отпечатки подошв были видны сверху. Потом кусты сомкнулись. Сквозь голые ветви капитан разглядел маленькую колонию голубых цветов. Некоторые ветви вокруг были обломаны.

— Ясно. Они с поляны увидели цветы и пошли к ним.

— А Антипин наблюдал за ними с вездехода.

Диск снова поплыл над переплетением ветвей. Свежие обломы указывали путь биолога и Снежины; они вышли к маленькой поляне, на которой тоже росли цветы. Правда, здесь цветы были вытоптаны и следов великое множество. Они вели к расщелине среди скал.

— Вызови Павлыша, — приказал капитан Бакову.

Павлыш прибежал на мостик через полминуты. Можно было подумать, что он ждал вызова у самой двери.

— Слава, — сказал капитан, — приглядитесь к следам. Похожи на те?

— Да, — ответил Павлыш, — это они.

— Готовим большой катер, — решил капитан. — Командир катера Баков, команда: Павлыш, Цыганков, Лешук, Райков, корона Аро. Из местных жителей — Девкали. За вооружение и защиту корабля отвечает Баков. За ходовую часть — Лешук. Подготовка и сборы — пятнадцать минут.

Когда Баков ушел, капитан велел Бауэру:

— Глеб, подними диск повыше, на полкилометра или еще повыше. Может, наши увидят.

— А вы уверены, что похитители — жители этой планеты? — спросил Бауэр, глядя, как уходит вниз и уменьшается домик лаборатории на экране.

— Вот это новая идея. Уверен. А что?

— Уж очень невероятно: живые люди здесь, после всего, что произошло.

— Нельзя спрятать на планете звездный корабль, — отверг Загребин версию Бауэра. — После тебя на вахту выйдет Кудараускас. Вместо Бакова.

— Я не устал, Геннадий Сергеевич.

— Мы не знаем, сколько продлятся поиски.

— Надеюсь, с ними ничего плохого не случилось?

— Не знаю, — ответил капитан. — Не знаю! Кто может знать? Такая тихая планета! Ни одной живой души!

7.

Катер выкатился до половины из распахнувшегося грузового люка.

— Что-то сегодня наши друзья очень активны, — произнес патриций.

— Да. И взяли с собой Девкали, — ответил Ранмакан, который давно уже почувствовал неладное.

Не сходить ли ему, пользуясь давним знакомством, к Кудараускасу? У других спрашивать не хотелось. Ранмакан был немного обижен на своих соотечественников за то, что они не избрали его в Совет. Он имел на это все права — он был первым человеком на планете. Вернее

это, это интриги капитана и особенно Бауэра. Бауэр простить ему не может тот выстрел. А сам капитан? Может ли он простить?

— Ранмакан, — проговорил шахтер Ренци, из новых начальников, принадлежавший к самой низкой касте.

Иде совсем недавно он ни за что не осмелился бы обратиться к Ранмакану вот так. Он должен был сказать: почтенный Ранмакан. Все-таки две касты разницы. Но теперь он — власть.

— Что? — спросил Ранмакан как можно равнодушнее.

— Сегодня твоя очередь идти в город с грузовым роботом. Ты помнишь, надо взять из хозяйственного магазина госпожи, как ее там звали...

— Госпожи Вапрас, «Торговля привозным товаром».

— Да, ты должен взять все по списку. Список у тебя?

— Может, сегодня и не надо будет идти?

— Как так не надо? — Шахтер сложил на груди сильные большие руки. — Ты же сам вызвался. Нам нужна посуда и нужна большая плита. Там должна быть.

— Может, они не захотят, чтобы я ехал. — Ранмакан махнул головой в сторону «Сегежи».

— Почему? Договорились еще вчера. Робот ждет.

— Все-таки сходили бы на мостик и спросили.

— Мне незачем из-за всякого пустяка ходить на мостик. Я не имею привычки зря крутиться на корабле.

Последнее содержало в себе намек на визиты Ранмакана к Кудараускасу, которыми тот оправдывал свои частые отлучки.

— Скафандр в тамбуре. Знаешь где. — Ренци отошел.

— Придется ехать, — произнес всегда готовый улыбнуться и, если надо, посочувствовать патриций. — Хотя же, я составлю вам компанию?

— На тебя ни один скафандр не налезет, — отрезал Ранмакан. Этого патриция он и за патриция не считал. Ранмакан решил все-таки зайти в большой дом и оттуда связаться с мостиком — можно ли ехать?

Капитан взял в каюте у Снежины пачку сигарет. Он курил, и чувствовал, как кружится с непривычки голова, и злился на себя, что оказался слабее, чем сам предполагал и чем предполагали члены экипажа.

— Ранмакан на связи, — сообщил Бауэр. — Спрашивает, не отменен ли визит в город за какой-то плитой.

— А что, договаривались?

— Да. Мы еще вчера для этого выделили грузового робота-тележку.

— Пускай едет. Это ведь недалеко? Мы никого ему не можем дать в сопровождение?

— Больше нет свободных скафандров. Осталось только по одному на членов экипажа.

Ранмакан выслушал все переговоры, кликнул грузового робота-тележку, снабженную тремя парами членистых рук и чем-то вроде головы спереди, и пошел к выходу из купола. Тележка послушно покатилась в трех шагах сзади. Она остановилась перед тамбуром. Ранмакан открыл люк в кладовку со скафандрами и тут вспомнил, что робот в тамбур не пролезет.

— Чего стоишь? — спросил он его. — Разве не знаешь, что тебе в грузовой тамбур надо? Первый раз, что ли?

Тележка ничего не ответила. Она вообще не могла говорить. Кроме того, она привыкла получать приказы, а приказа пока не было.

— Ах ты, тьма тебя раздери! — возмутился Ранмакан. — Отправляйся к грузовому люку, выезжай наружу и жди меня там.

Тележка дала задний ход. Ранмакан закрыл за собой крышку люка. У выхода из купола он вскарабкался на тележку, к ней он привык и пешком ходить не желал.

Ранмакан любил собирать трофеи и таскать их в купол. Ему казалось, пока он искал и выуживал из домов и магазинов когда-то ценные, а теперь никому не принадлежащие вещи, что он берет их себе. Правда, после дезактивации их приходилось сдавать Пирре, главной хозяйке, но и там оставалась возможность удовлетворить гордыню. Иногда Пирра говорила: «Ранмакан, вы гений. Где вы только могли это достать?»

И тогда Ранмакан скромно улыбался и отвечал: «Стоит поискать, и всегда найдешь».

Сейчас Ранмакан ехал на тележке, и настроение у него было совсем не такое боевое, как обычно. Что-то случилось. И это происшествие было связано с поездкой в Горный сад, где когда-то Павлыш нашел следы. Два и два сложить легче легкого. Это Ранмакан делать умел. Не иначе, как профессор встретился там со своими. Но что было дальше? Ничего хорошего. Если бы все было нормально, зачем посылать туда большой катер?

Ранмакан привычно переводил рычаг робота, и тот

полз по улицам. Ранмакан уже привык к виду мертвого Манве. Он по нему не единожды ездил, ходил и даже убегал. Тут ему в голову пришла светлая мысль: теперь же не будет убийств? Как можно судить человека за убийство, если убить невозможно. Хотя, может, оживляющий аппарат заберут себе патриции и никому не будут его давать? А есть еще и другой выход — не просто убивать, а сжигать людей, чтобы и следа не осталось.

Ранмакан остановил робота перед магазином привозных товаров госпожи Вапрас. Витрина магазина была выбита, но в глубине комнаты виднелась большая плита, которую Ранмакан заметил во время последнего визита.

Ранмакан приказал роботу:

— Подожди меня здесь, — и вошел в магазин.

Там вроде ничего не изменилось. Тихо. Так же стоят столбиками вложенные одна в другую миски, так же громоздятся кастрюли... Крыса испуганно метнулась через комнату. В тишине магазина Ранмакану почудилось что-то угрожающее. Ему захотелось убежать к роботу, спрятаться под защиту его длинных рук. Может, включить рацию и связаться с кораблем? И что сказать?

Ранмакан нажал головой на кнопку вызова и произнес:

— «Сегежа»? Я Ранмакан. У меня все в порядке.

— Кто-кто? — спросил резко Бауэр.

— Ранмакан. Я в городе.

— Ах да, совсем из головы вылетело. И как у вас дела?

— Хорошо, — ответил Ранмакан и отключился.

Он не знал, что как раз в этот момент вышел на связь Катер и Баков докладывал о ходе поисков.

Ранмакан обиделся на Бауэра. Ну и злопамятный — даже разговаривать не хочет! Ранмакан оглянулся. Тихо. И все-таки тревожное, сосущее чувство в области желудка не оставляло. Ранмакан вдруг подумал: «Черт с ней, с плитой, найду другую», — и только повернулся, чтобы выйти из магазина, как услышал голос:

— Здравствуй, Ранмакан. Не бойся, не вызывай корабль. Посмотри налево.

Ранмакан обернулся налево, отступая к выходу. Из-за груды кастрюль вышел Бессмертный собственной персоной. Бессмертный, старый друг, сильно изменился — пожелтел, постарел, поредели длинные жирные волосы, но

то же круглое лицо и те же ясные голубые глаза над приплюснутым носиком и толстыми яркими губами. Те же мальчишеские веснушки на носу и на щеках и та же вечная простоватая улыбка.

— Ты узнал меня, Ранмакан? — спросил Бессмертный, подходя ближе. — Приятно встретиться после разлуки.

— Здравствуй, — ответил Ранмакан. — Здравствуйте, господин Бессмертный.

— Только помни, дружище: как только ты нажмешь кнопку связи, я тебя прикончу. — Бессмертный широко ухмыльнулся. — Не бойся, мы же с тобой старые друзья.

Только тут Ранмакан понял, что Бессмертный тоже, как и он, одет в скафандр. Правда, скафандр не облегал его, а болтался широкими прозрачными складками и был похож на старый водолазный костюм. Сходство с водолазом дополняли тяжелые башмаки. Через плечо висел автомат.

— Нам надо поговорить. — Бессмертный жестом радужного хозяина указал Ранмакану на стул. Сам сел на ящик так, чтобы наблюдать одновременно за Ранмаканом и за улицей.

8.

Катер Бакова осторожно опустился на поляну, рядом с пустым «Ежом». Некоторое время никто из катера не выходил. Локаторы обследовали окрестные склоны холмов в поисках подозрительных объектов, биопупы проверили, нет ли поблизости людей, и, только когда Баков полностью убедился, что высадка безопасна, Малыш и Райков перебежали к покинутому вездеходу. Лазер катера повернулся вслед за космонавтами, прикрывая их.

Малыш и Христо Райков взобрались в вездеход. Все там было на местах. Будто покинули его минуту назад.

— Может, какой-нибудь знак, записка? — без особой уверенности спросил Баков.

— Ясное дело, нет.

Решено было поднять катер и перелететь на площадку на склоне холма, двигаясь в том направлении, куда вели следы. Пока катер будет медленно перемещаться по воздуху, под ним по следам пойдут Малыш и Райков.

— Тут они нашли эти цветочки, — говорил Малыш, медленно пробираясь сквозь кустарник. — Христо, будь

другом, сделай два шага в ту сторону и посмотри, нет ли параллельных следов. Нет? Идем дальше. Вот поляна. Ну, как у тебя, Христо?

Баков обернулся к Лешуку.

— Почему не слышен Христо?

— Одну минутку.

Голос Христо раздался в кабине.

— Они здесь ждали, — говорил Райков. — Несколько человек. А потом побежали в твою сторону. Видишь?

— Вижу, — ответил Малыш. — Следы глубокие.

— Отсюда, из кустов, вездеход виден? — спросил Баков.

— Сейчас посмотрю. Нет, не виден.

— Ага, они надеялись, что Антипин не заметит. Потом они оттащили Кори и Снежину в кусты и ждали Антипина. Видно, слышали, что он бежит. Так попасться!

— Он никогда не воевал, — заметил Девкали.

— Все равно, ему же говорили... Следуйте дальше.

Сверху было видно, как две фигуры в скафандрах появились из кустов и начали взбираться на холм.

— Хуже видно, — сообщил Малыш. — Но видно.

Фигурки вступили на светлую полосу каменной осыпи. Катер чуть обогнал их и спустился на площадку, в стороне от их пути. Обе головы показались над краем площадки. Разведчики поравнялись с катером. Малыш поднял руку и помахал ею.

— Может, вас сменить? — спросил Баков.

— Зачем? Вот только следы потеряли на осыпи.

Христо, который обогнал Малыша, сказал:

— Посмотри-ка, здесь мох, и снова видно.

Малыш подошел к нему поближе.

— Правильно идем. Только бы дождь не начался. Нам бы собаку.

— Под куполом есть одна, — напомнил Христо.

— Она без скафандра подойдет.

Разведчики поднимались все дальше и удалялись от катера. Вот их заслонил большой камень, потом они появились снова. Баков не хотел выпускать их из виду.

— Подними корабль, — велел он Лешуку. — Поищем другую точку для посадки.

Катер взмыл вверх, и разведчики опять стали хорошо видны.

— Следов нет, — констатировал Малыш. — Камни пошли.

Разведчики остановились перед узкой ложбиной.

Сверху было видно, как ложбина сужалась, превращалась в расщелину, терялась среди обломков скал.

— Нам тут за ними будет трудно наблюдать, — сказал Баков.

— Другого выхода нет, — заметил корона Аро.

— Идите, — разрешил Баков Малышу. — Только очень осторожно. Кто-нибудь может прятаться за скалами.

Разведчики поднимались медленно. Сверху казалось, что они топчутся на месте — подъем был довольно крут и в скафандрах идти нелегко.

Малыш и Райков забрались в верхнюю часть расщелины, где стенки почти смыкались у них над головами, и Баков уже приготовился спуститься еще ниже, чтобы зажечь прожектор, как Малыш проговорил:

— Пещера.

— Не входите туда.

— А мы и не входим. Что делать дальше?

— Возвращайтесь назад, — приказал Баков после паузы.

— Зачем? — спросил Малыш. — Все равно придется идти в пещеру.

— Но не вдвоем. Пойдет еще доктор...

— И я, — вызвался Девкали. — Я могу пригодиться.

— И Девкали, — подтвердил Баков. — Готовьте прожектор.

Обратный путь по расщелине занял куда меньше времени. Минут через десять Малыш с Райковым, запыхавшиеся, забрались обратно в катер, а тем временем Баков связался с «Сегежей» и рассказал о событиях.

На самой «Сегеже» ничего не произошло. Лишь Ранмакан вернулся с большой плитой, чем привел в восторг женщин.

9.

Малыш, доктор, Девкали и Райков поднялись ко входу в пещеру. За ними шел робот, тащивший большой прожектор и стационарный геологический лазер. Катер снова взмыл в воздух и повис над ложбиной.

Вход в пещеру был почти круглым, и его можно было

наместить, только подойдя вплотную: дыру прикрывала скала. Малыш включил фонарь на шлеме и посветил внутрь. Луч ушел в темноту и рассеялся там.

Малыш наклонился и осветил нижнюю кромку лаза. Кромка исцарапана. Некоторые из царапин были совсем свежими.

Малыш, пригнувшись, нырнул в лаз. Как только темнота охватила его, он прижался к стене — лаз сразу за входом расширился. Малыш прислушался. Ничего подозрительного. Горизонтальный столб света врывался в пещеру и растворялся в темноте. Через несколько секунд свет пропал — что-то темное заслонило вход: Павлыш толкнул Малыша и встал рядом. Он быстро дышал и спросил шепотом:

— Ничего не заметил?

— Все в порядке. Дурачье мы. Если бы они хотели, то перестреляли нас, как цыплят. Я пойду чуть вперед.

Малыш, нащупывая стенку перед собой, сделал несколько шагов в глубь пещеры. Когда отверстие лаза уменьшилось и стало белым глазом в громадном мире тишины и темноты, Малыш остановился и включил фонарь. Луч скользнул по неровной стене, оторвался от нее, выхватил где-то вдали скалу, пробежал, как палка по забору, по зубцам сталагмитов и уперся в противоположную стену. Второй луч — фонаря Павлыша — совершил такое же путешествие и также уперся в стену.

— Райков, — крикнул Павлыш, — заносите с Девкали прожектор.

Белый глаз входа исчез — Райков с Девкали помогали роботу втаскивать тяжелый прожектор.

— Включать? — спросил наконец Христо.

— Да. Дайте максимальное рассеивание.

На месте белого пятна появился красный свет, он ширился и разгорался, белел и с каждой секундой захватывал все большую часть пещеры, расцвечивал сталагмиты и сталактиты, отразился в черной воде озера в глубине зала и, наконец, добрался до дальней, метрах в трех-стах, стены.

Пещера была пустой.

Девкали с Райковым остались у прожектора. Малыш и доктор вышли на середину. Пещера была невысока — метров десять — и показалась Павлышу похожей на чердак в старом доме, захламленный сундуками, поло-

манными кроватями, лыжами, не нужными до зимы, — чердак, таящий в себе загадки и находки, невиданные, пока глаза не привыкнут к пыли и полутьме, вечно царящей там.

Вернувшись к прожектору, разведчики разделились: Павлыш пошел вдоль левой стены пещеры. Цыганков — вдоль правой. Путешествие было долгим и трудным: у стен громоздились камни, сталактиты тянули к разведчикам длинные ломкие шербатые зубы, и приходилось останавливаться у каждой трещины, у каждой впадины, чтобы не пропустить вход в следующий зал пещеры.

Тишину нарушали только резкие возгласы разведчиков. Малыш приговаривал время от времени: «А вот такого кристаллика я еще не видел». Или: «Ты мне не грози, я тебя обломаю». Малыш вообще любил разговаривать с предметами неодушевленными — привычка эта выработалась у него за долгие годы общения с приборами в рубке связи. Павлыш молчал. Райков иногда переговаривался с Баковым: он коротко сообщал, что все в порядке, ничего подозрительного не найдено.

Минут через десять доктор встретился с Малышом у дальнего края зала. Пещера была замкнутой — выхода из нее не было.

Глава седьмая

ПОДЗЕМЕЛЬЕ

1.

Баков ошибся. Антипин никуда не выходил из вездехода, не предупредив об этом «Сегежу». Все было куда проще.

Когда Снежина с профессором увидели с делянок цветы в кустарнике и полезли по склону холма, чтобы размядеть их, Антипин ни на секунду не упускал их из виду и даже поддерживал со Снежиной разговор.

Потом, когда Снежина и Кори отошли поглубже в кустарник и скрылись среди ветвей, Антипин подогнал вездеход к кромке кустарника, откуда начинался путь на холм. Ему пришлось для этого отвернуться от своих товарищей, но это его не очень беспокоило, потому что он слышал, как Снежина разговаривала с профессором.

Люк вездехода был открыт, и, остановив машину, Антипин высунулся по пояс наружу, чтобы сверху получше разглядеть, насколько далеко отошли товарищи от вездехода. Он увидел, как поблескивают их скафандры, и хотел было спуститься обратно, но ему показалось, что кусты за спиной профессора шевелятся. Они могли шевелиться и от ветра, но Антипин обеспокоился и, опершись руками о края верхнего люка, подтянулся повыше.

И в этот момент человек, неслышно взобравшийся на гусеницу вездехода, схватил Антипина сзади за шею и сильно рванул на себя. Не ожидавший нападения Антипин потерял равновесие и вывалился из люка. Он попытался дотянуться ногой до кнопки тревоги, но промахнулся. Антипин терял сознание — сильные руки

перехватили мягкую ткань скафандра у горла, и он захрипел... Последнее, что услышал, был голос Снежины:

— Что с вами, Иван Филиппыч?

В ту же секунду еще трое выскочили из кустов и накиннулись на Снежину и профессора, повалили их на землю и скрутили.

Напавшие велели пленникам подняться. Снежина встала и тут только разглядела, что это лигонцы, одетые в антирадиационные скафандры с большими прозрачными шлемами, похожими на те, что надевали когда-то водолазы. Из-под скафандров виднелись военные мундиры. Нападающие были вооружены автоматами и короткими мечами на португезах.

— Кто вы? — спросила Снежина по-лигонски.

— Молчи, — оборвал солдат. Голос его звучал глухо и неразборчиво. Их шлемы не были приспособлены для ближней связи.

Профессор Кори не мог встать — сильно ударили по спине, когда он попытался сопротивляться. Он сидел, закрыв глаза, и часто, хрипло дышал.

Один из солдат достал из кустов зеленый ящик — походную рацию, — вытянул антенну, поднес микрофон к самому шлему и начал говорить по-лигонски.

Кусты зашуршали, и показались еще два солдата — они тащили за ноги Антипина. Шлем механика подпрыгивал, ударяясь о камни, и голова с закрытыми глазами моталась внутри шлема безжизненно и вяло.

— Что с ним?

Снежина рванулась к Антипину, но один из солдат толкнул ее, и она упала. Вновь пришедшие бросили Антипина рядом со Снежиной и заговорили между собой.

— Не беспокойтесь, он жив, — тихо сказал профессор.

— Слушаюсь, — произнес в микрофон солдат, и нападающие заторопились.

Двое потащили Антипина, один взвалил на плечи легонького старика. Снежине велели подняться, и четвертый солдат шел сзади, подталкивая ее в спину дулом автомата. Пятый замыкал процессию. Он нес рацию.

Уже поднимаясь по каменистой расщелине, Снежина обернулась и увидела в небе блестящую точку — точка снижалась над Горным садом. «Разведдиск», — подумала она и подняла руку. Солдат больно ударил ее автоматом между лопаток и выругался. Нет, диск их не заметил.

Солдат приказал повернуть вправо, и Снежина заметила лаз в пещеру. Солдаты втащили туда Антипина и Кори, Снежина вошла сама.

— Вперед, вперед, — глухо сказал солдат.

2.

Солдаты привычно шли в полной темноте — видно, дорога была им хорошо знакома. Снежина старалась считать шаги, но скоро сбилась. В полной темноте быстро теряешь ощущение реальности. Темнота скапливалась вокруг, давила, и Снежина никак не могла отделаться от ощущения, что сейчас она ударится обо что-то головой. Она шла, нащупывая ногой пол, и солдат все время ругался сзади и толкал в спину дулом автомата. Наконец остановились.

Внизу что-то загудело, потом в полу показалась узкая освещенная полоса. Она ширилась и превратилась в люк входа, крутыми ступенями уходящего вниз. Пленников втащили внутрь, и Снежина, подняв голову, увидела, как каменная плита вернулась на свое место, наглухо отрезав их от пещеры.

Вперед уходил длинный, тускло освещенный коридор. Теперь солдаты не спешили: они были дома.

Они разговаривали громче, смеялись и вспоминали, как ловко удалось провести операцию.

Остановились перед стальной дверью. Солдат нажал кнопку, и дверь медленно отъехала в сторону. За ней обнаружился большой тамбур. Как только закрылась внешняя дверь, сверху ударили струи душа. «Так, — подумала Снежина, — они предохраняют себя от радиации». Душ прекратился. Солдаты снимали скафандры и, скользя по каменному полу, развешивали их в нишах.

— Раздевайтесь, — приказал один из них Снежине.

Снежина подчинилась. Кори не мог справиться со скафандром сам, и Снежина пришла ему на помощь. Потом помогла солдатам раздеть Антипина.

Открылась внутренняя дверь, и за ней обнаружился такой же коридор, только чуть лучше освещенный. За столом у входа в коридор сидел еще один военный. Автомат висел над ним на крюке.

По одну сторону коридора шли одинаковые серые двери. Другая была глухой. Солдаты доставили пленников к

третьей двери по счету. Внутри была вырубленная в скале комната с гладким цементным полом. На полу лежала грудa тряпья.

Дверь захлопнулась, и ржаво заскрипел засов. Под толчком светилась вполнакала лампочка. Горела она неровно, видно, барахлил движок.

Снежина подошла к двери и ударила по ней кулаком. Дверь отозвалась гулко и протяжно.

По каменному полу коридора зацокали шаги. Остановились перед дверью. «Глазок» отодвинулся, и тот военный, что сидел за столом в коридоре, спросил:

— Что надо?

— Воды, — сказала Снежина. — И поскорее.

— Не умрете, — ответил равнодушно военный и ушел.

Снежина слышала, как чиркнули по полу ножки отодвигаемого стула. Военный снова устроился на своем посту.

«Ах, так! — подумала Снежина. — Ну, ты от меня просто не отделаешься». Она ударила кулаком по двери и прислушалась, как колокольным звоном звук удара понесся по коридору. Военный не реагировал. Снежина ритмично ударила по двери так, чтобы звук удара накладывался на умирающий звон предыдущего, потом сменила темп и выстукала пулеметную очередь.

С другой стороны коридора кто-то подошел.

— Что случилось? — спросил новый голос у дежурного. Тот сказал:

— Воды просят.

— Чего же не дал?

— Не умрут.

— Принеси воды, полковник будет ругаться. Они ему нужны. Я за тебя посижу.

Военный выругался, но ушел. Через пять минут дверь приоткрылась, и военный сунул Снежине квадратную консервную банку. Банка протекала.

— Пей.

Снежина напоила Антипина. Тот открыл на секунду глаза, хотел сказать что-то, но снова потерял сознание. Снежина нагнулась над профессором:

— Вам плохо?

— Ничего, скоро пройдет, — успокоил профессор. — Механику лучше?

— Да.

— Это я во всем виноват. Проклятая старческая память. Еще до моей смерти в этих горах что-то начали строить. Только не на этом склоне — за перевалом. Я забыл. Надо было предупредить капитана.

— Я думаю, у них там должен быть другой выход, — сказала Снежина. — Если это военная база, то нас проведут через секретный вход, запасной.

— Вы правы, — проговорил Кори, морщась от боли. — Это военные. Они предусмотрели такую возможность. И не-таки полтора года просидеть в этой норе...

Антипин застонал и повернулся на бок. Он пытался встать.

— Лежите, Ваня.

— Мы попали... в засаду?

— В капкан, — заметил профессор. — Очень глупо попались в капкан.

— Черт возьми! Голова разламывается. Как они нас взяли? Я, помню, высунул, чтобы посмотреть, и потом меня кто-то начал душить.

— Этого достаточно. Единственное утешение, — сказал Кори, — они нас не убили сразу.

— И вообще положение не так уже плохо, — произнесла с наигранным оптимизмом Снежина. — Теперь мы знаем, где они скрываются, и войдем с ними в контакт.

— Тише, — остановил Кори. — Идут.

По коридору стучали сапоги.

Дверь открылась. В коридоре стоял высокий военный в мундире, украшенном золотым шитьем с блестящими пуговицами на правом плече.

— Вы можете пройти ко мне? — спросил военный. — Здесь нам будет неудобно разговаривать.

Снежина хотела ответить, но Антипин перебил ее.

— Если мне помогут, то я доберусь. Далеко идти?

3.

— Я бы не стал вас беспокоить, если бы не срочность, — начал высокий военный, когда пленники устроились в потертых кожаных креслах его кабинета.

Кабинет, как и камера, был вырублен в скале, но строители постарались придать ему некоторую видимость уюта. Стены до высоты груди были закрыты деревянными панелями, а пол устлан пластиковым ковром.

— Я приношу извинения за некоторую грубость, которую позволили по отношению к вам мои подчиненные. Но поймите правильно: в их распоряжении были минуты, и операцию они провели быстро и точно.

Снежина наконец разглядела военного как следует. Он был чем-то похож на борзую во время линьки — так же поджар, быстр и чуть неопрятен. Однако нелады с внешним видом — неаккуратно заштопанный рукав мундира, неровно подстриженные виски, чернота под ногтями — не сразу бросались в глаза. На груди у военного висела черная коробочка. Обычного стандартного лингвиста «Сегежа».

— Зачем было нас хватать и тащить? — спросил Антипин. — Мы бы и сами пришли к вам. Мы давно ищем с вами встречи.

— Вы хотите сказать, что подозревали о нашем существовании?

— Да. Несколько недель назад наша группа обшарила свежие следы в Гориом саду.

— Ну вот, теперь все хорошо кончилось, и мы встретились, — сказал военный. — Разрешите представиться, генерал Вапрас из Манве. Может быть, слышали? Скажите мне: зачем вы нас искали?

— Как так — зачем? Надо же встретиться, — удивилась Снежина. — Ведь мы всю планету перерыли в поисках живых людей.

— Не все сразу, — остановил ее генерал. Он пригладил сравнительно ровный пробор и повторил задумчиво: — Не все сразу. Сначала я буду задавать вопросы. Это моя специальность. До войны я был шефом разведки.

— Ах да, как же, теперь я вспомнил, — проговорил профессор Кори. — Вы приказали сжечь живьем восьмерых студентов. Тогда была демонстрация в университете, и вы объявили зачинщиков шпионами пь.

— Возможно, они и были шпионами, — так же задумчиво сказал генерал. — В любом случае приближалась война, и мы не могли допустить демонстраций. А откуда вы обо мне знаете? Вы лигонец?

— Да, — сказал профессор. — Кори из Лигона. Ботаник.

— Конечно, я должен был сразу догадаться. Вы отли-

идетесь от них... А откуда вы прилетели к нам? — обратился он к Снежине и Антипину.

Сразу как-то никто не ответил. Снежина посмотрела на Кори. Кори на Антипина. Не оттого, что отвечать не хотели, просто в каждой группе всегда находится один, который отвечает на вопросы и принимает решения.

Генерал воспринял эту заминку как нежелание отвечать. Он чуть наклонил влево голову. Ждал. В генерале боролись разноречивые чувства. С одной стороны, надо было обращаться с пришельцами порезче — взять их на испуг. Время не ждало: каждую секунду их товарищи могли найти пещеру, а там и, если им повезет, подземный ход на базу. Но генерал не знал еще силы пришельцев. Его не оставляла, в общем, не достойная генерала мысль о том, что эта черноволосая женщина может прогнуть к нему указательный палец и из пальца вырвется струя смертельного огня. В каком-то боевике довоенных времен генерал читал об этом. Там были пришельцы, опускающиеся на Муну, и нашелся генерал, который возглавил борьбу против пришельцев и чуть не погиб, когда один из них выстрелил в него из пальца. Правда, в том романе пришельцы были не похожи на людей. У них было по четыре руки, и морды их были подобны драконьим.

В комнату вошел, постучавшись, солдат и прошептал на ухо генералу, что над расщелиной крутится корабль, который высадил на землю двоих в скафандрах.

— Ничего не предпринимать. Снять посты, — приказал генерал. Потом посмотрел сухо на пленников и повторил вопрос: — Откуда вы к нам прилетели?

— Мы прилетели из Галактического центра, — ответил Антипин.

— Для чего?

— Наблюдатели в центре заметили, что на вашей планете прошла атомная война.

— Что такое Галактический центр?

— Трудно объяснить. — Антипин поморщился: голова прямо разламывалась.

— Выпейте воды. — Генерал протянул Антипину стакан.

— Галактический центр, — продолжал Антипин, отпив глоточной воды, — это содружество цивилизаций, планет, которые достигли определенного уровня развития.

— А если не достигли?

— Тогда они не знают о существовании Галактического центра. Каждая цивилизация проходит в своем развитии опасный этап, когда средства разрушения, средства войны уже достигли такого уровня, что с их помощью можно вообще уничтожить жизнь на планете. Обычно разумные существа сами преодолевают этот опасный момент.

— А если нет?

— Если нет, тогда случается то, что было с вами. В истории Галактики зарегистрирован еще один такой же случай. Но на ту планету экспедиция центра прилетела через несколько сот лет после ее гибели. Большинство же галактических цивилизаций уже перешагнуло через барьер самоуничтожительных войн.

— Почему?

Вопросы генерала были отрывочны и коротки. Ему хотелось добраться до сути дела, но его задерживало собственное любопытство. Ответы Антипина не разъясняли еще ни силы прилетевших на Муну пришельцев, ни возможностей их в военном отношении, однако отказаться от общей информации генерал не мог. Необъятность космоса скрывалась за словами Антипина, пугающая необъятность космоса, в котором не находилось места лигонскому генералу.

Антипин вздохнул. Он был не мастер говорить, хотя старался делать это так же, как на его месте капитан или Павлыш, — обстоятельно и доступно.

— Галактика, где мы живем, родилась, по космическим масштабам, недавно. Те звездные системы, в которых могла образоваться жизнь, развивались почти одновременно. Разница в столетиях. Например, мы...

— Кто это «мы»?

— Наша планета, с которой мы родом, Земля. Мы вступили в Галактический центр несколько лет назад.

— У вас есть атомное оружие?

— Нет.

— Почему? Не изобрели? Не смогли?

— Наивный вопрос. Атомное оружие — наше прошлое. Оно было. Его уничтожили, когда поняли наконец, что обладание им приведет в конце концов к всеобщей гибели.

— Сами догадались?

Генерал не верил Антипину. Снежина поняла это по тому, как сузились его светлые фарфоровые глаза.

— Конечно, сами. Галактический центр тогда еще о нас не знал.

— И у вас была атомная война?

— Была большая война, в которой употребили две атомные бомбы. Потом их еще много лет взрывали на испытаниях, и армии накапливали оружие.

— Итак, — подытожил генерал, — вы узнали, что где-то идет война, и поспешили, чтобы помешать ей. Я вас правильно понял?

— Почти. Мы знали, что война кончилась. Что люди погибли. Но мы надеялись спасти хотя бы часть людей.

— Зачем?

— Чтобы они жили. Чтобы жила ваша планета.

— А вы спросили нашего разрешения?

— Чьего?

— Разрешения законного правительства Лингона.

— Его не существовало.

— Мы существовали — я тому наглядный пример.

Антипин даже не смог сдержать улыбки.

— Что же это за правительство, — спросил он, — которое прячется в пещере после того, как допустило, чтобы планета погибла? И как мы могли узнать, что вы живы? Мы тщательно скрывались.

— Не мы виноваты в том, что планета погибла. Смертельный газ пустили пьи. Наши враги. Варвары.

— А вы взорвали все их города. Еще до того, как они применили газ.

— Пьи — звери и убийцы, — настаивал генерал, и Снежине показалось, что он в тот момент верил своим словам. — Пьи придумали себе живого бога, и поклонялись ему, и приносили в жертву людей. Вы об этом не знали? А впрочем, сейчас разговор не о том. Вы уверяете, что пришли к нам, чтобы помочь планете. А потом?

— Зачем вам это? — Антипин устал, но нельзя было показать свою слабость. Он понимал, что генерал проявление любой слабости воспримет как собственную силу. Но еще оставалась возможность договориться, как-то понять друг друга. И пренебрегать этой возможностью было нельзя.

— Я еще не знаю, зачем. Я недостаточно знаком с вами. Но не пытайтесь меня уверить в том, что вы фи-

лантропы. Ладно. — Генерал встал. — Меня теперь интересуют некоторые конкретные детали. Они мне нужны не ради любопытства, и я хотел бы, чтобы вы отвечали на мои вопросы искренне, коротко и быстро. Время не ждет.

Если бы генерал не сделал этого предупреждения, Антипин продолжал бы откровенно отвечать на все вопросы. Но по тому, как изменился тон генерала, по тому, как он встал и прошелся по кабинету, Антипин понял, что общий разговор закончен. Или перенесен на будущее. Начинаясь допрос. И допрос вел начальник разведки, который уже давно на этом специализировался.

— Я все время отвечаю искренне, — пожал плечами Антипин.

— Хорошо. Вопрос первый: сколько вас на корабле?

Антипин открыл было рот, чтобы ответить, но Снежина, не скрываясь, наступила ему на ногу. Антипин посмотрел на нее.

— Не отвечай, — сказала Снежина, увидев, что генерал заметил ее движение.

Генерал улыбнулся и нажал кнопку на столе. Он уже понял, что пришельцы не умеют стрелять из пальца.

— Уведите женщину, — приказал генерал вошедшему солдату. — И этого старика. И посадите их отдельно, чтобы не переговаривались.

Когда тех увели, генерал снова обратился к Антипину.

— Надеюсь, с вами мы договоримся. Ваши спутники не могут отвечать за свои действия и не могут понять всей серьезности ситуации, в которой они оказались. Если вы говорили правду, то вы давно не воевали. А военное дело, как и дело разведчика, требует профессионализма. Если в нем не упражняться, то можешь проиграть битву слабому противнику. Вы не профессионалы. Я профессионал. Значит, вам придется подчиниться.

— Я согласен отвечать на вопросы, — сказал Антипин. — Но я тоже буду задавать вопросы. И сначала самый главный: зачем вам все это нужно?

— Что?

— Зачем вам нужно было нас похитить? Зачем нужно было тащить сюда? Зачем допрашивать и грозить, зачем хвалиться профессионализмом? Ведь, в конце концов,

мы никогда не старались скрыться от вас, не отказывались от переговоров и не отказываемся теперь.

— Откуда мы знаем, что вы говорите правду? Поставьте себя на мое место. — В голосе генерала прозвучала застарелая тоска. — Мы уже много месяцев живем в подземелье. Мы на это не рассчитывали. Еще хорошо, что найденная нами пещера надежно предохранила нас от радиации, а подземное озеро в пещере оказалось достаточным источником воды. Я уверен, что нигде больше на Муне таких условий не найти.

— Да, больше людей нет, — согласился Антипин. — По крайней мере, мы не обнаружили их следов.

— Для того, чтобы выжить, пришлось избавиться от лишних ртов, — медленно произнес генерал.

— Вы убили своих же?

— Сначала в пещере было втрое больше людей. И даже несколько политиков — патриции, министры. Их мы ликвидировали. Это суровая необходимость. Если бы не победили сильнейшие, умерли бы все. И тут мы узнали, что к нам прилетели гости. Мы следили за вами. Несколько недель. Теперь решили действовать.

— Почему таким образом? Не лучше ли связаться с нашим кораблем? Поговорите с капитаном или представителями Галактического центра.

— Мы предпочитаем разговаривать, диктуя свои условия. Мы вам не верим и никогда не поверим в этот сладкий бред о помощи погибшей планете. Давайте будем честны: вас интересуют наши шахты? Наши города? Наши произведения искусства? Наши поля? Что?

— Все нас интересует, — сказал Антипин (как голова полит!), — и города, и поля, и люди, но для вас же самих.

— Чепуха, — отрезал генерал убежденно. — Даже меня не интересуют судьбы этих людей. Но я не могу выжить один. Поэтому живем вместе. Как видите, я открыт и надеюсь, что вы будете откровенны в ответ. И поэтому я спрашиваю: сколько у вас людей на корабле?

— А сколько у вас здесь?

— Это не ответ. Предупреждаю, у меня в запасе есть меры воздействия, о которых вы и не подозреваете. Как вооружен корабль?

Антипина втащили в камеру два солдата и бросили на пол. Половину его лица покрывал большой кровоподтек. Антипин громко скрежетал зубами, так громко, что Снежине показалось, будто зубы крошатся.

— Не подходить, — сказал один из солдат Снежину, кинувшейся было к механику. — Иди. Твоя очередь.

И он потянул Снежину к двери.

Входя в кабинет, Снежина внутренне сжалась. Шутки кончились. Незнакомцы оказались врагами. Но если они враги, то и кораблю и куполу грозит опасность. Гибель. Снежина не слышала, что говорил генерал Антипину о профессионалах, но понимала, что находится в руках людей, чья профессия — убийство.

— Ну вот и вы. — Генерал почти радушно поднялся из-за стола. — Надеюсь, вы успели взглянуть, до чего довело вашего спутника упрямство. Для начала я хочу сказать, что ваше положение безнадежно. Совершенно безнадежно. Ваши товарищи пытались вас найти, но ничего из этого не вышло. Больше того, только сейчас я узнал, что они находятся в переднем зале пещеры и оттуда вряд ли выйдут. Хотите полюбоваться?

Генерал раздвинул шторы рядом со столом, и там обнаружился маленький экран телевизора. Генерал включил его. На экране появилось нечеткое черно-белое изображение большого темного помещения, освещаемого одним прожектором. Посреди него стояла кучка людей в скафандрах. Снежина подошла к экрану. Скафандры были знакомы.

— Ваши товарищи, — повторил генерал, — находятся в той пещере, сквозь которую вас провели сюда. Они еще раз показали, что их нельзя назвать профессионалами. Они в ловушке. А как это делается, я вам сейчас покажу.

Генерал нажал кнопку, и Снежина увидела, что фигурки на экране повернули головы в сторону прожектора. Что-то случилось там, в пещере. Вот они бегут в тот конец пещеры...

— Небольшой обвал, — произнес спокойно генерал. — Вход, через который они прошли, обрушился. Им не выйти. — Генерал выключил экран. — Дальнейшее зависит от вас, милая девушка. Вы отлично понимаете, что

мы можем контролировать каждый шаг четырех человек, находящихся в пещере. Мы можем убить их, если понадобится. И ничто на свете не вернет их к жизни.

Снежина молчала. Очевидно, генерал еще не знает об аппаратуре короны Вас. Наверное не знает. Да и вообще они не могут знать многого. Видеть корабль они видели. Генерал все время употребляет это слово. Очевидно, видели и купол, но подобраться ближе не смогли. Так что же им в конце концов надо? Голос генерала был ровен и бесстрастен. Может, виной тому был лингвист, который не умел передавать интонации. И снова вопрос:

— Сколько вас на корабле? Чем он вооружен?

Удивительно ограниченные мысли этого человека. Он воспринимает корабль как противника и только как противника. Он хочет с ним воевать. Он хочет победить его.

— Вы полагаете, что война с вами безнадежна? — говорит генерал. — Вы полагаете, что за вами стоит могучая цивилизация, которая придет на помощь. Ну, допустим, мы переоценили свои силы, допустим, помощь придет. Но вам-то что до нее? Вас к тому времени не будет.

— Мы не собираемся ни с кем воевать, — отвечает Снежина. — Мы не собираемся никого уничтожать. Неужели вы не понимаете, что мир может быть ступенью выше, чем тот, в котором вы живете? Да, мы мощнее вас, очевидно, мы могли бы уничтожить и вас и вашу планету...

— Вот это уже разговор, — кивнул генерал. — Не прошло и часа, как и вы, миролюбивые и кроткие, заговорили об уничтожении. Это заложено в каждом человеке, надо только поглубже копнуть.

— Опять вы не дали мне договорить и перетолковали нас, как хотели, — сказала Снежина. — Да, мы могли бы это сделать. Но этого не случится. Это немисливо, вы понимаете: немисливо.

— Каждое живое тело, каждый организм обладает инстинктом самосохранения, — возразил генерал. — Это я учил еще в школе. Организм, лишенный инстинкта, погибает.

— Война — не обязательная часть этого инстинкта.

— А если на вас напали? Если на вашу планету нападут враги? Вы их кормите сладкими булочками?

— Мы будем защищаться. Но повторяю, что эти враги

не могут быть разумными. По крайней мере, такого еще не было.

— Я разумен. И я сейчас скорее ваш враг, чем друг.

— Вы уничтожили себя раньше, чем научились строить межзвездные корабли.

— Мы себя не уничтожили. Мы уничтожили остальных. Итак, в ваших руках судьба ваших товарищей. Они сейчас сидят в пещере и не могут выйти. Я подозреваю, что за последний день ваш капитан недосчитался лучшей части своего экипажа. Ваш корабль вооружен?

— Да.

Снежина говорила правду. Корабль был оборудован средствами защиты от сил природы, от неожиданностей дальних планет. Значит, если нужно, он мог защитить себя и от врагов.

— Уже лучше. Расскажите, какое это оружие.

— Честно говоря, я не специалист. Я прохожу практику на нашем корабле.

Снежина говорила не спеша. Главное сейчас — время. На «Сегеже» найдут возможность освободить людей из пещеры. Каждая минута была чистым проигрышем для генерала в войне, которую Снежина вела здесь, под землей, в первой и последней войне, в которой ей приходилось принимать участие.

— Существует ли пароль, с помощью которого можно проникнуть на корабль? Я не сомневаюсь, что он существует. Не делайте удивленных глаз.

Генерал включил экран телевизора. Маленькие фигуры в скафандрах столпились у прожектора и старались что-то сделать с камнями, завалившими вход.

— Еще минута — и их не будет в живых. Мне нечего терять. Вам их должно быть жалко. Все-таки вы же филантропы.

— Да я вам честно говорю, поверьте раз в жизни! — возмутилась Снежина. — У нас нет никаких паролей...

Она в самом деле говорила искренне. И не ее вина, что генерал не мог понять. Они говорили на разных языках, хотя и пользовались формально одним. Каждый человек судит других по тем меркам, в которых сам воспитан, и оценивает их поступки по себе. Возможно, разговаривая Снежина с представителем куда более высокой, чем земная, цивилизации, с представителем цивилизации послетехнической, мысли ее и стремления

показались бы собеседнику примитивными и не всегда объяснимыми. Может быть, и Снежина не поверила бы ему в чем-то, как не верил ей генерал Вапрас. Снежина не была наивной и не знающей прошлого девушкой, как изображают порой людей будущего в фантастических романах. Она отлично знала историю Земли и ясно представляла, что говорили и что делали со своими жертвами инквизиторы или гестаповцы. Но когда сталкиваясь лицом к лицу с далеким прошлым, даже отчасти знакомым, чувства отказываются воспринимать реальность. Все происходящее представляется нереальным, кошмарным, но с этим надо бороться. Потому что, если не бороться с прошлым, оно может победить. На время, на каком-то ограниченном участке мира, но может. И потом исправлять ошибки куда сложнее, чем совершать их.

— Если бы я знала, что вам нужно, — сказала Снежина с отчаянием. — Если бы я знала! Но вы ведь задаете вопросы, не объясняя ничего. Вы хотите воевать с нами? Это же нелепо, вы сами понимаете.

— Может быть, я со временем объясню вам, чего я хочу, но прежде вам придется все-таки рассказать, как попасть на ваш корабль. И когда будете отвечать, смотрите на экран. В вашем распоряжении три минуты.

В этот момент в комнату вошел солдат и, наклонившись к генералу, тихо проговорил:

— Бессмертный вернулся. Важные новости.

Бессмертный, Бессмертный... Где же Снежина слышала это имя? От Кудараускаса? От Девкали?

— Та-ак. Уведите женщину.

Когда Снежина шла по коридору в свою камеру, она вдруг подумала: «А откуда у генерала лингвист? Генерал был на корабле? Или кто-то из его людей? Может, он и сейчас там? Тогда для чего все эти вопросы?»

5.

На мостике «Сегежи» все собрались у экрана.

— Время добродушных шуток кончилось, — сказал корона Аро. Он первым произнес эти слова, которые рано или поздно кто-то должен был сказать. — Завал произошел не случайно. Все мы это знаем. Связь с теми, кто остался в пещере, прервана. Я предлагаю немедленно

погрузить в корабль всех, кто живет в куполе. В корабле безопаснее. В случае, если наши товарищи погибли, лететь обратно. Без совета с Галактическим центром мы ничего предпринимать не можем.

Бауэр обратил внимание на то, как хорошо научился говорить корона по-русски. Мысль не имела никакого отношения к делу, и Бауэр попытался отогнать ее. Бауэр был не согласен с короной Аро. Вроде бы все слова на месте, но в то же время согласиться никак нельзя.

— Может, обвал был естественным? — спросил он.

— Все равно пробиваться час-два, — проговорил Кудараускас.

— Что вы скажете? — обратился капитан к шахтеру Ренци, который до сих пор сидел в углу и мрачно молчал.

— Я думаю, — начал Ренци медленно, — ваши люди и Кори попали в руки к военным. Как те остались живы, не понимаю. Наверно, была ракетная база в скалах. Надо бы найти документы. Обыскать министерство войны в Лигоне. Там могут быть ее планы. Вряд ли пещера — единственный вход. Он слишком маленький.

— Некогда, — напомнил корона Аро. — Надо пробиваться в пещеру. Если наши товарищи погибли, немедленно эвакуировать всех, кто захочет с нами лететь. Решать будет Галактический центр.

— Пожалуй, Ренци прав, — решил капитан. — У нас есть спасательный катер. Полет на нем в министерство войны займет меньше часа.

— Я могу полететь, — предложил шахтер. — Так что нужен будет только один из вас, который поведет машину.

— Я полечу, — сказал Бауэр. — Останется Кудараускас.

— Я согласен с Ренци, — произнес капитан, — придется срочно поднять архивы министерства обороны. Бауэр, распорядитесь, чтобы на ракету погрузили малый Мозг. Без него вам не управиться.

— Да, — коротко ответил Бауэр и, включив внутреннюю связь, отдал распоряжение роботам.

— «Сегежа», «Сегежа», я катер, — раздался на мостике голос Бакова. — Режем лазером скалу. Работы еще часа на два. Связи с Павлышом нет.

Капитан пошел было к двери вслед за Бауэром и Ре-

мци, но остановился, поглядел на корону Аро и добавил шахтеру:

— Ренци, перед тем, как уедете, скажите вашим, чтобы были готовы к посадке на корабль. На всякий случай. Осторожно скажите, без паники. Сможете?

— Смогу. — Ренци печально усмехнулся. — Мы привыкли убегать в бомбоубежища.

6.

Прожектор работал. Это был автономный аппарат, не связанный с роботом. Малыш и Девкали откатили его подальше от входа.

— Попали в ловушку, — произнес Малыш. — Как детишки, попали. Не нужно быть разумным существом, чтобы закрыть эту дырку. Муравьи и те бы нас завалили. Чтобы потом съесть. С потрохами.

— Не паникуй, Цыганков, — остановил его Павлыш. — Пока еще ничего не случилось. Мы сейчас ближе к нашим, чем были раньше. Завал нам самим не пробить?

— Нет, — отозвался Райков. — Не пробить.

Темнота и тяжесть пещеры действовали на него подавляюще. Он говорил тихо, почти шепотом.

— Громче, — подбодрил Павлыш. — Не поддавайся пещере. Мне один рассказывал, что он сидел на Камчатке в пещере три дня, и что бы ты думал?

— Что?

— Вылез.

— Мне кажется, за нами наблюдают, — произнес Девкали. — Оттуда. — Он показал рукой в сторону.

— Основательно нас завалило, — прошептал Христо Райков.

— А если попробовать идти к ним навстречу? — спросил Девкали. — У вас же два лучевых пистолета.

— Не поможет. Только истратим заряд. А он еще может пригодиться, — ответил Павлыш. — Вот что, пока мы тут сидим взаперти, не будем тратить времени даром. Вернее всего, нас здесь изолировали, потому что мы слишком близко подобрались к их убежищу. И вход должен быть где-то рядом. Стены мы обыскали. Остались еще пол и потолок. Пол вероятнее. Сделаем так: ты, Райков, и ты, Девкали, останетесь здесь, в тени за

прожектором. Мы с Малышом, как более опытные, стараемся побродить по залу. Может, найдем что-нибудь интересное.

Первым плиту, прикрывающую вход в подземелье, обнаружил доктор. Он не сразу поверил своим глазам — плита была тщательно подогнана, и только случайно скользящий луч фонаря обнаружил тонкую, слишком прямую, чтобы быть естественной, трещину в полу пещеры. Павлыш провел лучом фонаря по трещине до ее конца и увидел, как она изламывается под прямым углом.

— Малыш, — позвал он, — подойди-ка сюда.

— Нашел что-то? — спросил Малыш, подходя. — А... и в самом деле...

— Ни с места, — сказал по-русски спокойный холодный голос. Голос донесся откуда-то сверху, отразился от стен пещеры и эхом повторил: «Ееста!» — Бросить оружие! При попытке сопротивления вы будете уничтожены! — так же спокойно продолжал голос.

Ни Малыш, ни доктор не были приучены поднимать руки и бросать оружие. Оба они, не сговариваясь, бросились в лес сталактитов.

Зазвенели, отшибая обломки камней, пулеметные очереди.

— Ох, черт! — выругался Малыш. — Меня, кажется, задело.

— Ползи сюда, — сказал Павлыш. И крикнул изо всей силы: — Христо, вырубай прожектор!

На пещеру навалилась темнота.

Так война снова пришла на планету Муна.

Глава восьмая

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

1.

Профессор Кори сидел отдельно от Снежины и Антипина. Он ничего не знал об их судьбе, только мог догадываться, что если его пока не трогают, значит, военные заняты с остальными космонавтами. Кори смотрел трезвее, чем Снежина, на поведение генерала. Без иллюзий. Он генерала знал давно. По приукрашенным портретам в журналах, по отчетам о процессах и путчах. Он знал и других генералов и подозревал, что не один Вапрас нашел себе убежище в подземелье.

Он поднялся с кучи тряпья. Очень болело сердце. Кори не знал, умеют ли регенерировать новые сердца на «Сережке». «Если вернусь, — подумал он, — надо попросить доктора Павлыша». Кори не мог догадаться, что Павлыш находится совсем рядом, в верхнем зале пещеры.

Неужели Снежина и Антипин будут настолько наивны, что расскажут генералу все, что он хочет узнать? Неужели они не понимают, что генерал не собирается подчиниться новому порядку на планете? Опасность грозит и кораблю и куполу. Куполу и всем его обитателям, которые думают, что пережили последнюю войну. А война может вот-вот начаться снова. И тогда уже никто не переживет ее. Кроме генералов в подземелье.

Кори костяшками пальцев простучал стены. Две из них были сплошными, вырубленными в скале. Одна, выходившая в коридор, была, очевидно, стальной. Кори больше всего заинтересовала четвертая стена. Наверху в ней находилось окошко, вернее, широкая щель, соединяющая камеру с соседним помещением. В нем было темно. Если бы добраться туда...

Кори мог достать руками до края щели — камера была низкой и вряд ли предназначалась для того, чтобы держать в ней пленников. Вернее всего, решил профессор, в таких камерах жили солдаты. И жили не очень комфортабельно. Складные койки — их две — были откинuty и прикованы к стене цепями. Никто не догадался откинуть хотя бы одну для пленника. Может, не было указаний, а сами солдаты не догадались. А может быть, профессора не собирались долго держать в этом помещении. Если они еще будут разговаривать с пришельцами, то вряд ли станут тратить время на старика.

Кори попытался подтянуться на руках к щели, но это оказалось безнадежно. Слабые руки не смогли поднять тело даже на сантиметр от пола.

Профессор обессиленно прислонился к стене.

Дверь звякнула. В проеме стоял военный. Генерал. Другой генерал. Мундир его был помят и потрепан. Сальное пятно красовалось на брючине чуть выше колена. Генерал густо оброс жесткой колючей бородой. У него было странное лицо: будто кто-то нарочно приставил к нормальной по размерам голове слишком большой нос и уши — за ними терялись другие черты лица.

— Профессор Кори, — произнес генерал. — Мы рады приветствовать вас.

— Откуда вы меня знаете? — спросил Кори.

— Тише-тише, это проще простого. Я заглянул в кабинет Вапраса. Незаметно, конечно. Я узнал вас. Когда-то, лет пять назад, я был в комиссии по поводу ваших опытов. Вы меня забыли. Но я-то вас помню. У меня хорошая память на лица. Вы разрешите поговорить с вами?

— Пожалуйста, — ответил Кори, лихорадочно стараясь припомнить, где он видел этого генерала. Может, на каком-нибудь совещании — а их было много.

Генерал достал из кармана большой ключ, отомкнул одну из цепей, держащих кровать, и, откинув ее от стены, пригласил профессора сесть.

— Я к вам по секрету. Так сказать, конфиденциально. Надеюсь, вы патриот?

— Да. Своего рода.

— А мне казалось, — проговорил генерал, — что вы покинули этот свет еще до начала войны. Или я запомнил?

— Я умер, — ответил Кори. — Я умер, очевидно, месяца за три до войны. И хорошо сделал.

— Это как прикажете понимать? В переносном смысле?

— Нет, в самом прямом. Я умер, но пришельцы воскресили меня.

— Постойте, постойте... — Изумление генерала было вполне искренним. — Человека оживить нельзя.

— Мы этого не можем, но, слава солнцу, нами не исчерпывается Вселенная. Есть и другие миры, лучше нашего. Там могут уже делать и это.

— М-да. И это для них просто?

— А почему вас это интересует?

— Я буду совершенно откровенен. — Генерал сделал значительную паузу. — Я говорю с тобой как с патрицием. Ты ведь из второй касты?

— Было такое, очень давно. Теперь это неважно.

— Разумеется, неважно. Кто будет заботиться о кастах в мире, где осталось двадцать человек, и притом все они живут под землей? Но если ты из высшей касты, ты благороден не только по происхождению, но и в поступках. Я правильно говорю?

— Весьма сомнительно, — не без иронии произнес профессор. — История этого не подтвердила.

— Ладно, профессор, я не буду с тобой спорить. У меня нет на это времени. Я буду краток и откровенен. Надеюсь на взаимность. Я человек простой, хоть и патриций. Мне под землей сидеть надоело. У меня все волосы повылезли. Скоро умру, как полковник Смирти. Все помрем. Никого не останется. Я хочу тебе помочь. И ты мне за это поможешь. Мне надо встретиться с твоими пришельцами. Я тебе за это помогу бежать. А?

— Вы говорите от своего имени?

— От своего. У меня есть два солдата. Верных. И все. У нас у всех по два солдата. У Вапраса больше. Три. Нода уже портится в озере. Ничего не поделаешь. Нечистоты просачиваются. Ты сидел год в норе? Под землей? Это только Вапрас может выдержать. Бездушная кукла. Сам из четвертой касты. Почти простолюдин. Ему что, он машина. Он диктатор. Он король планеты. Я тебе помогу бежать, и сам убегу.

Голос генерала поднялся почти до крика. Уши колыхались, малиновые на просвет, и нос вздрагивал в такт словам.

«Он ненормален, — подумал Кори. — Он ненормален, и это естественно».

— Чего вы хотите от корабля, от пришельцев? — спросил Кори.

— Я их не боюсь. Я старый вояка... — Генерал задомнулся и замолчал, переводя дыхание.

— Хорошо, генерал, — перебил его профессор. — Надеюсь, вы не замышляете подвоха?

— Подвоха? Какой может быть подвох? Что я выбираю — дыру и смерть через месяц? Я же знаю, что они не победят. Вاپраса ваши вздернут на суку. Он будет делать вид, что хочет переговоров, будет требовать, чтобы корабль ушел с планеты и оставил аппарат для оживления.

— Стойте, генерал. Откуда вы знаете, что они хотят оставить себе аппарат? Вы же только что делали вид, что не слышали об оживлении людей.

— Врал, все врал, — хихикнул генерал, и лицо его стало как мятая подушка. — Вас проверял. И этого проверял. Бессмертного. Любимчика Вাপраса. Он из разведки вернулся, встретился там с одним человеком, припугнул его. Тот все рассказал: и про купол, и про аппарат. Еще обещал помочь, когда нужно.

— Как зовут этого человека?

— Неважно, не знаю, не обратил внимания. У простолюдинов имена такие непонятные... Вাপрас прямо подпрыгнул. Такая возможность. Тут мы подышаем, а есть аппарат. Мы корабль пока требовать не будем.

— Мне все понятно, — сказал Кори. — Как мы отсюда выберемся, генерал?

— Через главный вход. У запасного завал — ваших накрыли. Четверых. Полезли сами в капкан вас выручать. У главного входа мой человек стоит. Я ему обещал, что с собой возьму.

— Здесь мои друзья, — произнес Кори, дав генералу переварить военную тайну. — Они должны уйти с нами.

— И не думайте, — ответил генерал. — И не думайте, так никто не дойдет. Их все равно не пристукнут. Вাপрас понимает: это его козырь. А тебя пристукнут. Ты не козырь, хоть и патриций. Тебя пристукнут. И меня пристукнут, если узнают...

Генералу стало жалко себя. Он опустил голову на ладони и всхлипнул. Профессор уловил в камере запах

сладкой травы, туманящей сознание. Видно, генерал принял понюшку перед тем, как решился пробраться в камеру к Кори. Теперь наркотик начинал действовать. Бежать надо было срочно, если вообще удастся убежать с таким союзником. Сведения, которые получил Кори, были очень важны.

— Пошли быстро, — сказал он генералу.

— Куда? Ах да, мы убегаем. — Генерал повертел носом и со свистом втянул воздух: — Пошли. Как выйдешь, сразу беги за угол, налево. Там дверь будет открыта. Если что — ныряй. Нет, лучше я сам вперед пойду. А то убежишь один.

Генерал встал, пошатываясь. Сознание покидало его. Генерал оттолкнул Кори в глубь камеры и первым вышел в коридор. Кори не успел покинуть камеру, как услышал тихий, вкрадчивый голос Вапраса. Видно, Вапрас поджидал предателя в коридоре.

— Вы навешали заключенного, генерал?

— Я? — спросил тот. — Да я и не думал. Я так, гуляю, воздухом дышу. Не смейте ко мне обращаться без титула!

— А я как раз иду за вашим другом. Много успели ему рассказать? Союз предлагали? Дружбу? Бежать собирались?

Кори отскочил от двери, но потом понял, что скрыться нигде. Он захлопнул дверь. К счастью, изнутри она закрывалась тяжелым засовом. Кори задвинул засов и почувствовал, как сердце отказывается работать. Сейчас... Сейчас... что-то надо еще сделать?

В коридоре гудел голос генерала-бунтовщика. Голос был жалок и сбивчив. Генерал хотел жить, но сладкая трава лишала его остатков сообразительности.

Кори достал карандаш. Зачем ему нужен карандаш?

Кори собрал всю волю, чтобы отогнать черную воду, заливавшую мозг. В камеру приведут других. Своих... В коридоре раздался выстрел. Голос генерала прервался, перешел в короткий крик и захлебнулся хрипом.

— Открой дверь, Кори, — произнес тихо Вапрас. — Лучше открой и останешься жив.

Кори не отвечал. Он должен был успеть...

— Солдат, дай очередь по двери, — приказал Вапрас.

Пули застучали по тонкой стали, продавливая в ней

одинаковые вмятины. Кори только бросил взгляд на дверь и отвернулся. Больше он не смотрел в ту сторону,

Еще очередь из автомата. Еще одна.

— Кучнее, — велел Вапрас. — В засов.

Через две минуты Бессмертный, толкнув ногой дверь, вбежал в камеру. Он прошел старика очередью, и тот, дергаясь от пуль, вонзавшихся в тело, мягко упал на каменный пол. Последним движением успев выкинуть в угол, в кучу тряпья, уже ненужный карандаш.

2.

— Сдавайтесь. Мы не причиним вам вреда, — гремел в пещере голос. — Нам нужно поговорить с вами.

— Тогда зачем стрелять? — спросил Павлыш, надежно укрывшись за сталагмитами.

— Прекратите сопротивление.

— И не подумаем, — отрезал Малыш. — Слава, нога кровоточит. Всю пещеру измажу.

— Плохо дело, тут радиация, — напомнил Павлыш. — И перевязать нечем.

— Считаю до трех, — сказал голос. — Бросайте оружие и выходите на центр зала.

— Считай. — Павлыш пустил струю из пистолета по направлению голоса.

Огненный луч ударился в потолок, рассыпался искрами, и капли расплавленной породы застучали по полу пещеры.

Наступила тишина.

Павлыш воспользовался паузой, чтобы подползти поближе к Малышу.

— Ну, где тебя? Ах ты, какая несуразица.

Сзади, с той стороны, где оставались Христо и Девкали, послышался шум борьбы.

— На помощь! — крикнул Христо. — На по...

Павлыш, не раздумывая, бросился туда, и на пути его поднялась из-за камня темная фигура. Человек ударил его кулаком в мягкий живот скафандра.

...Связанных космонавтов вели по коридору, по которому так недавно проходила Снежина.

Посторонний наблюдатель заметил бы, что их вели те же солдаты, которые устраивали засаду утром, что сол-

эти были усталые, грязные и злые. Но посторонних наблюдателей в пещере не было.

Навстречу космонавтам по коридору веснушчатый человек тащил за ноги тело. Лысая голова в венчике седого пуха билась о камень пола. Человек отдернул труп, чтобы пропустить новых пленников.

— Профессор Кори! — ахнул Девкали.

— Проходите, не задерживайтесь, — подтолкнул его в плечо солдат. — Сюда.

Стальная дверь, изрешеченная пулями, захлопнулась за ними.

— Этого не может быть, — произнес Христо. — Этого просто не бывает.

Он стоял, прислонившись к стене и закрыв глаза.

— Как видишь, все бывает — ответил Павлыш. — И если Кори с ними воевал, то нам сам бог велел.

— Его убили, — сказал Девкали. — Вас они, может, и убьют. Своих они жалеть не будут.

— Знаешь что... — Малыш поморщился от боли. Он с трудом надорвал прочную ткань комбинезона и попытался соорудить что-то вроде бинта. — Знаешь что, Девкали, сейчас не время делиться на наших и ваших.

— Может, тряпкой замотать? — спросил Христо, указывая в угол. Он подошел к куче тряпья и попытался найти тряпку почище. — На них кровь.

— Тряпок не надо, — Девкали наклонился над Малышом. — Неизвестно, сколько они здесь валялись! Больно?

— Очень, — сказал Малыш. — Но терпеть можно.

— Даже промыть нечем.

Павлыш перевязал кое-как Малыша и подошел к Христо, все так же неподвижно стоявшему у стенки. Даже при свете единственной тусклой лампочки было видно, как он бледен.

— Ты чего задумался, Христо? — спросил Павлыш.

— Я — ничего. Со мной все в порядке, — ответил практикант. — Они, когда скафандр с меня снимали, меня били. Понимаете, ногами били. Наверное, синяки остались.

— Хочешь, посмотрю, что там с тобой?

— Нет. Мне не больно. Обидно просто.

— Тебе лекцию прочитать? — спросил Павлыш. — Лекцию о том, что Галактика — не сплошной праздник и радость открытия?

— Я все понимаю.

— Ты подумай, что Снежина, девушка, уже несколько часов где-то здесь. И ее, возможно, тоже били. Я не могу тебя успокаивать.

— Я понимаю.

— Постой-ка, что это на стене?

Павлыш увидел какие-то буквы, полускрытые спиной Христо.

Христо отпрянул от стены.

— Где?

— Эх, фонаря нету, — огорчился Павлыш, наклоняясь к надписи. — Плохо видно.

Малыш, ковыляя на одной ноге, подобрался поближе. Подошел и Девкали. Он вынул из кармана маленькую зажигалку.

— Вот. Мне Баков подарил. Охотничья.

«Не верьте им, — прочитал Девкали. — Их двадцать человек. Они хотят захватить корабль. Уничтожить всех. Есть другой выход. По коридору налево и дальше. Снежина, Антипин в другой камере, предупредите корабль. Генерала убили, сейчас убьют меня...»

— Кори, — сказал Павлыш. — Он успел.

— Через час или два наши взорвут вход в пещеру, — произнес Малыш.

— Это плохо, — ответил доктор. — Нашим нельзя входить в пещеру. Надо выбираться самим.

— Как? — спросил Христо. Теперь, когда появилась необходимость действовать, апатия пропала.

Христо достал руками до края щели и подтянулся до тех пор, пока голова его не оказалась вровень с ней.

— Что видишь? — прошептал снизу Павлыш.

— Темно.

— Пролезть сможешь?

— Надо разобрать несколько камней. Тебе не тяжело?

— Нет.

— Тогда терпи. Буду расшатывать.

— Скорее, могут войти.

Девкали подошел поближе, чтобы принять камень из рук Христо.

— Кто-то идет, — прошептал Малыш.

Христо прыгнул на пол, и Девкали спрятал камень в угол, под тряпье. Дверь чуть приоткрылась, и солдат осторожно заглянул внутрь, выставив вперед автомат.

— Чего шумите? — спросил он. — Жить надоело?

Он оглядел пленников. Они сидели на полу, на вид безучастные ко всему. Солдат успокоился, захлопнул дверь и снова ушел на свой пост.

Павлыш, не теряя времени, опустился на четвереньки, и Христо сразу поднялся к щели.

— Малыш с Девкали останутся здесь, — велел Павлыш. — Разговаривайте, ведите себя непринужденно.

Христо передал Девкали еще один камень.

— Теперь можно пролезть, — сказал он.

3.

Министерство войны возвышалось над Лигоном громадным серым кубом, увенчанным множеством острых шпилей, что придавало ему странное сходство со сказочным готическим замком. Его пощадили бомбы, или, может, они не справились с толщей министерского бетона. Спасательный катер остановился у главного входа; непропорционально маленькие двери прятались в тяжелых громадных порталах. Двери были распахнуты настежь, и из небольшого низкого холлом начинались бесконечные коридоры, усыпанные бумагами и полные шорохов — ветер врывался в разбитые узкие окна-бойницы и нес бумаги по коридорам к радости расплодившихся здесь крысят.

Бауэр шел первым, гоня перед собой быстроногого робота, малый мозг-робот, голова на ножках, умница и любитель извлекать немыслимые корни, вертел головой, вспоминая надписи на дверях.

— Мы здесь как-то были, — сказал Бауэр Ренци. — Архивы в подвалах, вывезти их не успели.

Некоторые двери были распахнуты настежь, другие прикрыты. Люди бежали отсюда так быстро, что не успели даже запереть сейфов. Но мало кто добрался до бомбоубежищ. Бауэр в прошлый прилет в Лигон видел тот «коридор скелетов», ведущий к основному бомбоубежищу.

На полу лежала стальная толстая дверь.

— В прошлый раз пришлось ее снять, — объяснил Бауэр.

Шахтер не ответил. Ему казалось, что Бауэр слишком спокоен. Надо бы бежать, а он прогуливается по коридо-

ру и даже заглядывает в некоторые кабинеты. Шахтер не знал, что Бауэр полностью полагается на робота.

За стальной дверью начиналась лестница. Она спускалась вниз сужающимися маршами и упиралась в коридор. В обе стороны указывали стрелки с одной и той же надписью: «Архив».

Бауэр остановился. Головастый робот метнулся по коридору в одну сторону, в другую. Потом присвистнул в правом коридоре.

— Нам туда, — сказал Бауэр. — Он нас зовет.

Робот стоял перед стальной дверью, не отличающейся от других таких же, одинаково темнеющих в белой стене подвала.

— Надо помочь мальчишке, — Бауэр достал из кармана скафандра резак. Металл у замка покраснел, потом стал белым. — Отойди-ка, — кинул Бауэр шахтеру. — Капли могут попасть.

Робот, чтобы не тратить времени даром, успел сбегать в дальний конец коридора и вернулся обратно.

— Подождем теперь, пока остынет.

— Некогда. — Шахтер ударил плечом в дверь.

Дверь отошла внутрь. Робот проскочил в щель и пошвыстывал, носясь между рядами сейфов. Он остановился у одного из сейфов, запустив тонкий шуп в отверстие замка.

— Выжги, — сказал Ренци.

— Не надо. Видно, сам знает, как открыть.

Робот жестом опытного взломщика осторожно поворачивал шуп в замке, прислушиваясь к еле заметному шелканью. Вдруг он отскочил и замер в двух шагах от сейфа. Дверь мягко отворилась.

Бауэр заглянул внутрь, увидел длинные, уходящие вглубь полки и сказал роботу:

— Тут без тебя не найти. Сможешь туда забраться, чтобы поискать папки, которые нас интересуют?

Робот ничего не ответил, но вытянул свой шуп и постучал по краю полки.

— Ага, спасибо.

Бауэр вытянул с полки три папки и отнес их к столу.

— Теперь помоги мне, — обратился он к шахтеру. — Я в лигонском не силен.

Шахтер, шевеля губами — он был не слишком грамотен — прочел наклеенные на папки этикетки.

— Вот эта, — сказал он, — наверно, эта. «Округ Ман-ве. Объект ракетных войск управления безопасности. Совершенно секретно».

Бауэр развязал тесемки, скрепляющие папку, и вынул карту.

— Эта самая. Ты только посмотри, где у них главный вход!

4.

— Катер? Я «Сегежа», — произнес капитан. — К вам идет Бауэр с картой подземной базы. Будет у вас через семь минут. Какие новости?

— Вас понял, вас понял, — ответил Баков. — Следов второго выхода не обнаружили. В пещере стреляли. На стук никто не отвечает.

— Ясно. Долго вам еще туда пробиваться?

— Полчаса.

— Может, все-таки взрывчатку применить?

— За ней дольше лететь на базу.

Баков переключился на катер Бауэра.

— Глеб! Это Баков говорит. Нашли?

— Нашли. Иначе не вернулись бы так быстро. Голова-стику благодарность — ни разу не ошибся.

— Есть второй ход?

— Есть, и совсем не там, где мы искали. Ближе к городу. Это была резервная ракетная база. Если верить карте, восемь ракет с ядерными боеголовками. В общем, через три минуты буду у вас. Готовь переходник.

5.

На этот раз в кабинет к генералу Вапрасу вызвали обоих — Антипина и Снежину.

Генерал приказал солдату выйти. Потом светски улыбнулся:

— Я приношу мои искренние извинения господину... Антипину? Антипину. И госпоже Пановой. Мы допустили ошибку, более жестоко, чем требовалось, допрашивали вас. Но поймите меня правильно, обстоятельства военного времени не позволяют порой терять ни минуты. Тогда мы не располагали достаточными данными. Теперь мы ими располагаем. Больше того, мы убедились в

том, что вы не старались сознательно ввести нас в заблуждение во время первого допроса. Но кто мог знать...

Генерал слишком длинными и не очень чистыми ногтями вытащил из коробочки на столе шепотку жвачки. Потом подумал и протянул коробочку Антипину.

— Простите, я забыл. Но вы, наверно, не жуете? Отвратительная привычка.

— Мы пускаем ртом дым, — мрачно произнес Антипин.

Ссадина на его щеке подсохла и саднила. На голове можно было прощупать основательную шишку — это когда его саданули головой об шкаф.

— Ртом дым — это очень остроумно, — согласился генерал. — И не сгораете? Весь огонь остается в вас?

Снежина представила себе капитана, у которого вместе с дымом изо рта вылетает огонь. Объяснять, что такое курение, никто генералу не стал.

— Итак... — Генерал поиграл коробочкой. — Наши разведчики проникли к вам в лагерь. Все узнали. Вернулись благополучно домой. Нам известны и ваши силы, и ваши возможности. Мы знаем теперь, что в военном отношении мы вас превосходим. В техническом — вы превосходите нас. Однако вы — наши гости. Может, и не прощенные и нежеланные, но гости. С гостями можно разговаривать и в случае необходимости можно просить их отправиться домой. Итак, я хочу поговорить с вашим начальником, капитаном... Загребиным и другим начальником, господином короной Аро. Я правильно произношу имена? Переговоры — лучший путь к взаимопониманию. Мы цивилизованные нации, и инциденты, которые произошли в недавнем прошлом, надеюсь, не повторяются.

— Как вы собираетесь вести переговоры? — спросил Антипин. Он генералу не доверял.

— Мы выпустим наружу госпожу Панову, и она обо всем договорится с вашим начальством.

— А я? А профессор Кори?

— Вы останетесь пока здесь. Осторожность необходима даже в общении с лучшим другом. Вы будете в качестве заложника. Так же, как и ваши остальные друзья.

Снежина вспомнила о маленьких фигурках в пещере.

— Они живы?

— Живы, здоровы и не испытывают никаких неудобств.

— Мы бы хотели их увидеть.

— К сожалению, это невозможно. Опять же из соображений безопасности. Так вы согласны? Если не согласитесь вы, я обращусь к вашим товарищам. Надеюсь, они будут стоворчивее. Вы же сами неоднократно указывали, что давно хотели встретиться с нами. Теперь мы сами предлагаем эту встречу.

— Соглашайтесь, Снежка, — решил Антипин.

— С одним условием, — сказала Снежина. — Если вы опасаетесь объединить нас с нашими товарищами, пометите Антипина вместе с профессором Кори. Он старый человек и плохо себя чувствует.

— Обязательно. Я вам торжественно обещаю это сделать. Как только Антипин вернется в свою комнату, к нему приведут старика.

Вапрос говорил серьезно и убедительно.

Снежина поднялась.

— Тогда не будем терять времени даром. Я готова.

6.

Павлыш и Христо стояли в темной, заваленнойхламом каморке. Света в ней не было, и только неровным прямоугольником виднелась щель, через которую они туда попали.

— Девкали, — позвал тихо Павлыш. — Девкали, кинь свою зажигалку.

— Держи. Что там?

— Пока не знаем.

Зажигалка стукнулась об пол рядом с Павлышом. Он нашарил ее рукой и, подняв с пола, зажег.

Неровный свет язычка пламени выхватывал из темноты тряпье, пустые ящики, свертки, коробки — это был какой-то склад. Павлыш запустил руку в два или три ящика, надеясь найти там оружие, но оружия в них не оказалось. Зато Павлыш нашел в углу комнаты два металлических стержня, которые могли при случае пригодиться.

Павлыш дал один из стержней Христо. Стержень был тяжелым и надежно оттягивал руку.

— Ты с ним поосторожнее. Можно и голову проломить.

Христо пробрался к двери. Попробовал ее открыть. Дверь была заперта снаружи.

— Ну что? — спросил Малыш из соседней камеры.

— Та же клетка, — ответил Павлыш.

— Ш-ш-ш, — прошептал Христо, — там за стеной, слышишь?

За стеной разговаривали по-лигонски. Можно было даже разобрать слова.

— Ну-ка, Девкали, быстро перебирайся к нам сюда, — прошептал Павлыш. — Давай я тебе помогу.

Через минуту Девкали, чуть не опрокинув громоздкий ящик, свалился на руки Павлышу. Тот провел его к стене. Девкали приложил к ней ухо. За стеной шел спор.

— Вот что, — говорил высокий сухой голос. — Я отпускаю сейчас эту женщину и считаю, что мы можем полностью на нее положиться. Она ничего не подозревает.

— Не поздно ли вы решили, Вапрас? — перебил его густой, будто задыхающийся бас.

— Почему поздно?

— Они уже нашли наш главный вход. Не знаю, как это им удалось, но они его нашли. Они кружатся над ним, и пройдет всего несколько минут, прежде чем они его заметят. Они знают, где вход.

— Ну и что это меняет?

— Многое. Как только они нас запрут с двух сторон, мы попались в мышеловку.

— Они будут осторожны. Пришельцы уже потеряли половину экипажа. А на бывших мертвецов они положиться не смогут. Мертвецы перейдут на нашу сторону.

— И в этом я не уверен, генерал, — произнес сомневающийся бас.

— Я не люблю, когда мне возражают. Даже вы.

— Нас немного осталось, возражающих.

— Через день в наших руках будут дезактивирующие установки и шестьдесят простолудинов. И корабль. Мы не только вернем себе планету, но и выйдем в космос.

— Хорошая идея, генерал, но рискованная.

— Мы уже привыкли рисковать. И терять нам нечего.

— Есть другой вариант, Вапрас.

— Какой?

— Договориться с пришельцами. Согласиться на их помощь. Перейти в купол. А потом, когда они улетят...

— Во-первых, они могут вообще не улететь. Во-вторых, в куполе у нас отберут оружие и поставят над нами простолюдинов. Не исключено, что вообще нас уберут. Я бы на их месте это сделал. Мы слишком опасны. Мы волки в стаде ягнят, которое они вырастили. Нет, компромиссов быть не может. Или мы, или они — на планете и тем и другим места нет. Слава солнцу!

— Слава солнцу! — нестройно поддержали три или четыре голоса.

За стеной все смолкло. Девкали уже было выпрямился и повернулся к Павлышу, чтобы передать ему содержание разговора, как незнакомый голос сказал:

— И зачем вы отпускаете женщину?

— Без вас знаю, — резко возразил сухой голос Вапраса. — С женщиной легче справиться. Группу для переговоров на корабле поведете вы, генерал.

— Слушаюсь, — ответил бас, который сомневался.

— Бессмертный возглавит боевой отряд для взятия купола. С ним я отправляю восемь солдат. Этого достаточно. Одеть их в те скафандры, которые захвачены у противника. Всем не хватит. Ну, уж как придется. Один скафандр останется здесь. Для меня.

— Почему один?

— Так я сказал. Я остаюсь здесь. Со мной три солдата и, разумеется, оба механика. К сожалению, вчера пришлось убрать нашего старого товарища. Но вы понимаете, другого выхода у нас не было. Он трусил. В составе посольства на корабль идете вы, генерал, и пять солдат. Оденьтесь из неприкосновенного запаса. Полковник, где ваши новые сапоги? Итак, на корабль проходят семь человек. Остальные незаметно двигаются к куполу, где их встречает наш человек. Наш человек в куполе — Бессмертный знает его хорошо — должен организовать помощь. Он же постарается вывести из строя сигнальные устройства. Никого без необходимости не убивать. Когда мы захватим корабль, может последовать карательная экспедиция. В случае карательной экспедиции нам нужны будут ценные заложники, которыми мы откупимся. Тогда они оставят нас в покое. Мы даже смо-

жем выторговать себе какую-нибудь помощь. Но это дело будущего. Генерал, собирайтесь. Вы знаете, что надо им говорить. Главное — затяните переговоры. С солнцем!

— С солнцем!

7.

Генерал с плоским, скучным лицом и большой головой, которая казалась пустой, так густо резонировал в ней его басистый голос, неуклюже подсадил Снежину на дрезину. Сзади взобрались солдаты.

Черный ящик лингвиста перекочевал от Вапраса на грудь плосколицему генералу.

Когда дрезина, дребезжа, поехала по ржавым рельсам, Снежина спросила:

— Откуда у вас лингвист?

— Вы имеете в виду это? Когда-то давно. Еще раньше. Нашли в холмах мертвеца. Из ваших, но с четырьмя пальцами. Взяли у него пистолет и эту штуку.

Снежина вспомнила, как ушел Ранмакан.

Километра через три-четыре дрезина остановилась перед стальными дверьми. Один из солдат повернул колесо, и двери со скрежетом разошлись.

— Скафандр ваш здесь, — показал генерал. — Познакомьтесь, отрядник Мокли из Прапве.

Худой офицер переломился в поклоне.

— Где они? — спросил генерал у офицера. Он не знал, что Снежина немного понимала по-лигонски.

— Уже здесь. Недавно приземлились.

— Пошли.

Делегация пещеры быстро напялила примитивные антирадиационные костюмы. Дрезина зацокала по рельсам, убегая обратно в глубь туннеля. Открылись вторые ворота. За ними — снова туннель. По середине туннеля также бежали рельсы, но они покрылись густой ржавчиной — видно, никто их не использовал. Генерал торопил Снежину. Он шел быстро, тяжело дыша. Что-то случилось там, у входа, отчего делегация должна была поторопиться. Солдат, тащивший рацию, все время спотыкался и отставал. Генерал обернулся и, не замедляя рысцы, прикрикнул на него. Солдат, прихрамывая, догнал генерала.

Влево от туннеля отходил широкий ход, и рельсы сворачивали туда. Снежина на ходу заглянула в него, но генерал подтолкнул ее в спину.

— Секрет, — сказал он. — Наш секрет.

Впереди показалась каменная стена, перекрывающая туннель. В центре ее одна из плит отошла в сторону, как только обогнавший генерала солдат перевел рычаг на пульт.

В квадрат входа ворвались северный ветер и мелкие капли дождя. Генерал высунул голову наружу. Пробормотал что-то себе под нос и обернулся к Снежине:

— Проходите.

Снежина переступила через высокий каменный порог и оказалась на свободе.

Выход из туннеля находился на усыпанном камнями склоне холма. Впереди были холмы поменьше. Они мягкими увалами спускались к далекому сумеречному морю и кучке домов на его берегу, за которыми, маленький отсюда, возвышался диск «Сегежи». Перед ними был Манве.

— Посмотрите направо, — велел генерал.

Снежина повернула голову. Совсем недалеко, метрах в пятидесяти, на земле лежал катер с «Сегежи» и рядом с ним, чуть приподнявшись над землей, висела спасательная лодка.

Снежина подняла руку, и тут же включилась связь в ее скафандре.

Хриплый усталый голос Бакова произнес:

— Снежка Панова, это ты?

8.

— У них народу немного осталось, — сказал Павлыш. Он тщетно старался расшатать концом стержня стальную дверь.

— А нам от этого легче? — спросил Христо.

— Ага. — Павлыш бросил на пол стержень. — Надеюсь, что легче. Для этого надо забраться обратно. В камеру.

— Что ты задумал? — спросил из щели Малыш.

— Попробуем постучать в дверь. Посильнее. Вряд ли у них осталось много часовых. Кори писал, что их всего

человек двадцать. А это значит, что, кроме Вапраса и двух-трех солдат, все ушли.

— Если будем стучать, одного хватит, чтобы всех нас перестрелять, — проговорил Девкали.

— А почему он должен стрелять? Мы попросим воды. Теперь у нас есть оружие. — Павлыш поднял стержень с пола и подкинул его. — Есть другие предложения? Я с удовольствием выслушаю.

И в тот же момент, будто кто-то подслушал Павлыша, по коридору прокатился гул.

— Слышите? — спросил Малыш из соседней камеры. — Колотят, как будто услышали, что мы говорим.

— Кто-то из наших, — решил Павлыш. — Снежина или Антипин. Как бы узнать, какая это камера?

— Не узнаешь, — ответил Малыш.

— Стой! — Павлыш схватил за руку Христо, который уже поднял кулак, чтобы ударить по двери. — Я же объяснил, надо сначала вернуться в нашу камеру. Как мы могли здесь очутиться?

Стук прекратился. Через минуту снова отдаленно бабахнул стальной гул, потом опять утих.

Павлыш подошел к щели, подтянулся и с помощью Малыша перебрался в свою старую камеру. Потом вытянул Девкали и Христо.

— Все в сборе? — спросил он. — Начинаем. Оружие спрятать. Как там?

— Молчат, — сказал Малыш. — Ну, сейчас мы как дадим по двери — сразу отзовутся.

Он первым пропрыгал к двери на одной ноге и ударил по ней кулаком.

...Когда Снежину увели, Антипин подождал еще несколько минут, приведут ли в камеру Кори — Вапрас обещал. Но в коридоре было тихо, будто все покинули подземелье. Антипин подошел к двери и постучал. Долго никто не шел. Наконец дверь со скрежетом приотворилась, и охранник, стоя в коридоре, кинул:

— Чего тебе?

— Где профессор Кори? Мой друг? Где он?

— Какой еще Кори? Позвоню генералу. погоди.

Вслед стражнику неслись удары в дверь.

Он позвонил генералу. Генерал был у себя.

— Господин Вапрас, — сказал стражник, — тут один из заключенных требует какого-то Кори. Что делать?

— Делай, что хочешь. Надоест — заткни глотку.

Стражник вернулся на пост к столику возле тамбура, присел. Хотелось спать. Солдату последнее время всегда хотелось спать. Стук в дверь, гулко носившийся по пустому коридору, раздражал и мешал сну. Солдат поглубже опустил на уши каску, но и это не помогало. Солдат не хотел затыкать глотку пленному. Воевать с ними — дело генералов. А то потом тебе же будет хуже. Но стук мешал спать. Стук бил по голове, и от него мозги становились еще жиже. Стук надо было прекратить. Так с ума можно сойти. Солдат встал и пошел к беспокойной камере.

— Ну, замолчал бы, — произнес солдат, надеясь еще как-то договориться с пленником. — Я ж тебя предупредил. Голова раскалывается.

Пленник выслушал слова солдата и снова начал говорить про своего Кори.

— Ну, тьма с тобой!

Солдат открыл дверь, вошел в камеру. Пленник с большим кровоподтеком на щеке говорил какие-то угрожающие слова, обижался. Солдат посмотрел на него с некоторым сочувствием, хотел было даже уйти и оставить его в покое, но тут представил, как снова понесется по коридору назойливый стук, и неувловимым профессиональным движением ударил пленника по голове загнутой рукоятью автомата. Пленник только успел приподнять руки и мягким мешком упал на пол. Солдат нагнулся, приподнял веко — жив. Солдат сходил на пост, принес оттуда веревки, связал пленнику руки и ноги, сунул в рот кляп. Делал он это быстро и привычно, вернее, он даже и не замечал собственных действий: руки сами связали пленного. Уж столько раз приходилось до войны это делать.

Выключил свет в камере — пусть спит.

Солдат выпрямился. Теперь можно вернуться на свой пост и чуть подремать. Неизвестно, что случится через полчаса. Может, ночью и выспаться не удастся.

И тут же, будто кто-то издевался над ним, солдат услышал, как в другом конце коридора раздался гул. Там тоже били по двери кулаком.

«Ах, так!» — разозлился солдат.

Он подхватил автомат и, не запирая камеры — куда пометается пленный? — побежал, топая тяжелыми башма-

ками, к другой двери. Он им сейчас покажет! Они у него все замолчат. Солдат держал автомат за дуло и размахивал прикладом. Сейчас он им даст!

Солдат забыл, что в той камере был не один заключенный, а четверо. Солдат безопасности никогда не должен выпускать из виду таких вещей. Никогда. Это может плохо кончиться. Но голова так болела и злость была настолько безудержной, что он распахнул с бегу дверь в камеру, ворвался внутрь и только хотел опустить автомат на вставшего перед ним пришельца, как кто-то ударил его по голове.

Солдат попытался обернуться, чтобы увидеть нападавшего, все еще не понимая, откуда тот мог взяться, как второй удар железным стержнем лишил его сознания.

Автомат выскочил из руки и, задев Павлыша, отлетел в угол.

— Я, кажется, убил его, — произнес Девкали тихо. — Я его, кажется, убил.

Девкали опустился на колени и дотронулся до головы солдата.

— Малыш с Девкали останутся здесь, — распорядился Павлыш. — Малышу лучше отдохнуть. И заодно посмотрите, что там с солдатом.

Павлыш подобрал автомат.

— Как он стреляет? — спросил он Девкали. — Я еще такими штуками не сталкивался.

Девкали, не вставая с колен, принял автомат из рук Павлыша и повернул узорчатую рукоять предохранителя.

— Здесь нажмешь. Должно быть семьдесят патронов. Солдат, кажется, живой. Сердце бьется.

— Ну и хорошо. Ты не расстраивайся, Девкали. Если бы ты его не ударил, он бы из моего лица сделал лепешку. Не пожалел бы.

— Да, я понимаю, — ответил Девкали. — Я это всегда понимал. Но я еще ни разу не ударил человека.

— Вот вас и били, — бросил Павлыш, выходя в коридор.

— Вы изменились, доктор, — сказал рассудительный Христо, догоняя Павлыша.

Павлыш поморщился и ничего не ответил. Он шел, осторожно наступая на пятки и прижимаясь к стене. Автомат непривычно давил на руку.

Правая стена коридора была пуста. Левая тянулась бесконечной вереницей дверей. Кое-где от коридора отходили отростки, в которых тоже прятались двери, и там тоже было тихо.

В конце коридора виднелась дверь в шлюзовую камеру. У двери стоял столик, на нем лампа, полевой телефон.

— В случае чего, выбираться будем через пещеру, — сказал Павлыш.

— Она же засыпана.

— Но, может, наши уж прошли туда.

Донеслось тихое дребезжание. Звонил телефон.

— Бежим обратно, — прошептал Христо. — Сейчас они придут проверять пост.

— Нет, этим мы ничего не добьемся. Идем дальше.

Павлыш постучал в дверь третьей камеры.

Телефон не переставал звонить.

— Христо, сбегай за Девкали, пусть подойдет к телефону. Быстро.

Христо застучал ботинками по коридору. Телефон замолчал. Павлышу показалось, что прошло минут пять. На самом деле не прошло и минуты, как появился Девкали.

— Что так долго?

— Я сразу, — удивился Девкали. — Что-нибудь случилось? Христо влетел и говорит: «Скорее к доктору».

— Я хотел, чтобы ты подошел к телефону.

— Опасно, — сказал Девкали. — Они здесь наверняка друг друга по голосам знают.

— А где Христо? Остался с Малышом?

— Да.

Павлыш постучал ногтем по следующей двери и придушался, чуть наклонив голову.

— Пока все камеры простучишь, солдаты сбегутся.

— Молчи. Кто-то идет.

За поворотом коридора — он угадывался по пятну яркого света, падавшего на пол главного туннеля, — шлепали осторожные шаги. Человек, приближавшийся к коридору, не хотел, чтобы его обнаружили. И если бы не мертвая тишина подземелья, где слышно было бы,

как летит муха (правда, мух здесь давно уже не было), пленники ничего бы не ощутили.

И тут, заглушив шаги, снова задребезжал телефон.

— Подойти? — спросил Девкали.

Павлыш отрицательно покачал головой. Путь к телефону лежал через светлое пятно бокового коридора, в котором был некто.

— Если один из них, — прошептал Павлыш, прижав губы к самому уху Девкали, — он подойдет к телефону,

В светлом пятне на полу показалась тень человека. Тень на секунду замерла, потом закрыла собой пятно света — человек входил в главный туннель. Павлыш и Девкали прижались к стене, стараясь врасти в нее.

Человек шагнул в главный туннель и прошел к телефону. Поднял трубку и произнес:

— Слушаю.

Это был не солдат. Даже в слабом свете туннеля было видно, что он одет в измазанный жирными пятнами, кое-как заштопанный, ветхий комбинезон. На спине светлела большая квадратная заплата. Человек горбился и при ходьбе приволакивал ногу.

— Да, — сказал человек, — все в порядке. — Он повесил трубку и обернулся. — Опустите автомат. Я вас вижу. У меня нет оружия.

10.

Человек подошел поближе. Павлыш не опускал автомат, но человек не замечал направленного на него дула. Он шел, опустив руки, и они безжизненно болтались при каждом шаге. Не доходя нескольких метров до пленников, он остановился, потому что его охватил приступ кашля. Человек зажимал рот ладонью, чтобы кашель не так громко разносился по туннелям, и страшно было смотреть, как сотрясалось его тело от воздуха, рвущегося из легких.

Человек сплюнул на пол сгусток крови и, опершись о стену, тяжело дышал. Отдышавшись, он хрипло сказал:

— Здесь плохой климат. Здесь все скоро умрут.

— Кто вы? — спросил Девкали.

— Зачем вам мое имя? Я — простолюдин, механик. Кому-то нужно чистить нужники и водить дрезину. Раньше нас было много, таких, как я. Нам обещали

жизнь. Осталось двое. Всего двое. Я пришел вам помочь. Мы давно думали взорвать все, чтобы не осталось ни их, ни нас. А теперь я знаю. Я видел, что появились ваши. Я пришел говорить. Вапрас хочет убить ваших. Я слышал. — Простолудин вытащил из кармана пистолет. — У меня есть патрон. Я хочу наверх.

— Но тут еще есть наши. И мы должны сначала найти их.

— Нет, — ответил механик. — Их нет. Женщина уехала наверх. Они взяли ее с собой. Еще одного убили.

— Но мужчин было двое.

— Может, убили двух. Больше никого нет.

— Он ошибается, — не поверил Павлыш. — Зачем им было убивать?

Механик попытался улыбнуться, и губы его разъехались в стороны, приоткрыв беззубые десны.

— Они даже своих убивают. Как звери в яме. И ваши тоже. Им никого не жалко. Сегодня Вапрас убил генерала. Генерал хотел, как и я, бежать.

— Кто-то стучал, — сказал Девкали механику.

— Нельзя ждать, — продолжал настаивать механик. — Сейчас звонил Вапрас. Я сказал, что все в порядке. Вапрас проверит еще раз и пришлет солдата или сам придет.

— Много еще осталось солдат?

— Один у главного входа, один стережет пещеру снаружи в пулеметном гнезде. Но он больной. И мой товарищ на дрезине. Он тоже совсем больной. Но Вапрас верный. Если он узнает, он всех убьет.

— Вот что, — решил Павлыш. — Вы идите к нашим и попытайтесь соорудить какие-нибудь носилки для Малыша. Я пройду еще вдоль дверей. Антипин должен быть где-то здесь. Ведь стучали же.

Павлыш, проводив глазами Девкали и плетущегося за ним механика с пистолетом в повисшей руке, прошел до конца коридора, стуча в двери костяшками пальцев. Если дверь была не заперта, он приоткрывал ее и заглядывал внутрь. Но не особенно вглядывался, потому что искал запертую дверь. Дверь, в которую стучал Антипин. Павлыш дошел до камеры, где лежал на полу связанный старший механик. Дверь в нее была приоткрыта. Он на всякий случай заглянул внутрь. В камере было темно, и Павлыш прикрыл дверь снова.

Он дошел до последней двери в коридоре, когда услышал шум в другом конце туннеля. Из камеры вышел Девкали и Христо. Малыш прыгал между ними, обнимая их за шею. Сзади шел механик с пистолетом.

Снежина, по словам простолудина, уехала на «Семужу». Снежина в безопасности. Кори убит. Антипина нигде нет, но, возможно, он тоже погиб. Больше в подземелье делать нечего. Скорее на корабль! И все-таки Павлыша не оставляло неприятное чувство. Может быть, Антипин находится в какой-нибудь дальней камере?

— А другой наш человек не мог уехать вместе с женщиной? — спросил Павлыш.

— Нет. Я вез ее на дрезине до самого главного входа. Механик подошел к столу и нажал на нем кнопку.

— Что он делает?

— Отключаю сигнализацию, — ответил механик. — Если не отключить, то, когда тамбур будет открываться, начнется тревога. Я давно здесь. Я все знаю. Я больше года не видел солнца. У солдат и генералов есть антирадиационные костюмы. У нас нет.

Механик опустил вниз крайний рубильник. Двери тамбура разошлись. Механик вошел первым и включил свет. Снова зазвонил телефон. Механик хотел было вернуться, но Павлыш остановил его.

— Некогда. Скажи ему, Девкали, что, если он снова подойдет к телефону, Вопрос все поймет.

Механик с этим согласился.

Девкали подошел к стенному шкафу, открыл его. В нем висело два лигонских антирадиационных костюма. И все.

— Они спрятали наши скафандры, — сказал Христо. — Нам не уйти.

— Уйдем, — сказал Павлыш, снимая один из лигонских скафандров и протягивая его Девкали. — Наденешь этот. Второй отдадим нашему проводнику.

— А как же мы? — спросил Христо.

— Так доберемся. Придется поболеть.

— Уровень же радиации смертельный.

— Я врач — накормлю тебя лекарствами, поваляешь с недельку в госпитале, и все пройдет. А если не хочешь — убьем тебя и снова оживим. Уже без лучевой болезни. Я шучу... в любом случае путешествие непри-

тно, но не смертельно. Вылечить можно. Другое дело — наши хозяева здесь. Их надо защитить.

— Возьмите мой скафандр, — предложил Девкали. — Я не боюсь смерти.

— Еще чего не хватало, — обиделся Христо.

Механик держал скафандр в руках, далеко отставив от себя, будто тот был заразным.

— Я пойду просто так, — решил он. — Я уже больной. Мне все равно. Я хочу только увидеть солнце.

Девкали подошел к Малышу.

— Наденьте, — сказал он. — Вы раненый, вам это особенно опасно.

Малыш отрицательно покачал головой.

— Девкали прав, — подтвердил Павлыш. — Вообще-то костюм больше нужен тебе. Я не мог этого сказать, но Девкали прав.

Малыш улыбнулся:

— Я и так никуда не гожусь. А кроме того, я хочу, чтобы меня освободили от вахт и я лежал в госпитале и читал книги. Вот так. Пошли?

— В госпитале ты и так належишься, — пообещал Павлыш. — Это я тебе гарантирую. И хватит разговоров. Костюмы надевают больные — Малыш и наш друг.

— Внимание, — послышался голос, сухой голос Вапруса. — Тревога. Совершена попытка к бегству. Приказы: задержать и в случае сопротивления уничтожить...

Механик уже открыл внешнюю дверь тамбура — впереди был туннель, который вел в пещеру.

Павлыш и Христо подхватили Малыша и побежали по туннелю. Сзади, догоняя, грозя, выла сирена.

— Ничего, — бормотал Малыш, прыгая на одной ноге, чтобы Павлышу и Христо было легче нести его, — это все блеф. У него нет людей. Ничего он нам не сделает.

Не доходя до последних дверей, механик вдруг открыл незаметный люк в стене и, приказав жестом остальным оставаться на месте, исчез в нем.

— Что это? — удивился Малыш. — Неужели струсил?

— Нет, — сказал Павлыш, прислоняясь к стене, чтобы отдышаться. — Кажется, я догадываюсь, в чем дело. Там должен быть пулеметчик, который держит под прицелом туннелю. Нам все равно не пройти, если его не убрать. Ждите.

Ждать пришлось недолго. Раздался легкий треск, буд-

то разорвали материю. Потом люк снова открылся, и из него тяжело, ногами вперед, выкарабкался механик. В одной руке у него был пистолет, в другой — легкий пулемет. Он передал его Девкали и, не говоря ни слова, подошел к рубильникам последних ворот.

— Опять война, — произнес Девкали в отчаянии. — Нас же всего несколько человек на планете! И опять война, опять мы убиваем друг друга.

Рубильник подался, и створки двери начали медленно разъезжаться в стороны.

За ними виднелась черная щель последней камеры. Лестница. Над ней плита. Механик включил второй рубильник. Плита дрогнула, приподнялась и вдруг застыла.

Погас свет. Вапрас отключил энергию пещеры.

В абсолютной темноте, сдавленные тесной лестницей, белгцы оказались в ловушке.

Слышно было только, как тяжело дышат люди, как звякнул о камень автомат...

11.

— Что же теперь? — прошептал Малыш. — Обратно? Как ты думаешь, Слава?

— погоди, — ответил доктор. — Девкали, спроси у него: наши были в пещере?

— Да, — ответил механик. — Они взорвали завал, но внутрь не заходили.

— Пропустите-ка меня. Я хочу добраться до люка.

Павлыш нащупал пальцами щель и, наклонив голову, так чтобы рот оказался выше уровня пола, крикнул:

— Эй, кто живой? На помощь!

Пещера молчала.

Павлыш сказал вниз, в дышащую тесную темноту:

— Дайте мне автомат.

Он просунул в щель дуло и дал очередь. Пули гулко и звонко застучали, разбивая сталактиты.

Люди под плитой затаили дыхание. Звякнуло у входа в пещеру, и тяжелые шаги — один, другой, третий — пахали по камням. Кто-то тяжелый и осторожный шел по плите. Луч света скользнул по полу и задел приподнявшийся камень. Павлыш зажмурился. Шаги остановились рядом. Два металлических пальца захватили край плиты и медленно оторвали ее от земли.

Камень гулко упал на пол. Луч фары обшарил узкое, битое людьми пространство, и двупалая рука опустилась вниз, чтобы помочь им выбраться наружу.

— Не бойся. — Христо, к которому вдруг вернулось обычное хорошее расположение духа, похлопал по плечу сжавшегося в комок механика. — Рабочий робот. Его, видно, оставили здесь.

Христо был прав. Робота, который освобождал от заваля вход в пещеру, Баков не стал брать обратно на комбиль. Он его оставил здесь на всякий случай. Баков был, как всегда, предусмотрителен.

В холмы уже пришла ночь, мрачная, дождливая ночь, и ветер скатывался вниз по ложбине, к Горному саду.

Христо поднял воротник комбинезона, чтобы меньше капель попадало на него, и прикрыл руками голову. Маша нес робот. Механик шел рядом с Девкали и повторял:

— Я больше года не видел моей земли. Больше года. Здесь идет дождь.

Механик спотыкался, и Девкали пришлось взять его за руку, чтобы тот не упал.

Внизу на поляне в Горном саду стоял вездеход.

— Придется тебе, старик, остаться здесь, — сказал Павлыш роботу. — Боливар шестерых не вывезет.

Робот ничего не ответил. Он не читал книг. Робот остался стоять среди делянок, и задние огни уходящего вездехода отразились на мокром металлическом теле.

Глава девятая

ДА БУДЕТ МИР!

1.

— Едут, — известил Загребин. — Полномочная делегация. И Снежка.

— А остальные? — спросил корона Аро. Он отлично знал, что остальные остались в пещере, и задал этот вопрос специально, чтобы напомнить капитану, что до счастливого конца далеко. — Я пойду к себе, — сказал корона Аро. — Не стоит им показываться. Напугать и мной особенно не пугаешь. А если даже и пугаешь, будет еще хуже. С вами они будут говорить как равные. Главное — никаких конфликтов. Что мы знаем об этой планете? Ничего. Ровным счетом ничего. Это их мир. Впрочем, за корабль отвечаете вы, и я не вмешиваюсь. Только, пожалуйста, помните...

— Помню, — ответил капитан несколько резче, чем ему хотелось бы. Он волновался за своих никак не меньше короны и, соглашаясь с представителем Галактического центра, оставался при особом мнении.

В дверях Аро задержался. Он пропустил вошедшего шахтера Ренци. За шахтером шел потускневший за последние часы патриций с большим листом бумаги в руке. Корона Аро остался стоять у двери.

— Капитан, — начал шахтер, — мы пришли просить оружие.

— Погоди, — дернул шахтера за рукав патриций. — Разрешите, я. Мы как представители правительства планеты Муна, решившие раз и навсегда запретить войны, просим у вас оружие. «Почему?» — спросите вы, и вопрос будет закономерен. Закономерен будет и наш ответ. Мы просим оружие, чтобы не было войны — у нас здесь

дети. Я зачитаю обращение нашего Совета к кораблю пришельцев «Сегеже» и представителям Галактического центра.

— Ладно, — сказал шахтер Ренци. — Он у нас законник. Он вам бумагу оставит. Мы узнали тут, что сюда летит их делегация.

— Да, — подтвердил капитан. — Небольшая делегация. Пять человек или семь. Они будут вести с нами переговоры о возвращении наших пленных.

— Если бы об этом только, но тогда отпустили бы, и все. Или вообще в плен не брали. Значит, не о пленных будет разговор. Им из пещеры выбраться нужно. И желательно господами. Мы им не верим.

— Мы им абсолютно не доверяем, — кивнул патриций. — Об этом я написал в обращении.

— Я не могу дать оружие, — ответил капитан. — По двум причинам. Во-первых, я не вижу опасности для корабля и купола. Во-вторых, оружия на корабле просто нет. Мы не военный корабль.

— Значит, не хотите? — убежденно произнес Ренци. — А сколько вас здесь осталось? Кто в плену, кто на вахте, и оружия нет. Да вы понимаете, что они будут разговаривать с вами только до тех пор, пока будут думать, что вы сильнее? Пошли, патриций.

Ренци повернулся и вышел из комнаты. Патриций положил на стол петицию.

— Ну вот, — заговорил Кудараускас, который до этого молча сидел у экрана, на связи с катером Бакова, — сначала Совет принимает постановление об отмене всех войн, а потом требует оружие для войны.

— Они правы. И они лучше нас знают, с кем мы имеем дело.

— Капитан, — сказал все еще стоящий у двери корона Аро, — вы дали горячности увлечь себя. Нельзя решать космические проблемы со своей человеческой точки зрения. Вы чувствуете симпатию именно к той группе людей, в спасении которых вы принимали участие. Люди, находящиеся в подземелье, не меньше спасенных вами заслуживают жизни. Основное требование галактических экспедиций — не вмешиваться, никогда не вмешиваться во внутренние дела других миров. Любое вмешательство чревато нарушением естественного хода развития цивилизации. Вы это знаете, и я это знаю, и

Кудараускас это знает, но когда мы доходим до дела, оказывается, что личные сомнения и склонности перешивают. А если бы жители Муны не были так похожи на людей? Если бы были отвратительны вам, как мы, например, стали бы вы так же волноваться об их судьбе?

— Да, — решительно произнес капитан, — вы знаете, что стал бы. Кстати, вы мне не отвратительны.

— Я тоже погорячился. Извините меня капитан, — сказал Аро и покинул мостик.

— Они на подлете, — предупредил Кудараускас.

На небольшом экране появился повисший над «Сегрей» диск катера.

— Ну, как там у вас, Баков? — спросил капитан.

— Встретьте нас у входа.

— Хорошо.

Загребин обернулся к Кудараускасу.

— Останешься здесь, Зенонас. Мы будем разговаривать с ними в кают-компании. Со мной будут Бауэр и Баков. Включи внутреннюю связь, чтобы быть в курсе всех разговоров. Посматривай на купол. Система сигнализации в порядке?

— Угу. Только что проверял.

— Ну, я пошел. В самом деле, встречу их у люка.

2.

Встреча была похожа на официальную встречу глав дружественных (или недружественных) держав, как их изображали в учебниках истории.

Загребин занял свое место за обеденным столом, в главе его. По правую руку от него сел Баков, по левую — шахтер Ренци и Пирра. За Баковым сидел Бауэр.

Басистый генерал, глава делегации подземелья, сидел на другом конце, рядом с ним был отрядник в поношенной форме. В дальнем конце кают-компания на диванчике устроились патриций и солдат из генеральской свиты при рации, которую он поставил на шахматный столик.

Снежина, у входа поздоровавшись с капитаном, просила разрешения привести себя в порядок. В каюту ее уже ждали тетя Миля и корона Вас со снадобьями и пилюлями, до которых он был большой охотник.

Снежине не хотелось выгонять из каюты друзей, и она

разделась в душевой за матовой занавеской. Раздеваясь, выкидывала в каюту вещи и все не могла остановить улыбку, согнать ее с лица: она была дома, и звон стакана, в котором толстый корона Вас размешивал свои снадобья, и громкие вздохи тети Мили были замечательным доказательством тому, что на самом деле никакого подисемелья не существовало, что землистые лица обитателей пещеры только померещились ей.

— Тетя Милиа, — попросила Снежина, — будьте добры, достаньте белье из верхнего ящика и брюки, форменные брюки, они где-то внизу лежат, точно я не помню.

Горячие струи воды приятно впивались в тело, и было мирно и приятно, и из тела уходила бесконечная пещериния усталость. И Снежина поняла вдруг и ясно увидела, как Антипин и Кори сидят на холодном каменном полу камеры и ждут, когда их освободят.

Снежина схватила повешенные тетей Милей за занавеску вещи, выключила воду, оделась и, на ходу проглотив — зачем обижать корону Вас? — неприятное на вкус снадобье, побежала в кают-компанию.

Процедура взаимного представления и рассаживания по местам заняла несколько минут, и поэтому, когда Снежина вошла в кают-компанию, переговоры еще только начинались.

— Садись сюда, — пригласил Загребин, показывая на свободное место на нейтральной территории между двумя делегациями.

Снежина села между офицером-отрядником и Бауэром и вспомнила почему-то, как недавно в этой же кают-компании происходило представление других инопланетных гостей. И те были куда более чужими и незнакомыми, чем эти. А сейчас корона Аро сидит наверняка на мостике рядом со своим всегдашним оппонентом Кудараскасом, и они слушают, не пропуская ни слова, все, что говорится в кают-компании, а корона Вас поплелся в буфетную вслед за тетей Милей, чтобы помочь ей приготовить чай для гостей. А здесь они сидят друг напротив друга, и напряжение людей, которые не знают, попали они в гости или в ловушку, ясно читается на их бледных, землистых лицах.

— Мы хотели бы узнать о судьбе наших товарищей, которые попали к вам в плен, — говорит капитан ровным голосом, и Снежина возвращается к реальности.

Черная коробочка на груди генерала вздрагивает. У генерала объемистый живот, множество знаков и значков на мундире и плоское лицо того неестественного синеватого цвета, которое принимают бледные лица под люминесцентной лампой.

— Вы не правы, — отвечает генерал. — Они не в плену. Они заложники. Мы не знаем, можем ли верить вам. Как только мы убедимся в том, что верить можно, мы выпустим ваших людей. Они находятся в безопасности. Женщина, сидящая за этим столом, может подтвердить мои слова.

Снежина кивнула головой. Потом спохватилась.

— Антипина били. Где остальные, я не знаю.

— Он сам ударился об стол, — возразил генерал. — Мы никого не бьем.

— Ложь это, — говорит зло шахтер Ренци. — Меня самого не раз били.

— Мы согласились терпеть ваше присутствие в комнате, потому что это было условием переговоров, которое поставил нам капитан Загребин. Однако в переговоры с простолюдинами мы не вступаем. — Генерал сжал кулаки.

— За этим столом, — произносит капитан тем же ровным голосом, — все имеют право говорить.

— Тогда буду молчать я, — настаивает генерал.

— Ладно, я уйду, — решает Ренци. — Мне здесь делать нечего. Пусть останутся Пирра и патриций.

И, не слушая возражений капитана, Ренци покидает кают-компанию.

Патриций занимает место шахтера за столом и разворачивает перед собой бумаги, исписанные его ровным, красивым, с завитушками почерком.

— Со мной говорить можно, — заявляет он. — Я по происхождению патриций, хотя мы это и отменили.

— Посмотрим. — Генерал смотрит на патриция тяжелым долгим взглядом, будто запечатлевает его портрет.

Теперь патрицию никуда не скрыться от генерала. Патриций понимает это, осторожно касается локтем Пирры. Так надежнее. Патриций выбрал союзников.

— Простите. — Генерал смотрит на часы. — Мне нужно выйти на связь с моим центром.

Он встает, подходит к ради и отбивает условный

нак. Снежина ясно видит Вапраса, сидящего в своем кабинете.

— Итак, — генерал возвращается на свое место, — мы хотим узнать, зачем вы к нам прилетели и чего хотите.

Загребин говорит вкратце о существовании Галактического центра, о вспышках, засеченных астрономами, о разведдиске и о том, как «Сегежа» попала на Муну. Он говорит и об аппарате Вас. Он ничего не скрывает. Он даже говорит о том, что на планете, под куполом, создан вой Совет, который и управляет Муной.

— А дальше? — спрашивает генерал.

— Дальше? В скором будущем — я думаю, через несколько дней — сюда прибудет другой корабль.

— Такой же, как ваш?

— Нет, автоматический, без людей. Он привезет дополнительные дезактиваторы. К этому времени люди смогут кое в чем себя обеспечить.

— Это все интересно, — говорит генерал. — А дальше? Что будет с вами?

— Мы улетим отсюда. Мы улетим, как только нам представится возможность. Но мы будем прилетать, когда это понадобится жителям Муны. Мы хотим помочь нам уничтожить следы войны, мы должны установить здесь хотя бы еще один аппарат по оживлению людей.

— Теперь мы подошли к самому главному, — произносит генерал. — К тому, зачем я сюда пришел. До того, как вы прилетели сюда, на планете существовало правительство.

— Мы плохо служили народу, — неожиданно для самого себя вмешался патриций. — Мы погубили планету.

— Это не наша вина, и не нам сейчас ее обсуждать, — оборвал генерал. — Всем ясно, что такое больше не повторится, раз мы уничтожили наших врагов.

— Разрешите справку... — сказала Пирра. Она молчала до сих пор, не в силах побороть унижительного чувства страха при виде этой формы, этих уверенных в себе людей — хозяев планеты. Она не могла избавиться от страха, животного, бессмысленного страха, рожденного изображением, которое показывало ей будущее, где генералы снова станут господами Муны. — Разрешите справку... — Пирра обращалась к капитану, и тот кивнул. — Под куполом живут два человека, по националь-

ности пьи. Мы найдем и других... Один из пьи — член Совета планеты.

Пирра замолчала. В конце концов, то, что она сказала, не играет особой роли. Особенно сейчас, когда там у них Девкали.

— Та-ак, — отозвался генерал. — Тем хуже. Я продолжаю. — Генерал сфотографировал взглядом Пирру. Она тоже теперь навсегда осталась в его памяти, ей тоже подписан приговор. — Законное правительство, о котором я говорил, существует и сейчас. И я его представитель. Если вы сомневаетесь в наших полномочиях, вы можете поднять документы министерства войны: я заместитель министра войны; генерал Вапрас, находящийся сейчас на базе, — глава разведки. Мы — правительство Муны — можем вам предложить следующее: вы немедленно покидаете планету, оставив нам купол и очистители воздуха. В будущем ведете переговоры только с нами и через нас.

— Вы кончили? — осведомился вежливо Загребин. — Тогда скажу я. Во-первых, я не считаю вас законным правительством Муны. Сколько вам осталось жить в вашей норе? Год? Полгода? Вы же мертвецы, закопавшиеся под землю и умершие много месяцев назад.

«Что с капитаном? — подумала Снежина. — Он никогда еще не повышал голоса».

Она ожидала, что он будет куда осторожней и спокойней, но раз он потерял сдержанность, тем лучше. На его месте Снежина говорила бы еще резче.

— Второе, — продолжал капитан, игнорируя возмущенный жест генерала. — У меня тоже есть встречное предложение. Вы все покидаете пещеру и переходите в купол. Без оружия. Ни у кого из обитателей купола спя нет. В куполе вы живете, лечитесь — вас всех надо срочно лечить — и вместе с теми, кто уже живет там, решаете, улететь нам или нет.

— Это вмешательство в дела нашей планеты!

— Да, — сказал Загребин тихо. — И теперь я хотел бы выслушать присутствующих здесь членов Совета купола. Загребин обернулся к Пирре.

— Нет, — возразил генерал. — Мы этого Совета не признаем. Я хочу задать вам вопрос: признаете ли вы силу?

— В каком смысле?

— А вот в каком. На нашей базе, недоступные для чуждого оружия, спрятаны ракеты с ядерными боеголовками. В любой момент они могут быть выпущены по вашему кораблю. От вас останется мокрое место. От вас и от вашего купола. Кроме того, у нас заложники, несколько человек с вашего корабля. Подумайте об их судьбе. Я предлагаю объявить перерыв. Мне надо выйти на связь с базой и рассказать о ходе переговоров. И не пытайтесь меня остановить. Я старый солдат. За каждый волос, упавший с моей головы, упадет голова вашего человека. Надеюсь, мы понимаем друг друга.

Генерал снова посмотрел на часы и прошел к шахматному столику, на котором стояла рация.

— Принесите чаю, — попросил устало Загребин и тяжело прошел к выходу. Он шел посоветоваться с короной Аро.

Бауэр вышел вслед за ним.

3.

Ренци медленно брел по куполу. У большого дома под ярким фонарем сидели женщины. Они сидели, как сидят в бомбоубежище в ожидании разрыва бомбы. Ренци не стал подходить к ним. Он обошел дом сзади; там в захламленных вокруг стола профессора Кори стояли мужчины, восемнадцать человек — армия купола. Они были плохо вооружены. Они, можно сказать, не были вооружены совсем, если не считать оружием нескольких плохо заточенных кухонных ножей и пик — ножей на длинной ручке.

— Как дела? — спросил один из охотников-пыи на лодочном лигонском.

— Они разговаривают, — ответил Ренци. — Они все разговаривают.

— Ты видел солдат?

— Да. Двое сидят в коридоре. Их пустили в корабль. Один даже в самой комнате. У него рация.

— Неужели они поверят солдатам?

— Могут поверить. Когда я сегодня просил у капитана оружие, он сказал, что оружия нет. Он не хочет ввязываться в наши дела. Где Ранмакан?

— У себя. У него болит живот.

— У него всегда болит живот, — засмеялся кто-то из мужчин, — когда надо работать или воевать.

— Я пойду проведу его, — сказал Ренци, — он больше нас знает о пришельцах. Если они оставят нас, все пойдет по-старому, и мы снова станем рабами. Надо строить баррикаду у входа в купол.

— А если солдаты согласятся войти в купол?

— Как — войти?

— Как мы, без оружия?

— Кто тебе сказал такую чепуху?

— Ранмакан. Он сказал, что солдаты тоже хотят жить. И их можно понять.

— Я все-таки пойду поговорю с Ранмаканом.

Ренци попрощался с мужчинами и пошел к большому дому. Женщины увидели его издали, встали, но никто не осмелился задать ему вопроса.

Ранмакана в комнате не было.

Ренци вышел снова на крыльцо, спросил у женщин, где Ранмакан.

— Он ушел. С полчаса, как ушел.

— Куда?

— Вроде бы на корабль.

— Нет, его там нет, я сам там был.

Перед тем, как возвращаться на корабль, Ренци обошел купол вокруг. Потом вернулся к кораблю и спросил стоявшего у входа Бауэра:

— Ранмакан не проходил?

— Нет, а что?

— Ничего. — Ренци сразу ушел. Он был зол на всех пришельцев.

Бауэр вздохнул и вернулся в плюзовую камеру. Под прозрачным темным потолком коридора было неуютно, и он чувствовал себя беззащитным.

Ренци мог бы объявить тревогу и разослать на поиски Ранмакана мужчин, но ему не хотелось поднимать шум раньше времени. Ранмакан вполне мог прятаться под кустом — такой человек.

Ренци шел по самому краю купола и время от времени всматривался в ночь. Там, на пустыре, успокоительно перемитгивались башенки сигнализации. Ренци дошел уже до второго шлюза, выходящего из купола на улицу, и остановился у кучи досок и ящиков, сложенных еще вечером; если придется воевать, то основная линия обо-

роны пройдет у шлюза. Ренци заглянул в шлюз. Там должен висеть скафандр. На всякий случай, скафандр висит в каждом шлюзе.

Скафандра не было.

Значит, Ранмакан убежал.

В распоряжении Ренци было немного возможных ответов на вопрос, куда исчез скафандр, но он не стал искать второго или третьего ответа — для него было совершенно ясно, что скафандр мог взять только Ранмакан.

Ренци подошел к стене купола и стал вглядываться в темноту. В свете сигнальных башенок многого не увидишь. Ренци хотел бы выйти наружу и посмотреть, не осталось ли следов Ранмакана, но второго скафандра не было, а бежать на корабль три минуты — этого времени в распоряжении Ренци нет.

Прожектор «Сегежи» прошел широким светлым кругом по земле за сигнальными башенками. Ренци следил за его движением, но в полосе ничего не оказалось. Или Ранмакан убежал подальше, или он прячется здесь, где-то у купола.

Ренци взглянул вдаль. Ему показалось, что со стороны гор мелькнул огонек. И тут же совсем неподалеку от купола по направлению к сигнальным башенкам ринулась человеческая фигура.

Ранмакан!

Шахтер распахнул люк в шлюз и, задвинув его — без того не откроешь следующий, — рванул внешний люк. Люк открылся. Ренци не думал о радиации. Он ясно видел, как к кабелю, соединяющему сигнальные башенки, бежит человек.

Ренци догнал Ранмакана у одной из башенок, когда тот перерубал кабель топором. Ранмакан, оглохший от невероятного стука сердца, не услышал, как к нему подбежал Ренци.

— Ах ты, слизняк! — крикнул шахтер.

Кабель был уже перерублен, и сигнальные вышки, хотя и продолжали перемигиваться, перестали быть единым целым — теперь сквозь их цепь можно было пройти к кораблю, не подняв тревоги.

— Ах ты, слизняк! — кричал Ренци, схватив Ранмакана за горло.

Тот отчаянно извивался в его руках, стараясь достать пистолет. Армейский пистолет, который ему дал на про-

шание Бессмертный. Страх смерти — смерти, так часто настигавшей его за последнее время, — придавал ему силы, и он все-таки умудрился выхватить этот пистолет, и мутнеющий рассудок заставил его нажимать и нажимать курок, всаживая пули в тело шахтера, который, и умирая, не отпускал его горла.

4.

Механик, примостившись на коленях Райкова, указывал путь к главному входу. Группа Бессмертного, которая должна была во время переговоров незаметно подкрасться к кораблю и захватить его и купол с помощью предателя, ушла в Манве оттуда. Они ехали на военном грузовике, и, возможно, удастся догнать их по пути.

От главного входа повернули вниз, в долину. Ехать было легко. Дорога прилично сохранилась, да и лучи прожектора «Сегежи», видный за много километров, служил хорошим ориентиром.

Павлыш старался выжать из вездехода все возможное: с каждой секунды пассажиры «Ежа» принимали все большие дозы радиации, и с каждой минутой увеличивалась опасность для корабля.

В кабине молчали. У Малыша кровоточила рана, и он прижимал к ней мокрую от крови ладонь, морщась от каждого толчка. Райков прислушивался к биению собственного пульса. Он был храбрым парнем и в других случаях не струсил бы, но невидимость и неумолимость врага, закрывшегося в его тело, настолько пугала, что он, незаметно для окружающих, прижал лицо к спине сидевшего у него на коленях механика, чтобы защититься от радиации. Хоть это было и бессмысленно.

Механик о радиации не думал. Он свыкся с близостью смерти. Он хотел только дожить до утра, чтобы увидеть солнце, он хотел, чтобы убили генералов и солдат всех. Он держал в руке пистолет, готовый стрелять в любой момент. Он сам собирался вершить правосудие.

Девкали и Павлыш думали об одном и том же — о женщинах, оставшихся на корабле, о женщинах, которым грозила опасность. Но если Девкали сейчас не мог думать ни о чем, кроме судьбы Пирры, то Павлыш еще думал и об Антипине, о его таинственном исчезновении. Ему все время хотелось вернуться обратно, как челове-

ку, который вспомнил в последний момент перед отходом поезда, что забыл попрощаться с кем-то из родных, да уже поздно: поезд тронулся...

Грузовик они настигли неподалеку от города. Что-то дучилось с мотором, и один из солдат копался в нем. Остальные столпились рядом, странно знакомые в скафандрах космонавтов.

— Их можно принять за нас, — сказал Павлыш.

— На это и рассчитывают, — подтвердил Малыш.

— Приготовиться к бою, — скомандовал Павлыш. Он тормозил метрах в пятидесяти от грузовика, за крутой изгибом. — Я буду здесь, у лазерной установки. Девкали, Райков, с автоматами быстро выскакивайте и ложитесь за камни.

Эта операция заняла меньше минуты. Механик с пистолетом в руке тоже выскочил из вездехода и, перебежав дорогу, вскарабкался на склон холма и залег там.

Павлыш включил усилитель и подсоединил к нему кабельного лингвиста. Он не следил, как и куда исчезли его товарищи. Надо было использовать неожиданность.

— Сдавайтесь! — крикнул он, включив усилитель на полную мощность. — Вы окружены! Сдавайтесь!

Группа солдат в скафандрах, стоящая до этого в растерянности — они не могли разобрать, что за машина догнала их: слишком ярко били в глаза фары, — тут же рассыпалась по кустам. Только шофер присел за капот грузовика, и ноги его были хорошо видны Павлышу.

— Приказываю немедленно выйти из укрытия и бросить оружие, — продолжал Павлыш. — Сопротивление бесполезно!

В ответ автоматная очередь простучала пулями по прозрачному куполу вездехода.

— Не пробьют? — спросил Малыш.

— Не думаю, — ответил доктор. — Если у них нет гранат...

Затрещали очереди из-за камней вокруг вездехода. С той стороны начался на высокой ноте и оборвался крик.

Павлыш развернул лазерную установку и дал лучом по задним колесам грузовика. Грузовик осел на дорогу, и над ним поднялась туча светлого, видного в ночи дыма. Шофер выскочил из своего укрытия и метнулся к скалам. Сухой пистолетный выстрел оборвал его бег. Механик сводил счеты.

— По крайней мере, мы их задержали, — сказал Павлыш. — До корабля они не доберутся.

Он еще раз нажал на гашетку и превратил грузовик в пылающую кучу металла и дерева.

В свете пламени за одним из камней блеснул шлем.

— Сдавайтесь! — еще раз крикнул Павлыш.

Снова треснул пистолетный выстрел. Шлем за камнем исчез. Автоматы Христо и Девкали молчали.

— Не стрелять! — приказал Павлыш. Он опасался, что механик не сможет удержаться, видя перед собой цель.

Человек в скафандре поднялся во весь рост, держа над головой автомат, и осторожно вышел на освещенную фарами дорогу. Как будто выжидавшие, что будет с их товарищем, остальные солдаты тоже покинули укрытия. Они воевали не потому, что хотели этого, — они боялись смерти. И если бы Вапрас подслушал их тихие разговоры на деревянных койках подземной казармы, он бы всерьез усомнился, стоит ли начинать войну.

Автоматы звонко брякнули о камни дороги. Девкали поднялся из-за своего укрытия и пошел по дороге к сбившимся в кучку солдатам. Райков стоял на месте, прикрывая его на всякий случай, если солдаты замыслили военную хитрость. Он знал о военных хитростях только из книг.

Неожиданно из-за камня блеснул огонь. Автоматная очередь. Девкали схватился за бок и медленно осел на землю. Быстрее всех отреагировали солдаты. Они схватили брошенные автоматы и засыпали пулями Бессмертного, укрывшегося за камнем и ведшего свою личную войну с Девкали. Солдаты хотели жить. Они хотели показать, что полностью и безоговорочно перешли на сторону новой власти...

Тело Бессмертного, прошитое чуть ли не сотней пуль, брать с собой не стали. В вездеход уложили раненого Девкали — его удалось кое-как перевязать.

Солдаты шли впереди ползущего вездехода. Их охраняли, хотя всем уже было ясно, что это лишнее. Павлыш вел вездеход.

Процессия медленно спускалась на равнину, к близкому уже диску «Сегежи» и освещенному букетами ламп куполу.

5.

Генерал долго не отходил от рации. Он еще стоял над ней, когда вернулся Загребин после тяжелого разговора с Аро, который считал, что следует согласиться на требования генерала, однако, улетаая, взяв с собой тех жителей Муны, которые не захотят оставаться здесь. Аро был уверен, что генералы, такие агрессивные сейчас, вскоре растворятся в новом обществе и их присутствие под куполом ничего не изменит. Тем более, ведь оставался риск, что генералы все-таки осуществят свою угрозу и запустят ракеты в Манве, погубив поселение и корабль.

Загребин не мог бы даже объяснить, что руководит им, однако он лучше знал генералов, чем мудрый Аро: генералы были сравнительно недавним прошлым Земли.

Загребин прошел на свое место за столом и сел.

— Чего он? — спросил капитан тихо у Бакова.

— Инструкции получает.

— На мостике все спокойно?

— Да, я сейчас связывался с Кудараускасом.

— Геннадий Сергеевич, скорее поднимитесь ко мне, — произнес в этот момент динамик голосом Зенонаса.

— Ну вот, все-таки что-то случилось.

— Взгляните, — сказал Кудараускас вбежавшему на мостик капитану.

На большом экране был виден купол, в нескольких десятках метров от него стояла толпа, окружив два тела, лежащие на земле. Сноп прожектора, падавший на них сверху, освещал мокрые от дождя напряженные лица.

— Ранмакан разрезал кабель сигнальной сети. Ренци увидел и выбежал без скафаидра наружу, чтобы остановить его. Ранмакан убил Ренци. Я заметил, что происходит, только когда услышал по внешней связи выстрелы.

Корона Аро, стоявший у экрана, проговорил:

— Если Ранмакан сделал это — а он трус, — значит, ждал, что кто-то постарается проникнуть к нам снаружи.

— И генералы ввали, — добавил Загребин специально для Аро.

Тот прикрыл несколько глаз и произнес:

— Возможно.

— Скажи Вас, — обернулся капитан к Кудараускасу, — чтобы вышел в купол. И пусть захватит антиради-

ационные средства. Передай: несколько человек оказались снаружи без скафандров. Корона Вас, наверно, в буфетной. Или в лаборатории. И приготовь большой ладзер.

Кудараускас обернулся к переговорному устройству, капитан собрался было уходить, но Аро остановил его! — Прислушайтесь.

В динамике внешней связи глухо звучали голоса стоящих вокруг Ранмакана и Ренци людей. Потом к этим голосам примешался далекий треск. Будто радиопомехи.

— Что бы это могло быть? — спросил Аро.

Услышали треск и люди снаружи. Они обернулись к холмам, нависшим над городом.

— Странно, — сказал капитан. — Мне это не нравится. Включи-ка внутреннюю связь. Включил? Баков? Что делает ваш генерал? Говорит еще? Сколько можно! Спроси его: скоро начнем заседание?

Баков известил после короткой паузы:

— Сейчас вбежал солдат, который оставался снаружи, и что-то говорит генералу. Там у вас все в порядке?

— Почти все. Потом расскажу.

Генерал наконец сообразоволил сесть за стол.

— Продолжим переговоры, — предложил он. — К какому вы пришли решению?

В кают-компанию вбежал солдат. Второй из тех, что оставались под присмотром Бауэра снаружи. Он нагнулся к уху генерала и прошептал что-то.

— Как? — переспросил генерал. — Идиоты! С зажженными фарами!

Ожил динамик внутренней связи.

— Капитан, — доложил Кудараускас, — с холмов спускаются люди. За ними идет наш вездеход. Что делать?

— Вездеход оставался в Горном саду, — напомнил Баков.

Генерал встал и вынул из кармана пистолет.

— Вы арестованы, — бросил он.

И отступил на шаг, чтобы радист, также извлекший пистолет, прикрывал его сзади. Тот солдат, что шептал генералу на ухо, отскочил к двери. В руках его был автомат. Только офицер-отрядник остался сидеть за столом. Он улыбался и делал вид, что он совершенно ни при чем.

— К кораблю приближаются наши войска, — продолжал генерал.

— Сдавайтесь. А то я стреляю. Вы передаете нам корабль и переходите в подземелье.

— Когда я тебе скажу, вырубись свет, — сказал по-английски капитан. Он знал, что Кудараускас слышит каждое слово. Капитан закурил и пустил струю дыма в сторону опешившего от такого зрелища генерала.

Кудараускас тем временем наблюдал, как разбежались и падали на землю мужчины, окружившие Ренци и Ранмакана.

Вездеход был отлично виден, он уже подошел к испорченной сигнальной линии. Выглядел отряд странно. Впереди шагал с автоматом в руках Христо Райков. Христо был без шлема и скафандра и прикрывал свободной рукой голову. За ним шествовали незнакомые люди в скафандрах с поднятыми вверх руками. Сзади еще один — хромой, в защитном костюме. У него в руке был пистолет. Направив луч света на купол вездехода, Зенонас увидел за рулем Павлыша. Доктор помахал Кудараускасу рукой. Зенонас снял палец с кнопки лазера.

«Кажется, мы все-таки победили, — подумал Кудараускас. — Осталась еще проблема с кают-компанией. Но тут можно что-то придумать».

Кудараускас отключил звук кают-компании, оставив остальные помещения.

— Бауэр, Эмилия Кареновна, Кирочка, переговоры у нас временно прерваны — опять идет война. Незаметно впустите в корабль экипаж вездехода.

Защитники купола уже разглядели, в чем дело: они бежали навстречу вездеходу, и Райков кричал им что-то, размахивая автоматом. Пленные солдаты сжались в кучку при виде орущей толпы, но после нескольких слов человека, который шел сзади, успокоились. Мужчины из купола раскрыли крышку вездехода и вынесли оттуда Девкали. Другие помогли выбраться Малышу. Остальные вооружились автоматами и побежали к кораблю. Они слышали слова Кудараускаса.

Павлыш взобрался в тамбур и сказал Глебу:

— У нас рация не работала. Эти бандиты ее поломали, еще когда Антипина вытаскивали. Но до ходовой части не добрались.

В дверях тамбура стояла толпа автоматчиков.

— Куда идти? — спросил один из лигонцев.

— Сейчас Кудараускас скажет, — ответил Павлыш. — Кудараускас в курсе дела.

Кудараускас и в самом деле был в курсе дела. Он включил кают-компанию и сообщил капитану по-английски:

— Здесь все в порядке. Они у нас в руках. Не озлобляйте этих. Через минуту все кончится.

— Свет вырубить не нужно будет?

— Обойдемся, Геннадий Сергеевич, — заверил Кудараускас. Он знал, что Павлыш и его спутники уже у дверей.

Генерал с пистолетом в руке прислушался к приближающимся шагам за дверью. Он кивнул солдату:

— Скажи им, чтобы вошли.

Солдат открыл дверь и выглянул в коридор.

— Входите.

Чьи-то сильные руки рванули солдата в коридор, он исчез, и на его месте в широко распахнувшихся дверях показались Павлыш с Бауэром. За их спинами стояли другие люди. Павлыш уверенно, будто никогда в жизни не расставался с ним, держал автомат.

— Сдайте оружие, генерал! — приказал он.

За спиной генерала звякнул пистолет солдата. Тот бросил его в то же мгновение, когда Павлыш открыл рот.

Генерал обернулся. Пистолет дрогнул в его руке. Он зажмурился и выстрелил себе в голову.

6.

Антипин попытался пошевелиться. В камере было темно. Темно и в коридоре. Правда, в коридор откуда-то попадает слабый свет, потому что видно, что дверь в камеру приоткрыта. Антипин попробовал шевельнуть ногами. Ноги тоже были связаны. Антипин вытолкнул языком кляп изо рта — солдат заткнул ему рот кое-как. Плоская ножка солдатской койки была совсем рядом. Антипин подполз к ней и стал пилить веревку об острый металл. Солдат связал его профессионально. Не профессиональной была только веревка. Она подгнила, а другой не было. Через несколько минут она лопнула. Антипин сел и долго растирал онемевшие руки. В подземелье было тихо. «Странно, — подумал он, — что дверь оставили

открытой». Антипину казалось, что, когда он был без сознания, кто-то звал его, за дверью стучали шаги, но это могло быть плодом воображения. Антипину хотелось, чтобы его звали и искали. В подземелье было даже глуше, чем обычно. Казалось, что все ушли оттуда навсегда. Антипин развязал ноги. Но сразу встать не смог. Ноги отказывались держать его.

Наконец Антипин выбрался в коридор. Свет в коридоре не горел, и лишь сзади, из бокового прохода, пробивался слабый луч.

Туда Антипин и поплелся, опираясь на стену. Он был настолько измучен и избит, что шел не таясь, не слыша собственных шагов и не заботясь о том, услышит ли его кто-нибудь. Саднила шишка на голове — солдат основательно ударил его автоматом, кровь на лице сохла сухих коркой и стянула кожу.

Антипин свернул в освещенный коридор, не зная еще, куда идти, кого искать. Снежина уехала, но остальные? Где остальные? Он чувствовал, что подземелье пусто, что никого в нем не осталось. Но чувствам не всегда можно верить, особенно если с тобой грубо обращались и били по голове. «Теперь меня ребята не узнают», — Антипин хотел улыбнуться, но улыбки не получилось.

Перед одной из дверей Антипин остановился. Из-за нее доносился голос. Сухой, знакомый голос Вапраса. «Сейчас все узнаем... Только надо казаться сильным...» Он нажал плечом на дверь, и та легко открылась.

Вапрас, кричавший что-то в телефонную трубку, обернулся при скрипе двери. В руке у него был пистолет.

— Кто там?

«Ну, у Вапраса вид похуже моего, — подумал Антипин. — Вот-вот помрет».

— Это всего-навсего я, — ответил Антипин. — А вы идете, когда за вами придут?

— Бессмертный! — кричал в трубку Вапрас. — Бессмертный!

Он бросил трубку. Сунул в рот комок жвачки. Взял со стола отобранную у Кори коробочку лингвиста и гостеприимно указал рукой на кресло, делая над собой усилие и на минуту превращаясь снова в прежнего генерала.

— Садитесь. Значит, вас забыли?

— Кто забыл?

— Ваши, когда бежали отсюда. Ну ничего, здесь вы

будете в надежных руках. У ваших все равно нет скафандров. Они умрут, пока доберутся до корабля. Да и к тому же будет поздно.

— Почему? — полюбопытствовал Антипин. То, что Павлыш и остальные убежали, было хорошей новостью.

— Да потому, что сейчас мой отряд подходит к «Сегеже». И на ее борту находятся мои люди. С минуты на минуту «Сегежа» перестанет быть вашей. Она станет моей. Моей!

— Значит, пока еще не стала? — спросил Антипин.

— Погодите.

Загорелась лампочка вызова на рации.

— Кто говорит? Бессмертный? Что?

Антипину был слышен голос в рации. Это был очень знакомый ему голос Павлыша.

— Вапрас, — говорил Павлыш. — Генерал ваш только что кончил жизнь самоубийством. Отряд в плену у нас. Какие будут дальнейшие указания?

— Кончайте безобразие! — возмутился Вапрас. — Дайте трубку кому-нибудь из моих людей!

Вапрас говорил с офицером-отрядником, кричал что-то, угрожал, потом бросил трубку на стол и обхватил голову худыми жилистыми руками. Трубка еще продолжала говорить, увещевать Вапраса. Вапрас поднял голову. Он был уже спокоен безразличным спокойствием мертвеца. Осторожно положил трубку на рычаг. И тут заметил Антипина.

— Ну и что? — спросил тот.

— Они предлагают мне сдаться. Они сейчас выезжают сюда, чтобы забрать вас и меня. И больных солдат в госпитале.

— Ну что ж, надо сдаться, — ответил Антипин. — Я вас обижать не буду и обещаю забыть, как вы умели драться.

— Я бы на вашем месте не шутил. Ваши предложения неприемлемы. Я хочу показать вам кое-что. Вы можете идти?

— Могу.

— Жаль совершать последнее дело в жизни без свидетелей. А вы удобный свидетель, который умрет вместе со мной, — сказал Вапрас, когда они шли по коридору.

— Тогда вам придется долго жить.

— Да, кстати, не подумайте, что можете со мной

справиться. У меня пистолет, а у вас его нет. Еще час назад я был господином этой планеты. Я надеюсь и умереть им. Я не собираюсь принимать, как собака, пищу из рук доброго хозяина. Надеюсь, после того, что мы с вами сейчас сделаем, на нашу тихую мертвую планету больше не будут прилетать милостивые пришельцы.

Вапрас включил дрезину и даже помог Антипину взобраться на нее.

— Приходится вести дрезину самому, — сказал Вапрас, — последний здоровый простолудин удрал вместе с вашими. Мне надо было догадаться, что он может на это пойти. Откровенно говоря, я наделал массу ошибок. Мне, конечно, следовало бы договориться с вами. А уж потом, когда вы улетите...

Дрезина завернула в боковой туннель, такой же высокий, как и главный, и через несколько сот метров остановилась перед очередной стальной дверью.

Вапрас соскочил с дрезины и подошел к пульту у дверей. Двери медленно раздвинулись.

За ними обнаружился обширный зал с длинным низким пультом у одной из стен. Посреди зала стояли три ракеты, до половины погруженные в колодцы.

— Как видите, — тоном любезного хозяина говорил Вапрас, — здесь у нас сохранились три тактических ракеты с атомными зарядами. Ну и, кроме того, чтобы уж вы все знали, в крайнем закрытом колодце лежат две запасные боеголовки, то есть две атомные бомбы. И все это хозяйство можно оживить немедленно. Следуйте за мной. Вот телефон. Сейчас мы позвоним на корабль и честно предупредим, что жить осталось им совсем немного. Вам плохо? Да, вы очень ослабли. Ничего, через несколько минут это не будет играть для вас ровным счетом никакой роли. Мы с вами останемся единственными, не считая больных, людьми на этой планете. И тогда вся наша аптека к вашим услугам. Вы научитесь жевать жвачку...

Генерал Вапрас поднял трубку телефона и вызвал «Сегежу». Ему доставляло удовольствие глядеть в это время на Антипина. Когда тот хотел подойти поближе, Вапрас почти игриво погрозил ему пистолетом: сиди, мол.

— «Сегежа»? — спросил Вапрас. — Говорил хозяин Муны, генерал Вапрас. Соедините меня с капитаном...

Вот видите, как хорошо, — обернулся Вапрас к Антипину. — Они даже не отключили рацию. Они хотят с нами договориться. Они боятся меня... Капитан Загребин? Я не имею чести знать вас лично, но я хочу вас предупредить, что через минуту, а может, две, а может, пять — как мне захочется, — я выпущу в вас ракету с атомной начинкой. Нет, зачем же разговаривать? Уже все ясно. Я проиграл последнюю войну. Вы ее выиграли. И я хочу взять реванш. Нет, поздно. У меня тут сидит ваш друг Антипин, но я его к телефону не подпущу: телефон стоит на пульте, и Антипин может мне помешать. Хотя он и не в таком состоянии, чтобы быть серьезной помехой. Ну, прощайте, до встречи на том свете. Я к вам присоединюсь через несколько лет. У нас под землей плохой климат.

Вапрас повесил трубку, не обращая внимания на тут же загоревшийся огонек вызова.

— Я даже разрешу вам подойти поближе, — сказал Вапрас. — Мне хочется, чтобы вы наблюдали за процессом запуска ракет. У вас на Земле это происходило несколько иначе. И давно. Смотрите! Нет, ближе не надо. Оттуда вам все хорошо видно. Курс на Манве мне известен. Он рассчитан заранее. Эта таблица позволит мне навести ракету с предельной точностью не только на Манве, но именно на купол и корабль. Что мы и делаем.

Вапрас, краем глаза следя за Антипиным, начал набирать комбинацию кнопок на пульте.

Антипин рассчитывал, сможет ли он достать Вапраса в один прыжок. Нет, придется сделать еще один шаг.

— Надо нажать три последовательные кнопки. Кнопка первая — готовность базы. Ну, база готова...

Антипин поднял ногу для шага. Вапрас не заметил. Он был увлечен войной, своей личной, собственной войной. Антипин опустил ногу.

— Теперь вторая кнопка, — продолжал Вапрас. — Ракета готова к пуску, отодвигается крышка...

Вапрас нажал кнопку и поднял на секунду голову, чтобы проверить, отодвигается ли крышка в самом деле. Громадная каменная плита отъехала в сторону, и легкий дождь заморосил по пыльному пульту.

— Теперь третья...

Но Вапрас не успел нажать на третью кнопку. Антипин прыгнул головой вперед, руками оторвал Вапраса от

пульта и упал вместе с ним на пол. Вапрас пытался выпрыгнуть, но пистолет отлетел в сторону, когда Антипин ошиб генерала, а без пистолета Вапрас был не парой даже израненному и избитому Антипину. Антипин отодвинулся от себя ослабевшие руки генерала, оттолкнул его ногой подальше от пульта и нажал зеленую кнопку под другой красной. Логика механика не обманула его. Каменная крышка медленно вернулась на свое место.

— Ну, что будем делать, генерал? — спросил Антипин и подумал: «Черт возьми, опять кровь из щеки идет. Еще шрам останется». И добавил вслух почти весело: — Я обид не помню.

Вапрас приподнялся с пола, оперся о пульт, достаточно далеко от Антипина, так что тот не заподозрил ничего неладного.

— Мы будем еще воевать, — сказал генерал и нажал красную кнопку на дальнем конце пульта. Кнопку, которая должна была детонировать атомные бомбы.

И вспыхнул ответ...

7.

Когда трубка замолчала и сухой торжествующий голос Вапраса растворился в воздухе, капитан сказал солдату-радисту:

— Соедините меня с ним снова. — И без перерыва, той же фразой закончил: — Немедленно начать эвакуацию купола! Все на корабль. Подъем через пять минут. Приготовиться!

Тут же капитан оказался на мостике.

Этой минуты ждали и боялись все. И солдаты Вапраса, знавшие о ракетах, и жители купола, и члены экипажа. За те минуты, что прошли между подавлением «мятежа генералов» и разговором с Вапрасом, жители купола уже подошли поближе к кораблю, Лещук загнал и поставил на место катер и вездеход, а Кирочка проверила и перевела в готовность «один» планетарные двигатели.

И все-таки в пять минут уложиться не успели. Старались не толкаться, но толкаясь, люди еще лезли в люк и Пауэр подсаживал их, помогая пройти дальше, где тетя Миля и Снежина вели женщин в кают-компанию и раскладывали в креслах, чтобы легче перенести момент от-

рыва; еще стояла на земле слишком медленно таявшая очередь мужчин, которые боялись, что их оставят на планете, оставят погибать под последними ракетами, как в стороне от базы вспыхнул яркий свет.

Кто-то закричал, и крик этот подхватили женщины, и дети, и мужчины... Люди снова пережили свою смерть. Яркое пятно разрослось в невыносимо светлый шар, и, темнея, шар начал расти в небо черным, таким знакомым всем жителям Муны грибом.

И над паникой и криком людей, ожидающих смерти, раздался голос капитана Загребина.

— Тревога отменяется, — говорил он. — Все могут возвращаться к своим делам. Повторяю, тревога отменяется.

И люди, только что рвавшиеся в спасательные двери тамбура, останавливались и прислушивались к нарастающему грохоту далекого взрыва...

— Там был Антипин, — сказала Снежина. — Там был Ваня Антипин. Сам Вапрас говорил об этом. Антипин успел помешать.

Но как бы то ни было, когда потом, уже на Земле, тетя Миля рассказывала кому-нибудь о путешествии на планету Муна, она говорила: «И вот наш Ваня Антипин — пока тот, генерал, направлял в нас ракету, — успел нажать на другую кнопку. Сам взорвался, и генерала взорвал».

Это не совсем соответствовало правде, но мало чем от нее отличалось.

8.

...Когда «Сегежа», улетаая, сделала круг над еще мертвой планетой, все собрались на мостике, глядя, как по экрану проплывают точки куполов. Куполов было уже два. На Муну наконец пришло лето, дождей стало меньше, и кое-где виднелись зеленые пятна травы. Она пробивалась сквозь камни и плесень.

Рядом с куполами можно было различить маленький диск корабля Галактического центра. Корабль привез новое оборудование, продукты и еще один аппарат для Вас. Вас остался на Муне. Еще на год. Он с удовольствием согласился на это, потому что любил свою работу.

Потом планета заволоклась тучами — под кораблем шел океан.

Понемногу все покинули мостик. Малыш спустился в буфетную к тете Миле. Он еще хромал, ходил с палочкой, но аппетит у него был зверский.

В буфетной сидел патриций. Он летел на Землю как представитель Муны. Он уже за две недели до отлета начал бомбардировать капитана и Пирру прошениями в письменной форме, и они сдались перед лавиной бумаг. Патриций задумчиво глядел на портрет Вас, висевший над столом, и рассуждал о многообразии природы. Тетя Миля внимательно слушала его. Она уже выплакалась, прощаясь с друзьями в куполах, и обещала вернуться к ним. Теперь она с удовольствием слушала рассуждения умного человека.

— Тетя Миля, не помешал? — спросил Малыш.

— Здравствуйте, — сказал патриций, который уже раз два или три здоровался с Малышом. — Мне говорили, что доктор Павлыш выпускает стенную газету? Это правда?

— Доктор Павлыш в настоящее время не выпускает стенную газету, а в тысячный раз в завуалированной форме объясняется в любви Снежине Пановой. Вы можете это проверить, соединившись с ее каютой по внутренней связи. Но соединяться не советую. Павлыш очень сильный и вспыльчивый человек.

— О да, я знаю! — искренне воскликнул патриций. — Он же разгромил отряд Бессмертного. Это войдет в историю. Я ее пишу.

— Не забудьте про меня, я тоже громил отряд Бессмертного — в основном, в качестве наблюдателя.

— Ни одно имя не будет забыто, — заверил его патриций.

— Кстати, был тут один, писал историю...

— Вы не знаете, где первая часть мемуаров Ранмакана? Они представляют историческую ценность.

— У Кудараускаса.

— Не могу я согласиться, до сих пор не согласна, — вмешалась в разговор тетя Миля. — Ну, почему его не оживили? Я понимаю — Бессмертный, генерал...

— А чем Ранмакан лучше них?

— Слабый он был человек, неуверенный. А так в нем и хорошее было.

— А я тоже голосовал за то, чтобы не оживлять Ранмакана, — сказал патриций. — Я понимаю, это жесто-

ко — убивать людей. Вернее, лишать их права на жизнь, даже если они это право потеряли, умерев. То есть умерли и этим лишились... Другими словами, после instantaneous смерти, вызванной...

Патриций замолчал, стараясь привести в порядок мысли.

— Понятно, чего уж там, — заключил Малыш. — Ранмакан — не Феникс. То — птица благородная.

— Феникс?

— Мифологическая птица. Она возрождается в огне.

— Да-да. Возрождается. И Ранмакана мы бы возродили. И этим предали бы память о профессоре Кори и о механике Антипине. Ведь смерть для них окончательна. Ни одной клетки, ни одной капли крови от них не осталось.

— Ваше дело, — сказала тетя Миля. — Но, по-моему, каждого человека перевоспитать можно.

— Это на планете корон можно, — не согласился Малыш. — И у нас, на Земле, скоро можно будет. Здесь еще нельзя. Здесь людям еще хочется найти себе хозяина, здесь слишком много значит понятие силы — прошлое так близко, что, впусти его палец в щель, оно войдет и усядется посреди комнаты. А рядом с силой присядет и предательство — слабость, которая ради того, чтобы примазаться к силе, готова топтать ногами еще более слабых. Ранмакан опаснее генералов. Генералы видны издали — они откровенны. Ты сразу знаешь, чего от таких ждать, а Ранмакан играл со мной в шашки и в нарды. И заведовал мастерской. И был один из нас... Что-то я разговорился.

— Ну, собирайтесь, молодые люди, — напомнила тетя Миля. — Сейчас объявят о готовности. Большой прыжок.

— Всем членам экипажа. Начинается первый разгон, — сказал капитан Загребин по внутренней связи. — Разгон начнется через сорок четыре минуты. Перегрузки — три-четыре g. Пассажиров просят занять амортизационные ванны. После окончания разгона — ужин. В кают-компании начнется розыгрыш первенства «Сегежи» по шахматам.

Динамик щелкнул и отключился.

**ВЕЛИКИЙ ДУХ
И
БЕГЛЕЦЫ**

Повесть

Глава 1

Избушка

Павлыш проверил анабиозный отсек, там все было в порядке. Странно, еще недавно он спорил с Бауэром, доказывал ему, что этот отсек — анахронизм и, если уж переоборудовать корабль на гравитационный двигатель, то можно заодно и ликвидировать отсек — лишнее место, лишний вес... И Бауэр сказал тогда: «Но может же так случиться...». Хотя оба понимали, что случиться так не может. И случилось.

Уже месяц, как «Компас» падал. Он падал, и неизвестно было, чем кончится это падение. «Компас» проваливался в пространство, в бесконечность. Уже месяц, как он был объявлен пропавшим без вести, его разыскивали все станции и корабли сектора и не могли найти.

Находят в конце концов путешественников, пропавших без вести в пустыне, находят самолеты, разбившиеся в горах, находят флаер, унесенный ураганом, находят затонувшую субмарину. Потому что место, область их исчезновения конечны, ограничены дном моря, горной долиной, пределами пустыни. Космический корабль, пропавший без вести, найти нельзя. Тем более, если он не выходит на связь.

Надежность корабля, доведенная до совершенства, таит в себе риск. Гравитационный отражатель надежен, связь, которую поддерживает корабль на гравитационных волнах, также надежна, но если система отказывает в одной точке, возникает опасность цепной реакции. И если не уловленный приборами во время прыжка метеорит из антивещества коснулся гравитационного отражателя и, исчезнув сам, уничтожил отражатель «Компаса», то он уничтожил и космосвязь, потому что отражатель — одновременно антенна для гравитационных волн. И корабль, прервавший прыжок в точке, установить ко-

торую удалось не сразу и с недостаточной степенью точности, оказывается неуправляем, безгласен и слеп.

«Компас» был жив, но не подавал признаков жизни. Он будет жить еще несколько дней или несколько лет, потому что он — высокоорганизованный кусок металла, напичканный изысканной, но ненужной теперь техникой. Ибо он — корабль, и цель его — перевозить людей и грузы между портами Галактики. Как только он лишается возможности делать это — он становится лишь железной банкой с муравьишками внутри. И железная банка падает в бездонное пространство...

Павлыш остановился перед дверью на мостик. Капитан просил его проверить, как дела в анабиозном отсеке. В анабиозном отсеке все было отлично. Павлыш увидел свою руку, лежащую на ручке двери, и подумал о том, что он сам, доктор Павлыш, молодой, красивый, умный, не может умереть. Собственная смерть — беда, которая не может с тобой приключиться. А так как это теоретическое размышление не могло изменить действительной сути явлений, то Павлыш оторвал взгляд от своей руки и вошел на мостик.

Капитан был один. Капитан постарел за месяц, прошедший со дня катастрофы. Капитан был более одинок, чем Павлыш, потому что он разделял одиночество и беспомощность своего корабля.

— Все в порядке? — спросил он.

— Да.

Павлыш подошел к штурманскому столу с расстеленной на нем картой сектора. На ней были проложены пути «Компаса». Путь, по которому ему следовало идти; вычисленный путь, который «Компас» должен был пролететь во время прыжка; приблизительная точка, в которой корабль прекратил прыжок и еще более приблизительный путь с того момента и до сегодняшнего дня. Прыжок должен был перенести его через весь сектор. Авария же бросила его в центре сектора, на периферии пылевого мешка, не позволившего ориентироваться визуальными методами. И путь отсюда был проложен условно, пунктиром...

— Слушайте, доктор, — сказал капитан. — Есть шанс, правда, небольшой...

Несчастье случилось с «Компасом» в районе малонизученном, но не пустынном. Это давало шансы на спасение

и уменьшало их. Можно было надеяться сесть на планету — тормозные двигатели остались целы. Но, с другой стороны, «Компас» мог стать пленником звезды, притяжения которой был бы не в силах преодолеть. Есть надежда, что «Компас» пронзит сектор и окажется в районе обжитых путей системы Второго Союза. Надежда была реальна. Но с одним условием: достижение Второго Союза при постоянной скорости займет восемь с половиной лет... И когда осознание этого пришло к космонавтам после недели расчетов, споров, сомнений и ложных прозрений, решено было использовать анабиозные ванны, те самые, само существование которых казалось Павлышу анахронизмом.

Почти весь экипаж «Компаса» должен был уйти в сон. Почти весь — кроме капитана, дежурного механика и врача. И было уговорено, что через год, если все пойдет благополучно, механика и Павлыша сменят. Капитана сменять никто не будет. Это приказ и воля капитана.

За месяц, прошедший с того дня, Павлыш восстановил забытый испанский язык, выиграл у механика сто сорок партий в шахматы и несколько меньше проиграл капитану. Он прибавил полтора килограмма в весе и порой подумывал о том, что лучше аннигилировал бы весь корабль, чем ждать неизвестно чего восемь, десять... сколько лет?

Шесть дней назад внезапно появилась возможность, что путешествие скоро закончится. Впереди возникла небольшая желтая звезда с одинокой планетой. Звезда была почти на пути «Компаса», и корабль несли к ней со скоростью чуть более ста тысяч километров в секунду. Шесть дней назад капитан сказал своему экипажу — Павлышу и механику, — что есть один шанс из десяти опуститься на планету. Даже если она необитаема и непригодна для жизни, на ней, вернее всего, действует автоматический маяк, и можно будет дать о себе знать. Все зависело от того, как близко пройдет «Компас» от планеты. Если достаточно близко, то мощности тормозных двигателей хватит на посадку, если далеко, то топливо будет истрачено на коррекцию и садиться будет не на чем.

— Так что же, капитан? Мы попытаемся сесть или летим дальше?

— А вы бы что сделали, Павлыш?

— Даже если у нас мало...

— Ты молод, Павлыш, и потому годы кажутся тебе длинными и невосполнимыми.

— Я не так молод, но где гарантия, что после этих лет в нашей жестянке мы не погибнем от голода или аварии, которую не сможем ликвидировать, не провалимся в какую-нибудь дыру и не пролетим мимо торгового пути, чтобы снова углубиться в пустоту?

— Гарантии нет. Но дело вот в чем: для того, чтобы выйти к планете, мы должны истратить почти половину мощности тормозных двигателей. Из-за гибели отражателя изменена конфигурация корабля, и по расчетам получается, что остальное пойдет на компенсацию эксцентрического вращения. На чем будем садиться, не представляю...

— А что за планета?

— Если я не ошибаюсь, планета хорошая, нормальная, земного типа. Наша беда, что ее открыли недавно, и на ней нет ни станции, ни базы. Хотя должен быть маяк.

— Вы уверены?

— Я могу предполагать, что это система 16-АПР8. Погляди по справочнику.

Под этим индексом значилась система желтой звезды с одной планетой и двумя астероидными поясами. Планета была земного типа. Ей присвоили название Форпост. После ее краткого описания шло примечание: «Закрыта для исследований».

И все. Это могло значить что угодно — от наличия там разумной жизни до безвредных бактерий, опасных для человека. За справкой шла сноска на последний том общего атласа, который на «Компасе» не успели получить.

— Через три часа начинаю эволюцию, — сказал капитан. — Механик мне нужен. Ты — нет.

— Но мы не успеем разбудить штурмана и второго механика. На это потребуется часов восемь. Почему вы не сказали раньше?

— Мы обойдемся вдвоем.

Капитан уже четверо суток не спал, и инъекции переставали оказывать действие. Он устал.

— Дай мне еще шарик.

— Опасно.

— Потом вылечишь, если что. Сейчас мне нужна новая голова.

Павлыш был готов к этой просьбе. Шарик находились

в кармане. Он прижал один из них к кисти капитана, лежавшей на пульте. Содержимое всосалось под кожу.

— Я принял решение раньше, но не стал тебя ставить в известность, потому что возражения лишь отняли бы время на дискуссии. А сейчас нам некогда дискутировать.

— Но все-таки?

— Все-таки заключается в том, что посадка будет трудной. Не знаю, останется ли что-нибудь от «Компаса».

Голос капитана звучал равнодушно и холодно. Уже много дней капитан говорил так: он не мог побороть в себе глубокого и безнадежного отчаяния. Он не был виноват, но его корабль разбит. Право судить себя капитан оставил за собой.

— Чем больше людей мы сейчас поднимем, тем больше людей мы подвергнем опасности. Анабиозные камеры — самое защищенное место корабля. Анабиозные ванны — самое защищенное место в камере. Больше всего шансов выжить у тех, кто находится в ваннах.

— Я могу быть штурманом. Вы знаете, что я подготовлен к этому.

— Не нужен мне сейчас штурман! Зачем мне штурман? Чтобы бросить, как ты выразился, жестяную банку на пустую планету?

— Да.

— Слушай меня, Павлыш. Ты судовой врач. Ты отвечаешь, в пределах своих возможностей, за здоровье и жизнь команды. Поэтому при посадке твое место будет вместе с экипажем. В анабиозном отсеке.

— Вы тоже относитесь к команде. И механик. Моя помощь может понадобиться и вам.

— Правильно. Но в таком случае мне нужен живой врач. Если надо будет собирать нас по частям, для этого ты должен уцелеть. Приказываю тебе отправиться в анабиозный отсек. Я, конечно, хотел бы загнать тебя самого в ванну, но боюсь, что это превышает мою власть над тобой.

— Вы правы. И я, возражая вам, руководствуясь теми же соображениями интересов экипажа. Мои услуги могут понадобиться сразу после посадки. Кроме того, вывод людей из анабиоза также труден без участия врача...

— Ладно, я ведь не спорю. Так что прошу тебя через два часа отправиться в анабиозный отсек, я сам спущусь туда и проверю, надежно ли ты пристегнут. И будь ра-

зумен, не пытайся прибежать на мостик и принять участие в наших скучных делах. Ты будешь мне мешать...

— Хорошо, — согласился Павлыш.

— А сейчас займись-ка, пожалуйста, обедом. Накорми нас как следует. Нет никакой гарантии, что мы доживем до следующего обеда.

— Надо будет дожить. Мы отвечаем за тех, кто спит...

— Не надо меня учить, — сказал капитан. Он очень устал. — И не теряй времени даром.

...Тень «Компаса» добралась до Павлыша. Тень была длинной и росла с каждой минутой. Целый день солнце ползло невысоко над горизонтом и вот решилось, наконец, уйти на покой.

Павлыша удручала предопределенность. Правда, она протягивалась всего на несколько дней в будущее, но этого достаточно для возникновения неприязни к серому берегу и махине покореженного металла, именуемого по инерции кораблем «Компас».

Страшная тварь вылетела из колючих зарослей, подступавших к пляжу, и уселась в тени корабля. Тварь была ростом с собаку, но хрупка и члениста. Она пристально смотрела на Павлыша печальными стрекозиными глазами. Мошкара смерчком замельтешила над ней. Тварь, наконец, приняла решение, подпрыгнула и принялась биться об обгоревший бок корабля, словно комар об оконное стекло.

Можно было написать письмо. Вчера Павлыш написал уже одно. Склеил конверт из чистого листа бумаги и даже нарисовал на нем серый берег, зеленое море с полосами барашков, синие колючие кусты. И написал на марке: «Авиапочта. Планета Форпост». Все как в старые добрые времена. А вместо почтового ящика использовал остатки мусоропровода.

Павлыш поднялся, стряхнул с колен песок и ракушки и побрел к люку. Четыре дня назад он открывал его больше часа, думал, что никогда не сможет этого сделать. Тогда казалось, что открытый люк — спасение. На самом деле это ничего не решало.

Тварь стукнулась о шлем, толчок был вял, и Павлыш, отмахнувшись, сломал ее пополам. Туча мошкары сразу

скрыла останки твари. Павлыш закрыл люк, припер его изнутри стальным стержнем. Мошкара боялась тени, внутрь не залетала. Но с наступлением вечера мог появиться какой-нибудь гость покрупнее. Павлыш ошупью разделся, повесил скафандр в нишу.

Аварийное освещение в коридоре работало из рук вон плохо. Свет мерцал, терялся в углах. Его все равно придется отключить. И это прискорбно — будет темно. Павлыш решил изобрести светильник на сливочном масле. Или спиртовку. Представил себя пишущим очередное письмо при свете самодельного светильника и тут же ударился об торчащий из стены обломок трубы.

Корабль был разбит. Это никуда не годилось. Корабль создан для того, чтобы никогда не разбиваться. Если уж случается несчастье — он взрывается, исчезает бесследно. Но корабль, разбитый, как автомобиль о столб, — это невероятно. Налетевший с моря ветер качал развалину, на пол посыпался сор и в перекореженных недрах судна что-то закрипело, заныло.

Не было энергии. Не было связи. Если бы капитан остался жив, или кто-нибудь из механиков — может, они что-то и придумали бы. Хотя вряд ли. Корабельный врач Павлыш придумать ничего пока не смог. Чтобы не раскисать, он запускал зонды, методично обыскивал трюмы, привел в относительный порядок мостик и вел корабельный журнал.

Было еще одно дело. Главное и печальное. Анабиозные ванны. У них автономный блок питания. Температура поддерживалась на нормальном уровне. Так будет, подсчитал Павлыш, еще два месяца. На самом экономном режиме. И все. Павлыш останется последним человеком на этой планете. Потом умрет тоже. Может быть, скоро, если не приспособится к местному воздуху. Может быть, проживет до старости.

Павлыш представил себя старичком в рваном измызганном скафандре. Старичок выходит на лесенку перед вросшим в серый песок кораблем и кормит с ладони членистых тварей. Они толкаются, мешают друг дружке и глядят на него внимательно и строго. Потом старичок возвращается в чистенькую, ветхую кабинку, убрannую сухими веточками и, подслеповато щурясь, раскрывает дневник...

Был, правда, еще один вариант. Отключить анабиозные ванны. Ни один из спящих не заметит перехода к смерти.

Энергию блока можно переключить тогда на один из отсеков и прожить в безопасности несколько лет. От такой возможности стало еще паскудней. Павлыш заглянул в реанимационную камеру, бывшую реанимационную камеру. Он каждый день заглядывал туда, пытаясь настроиться на возможность чуда. За дверью его встречали та же безнадежная путаница проводов и осколки приборов. И сколько ни приглядывайся, ни один провод не вернется на место. Нет, разбудить экипаж он не сможет.

И все-таки они были еще живы. И он был не один. И пока оставалась забота о живых, оставалась цель.

Павлыш вошел в отсек анабиоза. Отсек был спрятан в центре корабля, охвачен надежными объятиями амортизаторов и почти не пострадал. Здесь было холодней, чем в коридоре. Под матовыми колпаками ванн угадывались человеческие фигуры.

— Бывают же случайности, — сказал Павлыш термометру. — Сегодня мы сюда попали. Завтра еще кто-нибудь. Возьмет и попадет.

Павлыш знал, что никто сюда не попадет. Незачем. Когда-то, несколько лет назад, планету посетила разведгруппа, провела здесь две недели, составила карты, взяла образцы флоры и фауны, выяснила, что день здесь равен четырем земным дням, а ночь четырем земным ночам, установила, что планета пока интереса для людей не представляет. И улетела. А может, даже и группы не было. Пролетел автомат-разведчик, покружил...

Павлыш щелкнул пальцем по матовому куполу ванны, будто хотел разбудить лежавшего там Глеба Бауэра, усмехнулся и вышел.

Солнце, по расчетам, должно опуститься уже к самой воде. Момент этот мог представить интерес для будущих исследователей. Так что перед ужином имело смысл снова выбраться на пляж и заснять смену дня и ночи. Кроме всего, это могло быть красиво...

Это было красиво. Солнце, беспрестанно увеличиваясь и краснея, ползло по касательной к ярко-зеленой линии горизонта. Солнце было полосатым — по лиловым штрихам бежали, вспыхивали белые искры. Небо, ярко-бирюзовое в той стороне, где солнце, становилось над головой

изумрудным, глубоким и густым, а за спиной уже стояла черно-зеленая ночь, и серые облака, зарождаясь где-то на суше, ползли к морю, прикрывая в тумане яркие звезды. Кустарник на дюнах превратился в черный частокол, сплошной и монолитный, оттуда шли шипение, треск и бормотание, настолько чужие и угрожающие, что Павлыш предпочел не отходить от корабля. Он снимал закат ручной любительской камерой — единственной сохранившейся на борту — и слушал шорохи за спиной. Ему хотелось, чтобы скорей кончилась пленка, чтобы скорей солнце расплылось в оранжевое пятно, провалилось в зелень воды. Но пленка не кончалась, оставалось ее минут на пять, да и солнце не спешило уйти на покой.

Мошкара пропала, и это было непривычным — Павлыш за четверо суток привык к ее деловитому кружеванию, к ее явной безобидности. Ночь грозила чем-то новым, незнакомым, злым, ибо планета была еще молода и жизнь на ней погружена в беспощадную борьбу за существование, где побежденного не обращали в рабство, не перевоспитывали, а пожирали.

Наконец, солнце, до половины погрузившись в воду, распластавшись по ней чечевицей, уползло направо, туда, где вдоль горизонта тянулась черная полоска суши, окружающая залив, на берегу которого упал «Компас».

— Ну что же, — сказал себе Павлыш. — Доснимем и начнем первую полярную зимовку. Четыре дня сплошной ночи.

Собственный голос был приглушен и почти незнаком. Кусты отозвались на него вспышкой шумной активности. Павлыш не смог заставить себя дожидаться полного заката. Палец сам нажал на кнопку «стоп». Ноги сами сделали шаг к люку — надежному входу в пещеру, столь нужную любому троглодиту.

И тут Павлыш увидел огонек.

Огонек вспыхнул на самом конце мыса — черной полоски по горизонту, недалеко от которой спускалось в воду солнце. Сначала Павлыш подумал, что солнце отразилось от скалы или волны. Подумал, что обманывают уставшие глаза.

Через двадцать секунд огонек вспыхнул снова, в той же точке. И больше вспышек Павлыш не увидел — солнце подкатилось к мысу, било в лицо и собственные его вспышки мельтешили и обманывали. Павлыш не мог бо-

лее ждать. Он вскарабкался в люк; не снимая скафандра и шлема, пробежал, чертыхаясь и спотыкаясь об острые края предметов, на резервный пульт управления. Основной мостик, где при неудачной посадке находились капитан и механик, был размозжен.

Чуть фосфоресцировал в темноте экран телеглаза. На нем Павлыш собирался посмотреть отснятую пленку. Может быть, камера, не отрываясь глядевшая на горизонт, заметила огонек раньше, чем Павлыш.

Был снова закат. Снова солнце по касательной ползло вдоль зеленой гряды, разбрасывая слишком яркие краски, снова по нему бежали лилово-сизые полосы и вспыхивали искры. Глаз камеры последовал за солнцем. У Павлыша устали руки. Они немного дрожали, и оттого волновалась и покачивалась на импровизированном экране изумрудная вода.

— Смотри, — предупредил себя Павлыш: в правой стороне кадра обнаружилась оконечность мыса. И тут же в этом месте, безусловно и объективно увиденный камерой, вспыхнул огонек.

Экран погас. Павлыш оказался в полной темноте. Лишь перед глазами мелькали багровые и зеленые пятна. Он ощупью отмотал пленку обратно и остановил тот кадр, где вспыхнул огонек. На экране застыло, остановилось солнце, застыла и белая точка у правой кромки экрана: огонек.

Огонек должен был оказаться оптическим обманом, галлюцинацией. Видно, Павлыш подсознательно боялся поверить — оттого убеждал себя в нереальности огонька. Если убедить себя, что это мираж... Но огонек не был миражем. Камера тоже увидела его.

— А почему бы и нет? — спросил Павлыш.

Корабль ничего не ответил. Он надеялся на Павлыша.

Чего же я здесь стою? Солнце уже спряталось и не мешает смотреть на мыс. А вдруг огонька уже нет?

Павлыш подумал, что если где-то неподалеку есть разумные существа, по крайней мере разумные настолько, что обладают сильным источником света, то ни к чему беречь аварийные аккумуляторы. Он наощупь отыскал кнопку, врубил на полную мощность освещение, и корабль ожил, в нем стало теплее, раздвинулись стены, и коварные предметы — обломки труб, петли проводов, заусеницы обшивки — спрятались по углам и не мешали

Павлышу пробежать коридором к люку, к вечеру, переставшему быть страшным и враждебным.

Солнце и в самом деле село. Осталось лишь глухое малиновое пятно, и облака, добравшиеся до него, образовали в нем темно-серые провалы. Павлыш оперся руками о края люка, высунулся по пояс наружу и считал: один, два, три, пять... Вспышка!

Огонек продержался секунду, и Павлыш успел усесться поудобнее на край люка, свесить вниз ноги в тяжелых башмаках, прежде чем он вспыхнул снова. У огонька был чрезвычайно приятный цвет. Какой? Чрезвычайно приятный белый цвет. А может быть, желтый?

Когда разгладилось и посинело пятно, оставшееся от солнца, огонек перестал мигать. Он загорелся ровно, будто кто-то, долго шутивший с выключателем, уверился, наконец, в приходе ночи и, включив свет на полную мощность, уселся за стол ужинать. И ждать гостей.

Из темноты к Павлышу бросилось нечто большое. Павлыш не успел подобрать ног и укрыться в корабль. Лишь вытянул вперед руку. Нечто оказалось уже знакомой тварью. Тварь опутала сухими тонкими ножками руку Павлыша и стрекозиные глаза укоризненно сверкнули, отразив свет, падавший из люка. Павлыш стряхнул тварь, как стряхивают в кошмаре страшного паука, и та шлепнулась о песок.

Закружилась голова. Тут только он понял, что забыл опустить забрало шлема и дышит воздухом планеты. А с осознанием этого пришла дурнота. Павлыш закрыл люк и уселся прямо на пол шлюза. Опустил забрало и увеличил подачу кислорода, чтобы отдышаться.

Теперь надо дать сигнал, думал Павлыш: пустить ракету, зажечь прожектор. Надо позвать на помощь.

Но ракет не было. А если были, поиски их займут еще несколько суток. Прожекторы разбиты. Есть фонарь, даже два фонаря, но оба довольно слабые, шлемовые. Ну что же, начнем со шлемовых фонарей.

Павлыш довольно долго стоял у открытого люка, закуривая и открывая ладонью свет и свободной рукой отмахиваясь от тварей, лезущих на свет, как мотыльки. Огонек не реагировал — светил так же ярко и ровно. Хозяева его явно не догадывались о том, что кто-то неподалеку потерпел бедствие. Потом, хоть это уже вряд ли бы помогло, Павлыш вытащил из корабля множество

предметов, которые могли гореть, и поджег их. Костер был вялым — в воздухе слишком мало кислорода, да и твари, слетевшиеся словно на праздник, бросались в огонь и обугливались, шипели, как мокрые дрова. Павлыш перевел весь свой запас спирта и после десяти минут борьбы с тварями бросил эту затею.

Он отошел к люку и глядел на огонек. Он не мог к нему привыкнуть. Огонек был из сказки: окошком в домике лесника, костром охотников... А может быть, пламенем под котлом людоеда?

— Ладно, — сказал Павлыш тварям, шевелившимся живой кучей над теплыми еще, обуглившимися дверцами шкафчиков, книгами и тряпками. — Я пошел.

Ему бы прислушаться к внутреннему голосу, который по долгу службы должен объяснить, что путешествие разумнее начать через четверо земных суток, когда рассветет и неизвестные ночные твари улягутся спать. Но внутренний голос молчал — видно, и ему казалось невыносимым столь долгое бездействие.

Хорошо, когда есть решение, которое можно принять. Раньше и этого не было. Решение требовало действий, многочисленных, разнообразных и спешных. Чем-то это было похоже на отъезд в отпуск — надо прибрать в квартире, оставить корм рыбкам в аквариуме, договориться с соседкой, чтобы поливала цветы, позвонить друзьям, позаботиться о билете...

Во-первых, Павлыш отправился в анабиозную камеру. Поход к огоньку мог продлиться часа три, и за это время ничто не должно было нарушить спокойный сон экипажа. Если что-нибудь с ними произойдет — пропал весь смысл похода. Павлыш обесточил корабль и подключил к блоку питания камеры уже порядком севшие аварийные аккумуляторы. Проверил стабильность температуры в ваннах, контрольную аппаратуру. Насколько Павлыш мог судить — камере ничто не угрожало. Даже если Павлыш будет отсутствовать целый месяц. Правда, человеку, идущему в трехчасовую прогулку по берегу моря, ни к чему планировать на месяц вперед, но прогулка предполагалась несколько необычная. Павлыш не без ос-

нований думал, что станет первым человеком, путешествующим ночью по берегу здешнего моря.

Затем следовало позаботиться о собственном снаряжении, запасе воды и пищи, оружия (на корабле удалось разыскать пистолет). Наконец, надо было задраить сломанный люк так, чтобы даже слон (если по ночам здесь бродят слоны) не смог бы его отворить.

Закончив дела, Павлыш выбрался наружу и неожиданно почувствовал почти элегическую грусть. Затянувшиеся сумерки — а им, видно, и конца не будет — окрасили истощающий мир во множество разновидностей черного и серого цвета и единственной родной вещью в этом царстве был искалеченный «Компас», печально гудящий под порывами ветра, одинокий и беспомощный.

— Ну-ну, не расстраивайся, — сказал кораблю Павлыш и погладил корпус, изъязвленный аварийной посадкой. — Я скоро вернусь. Дойду по бережку до избушки и обратно.

Огонек горел ровно, ждал. Павлыш в последний раз проверил поступление кислорода — его хватит на шесть часов, в крайнем случае можно дышать и воздухом планеты. Хоть это неприятно и весьма вредно. Павлыш вытащил пистолет, прицелился в камень на берегу и выстрелил. Луч полоснул по камню, распилил его пополам, и половинки засветились багрово и жарко. Пора было идти.

Павлыш разгреб башмаком кучу обгоревших тварей — костер давно уже погас и остыл. Павлыш перепрыгнул через него — не из молодечества: хотел узнать, достаточно ли надежно все приторочено.

Удобнее идти было по самой кромке пляжа. Здесь волны, забегавшие длинными языками на берег, оставляя после себя вялую пену, спрессовали песок, и он стал упругим и твердым. Фонарь был пока не нужен — и так видно все, что нужно видеть: бесконечную полосу песка, темную воду слева, черный кустарник на дюнах справа. И так до бесконечности, до огонька.

Павлыш прошел несколько десятков шагов, остановился, оглянулся на корабль. Тот был велик, непроницаем и страшно одинок. Несколько раз Павлыш оглядывался — корабль все уменьшался, мутнел, сливался с небом, и где-то в конце первого километра пути Павлыш вдруг понял, как сам он мал, незащищен и чужд морю. И ему стало страшно, и захотелось убежать к кораблю, скрыться в лю-

ке. Он вдруг понадеялся, что забыл нечто очень важное для пути, ради чего хочешь — не хочешь, придется возвращаться. Но пока придумывал, беспокоилось чувство долга, зашевелился стыд, заскребла под ложечкой совесть — возвращаться никак было нельзя, и тогда Павлыш попытался представить себя женой Лота, уверить, что обернись он — превратится в соляной столб. И к утру его слижут жадные до кристаллической соли обитатели кустов.

Павлыш решил петь. Пел он плохо. И после второго куплета кустарник замолк, затаился, прислушиваясь. Кустарнику пение не нравилось. Песок разматывался под ногами ровной лентой, порой язык доползал до ноги путника, и Павлыш сворачивал чуть выше, обходя пену. Один раз его испугало белое пятно впереди. Пятно было неподвижным и зловещим. Павлыш замедлил шаги, нащупал рукоять пистолета. Пятно росло, и видно было, как нечто черное, многопалое высунулось из него, готовясь схватить пришельца. Но Павлыш все-таки шел, выставив вперед пистолет, и ждал, чтобы пятно решилось на нападение. Павлыш был здесь новичком, а для новичка самое неразумное первым начинать пальбу.

Пятно оказалось большой раковиной, а может, и панцирем какого-то морского жителя. Несколько тварей ползали по нему, вытаскивая тонкими лапками остатки внутренностей. Они и показались Павлышу издали щупальцами пятна.

— Кыш, несчастные! — сказал Павлыш тварям, и те послушно снялись, улетели к кустам, видно, приняв Павлыша за крупного хищника, любителя морской падали. Из-под раковины прыснула жадная мелочь, зарываясь в песок, удирая к воде. В темноте не разобрать ни форм, ни повадок — некоторые тонули, растворяясь в пене, другие фосфоресцировали и светящимися точками суежились у берега.

Почему-то, после случая с раковиной, Павлыш почувствовал себя уверенней — обитатели моря и кустов были заняты своими делами и на Павлыша нападать не собирались. Павлыш понимал, что уверенность его зиждется на заблуждении; ведь если существуют раковины — есть твари, которые этими раковинами питаются. А если есть твари, то кто-то пожирает их. И еще кто-то пожирает тех, кто питается тварями. И так далее.

Прошел уже час с тех пор, как Павлыш покинул ко-

рабль, позади по крайней мере пять километров пути. Единственное, что всерьез беспокоило сейчас Павлыша — то, что огонек не приближался. Так же далек был черный мыс, так же ровна полоса песка. Правда, это не могло продолжаться вечно. Хоть диаметр Форпоста больше земного, но планета все равно круглая, и достаточно отдаленные предметы, хочешь того или нет, скрываются за горизонтом...

И тут Павлыш увидел реку.

Вначале был шум. Он примешивался к однообразному ритму прибоя и насторожил Павлыша. Вливаясь в море, река разбилась на множество рукавов, мелких и быстрых. Берег здесь, окаймленный речным песком, выдавался в море небольшим полуостровом. Между рукавами и с обеих сторон дельты земля была покрыта темными пятнами лишайника, травой, какие-то растения, схожие с трезубцами, гнездились прямо в воде. Переход вроде бы не представлял трудностей, но когда в нескольких метрах от воды нога Павлыша вдруг провалилась по щиколотку, он понял, что от реки можно ждать каверзы.

Уже следующий шаг дался труднее. Песок стал податливым, вялым, он с хлюпаньем затягивал ногу и с сожалением отпускал ее.

В конце концов, подумал Павлыш, мне ничего не грозит. Я в скафандре и, даже если провалюсь где-нибудь поглубже, не промочу ног.

И не успела эта мысль покинуть голову, как Павлыш потерял опору под ногами и окунулся по пояс. И это было еще не все, попытка двинуться из этой ловушки вперед заставила погрузиться еще на несколько сантиметров. Скафандр был мягким, и жижа, поймавшая в плен Павлыша, давила на грудь, подбираясь к плечам. Павлыш вспомнил, что в подобных случаях охотникам, угодившим в болото, всегда попадаетея под руку сук или хотя бы куст. Сука поблизости не было, но куст рос впереди, метрах в трех. Павлыш рассудил, возле куста должно быть тверже, и прыгнул вперед.

Наверно, со стороны прыжок его выглядел странно: существо, ушедшее по грудь в песок, делает судорожное движение, вырывает несколько сантиметров тела из плена, продвигается на полметра вперед и тут же почти полностью пропадает из вида.

Прыжок был ошибкой, объяснимой лишь тем, что

Павлышу никогда раньше ни с болотами, ни с зыбучими песками сталкиваться не приходилось. Теперь над поверхностью, чуть колышавшейся, вздыбливающейся пузырями, виднелась лишь верхняя половина шлема и кисти рук. Павлыш скосил глаза и увидел, что черная граница песка медленно, но ощутимо поднимается по прозрачному забралу. Павлыш пока не беспокоился — все произошло так быстро и внезапно, что он просто не успел толком обеспокоиться. Стараясь не делать лишних движений, потому что каждое движение лишь погружало его глубже, Павлыш повернул голову к дальнему мысу. Огонек светил. Ждал. Пришлось задрать голову, над песком оставалась лишь верхушка шлема с ненужной антенной, настроенной на корабль, в котором никто не услышит. И еще через несколько секунд огонек пропал. И все пропало. Было темно, страшно тесно и совершенно непонятно, что же делать дальше.

Страх пришел с темнотой. Павлыш понял, что дышит часто и неглубоко, не хватало воздуха, хоть это и было неправдой — баллоны добросовестно выдавали ровно столько воздуха, сколько положено. Шлем был достаточно тверд, так что угроза погнаться от удушья не возникала. Погнаться... И как только это слово промелькнуло в мыслях, то зацепилось за что-то в мозгу и осталось там. Погнаться. А ведь в этой яме можно в два счета погнаться. Ведь останься здесь — и погнаться. Как рыба, выкинутая на берег, как мышь в мышеловке. Погнаться...

Слово имело какую-то магическую силу. Это было отвратительное слово, мерзкое, злое. Павлыш понимал, что оно не может к нему относиться потому, что его ждут Глеб Бауэр и штурман Батуринский — без Павлыша они тоже погнаться. И если когда-нибудь придет сюда корабль, а он обязательно придет, то будет поздно; если придет сюда корабль, они найдут людей в анабиозных ваннах, найдут тела погнанных, уложенные им, Павлышом, в морозильник, поймут, что кто-то остался на корабле и потом исчез. И будут его искать — и конечно никогда не найдут. Даже если планету заселят, множество людей будет жить на ней — все равно никто никогда не найдет доктора Павлыша, шатена, рост 183, глаза голубые...

— А ну хватит, — приказал себе Павлыш. — Так можно думать до рассвета.

Надо было выбираться. Павлыш понял, что совсем не

хочет погибать в этой проклятой яме. Следовало отыскать выход из ловушки. Вот и все.

Твердый песок — за спиной. Больше рисковать нельзя. Никаких движений вперед — только назад, к берегу.

Павлыш попробовал поднять руки. Это можно было сделать, но с трудом, песок был тугим и тяжелым. Павлыш попытался подгрести руками перед собой, но лишь глубже ушел в жижу, и пришлось снова замереть, чтобы побороть вспышку паники, сжавшую мозг. Паника была иррациональна — тело, ощутившее опасность, начало метаться. Бился в голове мозг, и сердце колотилось морвянкой.

Павлыш переждал панику на борту. Он уже знал, что сильнее ее, он оставался на капитанском мостике — бунтари же бесцельно бегали по палубе и размахивали руками. И тут — неожиданно — ноги ощутили твердую почву.

— Великолепно, — произнес Павлыш, успокаивая бунтарей и трусов, гнездившихся в его теле. — Я же вам всегда говорил, что эта трясина не бездонная. Обычная яма. Мы стоим на дне и теперь пойдем обратно.

Сказать было легче, чем сделать. Песок не хотел отпускать Павлыша и тянул его вниз, в глубину, дно было скользким и ненадежным. Но Павлыш все-таки сделал шаг вверх по склону ямы и, сделав его, понял, что он чертовски устал, особенно мешал груз жижи, напор ее, тиски. Почему-то представился водолаз, медленно идущий в глубине...

— Стойте, — воскликнул Павлыш. — Мы догадались.

Через минуту правая рука пробила песок и нащупала кнопку подачи воздуха. Павлыш выжал ее до отказа и не отпускал, пока воздух, сдавливавший горло, грозящий выжать из орбит глаза, останавливающий сердце, не наполнил скафандр настолько, что следующий шаг наверх дался значительно легче...

Павлыш отпустил кнопку подачи воздуха лишь тогда, когда вылез по пояс из зыбучего песка и, стерев свободной рукой грязь со шлема, увидел огонек. Тот горел.

Павлыш долго сидел на берегу, вытянув ноги и позволяя волнам накатываться на них. Он улыбался, не мог не улыбаться, и несколько раз поднимал руки, чтобы убедиться, как легко и свободно живется на воздухе.

Река текла в море, так же спокойно, как и раньше, и совершенно невозможно было угадать место недавнего

заточения. Песок разгладился, смирился с потерей пленника — ждал новых жертв.

Но главная задача так и не была решена. Река преграждала дорогу, и реку следовало перейти, чтобы продолжить путь по ровному берегу, начинавшемуся снова в каких-то ста метрах от Павлыша.

Отдышавшись, Павлыш поднялся и пошел по песку и кустам. Раковинки хрустели под башмаками, и шорохи впереди, треск ветвей, писк приближались, становились все явственней. Павлыш остановился, вспомнил, что и пистолет мог набиться песок. Вытащил, провел рукой по стволу. Ствол был чист.

Павлыш шел, держась подальше от щебечущей, безобидной на вид речки, взобрался на невысокий холм и остановился перед стеной кустов. Кусты протянули навстречу колючие сухие ветви, они стояли тесно, словно воины, встречавшие врага. Павлыш попытался раздвинуть кусты, но ветви цеплялись колючками друг за друга, пришлось пожалеть, что не надел перчаток.

Провозившись несколько минут у стены кустов, тщетно стараясь отыскать в них лазейку, Павлыш с отчаянием полоснул по ним лучом пистолета. Луч прорезал в кустарнике узкую щель, поднялся белый столб дыма, и кусты настороженно затихли. Павлыш включил шлемовый фонарь и увидел, как кустарник — единое целое — залечивал рану, как тянулись через щель пальцы ветвей, когти колючек, осыпались на землю мертвые сучки и на их месте вырастали свежие побеги.

Луч фонаря привлек тварей, и Павлыш впервые увидел, как вылетают они из кустарника, сквозь возникающие в непроницаемой стене отверстия, которые исчезают вновь, будто захлопывается дверь.

Павлыш выключил фонарь и отступил, отмахиваясь от тварей, которые стучали прозрачными крыльями по шлему и заглядывали в глаза.

Он вернулся к берегу. Прямой путь через реку не годился. Сквозь кусты не пробиться и не добраться до такого места выше по течению, где нет зыбучих песков. Возвращаться нельзя. Оставался третий путь — по морскому дну. Он не сулил удовольствий, но выбора не было. Павлыш ступил в воду.

Дно понижалось полого, волны стучали по ногам, отталкивали к берегу и чуть светились, очерчивая силуэт

любого предмета, попавшего в воду. Павлыш медленно переступал по твердому дну, стараясь держаться у края дельты. Вскоре пришлось зайти по грудь, движения стали плавными и неловкими, словно во сне. Шагах в пятидесяти от берега дно неожиданно ушло из-под ног, и Павлыш был вынужден погрузиться в воду с головой. Плыть он не мог — скафандр тяжел, хотя, к сожалению, не настолько, чтобы подошвы надежно припечатывались ко дну. При каждом шаге Павлыш терял равновесие, его тянуло вверх и, как назло, не попадалось под башмаками никакого камня, чтобы взять в руку.

Фосфоресцирующая живность прыскала в стороны от исколющего человека. Под водой было совсем темно, и Павлыш включил фонарь, чтобы не сбиться с пути. Справа был песчаный откос, уходивший вверх к краю дельты, слева дно опускалось ступеньками. Течение реки ощущалось здесь явственно — вода давила в бок, гнала в глубину, и видно было, как по дну передвигались струйки песка, уносимые течением.

Спустившись еще глубже, Павлыш попал в джунгли водорослей, мягких и податливых. Никто не мешал Павлышу идти по дну моря, никто не встретился ему, но это не вселяло спокойствия, потому что Павлыш не мог отделаться от ощущения, что за ним следят, пытаются угадать, насколько он силен и опасен.

...Морда глядела на него из водорослей единственным узким глазом. Свет шлемового фонаря отразился в глазу, и глаз еще более сузился, сияя, видно, разобрав, что же скрывается за пятном света.

Павлыш замер и от резкой остановки потерял равновесие, течение подхватило его, приподняло и повалило вперед, к морде. Павлыш взмахнул руками, чтобы удержаться на месте, и задрал голову, опасаясь потерять морду из луча света. Он был беспомощен и даже не мог достать пистолета, так как для этого сначала надо было вернуть руки к телу.

Глаз закрылся, но вместо него появился разинутый рот — пасть, усеянная иглами. Павлыш отлично мог бы уместиться в пасти, и воображение мгновенно достроило к морде соответствующее тело и хвост с шипами на конце. Морда закрыла рот и вновь открыла глаз. Чудовище, возможно, было удивлено странным поведением пришельца — чуть касаясь конечностями дна, пришелец по-

водил в воде руками, качался, поворачивался и при этом приближался к морде.

Чудовище не выдержало жуткого зрелища. Чудовище, видно, решило, что Павлыш хочет его съесть. Морда вдруг развернулась и бросилась наутек. У морды не было тела, не было хвоста с шипами — лишь нечто вроде скошенного затылка, снабженного плавниками.

Стебли водорослей завертелись в водовороте, поднятым мордой.

Павлыш, наконец, встал на ноги. Перед тем, как продолжить путь, он постоял с минуту, отдышался, достал пистолет и решил не выпускать его из руки, пока не выберется наружу.

И через несколько шагов обнаружил, что был прав, приняв такую меру предосторожности. Хотя спасло его не это — а та самая морда, которая, убегая от него, первой попала в ловушку.

Паутина, вернее не паутина, а ловушка, напоминающая чем-то паутину, почти невидимая среди водорослей, была слабо натянута и колебалась вместе с растениями, окружавшими ее. Испуганная морда без туловища влетела в нее с размаху, оказалась в зеленом мешке, мгновенно скрывшем ее, опутавшем зелеными стеблями. И теперь билась в мешке, а по поверхности его, шустро перебирая лапками, сбегались многоножки с тяжелыми светыющимися жвалами и впивались в морду, рвали ее, не обращая внимания на яркий луч фонаря, и вода мутнела от крови, и движения жертвы становились все более вялыми, судорожными.

Павлыш стоял, смотрел на гибель морды, и им овладела нерешительность — воображение немедленно населило подводные джунгли сотнями зеленых мешков, и казалось, первый же шаг приведет в ловушку. И когда Павлыш все-таки двинулся, он пошел назад, по уже пройденному, известному пути, потом, выбравшись из водорослей, спустился глубже, чтобы обойти джунгли по краю: у многоножек были сильные и острые жвала — скафандр не приспособлен для защиты от таких хищников.

В глубине мешало идти течение. Оно было подобно сильному ветру. Павлыш все-таки разыскал длинный, похожий на обломанный палец камень и взял его в свободную руку, чтобы не всплывать при каждом шаге. Стена водорослей покачивалась совсем рядом, и Павлышу пока-

валось, что в одном месте, в прогалине между растениями, он увидел еще одну паутину, у основания которой дежурили многоножки. А может быть, показалось.

Павлыш взглянул на циферблат. Уже прошло два часа с тех пор, как он покинул корабль, прогулка затянулась. Заросли поредели — видно, им лучше жилось в том месте, где пресная вода реки смешивалась с морской. Значит, можно понемногу забирать к берегу. Скоро путешествие по морскому дну закончится. Павлыш начал взбираться по пологим ступенькам вверх и, закинув голову, увидел, что над головой сквозь тонкий слой воды видны звезды и полосы пены на верхушках волн.

И тут его сильно ударили в спину. Он качнулся вперед, ударился лбом о забрало и попытался обернуться — влость брала, как медленно приходилось поворачиваться, чтобы встретить лицом следующий удар.

Сзади никого не было.

Павлыш постоял с минуту, вглядываясь в темноту, поводя фонарем, и снова почувствовал удар в спину. Слово некто быстрый и веселый заигрывал с ним.

— Ах, так, — проговорил Павлыш, — Как хотите. Я пошел на берег.

Он снова совершил полуоборот вокруг своей оси, но тут же резко обернулся и столкнулся нос к носу с тупорылым существом, подобным громадному червю. Существо, увидев, что обнаружено, мгновенно взвилось вверх, выскочило, подняв столб брызг, из воды и исчезло.

— Так и не познакомились, — кинул ему вслед Павлыш. — Хотя вы крайне милы.

Он сделал еще шаг и почувствовал, что вода расступилась. Павлыш стоял по горло в воде. Берег был пуст и уходил вдаль, к огоньку (его Павлыш увидел сразу) ровной полосой. Река шумела сзади, бессильная остановить его. Павлыш уронил камень, выключил фонарь, и поднял ногу, чтобы выйти из воды. И тут же его кто-то схватил за другую ногу и сильно рванул вглубь.

Вода взбурлила. Павлыш потерял ориентировку и понимал только, то его тащат вглубь, чего ему никак не хотелось. Он старался выдернуть ногу, включить фонарь, выстрелить в того, кто тащит его, — все это одновременно.

Наконец, фонарь вспыхнул, но в замутненной воде Павлыш никак не мог разглядеть своего врага, и тогда он, достав все-таки пистолет, выстрелил в ту сторону.

Луч пистолета был ослепительно ярк, хватка ослабла, Павлыш сел на дно и понял, что его старался увлечь вглубь игривый червь. Теперь же он извивался, рассеченный лучом надвое. Павлыш пожалел червя и подумал, что тому просто не хотелось расставаться с человеком, к которому он почувствовал симпатию. Вот и вел познакомиться с семьей — ведь не знал же, бедняга, за какую конечность люди водят друг друга в гости.

Павлыш уже хотел было выходить на берег, как из глубины выскочила стая узких, похожих на веретено рыб, привлеченных, видно, запахом крови червя. Веретена раздваивались, словно щипцы, впивались в червя, их было много, очень много, и зрелище схватки половинки червя с хищниками было настолько страшно, буйно, первобытно, что Павлыш не мог оторваться от него. Стоял и смотрел. И лишь когда одно из веретен метнулось к нему, проверяя, кто светится так ярко, Павлыш понял, что задерживаться никак не следует, и поспешил к берегу, выключив фонарь и надеясь, что червяк — более аппетитная пища, чем его скафандр.

К сожалению, веретено думало иначе. Оно впилося в бок и рвало ткань, как злая собака. Павлышу пришлось разрезать хищника лучом. Тут же, будто услышав крик о помощи, несколько веретен покинули червя и бросились вдогонку за Павлышом. Павлыш отступал к берегу, разя лучом по ловким, быстрым телам хищников, но казалось, что на место погибшего тут же приплывает другой, да еще двое или трое принимают пожирать разрезанного лучом собрата. Раза два хищники добирались до скафандра, но ткань не поддавалась зубам, и они продолжали дергать и клевать скафандр, будто его упрямство прибавляло им силы.

Одному из хищников удалось все-таки прокусить скафандр. И ногу. Павлыш, рыча от боли, чувствуя, как вода через отверстие льется в скафандр и смешивается с кровью, как все новые и новые веретена впиваются в ноги, с отчаянием рвался к берегу, полосую по воде слабым лучом, и вода кипела вокруг и фейерверком разлетались искры и клубы пара.

Павлыш выбрался на песок, вытащил вцепившихся бульдожьей хваткой хищников — вернее, части их, ибо все они были мертвы, разрезаны лучом. Павлыш присел на песок и отдира л их от скафандра. Одна из штанин по

колени была полна воды, и, освободившись от веретен, раскидав их головы по песку (сразу из кустов прилетели членистые твари и засуетились, замельтешили лапками, благодаря за угощение), Павлыш обхватил щиколотку двумя руками, провел ими по ноге, чтобы вода вылилась из скафандра через дырку.

В месте разрыва ногу саднило — зубы веретен вонзились в икру, — но остановить кровь было нечем. Павлыш совершил непростительную для врача ошибку — не взял с собой даже пластыря.

— Гнать надо таких, — сказал Павлыш себе. — Ожидал провести приятный вечерок. Совершить прогулку под луной.

Он почувствовал, что страшно устал, что хочет лечь и никуда больше не ходить. И даже не возвращаться к кораблю, потому что идти надо снова по морскому дну, а такие путешествия можно совершать только раз в жизни. Просто закопайся в песок и спи, подсказывало усталое тело. Никто тебя не тронет. Отдохнешь часок-другой и потом пойдешь дальше. Немного мутило, и было трудно дышать.

Конечно же, понял Павлыш. Сквозь дыру идет здешний воздух. Вот неудача. Павлыш отмотал кусок шнура, висевшего аксельбантом через плечо, — захватил на случай, если понадобится веревка, отрезал лучом пистолета кусок с полметра и наложил пониже колена жгут. Это было не очень разумно — нога затечет и идти будет труднее, — но на смеси своего и местного воздуха тоже долго не протянешь.

Отрезав шнур, Павлыш заметил, что пистолет дает совсем слабый луч: то ли слишком часто стрелял, то ли энергия утекла раньше, еще на корабле. Павлыш спрятал пистолет. Оставался нож, но вряд ли его можно считать надежным оружием.

Затем Павлыш сделал еще одно неприятное открытие — в битве на дне каким-то образом раскрылся ранец и запасы пищи достались рыбам. На дне ранца обнаружился лишь тубик с соком. И Павлыш выпил половину, тщательно закрутив крышку и спрятав остатки понадежнее.

Разумность требовала возвратиться на корабль. Может, удастся подзарядить пистолет и, главное, возобновить запасы воды, сменить скафандр. Дальше идти безрассудно. С каждым шагом возвращение становилось все более проблематичным, тем более неизвестно, что ждет

впереди и что скрывается за огоньком. Может, это просто действующий вулкан?

Чтобы больше не рассуждать, Павлыш поднялся — нога болела — и быстро пошел по песку к огоньку, не оглядываясь назад.

Хотелось пить. Когда знаешь, что осталось на два глотка, всегда хочется пить. Чтобы отвлечься, Павлыш сконцентрировал внимание на боли в ноге, хоть, впрочем, уже шагов через двести не надо было делать это специально — нога онемела и ныла, словно зуб. Еще не хватало, чтобы они были ядовитыми, подумал Павлыш. И что стоило сразу побежать к берегу, как только он увидел. А ведь стоял и смотрел, потеряв целую минуту.

Упрямства хватило еще на полкилометра. Потом пришлось присесть и распустить шнур, усилить приток кислорода, чтобы не стало дурно. Но все равно было дурно. Пожалуй, я потерял много крови, думал Павлыш.

Он снова затянул шнур — все равно отдых не помог, лишь кислород зазря уходил в небо, — и доковылял до кустов. Кусты изменились, они были здесь выше, не такие колючие, больше похожи на деревья. Даже удалось высмотреть себе палку, и Павлыш сначала хотел срезать ее ножом, но руки не слушались, пришлось опять достать пистолет и отпилить ее лучом.

Дальше Павлыш шел, опираясь на палку и подтягивая больную ногу, и был он, наверно, похож на умирающего путника в пустыне, или на полярного исследователя давних времен, из последних сил стремящегося к полюсу. И если за полярным путешественником положено бежать верному псу, то и у Павлыша были спутники, не столь приятные, как псы, но верные — несколько тварей прыгали по песку, взлетали, поднимались над головой и вновь опускались на песок. Они были неназойливы, даже вежливы. Но им очень хотелось, чтобы двуногое существо скорее упало и подохло.

А когда-нибудь здесь будут жить люди, думал Павлыш. Построят дома и дороги, может быть, назовут какую-нибудь из улиц именем «Компаса». Длинными вечерами станут приходить на берег моря по тропинкам, проложенным в кустарнике, любоваться полосатым солнцем, зеленой водой, и прирученные твари будут присматривать за детьми или восседать на хозяйских плечах. Люди ведь быстро умудряются ставить все с ног на

голову. Может быть, даже начнут собирать зеленую паутину с водорослей и изготавливать из нее изящные шали, ватные, переливчатые, легкие. А пока он, Павлыш, ковыляет по песку и его преследуют совершенно неприрученные твари, не ведающие, что человек — царь природы, они полагают, что он всего-навсего потенциальная падаля. Совершенно один...

Но кто зажег огонек? Кто ждет путника за отворенными ставнями? Приветлив ли? Удивится? Встретит выстрелом, испугавшись незнакомца? Ведь если разумные существа появились здесь сравнительно недавно, то они могут оказаться недостаточно разумными, чтобы спешить на помощь каким-то космонавтам.

Но главное — дойти. Неважно сейчас, враг там ждет или друг, вулкан это или светящийся куст. Если начать рассуждения, дать сомнениям одолеть тебя, силы кончатся. Упадешь и доставишь незаслуженную радость членистым тварям.

А огонек между тем приблизился... Берег довольно круто загибался к мысу, в конце которого — невероятно далеко, но куда ближе, чем раньше, — горел огонек. Кусты отступили от берега, разорванные невысокой скалистой грядой, хребтом мыса. Включив на минуту фонарь, Павлыш разглядел поблескивающие черные скалы, однообразно зубчатые, как старая крепостная стена. Потом пришлось фонарь выключить снова — твари самоотверженно бросались на него, и, если раньше их удары казались легкими, теперь каждое столкновение отзывалось вспышкой боли, доползшей уже к бедру, и приступом тошноты.

Стало еще темнее: облака превратились в сплошную пелену и принесли дождик — частый, мелкий, стекавший по забралу ветвистыми струйками. Павлышу вдруг захотелось, чтобы дождь охладил лицо — он ведь должен быть свежим, живым... Павлыш поднял забрало шлема и наклонил голову вперед. Капли, падавшие на лоб, были теплыми, и удивительно — дождь пах, он нес странные, дурманящие запахи земли, скрывающейся за кустами, запахи дремучих лесов, сочных степей, громадных, распластанных по земле хищных цветов, ущелий, наполненных лавой, ледников, поросших голубыми лишайниками, гниющих пней, из которых ночами вылетают разноцветные искры...

Отчаянным усилием, теряя уже сознание, одурманен-

ный видениями, которые принес теплый дождь, Павлыш опустил забрало. Пришлось сесть на песок и гнать видения. Дышать глубоко и ровно, и бороться с неодолимым желанием заснуть и забыться. И Павлыш старался разозлиться. Он ругал себя, смеялся над собой, издевался, он кричал что-то обидное тварям, рассевшимся в кружок на песке, терпеливым тварям...

Потом он снова шел. И ему казалось, что за ним следует слон. Большой белый слон с упругим хоботом и вислыми ушами. Слон топал по песку и подгонял Павлыша. Слон был видением. Твари тоже были видением. Огонек был видением. Ничего в самом деле не существовало — только песок и вода. Вода была зеленая и добрая. В ней мягко лежать. Она понесет обратно, к кораблю, положит у люка, и Глеб Бауэр, сам, своей волей вышедший на анабиоза, подойдет, возьмет Павлыша на руки, отнесет в каюту и скажет: ты молодец, Слава, ты далеко ушел.

Потом было просветление. Боль. Сизое небо. Жесткий песок. Скалы, нависшие над узкой песчаной полоской, скрывающие огонек. И тогда, борясь с болью и благодаря ее за то, что вернула разум, Павлыш прислонился к скале, достал тюбик с соком, допил его. И стало еще муторней, но голова просветлела. И Павлыш зашептал вперед, боясь снова потерять сознание, сойти с ума, поверить в ласковость волн и покой.

Но слон все шел и шел сзади. Он остался от видений. И шаги его были реальны, тяжелы, казалось, что песок вздрагивает и прогибается под ним.

Беспокойно отсутствие огонька. Вдруг пройдешь мимо, но нет никаких сил повернуть, взобраться на скалу, осмотреться. Павлыш не был в состоянии сообразить, сколько времени прошло с тех пор, как он свернул на мыс. Провалы в сознании могли быть мгновенными, а могли продолжаться долго.

А слон совсем близко. Дышит в спину. Павлышу всего-то нужно — повернуть голову, и видение исчезнет. Но никак не мог заставить себя это сделать. Он устал не только физически. Устало все: и разум, и воображение, и чувства, — мозг отказывался впитывать новые образы, реагировать на них, пугаться или игнорировать. Было, в общем, все равно — идет ли сзади слон или он плод воображения, остаток бреда.

И все-таки Павлыш оглянулся. Он надеялся, что ничего там нет, кроме тварей.

Но слон был. Нет, не слон, никакой не слон. Просто аморфная громада непонятным образом покачивалась глди, соизмеряя движение со скоростью человека, даже припадая на одну сторону, будто приволакивая ногу. У нее не было ни глаз, ни хобота. Только в самых неожиданных местах вдруг вспучивалась светлая оболочка, образуя короткие щупальца.

Павлыш включил фонарь. И тут же пропала боль: пришла злость, которую так безуспешно старался вызвать в себе Павлыш. Ведь несколько десятков метров, несколько шагов осталось до цели, до огонька. Так нельзя. Это нечестно. Это просто нечестно со стороны планеты.

Громада не отступила. Лишь в том месте, куда уперся луч фонаря, образовалась впадина, словно свет ошутимо давил на оболочку. Павлыш провел лучом по телу громады, и та с неожиданной легкостью ушла из-под луча, разделившись на две формы, став похожей на песочные часы.

Павлыш выхватил пистолет, нажал гашетку, но луч пистолета протянулся тонкой полоской, нежаркой и нестрашной и оборвался у громады. Павлыш выкинул пистолет. Он был тяжел, он оттягивал руку и был совершенно не нужен.

Павлыш и громада стояли друг перед другом. Павлыш выключил фонарь. Громада расширилась в середине и снова стала кулем картошки размером с избу. Одна из тварей неосторожно подлетела близко к громаде, и вытянувшиеся из оболочки щупальца подхватили ее и упрятали в тело. И нет твари.

— К черту! — сказал Павлыш, и громада качнулась, услышав голос. — Я все равно дойду.

Он повернулся к громаде спиной, потому что ничего много не оставалось. И пошел. Дождь слишком громко стучал по шлему, и звенело в ушах. Но надо было идти и не оборачиваться.

Громада была ближе. Он чувствовал это и не оглядывался.

Скалы расступились. Мыс кончался. Одна скала выше других, с плоской вершиной, стояла на самой оконечности мыса. И на ней горел огонек. Не огонек — ослепительно яркий фонарь. Фонарь находился на столбе. Вокруг фонаря вертелись твари, и земля возле столба была

усеяна их трупами. До площадки, на которой горел фонарь, было рукой подать. Черный кубик, метра в два высотой, умещался на этой площадке рядом с фонарем. Там, верно, находилась силовая установка, питающая фонарь. И все.

Не было ни домика с открытыми окнами, ни пещеры, в которой горел огонь, не было даже действующего вулкана. Был автоматический маяк, установленный кем-то, кто живет далеко и вряд ли навещается сюда.

И путешествие потеряло смысл. Павлыш вполз на скалу — с одной стороны она была пологой. Но этот последний отрезок пути отнял все силы — да их и неоткуда было брать: ты можешь пройти почти все и вынести почти все, если впереди есть цель. А если ее нет...

Громада тоже ползла на скалу — чуть быстрее, чем Павлыш. Когда он дотронулся, наконец, до столба, металлического, блестящего под дождем, гладкого, громада выпустила щупальца.

Павлыш выхватил нож, полоснул им по первому из взобравшихся на площадку щупальцев, тот сразу исчез, спрятался, но на место его взобрался новый. Павлыш помогал себе лучом фонаря, заставлявшим щупальца замирать, но их было много и уже со всех сторон они лезли на маленькую площадку, поднимаясь над краем, как лепестки хризантемы.

Павлыш отступил к черному кубу энергоблока. В нем виднелся люк. Люк был заперт, и Павлыш шарил по гладкой поверхности, надеясь отыскать кнопку или ручку, и не смел повернуться к кубу лицом, потому что надо было полосовать ножом по упрямым лепесткам хризантемы, мотать головой, задерживая их лучом. А лепестки, загибаясь, сползали к центру, к ногам Павлыша. Люк открылся внезапно, и Павлыш, падая внутрь, потерял сознание.

Павлыш открыл глаза. Ровно горел свет.

Он лежал в неудобной позе, упираясь головой в угол куба.

Павлыш приподнялся на локте. За открытым люком поблескивали капли дождя, освещенные лучами маяка,

и капли чуть вздрагивали налету, как вздрагивает все, если смотреть сквозь силовую защиту.

Павлыш сел. Огляделся. Голова болела так, что хотелось отвинтить ее и пожить хоть немного без головы. Ноги не было. Вернее, Павлыш ее не чувствовал. Черный снаружи, куб изнутри оказался светлым, белым и оттого выглядел больше размером. Во всю боковую стену тянулся пульт. И над ним была небольшая картина, обычная стереокартинка, которые посылают люди друг другу на Новый год: березовая роща, солнечные блики по листьям, мягкая трава и облака на очень голубом небе. Космонавты вдалеке от Земли становятся сентиментальными. И если где-то в пути, на Сатурне ли, на Марсе их догонит почта, они хранят эти открытки. И вешают их на стены кают.

Все остальное было понятно и просто: пульт дальней связи, запасной скафандр на случай, если потерпевший бедствие космонавт доберется до автоматического маяка, оставленного разведчиками на безлюдной планете, шкафчик с водой, лекарствами, едой, оружие, переносной энергоблок...

Когда-то давно люди в тайге, уходя из затерянной в глуши избушки, оставляли в ней запас соли, спички, патроны — они могли пригодиться заблудившемуся путнику. И эти радиомаяки по традиции так и звались избушками. Неизвестно, кто и когда придумал это название — привилось.

Шуршали приборы — и в Центр непрерывно шла информация о температуре воздуха, влажности, сейсмике планеты. Планета по сути еще была не открыта. Но избушка стояла. И ждала человека. И даже прикрыла его силовым полем, когда настигал преследователь, и даже открыла ему дверь, потому что могла отличить человека от любого другого существа.

Сначала Павлыш забрался в аптечку, разыскал антигипертензивные, тонизирующие таблетки, стащил с себя скафандр, сочувственно покачал головой, увидев, во что превратилась нога. К нему вернулось чувство юмора, и он даже пожалел, что в избушке нет камеры, чтобы запечатлеть это сизое бревно, столь недавно бывшее ногой судового врача Павлыша. Потом потратил несколько минут, стараясь вернуть себе подобие человеческого вида.

Затем проковылял к пультам связи, переключив рацию

на ручное управление, и отбил SOS по космическим каналам. Вне очереди. И знал, слышал, как замирает связь в Галактике, как прерывают работу станции планет и кораблей, как прислушиваются радисты к слабым, далеким призывам, как в Космическом центре загораются сигналы тревоги и антенны вертятся, настраиваясь на избушку номер такой-то, и вот неизвестный еще Павлышу корабль, находящийся в секторе 12, получает приказ срочно изменить курс...

Когда пришло подтверждение связи, Павлыш даже узнал название спасательного корабля. И будет он здесь через неделю. Или чуть-чуть раньше.

А потом Павлыш спал. Он спал часов шесть и проснулся от ощущения неловкости, необходимости что-то предпринять, сделать, куда-то спешить. И понял, что дальше сидеть и отдыхать в этом уютном кубике никак нельзя. Просто неприлично. Особенно, когда нога почти прошла (хоть и побаливает), а в карманах запасного скафандра умещаются сразу два пистолета.

И Павлыш сообщил в Центр, что возвращается на корабль. Там ответили: «Добро», — потому что не знали, что до корабля десять километров пешком, — да и что десять километров для диспетчера Центра, мерявшего расстояния только парсеками?

Павлыш вышел из избушки. Было совсем темно. Сумерки кончились. Твари бились, как мотыльки, о стекла маяка.

Павлыш представил, как противно ему будет лезть в воду, когда будет он обходить предательскую речку, поморщился, подумав, что слон может придти не один, а с товарищами. Но в конце концов все это были пустяки. Спасательный корабль в любом случае через неделю или чуть-чуть раньше приземлится на берегу.

И Павлыш, прихрамывая, пошел по плотному песку, у самой зеленой воды. Волны приносили на гребнях светлую фосфоресцирующую пену и старались лизнуть башмаки. И шел мелкий дождь, несущий видения о лесах, степях и хищных цветах.

Глава 2

Желтая стрела

Жало выбрался, наконец, на ровную площадку, придонил к скале копьё и присел на корточки. Он устал. Если воины Старшего заметили, что его нет в деревне, они уже бегут вдогонку, пригнувшись, касаясь земли кончиками копий, чтобы не упустить след.

С площадки не видно пещер и Цветочной поляны. Осыпь у ледника пуста, и лишь две большие мухи дерутся над камнями, не могут поделить какого-то зверька. Их крылья отражают синь ледникового обрыва. Если догоня близка, то воины должны пройти по осыпи. Другого пути нет. Они будут осторожны, потому что знают, как ловок Жало со своей пращей.

Солнце уже согнало ночной иней со скал. Длинные низкие облака уползали к Синим горам. Колючие заросли раскрыли навстречу солнцу узкие листья. Там, в тени, прячется Белая смерть, которая стережет долину. Мимо зарослей не пробраться. И никто не знает, где на скале нарисована желтая стрела. О ней рассказал перед смертью Немой Ураган.

Немой Ураган знал, что утром за ним придут воины Старшего. Боги не оставят его жить. Он нарушил закон и пытался уйти из долины к морю, где пасутся стада долгоногов и бродят дикие люди. Море — бесконечная плесеная вода. Ураган разводил руками, чтобы показать, как много воды. Ураган до самой смерти так и не научился хорошо говорить. Он помогал себе руками, но только Жало и Речка понимали его. Он всегда хотел уйти из долины, и Старший однажды пытался убить его, но боги не согласились, не дали знака. Боги бывают милостивы, но, когда Урагана, изуродованного Белой смертью, нашли на Цветочной поляне, Старший ушел в ярм. Это было ночью, и Ураган успел рассказать Жало

о желтой стреле в скалах. А утром Старший вернулся из храма, где молился всю ночь. И сказал, что боги берут Урагана к себе. Ураган не мог идти. Воины принесли его к храму. И там Ураган перестал жить.

Белая смерть стерегла выход из долины. Те охотники, кто не успевал придти в деревню до темноты, редко возвращались обратно. Ночью Белая смерть подходила к самой деревне и топталась у возделанных полей. Старший говорил, что она стережет поля от ночных мух и долгоногов. Ночью нельзя было выходить из пещер и хижин.

Жало дождался рассвета и ушел, когда небо стало серым. С рассветом Белая смерть прячется в заросли за Цветочной поляной. Если подняться по скалам, следуя за желтой стрелой, то можно выйти из долины. Там страна Диких. И море.

Погони не было. Жало подобрал копье и начал спускаться по склону, поросшему редкими деревьями. Иглы деревьев были опутаны розовой паутиной. Паутину таскали за собой многоножки, накрывая ею цветы, и, опасаясь мух, высасывали сок. Со склона заросли кустов, в которых таилась Белая смерть, казались ровными, как болото. Когда налетал ветер, по кустам проходили серебряные волны — листья переворачивались обратной стороной. Внутри была тайна. Лишь большие мухи и Звери, Живущие в Темноте, знали путь сквозь колючки. Раньше, рассказывали охотники, жители деревни поджигали кустарник, и сонные, перепуганные твари выскакивали на солнце. Тогда было много мяса. С тех пор, как в кустах поселилась Белая смерть, охотники обходили их стороной.

Жало был еще молод, и охотники не брали его с собой. Он рыл суком землю, в которую женщины кидали семена. Так велели боги. Через одну зиму Жало станет настоящим мужчиной. Тогда боги, может быть, разрешат ему стать охотником. А Старший выберет ему жену. Жало лучше всех в деревне умел метать камни и пращи и попадать копьем с двадцати шагов в шкуру долгонога. Но шкура была старая. Долгоноги редко приходили в долину. Старший сказал: если боги решат, что Жало будет охотником, он даст ему хорошую жену. Может быть, даже свою дочь. Это была большая честь, но Жало не хотел жениться на Светлой Заре. Он хотел

увидеть море — большое, как небо, зеленое и глубокое, о котором рассказал Ураган.

Мухи, заметив Жало, перелетели с осыпи и завертелись над головой. Жало кинул в них камнем, чтобы отпугнуть. Воины Старшего увидят, где выются мухи, и поймут, что здесь человек.

Скоро будет поворот к Мокрой скале. Жало остановился и прислушался. Сзади покатился камень. Кто-то шел по его следам. Жало бросился в тень дерева, и многоножки, сматывая паутинные мешочки, спрятались в глубь ветвей. Жало положил в пращу круглый камень и поднял руку. Из-за скалы вышла девушка и остановилась в нерешительности. Солнце светило ей в спину, но Жало сразу догадался, что это Речка. Он опустил руку.

— Жало, — позвала Речка. — Ты здесь?

Жало еще глубже отошел в тень и принялся — не идут ли за девушкой воины. Но запах был только один. Тогда он, подождав, пока Речка поравняется с деревом, прыгнул на нее сзади и схватил за волосы. Речка извивалась в его руках, кусалась и царапалась. Жало удерживал ее за плечи, смеялся и повторял:

— Разве так ходят по долине, глупая? Тебя сожрет любая тварь.

— Я знала, что ты здесь, — сказала Речка, высвободившись из его рук. — Я шла по следам. Здесь нет никого, кроме тебя.

— Я оставил след?

— До ручья. Потом ты шел по ручью и вышел у крутого камня. Но я знала, куда ты идешь. Ты идешь к перевалу. Я нашла твой след на Цветочной поляне. Не бойся. Солнце поднялось высоко, и наши следы унесет ветер.

— Ты зачем пришла? — спросил Жало, прислонясь спиной к стволу дерева. Многоножки проторили дорогу по его голой груди и, пофыркивая, тащили в норы розовые мешочки с нектаром.

Речка протянула руку, набрала горсть многоножек и принялась отрывать мешочки со сладким нектаром. Она ела сама и угостила Жало.

— Я спросила у матери, — произнесла Речка. — Ты еще спал. Ночью. Я спросила, будешь ли ты работать в поле. Она сказала, что ты с утра пойдешь к ручью, за

рыбой. Ты обманул мать, но я догадалась. Возьми меня с собой.

— Нельзя, — ответил Жало. — Там Белая смерть.

— Я все равно уйду из деревни. Старший сказал, что после одной ночи отдаст меня в жены Скале. У Скалы уже три жены. Он страшный.

— Скала — великий охотник, — проговорил Жало.

— Я не хочу быть женой Скалы. Возьми меня с собой.

— Я иду по дороге Немого Урагана. Я иду один. Никто еще не прошел этой дорогой.

— Немой Ураган был моим отцом.

— Ты женщина. Ты слабая. Ты не умеешь метать копье.

— Я буду твоей женой.

Жало ничего не ответил. Он хотел, чтобы Речка стала его женой. Но Старший сказал — нельзя. Немой Ураган овдовел и взял в жены мать Жало, когда его отец не вернулся ночью с охоты. Хоть у Жало и Речки были разные отцы и матери, их считали братом и сестрой. Старший сказал, что отдаст Речку Скале. Жало был зол на Старшего, но не сказал тогда ничего. Потому что нельзя идти против воли богов.

— Ты не боишься богов? — спросил Жало.

— Но мы с тобой уйдем из долины. За перевалом другие боги. Так говорил отец.

— Если Белая смерть возьмет меня, Старший прикажет тебя убить.

— Я не боюсь. Я — дочь Немого Урагана. — Речка села на землю и вытянула ноги. — Я три часа бежала по твоим следам, — сказала она. — И нашла тебя. Я могу стать охотником.

Жало рассмеялся.

— Женщины кидают в землю зерна и варят мясо. Охотники — мужчины.

— Ты сам копаешь землю, — напомнила Речка.

Она погладила его ногу. Жало посмотрел сверху вниз. Волосы девушки, сбритые в храме в день совершеннолетия, уже отросли до плеч. У нее была высокая грудь, веселые глаза и крепкие, красиво татуированные руки.

— Я хотел взять тебя в жены. Но нельзя нарушать волю богов.

— За перевалом другие боги. Наши боги туда не ходят!

— Погоди. — Жало подтянулся на суке дерева, вспрыгнул на него, чтобы сверху посмотреть на тропу. — Ты так громко говоришь, что воины услышат тебя.

— Они еще спят. Дверь в их дом закрыта.

— Старший все слышит. Он никогда не спит. Помнишь, как мы с тобой украли ногу подземного зверя? И спрятались в маленькой пещере. Никто нас не видел.

— Толстый Жук нас видел. Он рассказал Старшему.

— Нет, Толстый Жук не знал, где наша пещера. А Старший пришел туда. — Жало переступил с ноги на ногу, и многоножки посыпались на землю.

— А потом, — засмеялась Речка, — он вел нас по деревне, останавливался у каждого дома, вызывал всех на улицу и говорил: «Эти дети украли мясо».

— «Они украли мясо, которого мало».

— Правильно. «Они украли мясо, которого так мало». И бил нас палкой. Но ты не плакал.

— Я не плакал. А он сказал, что мы теперь не увидим мяса до самого лета. Так велят боги. И будем работать в поле с утра до ночи. А мне хотелось мяса.

— Но отец давал нам мяса, разве ты забыл? Он давал нам от своей доли. Он объяснял, что не хочет, чтобы мы умерли с голоду.

Речка поднялась на ноги, потянулась, подобрала с земли копые Жало и спросила:

— Мы пойдем к перевалу? Или ты забыл?

Жало спрыгнул с сука. Он обиделся. Речка не должна была напоминать мужчине, что ему следует делать. Но она была права. Что толку сидеть на суку и болтать ногами.

Утро крчилось. Тени стали короче, и ветер стих. От темной массы кустов поднимался легкий пар — растения отдавали воду, накопленную за длинную ночь. Запахи земли, животных, растений стали гуще, многочисленнее, и следы, оставленные зверьми и людьми, пропадали в испарениях долины. Лучшие часы охоты — от рассвета до жары, прошли. Жало потянул легонько Речку за кольцо в носу.

— Будь покорна, жена, — сказал он слова, которые можно было произносить лишь Старшему.

— Пусти, мне больно.

Они шли вдоль кустарника, но ни разу не ступили в его тень. Жало вспугнул красную змею, метнул в нее

камнем из пращи, змея взвизгнула, завертелась в траве и рассыпалась на десяток змеенышей. Между кустарниками и скалами оставался узкий проход, пропадающий шагов через сто. Но Жало смело шел вперед. Так велел Ураган. Речка ступала ему вслед и дышала в затылок. Иногда она протягивала вперед руку и касалась пальцами спины юноши. Жало дергал плечом, сбрасывал руку. Ему тоже было страшно. Если из кустов кто-нибудь выскочит, бежать некуда. Три шага — и скала.

Потом осталось два шага. Потом настал момент, когда можно было развести руками и правая упрется в иглы кустарника, а левая коснется холодной мокрой скалы. По скале стекали тонкие струйки воды, и брызги попадали на кожу. Здесь было холоднее, чем у деревьев. Жало замер. Впереди, в нескольких шагах, кустарник сливался со скалой, прижимался к ней.

— Здесь, — сказал Жало тихо, чтобы не разбудить тварей, спящих в кустах.

— Дороги нет, шепнула Речка. — Ты не ошибся?

— Ураган сказал: «Где кусты и скала станут вместе, беги вперед».

— Никто еще не ходил здесь.

— Твой отец ходил. Он был великий охотник.

Жало ткнул копьём в кусты. Ветка шевельнулась, словно живая, и подобрала иглы. Жало отвел копьём ветку от скалы и шагнул вперед. Речка держалась за его набедренную повязку. Жало копьём отодвигал ветки и протискивался между ними и скалой. Ветви смыкались сзади, стало темнее, и кто-то зашевелился совсем рядом.

Речка вскрикнула от испуга, Жало кинулся вперед, кусты хватали его крючками иголок, рвали кожу, и обеспокоенные обитатели темноты ворчали, пищали и шипели вслед.

Жало бежал, зажмурив глаза, и не он, а Речка первой поняла, что они ушли из долины. Кусты расступились, и беглецы оказались в широкой расщелине, дно которой устилали мелкие камни, а скалы по сторонам, темные, покрытые лишайником, сходились над головой.

Жало перевел дух. Речка сорвала пук травы и вытирала кровь с лица и груди. Жало поторопил ее.

— Если мы разбудили Белую смерть, она нас здесь легко догонит. Мы пойдем до желтой стрелы.

— Мне больно.

— Тогда оставайся. Или иди в деревню.

— Я не могу. Меня отдадут богам.

Жало не стал больше тратить времени на разговоры с девушкой. Он быстро пошел вперед, не сводя глаз с левой скалы. На ней должна быть желтая стрела.

Речка плелась за спиной, всхлипывая, и ругала спутника.

Сзади раздался свист.

— Белая смерть! — крикнул Жало. — Мы разбудили ее. Не оборачивайся!

Речка все-таки оглянулась. Кусты шевелились, колышались, будто старались выплюнуть что-то большое. Среди ветвей мелькали светлые пятна, и никак нельзя было разобрать ни формы, ни размеров Белой смерти.

Жало бежал впереди, и расщелина все не кончалась. Перед глазами маячил все тот же кусок неба и полосы облаков на нем. Вдруг скалы разделись в стороны, и беглецы оказались на краю обрыва. Обрыв уходил отвесно вниз к зеленому полю, посреди которого извивалась медленная река. Она терялась в тумане, за которым было море.

Заунывный свист и пощелкивание приближались. Белая смерть настигала их, и на этот раз обернулся Жало. У Белой смерти не было глаз, рта и ног. Она переливалась, как тесто, выпуская короткие отростки, тянула их к беглецам.

— Стрела! — крикнула Речка.

Небольшая желтая стрелка косо указывала вверх, на карниз, узкий и почти незаметный со дна расщелины.

Жало не стал тратить времени на разговоры. Он сгреб Речку в охапку и посадил ее к карнизу. Речка вцепилась в камень, подтянулась и исчезла за скалой. И тут же протянула руку, чтобы помочь юноше взобраться. Жало оперся о копьё, пальцы босых ног вцепились в шершавый камень. Речка, не выпуская руки, отступила дальше вдоль стены.

Один из белых отростков потянулся к карнизу. Жало ткнул в него копьём, и отросток сразу исчез.

Они стояли, прижавшись спинами к скале, и молчали. Они были первыми, кто встретил Белую смерть и остался в живых. Боги сжалились над ними.

Карниз постепенно расширялся и спускался вниз, к реке. Ветер, прилетевший с моря, упруго бил в лицо,

будто боялся, что ослабевшие после страшной встречи, они сорвутся с карниза и упадут вниз.

Они прошли немного по карнизу, а когда он расширился, присели. Жало протянул руки и показал Речке, как они дрожат.

— А у меня нет ног, — сказала Речка.

Туман рассеивался, и казалось, что небо, такое большое с высоты, загибается книзу, темнеет и по нему идут белые полосы. В небо вливалась река, разбившись на множество узких протоков.

— Море, — сказал Жало. — Ураган говорил, что море — сестра неба. Теперь нас никто не догонит.

Карниз вел к речной долине, к розовым сладким деревьям. Стадо долгоногов паслось около одного из них. Жало никогда не видел столько долгоногов сразу.

— Мясо, — проговорил он. — Много мяса.

Пошелкивание Белой смерти, словно дурной сон, возникло совсем рядом. Чудовище, распластавшись по стене, забралось на карниз и медленно ползло вперед. Жало пошел было ему навстречу, но Речка вцепилась ему в руку.

— Не смей! — кричала она. — Мы убежим от него. Белую смерть нельзя убить.

Жало отступил.

— Бежим!

Они бежали вниз, хватаясь за выступающие камни, перепрыгивая через трещины. Откуда-то взялись большие мухи. Их привлекал пот. Мухи вились над головами и старались остановить беглецов. Белая смерть отстала. Она струилась по карнизу, меняя форму. Она двигалась медленно, но упорно, потому что знала, что людям не убежать от нее. Белой смерти не нужен отдых. Она никогда не спит.

Карниз превратился в осыпь. Между обломками скал росли кустик и желтые свистящие цветы. Долгоноги заметили людей и бросились наутек, высоко подбрасывая толстые зады. С осыпи видна была скала, с которой они спустились. Она тянулась в обе стороны, от моря до синих гор, и расщелина, по которой вышли Жало с Речкой, казалась отсюда черной трещинкой — словно кто-то всадил в скалу острый нож. На середине скалы виднелось белое пятно. Пятно уверенно ползло вниз.

— Мы дойдем до реки, — сказал Жало, — и войдем в воду. Белая смерть не умеет плавать.

— Ты откуда знаешь?

— Так говорил Немой Ураган. Когда он был в другом племени, они спасались от ночных зверей тем, что входили в воду. Потом мы найдем то место, где можно перейти реку пешком. Ураган говорил, что такое место есть, но забыл, где оно. И придем в племя Урагана.

— Я не умею плавать.

— Я тоже. Никто в нашем племени не умеет плавать. Но мы ушли, и никто не смог нас поймать. Даже Белая смерть. Я — настоящий охотник. Я возьму тебя в жены и потом, с новым племенем, вернусь в деревню и убью Старшего.

— Ты настоящий охотник, Жало, — согласилась Речка. — Но пойдем скорее к воде. Смотри, Белая смерть уже близко.

Белая смерть, добравшись до широкой части карниза, поползла куда быстрее. По осыпи она покатилась, словно шар, выставляя вперед, чтобы удержаться, короткие толстые отростки.

Но беглецы не успели сделать и нескольких шагов к реке, как пришлось остановиться. Вдоль воды шли люди.

— Это охотники, — сказал Жало. — Поспешим к ним. Это охотники из племени Урагана. Я знаю знак племени. Они нас не тронут.

— Стой, — ответила Речка. — Ложись в траву, пока они нас не заметили. Ты видишь, какие у них копы?

Жало послушно нырнул в траву и осторожно выглянул из-за камня. У людей, шедших вдоль реки, копы были раздвоены на концах, чтобы рвать мясо и чтобы рана была глубокой и смертельной. Таким копыем трудно убить зверя. Даже долгоног может спастись от такого удара. Таким копыем охотятся только на человека. Это были воины Старшего.

Жало катался по земле, кусал свои руки, бил кулаками по камням. От ярости и страха он ничего не видел.

— Это духи! — кричал он. — Это духи воинов! Они не могли выйти из долины!

— Тише, — умоляла его Речка. — Тише, они услышат.

Но Жало уже вскочил во весь рост и кинулся навстречу воинам, потому что им овладело бешенство, в кото-

рое впадает всякий мужчина племени, если чувствует, что близка его смерть.

Речка попыталась остановить его. Она бежала, спотыкаясь, за Жало, кричала, плакала. А сзади, все ближе, все слышнее, раздавалось пощелкивание Белой смерти.

Воины увидели юношу. Они рассыпались полукругом, чтобы ему некуда было уйти, и ждали, пока он приблизится, чтобы бить наверняка. Один из них развернул большую сеть, связанную из стеблей голубого тростника. И Речка поняла, что они хотят взять Жало живьем. Это было еще хуже. Значит, они принесут его в жертву богам, как принесли в жертву Немого Урагана.

Захваченная зрелищем Речка не заметила, как на нее упала тень, и лишь ожог отростка Белой смерти заставил ее прыгнуть вперед и закричать.

Крик ее донесся до бегущего юноши и остановил его. До охотников оставалось несколько десятков шагов.

Жало увидел, что Речка бежит к нему, а громада Белой смерти преследует ее по пятам и отростки чуть не касаются ее спины.

И что-то странное случилось с Жало. Он вдруг забыл о воинах. Безумие покинуло его. Голова стала ясной, и ноги налились силой. Он кинулся наперерез Речке, вдоль цепи воинов, так, чтобы пробежать перед ней. Это ему удалось. Жало схватил девушку за руку и потащил за собой. Воины замешкались от неожиданности, а Белая смерть не успела изменить направление и проскочила вперед.

Через минуту все изменилось. Воины поняли, что добыча может ускользнуть, и последовали за Жало, держась ближе к берегу, чтобы не натолкнуться на Белую смерть, а чудовище вобрало в себя отростки и покатилося вслед за беглецами. В конце концов кто-то из преследователей обязательно настиг бы беглецов, которых оказались между двух огней.

Белая смерть оказалась проворнее. Она догнала их у небольшого крутого пригорка, куда Жало втащил изнемогающую Речку. И тут же белый шар расплылся по траве, стал жидким и со всех сторон окружил собой пригорок. Белая жижа стала стягиваться кверху, и воины остановились в отдалении, глядя, как уменьшается зеленая площадка под ногами юноши и девушки, как беспо-

рядочно и отчаянно Жало тычет копьем в отростки Белой смерти.

И в этот момент из-за большого дерева вышел еще один свидетель этой сцены. Он не принадлежал ни к одному из племен. Он был выше ростом и тоньше. У него была блестящая большая голова, перепончатый хобот, горб за спиной и странные блестящие одежды. Он поднял руку с блестящей короткой палкой, и из палки вылетела струя белого ослепляющего огня. Струя достигла белого кольца, и кольцо чернело, съеживалось, пряча щупальца. И этот человек или бог продолжал жечь Белую смерть, пока остатки ее, обгоревшие, мертвые, не сползли с пригорка и не рассыпались пеплом по траве.

Тогда Жало отпустил Речку, она упала на траву, а юноша встал на колени и закрыл ладонями глаза.

Глава 3

Пещеры

Тишина преследовала Павлыша до самого корабля. Казалось, с торжеством ночи все твари затаились в норах или залегли в беспробудный сон. Даже под водой ему никто не встретился. А может, до них донесся слух, что этот одинокий человек чувствует себя сильным, непобедимым и неуязвимым. А причиной тому не только новый скафандр, в котором можно не беспокоиться о нехватке кислорода или когтях морских жителей, но и сознание победы. А оттого недавнее путешествие к огоньку стало чем-то вроде воспоминания о миновавшей зубной боли, которую можно представить, но нельзя вернуть.

Но еще было беспокойство о корабле. Оно росло с каждым шагом, и треск ракушек под подошвами башмаков отсчитывал секунды, с каждой из которых явственной была картина, где неизвестное чудище спокойно разбирает доморошенную баррикаду, оставленную Павлышом у люка «Компаса».

Тишина казалась зловещей. Невысокие ленивые волны приподнимали головы над черной маслянистой поверхностью океана и искристой пленкой растекались по песку. Воспоминанием о длинном дне осталась лишь узкая зеленая полоса над горизонтом, но свет, позволяющий разглядеть ленту пляжа и стену кустов на дюнах, исходил не от догорающего заката и не от светящегося моря — из-за дюн поднялась медная луна и залила ночь отблеском далекого пожара.

Огонек остался далеко сзади. Он подмигивал равномерно и надежно. Он внушал уверенность в будущем. В отдаленном будущем, которое никак уже не зависело от Павлыша. Но от него зависела безопасность корабля в ближайшие дни, безопасность от случайностей, которыми столь богата эта планета.

Звезды отражались в лужицах, оставшихся после прилива, и светлая полоса пены отделяла песок от моря. Идти было легко. Слежавшийся песок пружинил под ногами.

Наконец, черным провалом в звездном небе впереди обозначился «Компас». Павлыш включил на полную мощность шлемовый фонарь, и круглое пятно света уперлось в покореженный металл корпуса. Павлыш обошел груды деревяшек и обгорелых тварей — остатки неудачного костра. Казалось, что все это случилось очень давно, много лет назад: и первые вспышки маяка, и отчаянные попытки привлечь внимание жителей далекой избушки.

Хитрые затворы люка, придуманные Павлышом, были не тронуты. Никто не пытался проникнуть в корабль в отсутствие его сторожа.

Из шлюзовой камеры Павлыш включил аварийное освещение и воздушные насосы. Спасательный корабль придет через неделю, и можно позволить себе роскошь — жить со светом и без скафандра.

Павлыш задраил дверь в шлюзовую камеру и прислушался к свисту воздуха, который весело врывался в отсек, будто соскучился в темноте резервуаров. Можно было снять нагубник. Привычные запахи корабля, которые пережили крушение и которые останутся в корабле еще долго после того, как последний человек покинет его, окружили доктора, словно теплые кошки, радующиеся возвращению хозяина.

Душ не работал. Павлыш сбросил скафандр и вышел в коридор.

Плафоны в коридоре горели вполнакала, и, случись это месяц назад, Павлышу показалось бы здесь темно и неудобно, но после долгого путешествия в темноте, коридор представился Павлышу сверкающим веселыми и яркими огнями. Все было в порядке. Сейчас откроется дверь, и выйдет капитан. Он спросит: «Почему вас так долго не было, доктор?»

Но капитан не вышел. Капитан был мертв. Павлыш дошел до конца коридора и перед тем, как заглянуть в анабиозные камеры, обернулся, пытаясь вновь вызвать в себе приятный обман, ощущение, что ты не один.

Какой-то человек выглянул из угла и, заметив Павлыша, спрятался. Несколько секунд Павлыш продолжал ос-

таваться в блаженном состоянии — он воспринял этого человека как продолжение игры в живой корабль. Но тут же сработала внутренняя система предупреждения. Павлыш, ты один на корабле. Здесь не может больше никого быть. Это галлюцинация.

— Это галлюцинация, — сказал вслух Павлыш, чтобы развеять видение.

Стереть память о нем. Надо держать себя в руках. Но что такое странное было в облике человека, нырнувшего за угол? Он не принадлежал к экипажу корабля — ни к живым, ни к мертвым. Он не был образом кого-то из земных знакомых Павлыша. Это был чужой человек. Высок ли он, низок, мужчина он или женщина — этого разглядеть Павлыш не успел. Но он был уверен, что никогда не видел этого человека раньше.

Галлюцинация галлюцинацией, но надо проверить. Павлыш вдруг пожалел, что оставил пистолет в скафандре. Он возвращался по коридору медленно, готовый прижаться к стене или нырнуть в одну из кают. Ему вдруг стало страшно — может, потому, что самое трудное было уже позади и новая опасность, возникшая столь неожиданно, застигла его врасплох. Крадучись по коридору, Павлыш поймал себя на том, что уговаривает человека оказаться игрой воображения.

За углом никого не было. Люк в шлюзовую камеру был задраен, и плафон под потолком чуть мерцал, будто издевался над Павлышом. Если человек скрывается где-то здесь, то Павлыш должен услышать его дыхание — тишина мертвого корабля была почти невыносимой, тяжелой и гулкой.

Простояв с минуту неподвижно, Павлыш уверился в том, что он на корабле один. Подвели нервы. И все-таки надо было убедиться в этом до конца. Павлыш взял из шкафчика нагубник, накинул на спину баллон и вошел в шлюзовую камеру. Здесь тоже было пусто. Павлыш откинул сломанный люк. Его встретили темнота и шуршание моря. И уж совсем на всякий случай, Павлыш взял ручной фонарь и провел его лучом по песку — там было пусто, по морю — море было пустынным. И к кустам. Тут луч света поймал фигуру человека, бегущего по рыхлому песку. Фигура задержалась на мгновение, метнулась в сторону, чтобы уйти от светлого круга, и

исчезла в колючках. Кусты не помешали гостю скрыться в их чаще.

Значит, это была не галлюцинация. Гость существовал, обитал на этой планете, был любопытен и осторожен.

Павлыш подержал еще немного свет на той части кустов, где скрылся гость, потом потушил фонарь и вернулся на корабль. Его вновь охватило беспокойство. Ночной житель планеты мог добраться до анабиозных камер.

Павлыш ворвался в анабиозный отсек, забыв снять нагубник и положить фонарь на место. Дверь туда была задраена, но Павлыш все равно не успокоился, пока не оказался внутри и не увидел показаний приборов. Приборы работали нормально. Ночной гость сюда не добрался.

Павлыш обошел весь корабль, заглядывая в отсеки и трюмы, пробираясь среди разбитого оборудования и искореженных переборок. Ему вдруг показалось, что открылся грузовой люк, и он потратил минут двадцать, прежде чем убедился, что люк заклинило так надежно, что без лазера его не вскроешь. И все-таки он не мог успокоиться. Вернулся в шлюзовую, надел скафандр, взял пистолет и выбрался наружу. Он медленно повторил путь гостя, стараясь разглядеть его следы. Он дошел, увязая в песке, до самых кустов. Но ни следов, ни просвета в кустах, где мог бы скрыться человек, он не обнаружил. История получилась странная, не очень правдоподобная, и захотелось, чтобы поскорее прилетел спасательный корабль.

Перед тем, как лечь спать, Павлыш забаррикадировал люк и прибавил света. Есть расхотелось, и он долго не мог заснуть, прислушиваясь к звукам за притворенной дверью. Звуков не было. Пистолет он положил под подушку. Так и заснул, держа под подушкой руку...

Снились утомительные кошмары, в которых Павлыш вновь и вновь шел по берегу, тонул, и перед ним, оглядываясь и маня рукой, шел ночной гость. Заманивая к черной бездне.

Павлыш проспал двенадцать часов и проснулся в деловом, трезвом настроении. В конце концов нет ничего удивительного, что на планете живут ее хозяева. Возможно, что они еще не делают орудий и не строят домов, так что при разведполете их не обнаружили. Разумные они или стремятся к такому состоянию — в

любом случае, они любопытны, за что их никак нельзя корить.

Он лежал и прислушивался к шорохам. Потом вздохнул, сказал сам себе: «Доброе утро». Ему осталось провести здесь шесть суток в полном одиночестве. Когда ясно виден предел твоей робинзонаде, общие цели в жизни претерпевают метаморфозу. Проблемы выживания, спасения товарищей, перспектива медленной смерти — все это пропало. Но шесть дней — совсем не малый срок, и глупо провести их, лежа на койке и читая в очередной раз пятый том Ключевского. Потом знакомые будут спрашивать: а что ты, Слава, делал, когда вернулся на корабль? Можно ответить им — залег в спячку. Знакомые улыбнутся, ничего не скажут и подумают: вот дурак. Попасть на новую планету и проспать на ней шесть дней подряд.

Если верить справочнику, через трое суток наступит утро. Тогда надо будет пойти по берегу в обратную от маяка сторону. Где-то там должен быть просвет в бесконечных кустах, и можно будет заглянуть внутрь, посмотреть, где и как обитает ночной гость.

Придя к такому удачному решению, Павлыш, чтобы не тратить времени даром, выбрался наружу, отыскал в грудке щепок более или менее сохранившиеся тела летучих тварей и перетащил их в лабораторию. Дверь в анабиозный отсек он задраил намертво, так что если сам доктор заразится какой-нибудь местной дрянью, ни один вирус к ваннам не проникнет.

В лаборатории пришлось повозиться, пока в куче обломков удалось отыскать и привести в рабочее состояние кое-какие инструменты. Павлышу со школьных лет не приходилось препарировать без помощи микроскопа, под тусклой желтой лампочкой, пользуясь вместо предметных стекол доньшком от колб и стаканов. Павлыш, с наслаждением ругая первобытные условия своего существования, разделал несколько тварей, увлекся, выловил в море на свет фонаря трех мелких морских жителей, отыскал в трюме контейнер со спиртом, перетащил из камбуза гнутые кастрюли, сковородки, превратил лабораторию в весьма неряшливую кунсткамеру, нажил мозоль и несколько водяных пузырей на ладонях и к исходу третьего дня стал первым в Галактике специалистом по биологии планеты. Правда, по биологии низших форм

ее жизни, строение которых давало все основания полагать, что эволюция здесь зашла довольно далеко и утром на свету можно будет весьма расширить свои знания.

Самый интересный сюрприз таили в себе кусты. Они казались не только растениями, но и животными — сложным и любопытным симбиозом между растениями с полыми стеблями и простейшими организмами, населявшими внутренность стеблей. Организмы эти были общественными — сродни муравьям — именно они составляли ветви сопротивляться попыткам чужаков проникнуть внутрь кустарника, где кишела разнообразная жизнь, связанная — от летучих тварей до микробов — в единую систему.

Павлыш долго бился над задачей, как притвориться своим, заставить кусты расступиться перед ним, но пришлось отказаться от этой затеи — на горизонте появилась голубая полоса. Надвигался рассвет, и пора было готовиться к большой экспедиции под кодовым названием «Робинзон идет по острову».

Если у тебя несколько дней безбедной жизни, если тебе ничто не угрожает, то сидеть в корабле, пить чай и препарировать мошек — занятие не для цивилизованного человека. Цивилизованный человек хочет открыть новый материк и назвать неведомую реку именем любимой женщины — скажем, мамы. Так что зуд любознательности, одолевший Павлыша, был естествен для прирожденного землепроходца.

На этот раз Павлыш проявил великолепную изобретательность, которой позавидовал бы неандерталец, уходящий из пещеры на трехмесячную охоту и оставляющий там, по соседству с хищными зверьми, любимую жену и детей. Когда он, наконец, запер входной люк и вспомнил, что забыл нож, лежащий на полке в шлюзовой камере, то справиться с запором ему удалось лишь через полчаса, и то лишь после того, как, придя в полное отчаяние, в упор выстрелил в него из пистолета. Потом пришлось мастерить новый запор. В результате Павлыш покинул стоянку корабля, когда солнце уже поднялось над границей воды и песка, продираясь сквозь сизые полосы облаков. Вновь, как и вечером, пришлось идти навстречу солнцу, только в противоположную сторону.

Павлыш экипировался основательно, так что ему были не страшны ни звери, ни стихийные бедствия. За спиной

висели запасные баллоны — кислорода на трое суток. Сбоку сверкал пистолет, на другом бедре хороший охотничий нож, кустарным образом переделанный из кухонного. Поверх баллонов горбился рюкзак с запасом пищи и воды и даже надувным спальным мешком — вдруг придется остановиться на отдых.

Часа через три, когда солнце растопило иней на кустах, когда поднялся ветер и переворачивал, серебрил узкие листья кустов, Павлыш, наконец, увидел то, что искал. Широкая река вливалась в море, прерывая монотонную линию кустарника. Берег реки был болотистым, но пружинил под ногами и держал Павлыша. Короткие острые стебли травы с синими венчиками колючек цеплялись за башмаки, и с них в разные стороны прыскала летучая мелочь. Из кустов встревоженно выскочили спугнутые твари, покрутились над Павлышом и спрятались обратно. Берег стал выше, суше, кусты раступились, и Павлыш очутился у края широкой долины.

С одной стороны долина была ограничена морем, отороченным полосой кустарника, с другой упиралась в отвесный, без разрывов, скалистый обрыв. Река поворачивала километрах в трех от устья и текла вдоль долины, деля ее на две длинные, зеленые полосы.

Павлыш дошел до поворота реки. Здесь течение было быстрым, и в чистой воде виднелись обкатанные камни и длинные нити водорослей. Короткие оранжевые черви дергались, словно прыгали друг за дружкой между водорослей, и, прежде чем войти в воду, Павлыш кинул в них камнем, отгоняя от брода.

Быстрое течение мешало идти, вода вздыбливалась у ног, всплескивала, урча, и дневной мир этой планеты пришелся Павлышу по душе. Большая птица с длинным гибким хвостом сделала круг над Павлышом, ринулась вниз и тяжело поднялась с воды, держа в желтых зубах небольшое водяное животное.

В самом глубоком месте вода оказалась Павлышу до пояса, и поток чуть не снес его в глубину, но тут же берег пошел вверх, и Павлыш, отряхиваясь, словно пес, выбрался на траву к большому дереву, покрытому розовой листвой. Вблизи оказалось, что это не листва, а паутинные мешочки, которые таскали за собой страшные гусеницы, перебираясь с ветки на ветку. Гусеницы при виде Павлыша поднимали головы и пугали его — шеве-

лили передними ножками. Гусеницы Павлышу не понравились, и он отошел от дерева.

Неподалеку бродило стадо каких-то животных. Животные были весьма странного вида. Несколько пар длинных тонких лап несли тело, схожее с бурдюком. Вместо головы из бурдюка торчали хоботки. Сверху бурдюк был украшен острыми шипами. Животные шустро рвали хоботками траву и совали себе под живот — видно, там пряталась пасть. Павлыш достал камеру и несколько минут снимал подробный и неспешный фильм о жизни долины, и даже заставил себя вновь приблизиться к розовому дереву с отвратительными гусеницами, которые весьма разозлились, увидев, как он возвращается, и делали вид, что вот-вот прыгнут ему в лицо.

Напоследок Павлыш отснял панораму скалистой степи. Нечто светлое и округлое двигалось по обрыву. Павлыш дал максимальное увеличение, и в видоискателе обнаружилась белая бесформенная туша, ползущая по узкому карнизу. Павлыш тушу узнал. Это был тот белый слон, что чуть не погубил его ночью, у маяка. Надо быть осторожным. Оказывается, эти гады выползают из своих нор и днсм.

Камера скользнула дальше, вниз, и в объектив ее попали еще два существа. Эти существа значительно уступали слону в размерах и явно передвигались на двух ногах. Они пробирались по тому же карнизу, что и слон, и не надо быть гением, чтобы догадаться: слон их преследует.

— Здравствуйте, — сказал Павлыш вслух. — Вот мы и встретились, ночные гости. В случае чего, можете рассчитывать на нашу помощь.

Павлыш переместился к вершине небольшого холма, где росло дерево без паутины и гусениц на нем. Это был отличный наблюдательный пост. Оставалось только ждать, как развернутся события дальше. В любом случае, пока что белый слон не настигал двуногих. У них были еще шансы скрыться. А если им удастся сделать это без его помощи — тем лучше. Всегда предпочтительнее не вмешиваться в чужие дела. Где гарантия, что господствующая, разумная форма жизни на этой планете — не белые слоны? И за Павлышом тогда гнался какой-нибудь береговой сторож или любитель лунного света, принявший Павлыша за сувенир или за двуногую обезьяну,

представляющую собой изысканное лакомство в слоновьих зажиточных слоях?

Беглецы спустились к долине, задержались на осыпи, видимо, совещаясь. В руке одного из них Павлыш углядел длинную палку или копье. Это говорило в пользу разумности двуногих и было приятным открытием. Как-то естественнее завести дружбу с себе подобными, чем с пятнадцатиногими пауками — хотя среди них встречается немало милейших и умнейших особей.

Двуногие направились к реке. Они шли не спеша, уверенные, что слону их не догнать, и не видели, как слон, миновав узкий карниз, вобрал в себя щупальца и покатился вниз по осыпи словно мягкий мяч. С каждой секундой он сокращал расстояние между собой и двуногими. Рука Павлыша сама потянулась к пистолету.

Но тут одно из существ заметило приближение слона и предупреждающе крикнуло. Двуногие припустили к реке. Потом остановились. Что-то новое привлекло их внимание.

Павлыш опустил пистолет — сигналить беглецам не надо, — посмотрел в направлении их взгляда и увидел, что вдоль берега идут другие двуногие. Тех, новых, было шестеро. Все они вооружены копьями, похожими на огромные вилки.

Переведя взгляд обратно к первым двум, Павлыш увидел, как они нырнули в траву.

Ага, сказал он себе. Враждующие племена. И наших меньше. Положение обостряется. Сзади слон, спереди соперники. Что будем делать?

Один из двуногих (Павлыш невольно, как болельщик на стадионе, разделил присутствующих на команды и выбрал ту, за которую намерен болеть) катался в ярости по траве и бил кулаками по камням. Он вопил, как будто его резали живьем. Другой его спутник суетился рядом, пытался образумить товарища. Из этой попытки ничего не вышло. Первый вскочил на ноги, подобрал копье и бросился на шестерых врагов.

Как древний викинг, впавший в боевое безумие, комментировал Павлыш. Ему было очень жалко парня, который шел навстречу бессмысленной смерти. Второй бежал вслед за викингом и все пытался удержать его от сражения.

Шестеро у реки тоже увидели нападающего. Они без

излишней спешки рассыпались в цепь и начали сходить-ся так, чтобы захватить парня в полукольцо. Один из них развернул небольшую сеть.

Будут брать живьем, подумал Павлыш. А может, и нет — как гладиаторы, накинут сеть и прибьют копьями. Выйти бы сейчас и заявить: я ваш новый бог, прекратите кровопролитие.

Но Павлыш не успел выполнить своих намерений. Второй из беглецов, остановившийся в нерешительности, не заметил, как к нему бесшумно подкрался белый слон. Слон протянул вперед щупальца; почувствовав их прикосновение, беглец рванулся вперед. Крик о помощи достиг его спутника, что бежал навстречу врагам. И тот замер на месте. Затем, поняв, что товарищ в опасности, повернул обратно, словно забыл о шестерых врагах.

Теперь следствию ясно, кто из вас разумен, а кто нет — констатировал Павлыш. Копья и сети сами по себе аргумент, но то, что ты бежишь на помощь, когда тебе так хочется подраться с врагами, очень располагает в твою пользу.

Первый беглец подхватил товарища и оттащил его с пути белого слона. Чудовище потопталось на месте и вновь пустилось вдогонку. Шестеро врагов остановились, не решаясь приблизиться.

Беглецы взобрались на крутой пригорок, совсем неподалеку от Павлыша. Белый слон настиг их, но вместо того, чтобы ползти вверх, избрал иную тактику. Он решил действовать наверняка. Расплывшись в кисель, он охватил кольцом подножие пригорка и, стягиваясь, как резиновое кольцо, пополз вверх, оставляя все меньше и меньше свободного пространства вокруг беглецов. Один из них колот копьем приближавшиеся щупальца, подерживая потерявшего сознание товарища.

И когда уже казалось, что все погибло и спасения нет, а шестеро здоровых мужиков, вместо того, чтобы прийти на помощь, стоят мирно в стороне и деловито обсуждают происходящее, Павлыш нажал курок, и раскаленный луч, вырвавшись из дула пистолета, распорол кольцо белой хищной массы. И Павлыш не отпускал курка, пока белая плоть чудовища не превратилась в серый пепел.

Теперь скрываться было поздно. Тем более, что своих двуногих нельзя оставлять на произвол судьбы. Уйдешь, и те шестеро, опомнившись, чего доброго пристукнут их.

Павлыш, памятуя о необходимой эффектности появления, сошел с холма и медленно направился к участникам и зрителям только что закончившегося боя.

Павлыш показался для Жало горбатым великаном в блестящей одежде, с большой прозрачной головой, внутри которой, как зародыш в икринке, виднелась другая, белая с голубыми глазами, в них темнел странный зрачок — словно кто-то уронил в голубую лужу черное семечко. В руке у великана была короткая блестящая трубка, из которой только что вырвался луч света, убивший Белую смерть. Жало не знал, убьет великан его, как и Белую смерть, или помилует. И Жало опустился на колени и бросил копье, чтобы показать, что он безоружен.

Павлыш тоже рассмотрел, наконец, Жало. Это было странное существо, схожее на первый взгляд с человеком, но в то же время никак не человек. Его темная синеватая кожа была покрыта редкой бурой шерстью, более плотной на голове и груди. Бедрa были обмотаны повязкой, с которой свисала связанная в кольцо веревка. Кривые короткие ноги заканчивались расплюснутыми ступнями и длинные когти на руках, казалось, росли прямо из ладони. Но более всего Павлыша удивили глаза. Желтые, они были разрезаны вертикальным зрачком, словно у кошки. Черная полоска сужалась и расширялась, чутко реагируя на малейшую перемену освещения.

У ног спасенного лежало второе существо, оно было меньше размером и оказалось самкой.

Шестеро врагов подошли ближе и остановились за спиной Павлыша. Жало, взглянув в сторону своего спасителя, быстрым движением подобрал копье и затараторил, обнажая редкие клыки.

Павлыш вспомнил и настроил черную коробочку «лингвиста» на прием информации. Пусть послушает, наберется грамматики и лексики. Тогда можно будет объясниться. А пока Павлыш сказал, стараясь, чтобы слова его звучали убедительно:

— Не волнуйся, дружище. При мне они тебя не тронут.

Потом обернулся к воинам Старшего:

— Попрошу без кровопролития.

И показал им пистолет.

Воины посоветовались, потом тот, кто постарше, густо обросший лежалой клочковатой шерстью, поморгал кошачьими глазами и произнес небольшую речь, указывая копьем на каменную стену, солнце и различные предметы вокруг. Речи Павлыш не понял. Переводчик тихо жужжал на груди, но из его черной коробочки не выходило ни единого членораздельного слова. Все-таки Павлыш предположил, что общий смысл речи сводится к тому, что они рады бы подчиниться, да долг не велит им отпустить беглецов на волю.

Павлыш вновь оказался перед дилеммой. Не исключено, что его двуногие натворили что-нибудь дома. Съели, к примеру, свою бабушку, и теперь им грозит общественное порицание. Разгонишь карательную экспедицию — поможешь росту преступности на этой планете. Хотя возможны и другие варианты.

Так что Павлыш просто пожал плечами и дал возможность событиям идти свои чередом.

Старший шестерых обратился теперь с речью к беглецу. Тот сначала возражал, и оратор повысил тон. Наконец, Жало (это было первое слово, которое удалось понять лингвисту) понурил голову, подхватил совсем ослабевшую девушку и поплелся к стене. Уходя, он обернулся и, если Павлыш правильно истолковал его взгляд, попытался внушить ему: «Идем с нами! Мне так страшно!»

И Павлыш последовал в хвосте небольшой процессии.

Ему представлялась соблазнительная возможность увидеть, как живут двуногие. Вряд ли путь очень далек: обе партии — и преследователи и беглецы — шли налегке. Кислород есть. Вернуться обратно никогда не поздно. И, в крайнем случае, можно прийти на помощь желтоглазому беглецу. Разум здесь в младенчестве. И вряд ли жизнь особи ценится высоко.

Заметив, что Павлыш следует сзади, главный воин остановился и сказал что-то.

Лингвист вздохнул и перевел неуверенно: «Уходи, сильный дух».

Павлыш погладил черную коробочку и сказал лингвисту: «Молодец!»

Лингвист тут же (неизвестно, насколько правильно) передал слова Павлыша на языке аборигенов, и воины да-

же споткнулся от удивления. Больше он не сказал ни слова, повернулся и бросился догонять остальных.

Павлыш шел за ним след в след. Воин был ниже него на голову. Сквозь редкую пегую шерсть на затылке просвечивала синеватая кожа. На спине шерсть светлела, дыбась гребешком вдоль позвоночника. В шерсти возились букашки.

Воины вели пленников не к карнизу, а прямо к обрыву, значительно правее расщелины. У скалы остановились. Один из воинов быстро вскарабкался на дерево и оглядел с него долину.

— Никого нет! — крикнул он. — Никто не видит.

Основание стены было в этом месте засыпано глыбами, сорвавшимися сверху. Воины отвалили одну из глыб, и за ней обнаружился черный лаз.

— Вы здесь живете? — спросил Павлыш.

Воины посмотрели на Павлыша, как на идиота. Пришлый дух сказал глупость. Кто может жить в черной пещере?

— Мы живем в деревне, — ответил Жало.

— Ага, — согласился Павлыш. В будущем надо избегать наивных вопросов. Вполне возможно, что его безопасность в какой-то степени зависит от его репутации как духа. Покажись он воинам безвредным, они могут проткнуть его копьем, дабы не вмешивался в чужие дела.

Пока воины растаскивали камни, чтобы пройти внутрь, Павлыш глядел на них и думал, что они не похожи на ночного гостя на корабле. Коридор был тогда достаточно освещен, и гость показался Павлышу болсе похожим на человека. И потом, Павлыш вспомнил, как гость бежал по песку и кустам. Бежал он, не сгибая спины, да и руки его были куда тоньше и короче, чем у аборигенов. Впрочем, здесь может оказаться несколько племен. Жили же на Земле одновременно кроманьонцы и неандертальцы.

Воины сложили камни у входа в пещеру таким образом, что можно было вытащить нижний и остальные засыпали бы вход в нее снова. Снаружи и не догадаешься о его существовании. Павлыш отдал должное их сообразительности. Затем двое забрались внутрь, повозились, выбивая искры из камней, и засветили заготовленные факелы.

Перед тем, как войти в черную дыру, Жало вновь

обернулся и спросил Павлыша, словно угадав, что у того появились сомнения, стоит ли соваться в темноту:

— Ты идешь, дух?

Павлышу стало совестно перед парнем, которого вроде бы обязался защищать. И он ответил по возможности тверже:

— Не бойся, иди.

Послушно зашебетал лингвист.

Один из воинов задержался у входа, нагнулся, вырвал нижний камень, и глыбы обрушились, отрезав солнечный свет и звуки утренней долины. Остался лишь мрак, отступающий шаг из шагом перед зыбким мерцанием факелов.

Путь по пещере был долг, однообразен и утомителен. Павлыш не включал фонаря. Впереди покачивались оранжевые пятна факельных огней. Ключья дыма, схожие по цвету со стенами, отрезали порой Павлыша от согнутой спины воина, шедшего впереди. И тогда рождалось странное ощущение: будто бы замурован в горе и следующий шаг приведет к стене. Павлыш даже протягивал вперед руку, чтобы пальцы, проникая сквозь податливый дым, изгнали из мозга ложный образ.

Воины находили нужные повороты, отыскивали ответвления пещеры по лишь им заметным и понятным признакам, и Павлыш, который некоторое время старался запомнить путь, вскоре понял, что, если ему придется возвращаться одному, он все равно заблудится.

Запомнился лишь обширный зал. Мокрые стены уходили вверх, в темноту, искрились сталагмиты, и где-то, невидимый, шумел ручей. Павлыш решил сфотографировать зал, дал вспышку, и спутники его пали ниц. Может, решили, что разверзлось небо. Пришлось подождать, пока они придут в себя, подберут упавшие факелы.

— Ничего страшного, — бросил Павлыш. — Можно идти.

— Мы ничем не обидели тебя, дух, — сказал укоризненно главный воин.

— И я вас, — улыбнулся Павлыш. Но улыбки никто не увидел, а эмоций лингвист передавать не умел.

Подземный ход перешел в лестницу. Ступени были

выбиты неровно, приходилось нащупывать следующую башмаком и держаться за стену.

Передние остановились. Путь закончился. Впереди была деревянная дверь. Первый воин постучал в нее деревянным копьём.

— Кто пришел? — донесся голос с той стороны.

— Слуги богов, — ответил воин.

— С добром ли пришли?

— С удачей. Боги будут довольны.

Дверь отворилась со скрипом, и в расширяющуюся щель проник желтый свет. Когда Павлыш вошел внутрь, воин, шедший последним, запер дверь на щеколду. А тот, кто впустил их, отступил к стене и спросил:

— Я позову Старшего?

— Да. И скажи ему, что с беглецами пришел незнакомый дух.

— Где? — спросил воин, разыскивая взглядом Павлыша. Помещение было освещено плашками с жиром, стоявшими вдоль стен. Он увидел Павлыша и произнес: — Откуда этот дух?

— Он пришел сам. Мы не приглашали его. Так скажи Старшему.

— Я его позову.

Жало и Речка стояли посреди комнаты, будто отделенные от остальных невидимым барьером.

Павлыш достал камеру, но воин заметил движение, понял его и сказал:

— Не ослепляй нас, дух. Подожди, пока придет Старший.

Человек, вошедший в комнату, остановился на пороге. Неровный свет плашек и дым от погашенных факелов мешали Павлышу разглядеть его как следует. Он либо вождь, либо жрец племени. Голос его был высок и резок. Лингвист перевел слова:

— Беглецов закройте. Мы подумаем, что с ними сделать. Боги скажут.

Старший был мал ростом, зябко кутался в толстую грубую ткань.

Жало обернулся к Павлышу:

— Защити меня, дух.

Павлыш сделал шаг вперед, и воины расступились, чтобы пропустить его.

— Здравствуй, Великий дух, — сказал Старший. — Ты знаешь, что мы не можем отпустить их, боги накажут.

— Жизнь в руках богов, — проговорил один из воинов.

— Жизнь в руках богов, — забормотали, словно заклинание, остальные.

— Ты пойдешь со мной, дух? — спросил Старший.

— Да, — ответил Павлыш. — Я хочу, чтобы им не было причинено вреда.

— Идем. — Старший, не двигаясь с места, ожидал, пока Павлыш приблизится к нему.

Павлыш ожидал увидеть старика, мудреца, хитрого старейшину племени. Старший оказался не стар, стоял, чуть наклонившись вперед, настороженно и крепко. Нижняя челюсть его была скошена, и темное лицо покрыто желтой шерстью. Глаза спрятались под нависшими надбровными дугами, и взгляд упирался в грудь Павлышу.

— Идем, — сказал Старший. Он повернулся и миновал дверь, уверенный, что дух последует за ним. Уши Старшего были прижаты к затылку. Они были странной формы, не такие, как у прочих — длинные, заостренные.

Следующая комната была мала, полутемна, и Старший быстро прошел ее. Он чуть припадал на правую ногу. Сзади доносились голоса, споры.

— Жало боится, — сказал Старший, не оборачиваясь. — Он нарушил закон.

— Что он сделал? — спросил Павлыш.

Старший толкнул еще одну дверь. Он вел Павлыша по длинному коридору. Плошки с жиром покачивались под потолком.

— Он нарушил закон, — уронил Старший. Он не хотел уточнять.

— В чем его проступок? — настаивал Павлыш.

— Дух знает, — ответил Старший. — Дух знает дела смертных.

— Я пришел в долину, когда твои воины уже настигли его.

— Ты знаешь, — повторил Старший.

В конце коридора появилось светлое яркое пятно. Дневной свет. Старший взмахнул рукой, спугнув со стены спящих, прицепившихся ножками к потолку, тварей. Твари засуетились, замельтешили прозрачными крыльями, пропали в светлом прямоугольнике. Павлыш зажму-

рился. На глазах выступили слезы. Павлыш приподнял забрало и приостановился, чтобы их вытереть. Старший обернулся. Он стоял у входа, опершись о стену, и довольно спокойно наблюдал за действиями Павлыша. Жители Форпоста были нелюбопытны.

Они вышли на небольшую площадку. Кроме отверстия, которое вело к подземелью, на площадку выходило еще три черных отверстия. Четвертое было прикрыто деревянной дверью из тонких бревнышек, связанных веревками.

С площадки открывался вид на голую долину, огражденную отвесными скалами. Здесь, в верхней части, долина была узкой. Противоположный склон глядел на Павлыша черными дырами других пещер. На дне долины сгрудились хижины, сложенные из камня и покрытые листьями и прутьями. Рядом протекал голубой ручей, который ниже, там, где долина расширялась, впадал в небольшое озеро, окруженное деревьями. Еще дальше в долину вонзился язык ледника, отороченный каменной осypью, откуда брал начало еще один ручей, также стремившийся к озеру. Язык ледника создавал перемычку, за которой, еле различимые в дымке, виднелись заросли деревьев и кустарник, тянувшиеся до самого откоса. Откос запирает долину. Выхода из нее не было видно.

— Пойдем, — позвал Старший.

Он направился к закрытой двери. Теперь, при дневном свете, Старший показался Павлышу менее похожим на разумное существо, чем Жало и Речка, даже чем воины. Хотя Павлыш мог ошибаться. Нельзя мерить чужую жизнь по своим меркам и строить ее по своему образу и подобию. Не исключено, что местный гений куда больше похож на орангутана, чем деревенский дурачок, который может оказаться двойником Павлыша.

— Опять в пещеру? — спросил Павлыш, проявляя явное нежелание расставаться с солнечным светом.

— Это мой дом. Ты не знаешь?

— Не приходилось бывать, — ответил Павлыш.

Возможно, духам в долине положено быть всезнающими, и Павлыш подрывал этими словами свою репутацию.

— Ты пойдешь в храм? — поинтересовался Старший. — Ты спешишь?

— Как сказать. А впрочем, все равно, — признался Павлыш. — Зайдем к тебе.

Один из воинов вышел на площадку и присел на корточки у стены, греясь на солнце. Старший не обратил на него внимания.

— Тогда пойдем ко мне.

Старший раскрыл дверь и вошел первым.

Павлыш последовал за ним. В распахнутую дверь проникал свет, и ветерок шевелил вытертый светлый мех на шкурах, которыми был покрыт пол. Посреди комнаты лежал большой плоский камень, на нем стояла глиняная плошка с каким-то варевом. Павлыш вспомнил, что проголодался. В углу помещались прислоненные к стене копья, громоздились глиняные горшки и плошки, рога, сучья — все вместе казалось бутафорской прогоревшего театра.

— Я знал, что ты придешь, — сказал Старший, усаживаясь на шкуру.

— Откуда? — спросил Павлыш.

— Я знал.

У Старшего была странная привычка повторять фразы, вместо того, чтобы ответить на вопрос, на который почему-то отвечать не хотелось. При этом он взглядывал на Павлыша, узкие зрачки сходились в черную ниточку, и казалось, он ведет игру, правила которой известны и ему и духу, столь обыденно появившемуся в долине.

Пауза несколько затянулась. Старший ждал, что скажет Павлыш. А Павлыш не знал, то ли начать задавать вопросы о племени, то ли уйти отсюда, спуститься вниз, к хижинам. Если бы на его месте был специалист по контактам, все было бы проще — у разведчиков есть решения на все случаи жизни. Или почти на все.

— Что вы хотите сделать с теми? — спросил, наконец, Павлыш.

— Отведем их в храм, — ответил Старший, будто это само собой разумелось. Возможно, и так. Возможно, за все проступки положено было отводить людей в храм.

— Они останутся живы?

Старший не ответил. Поднес ко рту плошку и отхлебнул из нее. Павлышу не предложил. Тогда Павлыш, которому захотелось пить, достал из кармана скафандра тюбик с соком, откинул забрало шлема и утолил жажду. Потом положил пустой тюбик на стол, рядом с плошкой.

Старший смотрел на него заинтересованно, не более того. И лишь когда тюбик покатился по столу и звякнул о плоску, Старший изумился. Он отпрянул от стола, поглядел на Павлыша, как на сумасшедшего. Протянул длинную волосатую руку и осторожно дотронулся до тюбика, словно ожидал, что тюбик исчезнет. Тюбик не исчез. Старший поднес его к носу, обнюхал и положил на место. Покачал головой.

— Ты удивлен? — спросил Павлыш.

— Духам позволено многое, — уклонился Старший.

— Я хотел бы спуститься в деревню, — сказал Павлыш.

— Вниз?

— Да.

— Тебе плохо здесь?

— Нет, хорошо. Но я хочу взглянуть на деревню.

— Ты не пойдешь в храм? — спросил Старший.

— Пойду. Мне интересно сходить в храм.

Старший опять удивился.

— Интересно? — Низкий лоб наморщился. Старший решал какую-то задачу. — Ты пойдешь в храм, — заключил он, наконец. — И будешь там ждать.

— Ну ладно, — согласился Павлыш. — И долго я там буду ждать?

— Нет.

Тюбик интриговал Старшего. Рука все время возвращалась к нему, длинные когти переворачивали желтую игрушку.

— Ты убил Белую смерть, — произнес Старший. — Зачем ты убил ее?

— Белую смерть? — переспросил Павлыш. — Я не знаю ее.

— Там, у реки. Воины сказали мне, что ты убил Белую смерть.

Павлыш догадался, что так называют здесь слона, который хотел сожрать Жало и Речку.

— Да, — подтвердил он. — Белая смерть угрожала людям.

— Но они нарушили закон.

— А разве Белую смерть нельзя убивать?

— Жало нарушил закон.

Господи, подумал Павлыш, разберись с ними. Беседа зашла в тупик. И Старший и Павлыш не понимали друг

друга. Нечто совершенно очевидное ускользало от понимания Павлыша. И он чувствовал, что Старший знает больше, чем Павлыш. Но что?

— Кто-то из твоих людей ходил в мой дом? — спросил Павлыш.

— Где твой дом?

— На берегу моря. За рекой.

— Твой дом?

— Ну да, конечно. Я прилетел с неба. И мой дом на берегу моря. Потом я улечу обратно.

— Конечно, — согласился Старший.

— Кто-нибудь ходил туда?

— Никто не выходил из долины, — произнес Старший.

— Неправда, — сказал Павлыш.

— Никто не выходит из долины. Если он выходит, он нарушает закон. И его убьет Белая смерть.

— Твои воины вышли из долины, — напомнил Павлыш.

— Мои воины шли по следам того, кто нарушил закон. Заколдованный круг. Никому нельзя, но воинам можно, потому что никому нельзя.

— Пойдем, — предложил Старший. — Пойдем в храм.

Они вышли на площадку. Воин все так же сидел у стены, дремал. Длинная серая туча проходила краем над дальним концом долины, и там шел дождь. У одной из хижин возились в пыли дети. Ветер поднимал пыль и крутил ее смерчком у обрыва. Планета была мирной, доброй, и даже захотелось снять шлем и глубоко вдохнуть свежего горного воздуха. Которого не было.

— Нам далеко идти? — спросил Павлыш.

— Ты знаешь.

— Ага, — согласился Павлыш. Духу положено знать, где стоит храм.

Старший подошел к краю площадки, и там обнаружилась тропа, идущая вдоль обрыва. Шагов через десять Старший остановился, поглядел на Павлыша и затем неожиданно присел, вытянул руки и прыгнул вперед. Павлыш посмотрел под ноги. Под тонким слоем гравия и песка проглядывали сучья. Похоже было, что они таят под собой ловушку. Павлыш примерился и прыгнул вперед так, чтобы встать рядом со Старшим. Это сделать было нелегко — мешали вещи, притороченные к скафандру. Но Павлышу не хотелось терять лицо. Если абори-

ген прыгает — духу тем более положено. Прыжок оказался неудачным. До Старшего оставалось еще около метра. Под башмаками хрустнуло, и земля ушла из-под ног. Павлыш умудрился упасть вперед, и руки его оказались на тропе. Вниз, в глубокую расщелину, летели сучья и камни. Стук стихал где-то далеко внизу.

Павлыш даже не успел испугаться. Ноги скользили по обрыву, никак не удавалось упереться носками башмаков, чтобы вылезти на тропу.

— Помоги, — сказал Павлыш как можно спокойнее Старшему. Тот не двинулся с места. Он думал. Дух, видно, не выдержал испытаний, и Старший переваривал в мозгу окрепшие сомнения.

Башмак, наконец, отыскал уступчик. Павлыш уперся локтями в край тропы и подтянулся вперед. Вдруг его охватило нехорошее предчувствие. Он поглядел вверх. Старший сделал неуверенный шаг вперед, но встретился взглядом с глазами Павлыша и остановился.

— Отойди, — велел Павлыш.

Говорить было трудно. Камень, на который опиралась нога, улетел вниз, за своими собратьями, но, к счастью, Павлыш уже по пояс вылез наверх. Рывком он вытащил на тропу колено и поднялся, стараясь не повредить баллоны.

Старший стоял, прислонившись спиной к обрыву, почесывая живот, блаженно сощурился, будто начисто забыл о существовании духа.

Павлыш поднялся на ноги, отряхнул пыль со скафандра и позволил себе обернуться. Ложный мостик перекрывал расщелину. Павлышу захотелось обидеть коварного хозяина.

— Ты боишься, что по тропе поднимутся люди снизу?

— Я ничего не боюсь, — ответил Старший. — Мы идем в храм?

— Да, — сказал Павлыш. В конце концов он сам был виноват. В следующий раз надо быть осторожнее. Формост не любит, когда гости здесь расслабляются.

Павлыш ступал вслед за Старшим. Старший остерегался опасности снизу. Своих соплеменников? Белую смерть? Соседей из другого племени?

Храм был вырублен в скале, как и дом Старшего. Может, использовали старую пещеру. Похоже, что гора здесь изъедена пещерами. От широкой площадки ко вхо-

ду храма вела лестница, сложенная из грубо обтесанных ступеней. Сам вход был невелик, сужался кверху, по сторонам возвышались две невысокие колонны, на каждой вытесан глаз, разделенный пополам узким зрачком. И все.

— Иди туда, — сказал Старший.

— А ты?

— Я пойду обратно.

Что еще за трюк задумал его спутник? Павлыш решил, что вернее всего на голову ему свалится каменная балка. И это его не устраивало.

— Ты пойдешь первым, — решил он.

— Почему? — удивился Старший. Гребень шерсти на голове у него приподнялся.

— Я пойду вниз, в деревню.

— Нельзя, — произнес Старший.

— Старший! — раздался крик снизу.

— Что?

По тропе большими прыжками приближались воины. Старший сделал шаг ему навстречу, и воин, сообразив, видно, что новости, которые он несет, не предназначаются для духов, наклонился к уху Старшего и прошептал что-то.

Новости Старшему пришлись не по душе.

Шерсть на загривке стала торчком, перекатились под волосами мышцы плеч, согнулись в коленях ноги, словно для прыжка.

— Х-хе! — крикнул он.

Рванулся вперед, когтями вцепился в лицо воина, тот выпустил копьё, упал на колени и пытался оторвать от лица когти. Старший пинал его ногами, потом неуловимым движением подхватил с земли копьё и метнул в воина. Тот успел отскочить, и наконечник разбился о камень, брызнув осколками.

Старший уже бежал вниз по тропе, забыв о корчащемся в пыли воине, о Павлыше, отпрянувшем в сторону.

Рычание Старшего исчезло за поворотом, будто проглоченное скалой. Павлыш подошел к воину. Тот оскандился, угрожая.

— Ну и черт с вами, — решил Павлыш. — Мы воспитывались в разных колледжах.

Отправиться в храм? Этого хотел Старший. Старшему Павлыш не верил. Лучше спуститься к деревне. Черт его

знает, что еще придумает Старший, когда вспомнит о Павлыше. Воин зализывал разодранную руку.

Павлыш пошел вниз, но не по тропе, а через широкую осыпь, к хижинам.

Площадка перед ними была пуста, утоптана, пыльная. От кучи отбросов к Павлышу бросились насекомые, засуетились над шлемом. Ребенок с обглоданной костью в лапке выполз на солнце и при виде человека замер в ужасе. Шерсть на ребенке была редкой, светлой, личико пряталось под выпуклым лбом, посреди которого можно было разглядеть третий глаз. Ребенок был хвостат — хвост закручен крючком и в нем торчала еще одна кость. Длинные руки высунулись из хижины и втащили ребенка за хвост внутрь. Оттуда сразу донесся визг. Дверь в другую хижину была задвинута большим камнем. Павлыш нагнулся к камню, прислушался. Кто-то часто и неровно дышал.

Павлыш пошел дальше. Хижины были похожи одна на другую, даже не хижины, а примитивные убежища, кое-как перекрытые сучьями и сухими листьями.

Павлыш отошел к берегу и оттуда снял панорамный вид деревни. Потом оглянулся, поглядел наверх. Вход в пещеру, через которую он проник в долину, не был виден. На площадке у храма темнело пятно — воин так и остался лежать у ступеней.

Павлышом вдруг овладело беспокойство. Что могло так разозлить Старшего? Может быть, войны сделали что-нибудь дурное с пленниками. Может быть, Жало с девушкой убежали? Как он не подумал об этом раньше?

Павлыш повернул обратно к осыпи и у ручья столкнулся со старой женщиной. Она спускалась вдоль ручья и, видно, не знала еще о появлении в деревне страшного духа. Женщина удивила Павлыша тем, что сильно отличалась от прочих виденных им аборигенов. Она шла, касаясь земли кончиками пальцев, и руки ее были так длинны, что ей не приходилось для этого нагибаться. Неровно слеplенный большой горшок покачивался на плоской голове, казалось, что старуха придерживает его бровями — лба у нее совсем не было. Глаза, скрытые в глубоких глазницах, горели желтым светом. Старуха присела, словно ее не держали ноги, и забормотала невнятно, подняв трясущиеся руки к лицу.

— Не бойся, — сказал Павлыш, — я не сделаю тебе дурного.

— Дух, дух, Великий дух... — бормотала старуха. Лингвист потрескивал, силясь перевести ее слова. — Дай... мясо... дай... пощади.

Старуха свалилась на камни, локоть попал в ручей, вода с журчанием обтекала мокрую шерсть.

— Можно подумать, что встреча со мной, хоть и страшна, но не неожиданна, — произнес Павлыш вслух, отходя от старухи и направляясь к храму.

Воин поднялся, увидев Павлыша. Песок вокруг него потемнел от крови.

— Иди домой, — приказал ему Павлыш. — А то истечешь кровью.

Воин как будто не понял его, хоть лингвист внятно прошептал перевод. Павлыш поглядел на вход в храм, возникло желание заглянуть туда на минутку, но он решил отложить визит.

Провал, ловушка, в которую чуть было не угодил Павлыш, разрежала тропу. На этот раз Павлыш, разбежался так, чтобы с запасом перепрыгнуть его. Звякнули за спиной баллоны.

На площадке перед пещерой и жилищем Старшего не было ни души.

— Эй, хозяева, — позвал Павлыш. — Куда вы запропастились?

Никто не откликнулся. Лишь, испуганная криком, выскочила из темного лаза летучая мышь и исчезла, подвваченная порывом ветра.

Павлыш включил шлемовый фонарь и осторожно двинулся в темный коридор, ведущий к комнатам перед подземным ходом. Он ступал медленно, но песчинки хрустели под подошвами, и оттого тишина была еще более гулкой и глубокой. Павлыш обошел все помещения, но и воины и их пленники словно сквозь землю провалились. Дверь в подземелье была приоткрыта, но, как ни вслушивался Павлыш в темноту, ни шороха, ни звука не донеслось до него.

Глава 4

Юноша

Могучий дух ушел за Старшим. Жало понял, что погиб. Смерть была непостижима, но реальна в его мире, и обитатели долины редко доживали до зрелых лет. Смерть таилась в болезнях, подстерегала на охоте и в поле, она могла обернуться лавиной, ядовитой гусеницей, сухим кашлем, немилостью Старшего. Но в любом случае Старший прикажет взять тело умершего в храм, за крепкую дверь. И воины, внесшие труп, вернутся к порогу и будут на ступенях петь страшные песни о смерти, из которой нет пути обратно. И лишь Старший останется в храме. А потом воины вновь войдут в храм и вынесут тело, разрезанное, чтобы выпустить злых демонов, что прячутся в мертвых и больных. И тело сожгут. Еще недавно, деды помнят, мертвых съедали, и лучшие куски доставались воинам. Но это было в дикие времена.

Жало знал о смерти, видел ее, но это была чужая смерть. Своя смерть далека, своя смерть должна уйти, как уходит утренний дождь. Она уйдет обратно, в тот мир духов, в бесплотный мир, в котором нет долгоногов, яркого солнца и чистой воды.

— Теперь ты больше не убежишь, — сказал сизый воин, которого звали Тучей и которого Старший взял мальчишкой из деревни. Туча толкнул Жало в спину, к темноте и засмеялся.

— Туча, — подала голос Речка, — ты помнишь, что у нас с тобой одна бабушка?

— Я воин храма, — произнес Туча, — у меня нет матери и отца.

— Так было раньше, — ответил Жало. — Теперь у каждого есть мать и отец. Так говорил Немой Ураган.

— Ты чего с ними разговариваешь? — прикрикнул на Тучу главный воин, косой Иней.

От толчка Жало упал на каменный пол. Дверь зашкрипела. Слышно было, как Туча устраивается у двери, с той стороны, стеречь пленников.

— Я пошел, — бросил Иней. — Не спи.

— Иди, — ответил Туча.

Стало тихо.

В темноте Жало отыскал руку Речки и уселся рядом, прижался, чтобы было теплее. Стены нависали, сходясь к низкому потолку. Жало чувствовал их.

— Туча, — позвал он, — наш дух вернется за нами. Он накажет тебя.

— Не знаю, — произнес Туча. — Старший пошел с ним в храм. Старший знает пути богов.

Речка вскрикнула — скользкая змейка скользнула по ступням.

— Не бойся, — сказал Жало.

Туча запел песню о великой тайне, о дороге к Темному ручью. Желтый лучик света, проникавший в щель двери, переместился. Туча подвинул поближе светильник, потому что, как и все люди долины, боялся темноты.

Речка когтем впиалась в ладонь.

— Что ты? — прошептал Жало.

— Тише. Здесь кто-то есть.

— Здесь только змея.

— Здесь есть кто-то большой. Он следит за нами.

Речка втиснулась в угол, к сырой стене, шерсть на спине вздыбилась.

Теперь и Жало почувствовал жуткое присутствие. Чуткие уши не доносили ни звука. Не было запаха. Не было ничего. Было присутствие. Кто-то стоял в углу пещеры и разглядывал пленников.

— Уйди, дух, — попросил Жало. — Уйди, если ты не хочешь нам помочь.

— Может, это наш дух? — предположила Речка.

— О чем вы там разговариваете? — спросил Туча из-за двери.

Оттуда, из угла пещеры, где стояло что-то, раздался короткий смешок.

Туча распахнул дверь и сунул внутрь руку со светильником.

— Что здесь? — крикнул он.

Светильник на секунду вырвал из темноты челове-

скую фигуру, неясную, смутную, уходящую в стену, растворяющуюся в ней.

— Это не наш дух, — сказала Речка.

Но Жало думал о другом. Рука воина держала светильник. Рука была близка. Жало рванул Тучу за руку, и тот, ударившись о косяк, влетел в камеру, охнул, упал на каменный пол. Жало ударил его еще раз, подобрал копье и, не оглядываясь, побежал в глубь пещеры, по пути, который недавно они прошли все вместе — воины, их пленники и добрый дух с блестящей головой. В долине, на свету, их поймают сразу же. Воины едят мясо и хорошо бегают. Только в темной пещере можно было скрыться и отыскать потом дорогу на волю. Речка бежала сзади. Память привела к деревянной двери. Страж возле нее приподнялся испуганно, услышав глухой топот, выставил копье, щурясь в темноту, и Жало, выскочивший из-за угла, опрокинул его, навалился плечом на дверь. Та треснула и поддалась. Жало чуть не упал на каменной лестнице — Речка едва успела поддержать его. Слабый отблеск света падал сверху, впереди ждала Большая Тьма, надежда была на слух, обоняние и память, цепкую память первобытного существа, сохранившую повороты, спуски, подъемы долгого пути от реки.

Сзади были крики, рассерженный вой воинов и стук окостеневших подошв. Жало бежал, вытянув вперед руку с копьем, угадывая нависший камень или трещину, и иногда, не поворачивая головы, говорил о них Речке, потому что Речка была слабее и бежала, доверяясь ему.

Преследователи не отставали. Они тоже знали эту пещеру, знали ее куда лучше беглецов, они были рассержены и должны были догнать, потому что в ином случае их ждал гнев Старшего. И они боялись его гнева.

Был большой зал с камнями, вылезающими из пола, и камнями, подобно сосулькам, свисающими сверху. Воины настигали беглецов.

— Скоро мы выйдем? — спросила Речка. — Я устала. Я скоро упаду.

Жало понял, что не добежать. Догонят. Он свернул в сторону, в неизвестную темноту, забежал за большую глыбу и упал навзничь. Речка опустилась рядом.

— Мы отдохнем?

— Теперь молчи, — прошептал Жало. — Совсем молчи. Не дыши.

Топот и крики были так близко, что Жало с трудом удерживал себя, чтобы не метнуться дальше, вглубь, куда угодно, лишь бы подальше от смерти, от страшных воинов. Он прижался к земле и придавил рукой Речку, которая вздрагивала, задыхалась и пыталась вскочить.

— Тише, — молил он беззвучно. — Тише.

Шаги пронеслись совсем близко, прерывистое дыхание, хрип и крики, несущие смерть.

Потом стало тише.

— Мы будем ждать? — спросила Речка, приподняв голову.

— Немного, — ответил Жало. — Они вернутся и будут искать нас.

— А мы?

— Мы отдохнем и будем ползти к выходу. Но не главным путем, а здесь, среди камней. Ты помнишь, сколько бежало воинов?

— Нет. Много.

— Может, шесть. Может, семь. Надо знать. Мы будем бежать потом узкой пещерой. Если не все вернутся, мы попадем между ними.

— Ты убьешь их, Жало?

— Если один — может быть, убью. Если два — они убьют меня.

Жало устал, ему хотелось прижаться к Речке и заснуть.

— Ты великий охотник, Жало, — сказала Речка.

В отдаленных, глухих криках была растерянность.

— Жало, — произнесла Речка. — А может, мы побегим обратно, пока они там? И спрячемся в деревне.

— Нельзя, — ответил Жало. — Там Старший. И другие воины.

— Тогда не будем ждать. Они вынюхают нас. Ты слышишь, течет вода? Пойдем по воде. Она смывает следы.

— А если вода глубокая?

— Нельзя ждать.

— погоди. Сейчас они пробегут назад, и тогда мы пойдем.

Они говорили тихо, совсем тихо. Но пещера разносила даже шепот, и Старший, бежавший по следам воинов, бежавший молча, потому что по крикам впереди уже понял, что воины потеряли след, заглядывавший в закоулки и трещины, крадущийся на цыпочках, — Старший

услышал шепот и подобрался совсем близко, прежде чем Жало учуял его запах. Слишком близко...

— Стой, — сказал Старший тихо. — Ты не знаешь пути в темноте. Тебе некуда бежать.

Старший мог бы позвать воинов. Вместо этого говорил тихо. Он был осторожен. Стоял в десятке шагов от беглецов, за камнем. Он точно знал, где они — их выдавал запах и тепло тел. Никто в племени не чувствовал так тепло живых тел, как Старший. Он мог бы стать великим охотником.

Копье ударилось о камень, сломалось, и Старший, выйдя вперед, наступил на древко.

— Жало, ты больше ничего не сможешь сделать. Иди сюда. И пусть Речка идет впереди. Духи злы.

— Не ходи, Жало, — сказала Речка.

— Но духи и великодушны, — продолжал Старший, будто не слышал слов Речки. — Они могут простить тебя. Я не знаю.

Голоса воинов приближались. Они шли обратно, заглядывая в ответвления пещеры, перекликаясь.

— Если ты пойдешь сам, — предложил Старший, — я проведу тебя обратно и запру. И вы будете ждать решения духов. Если придут воины, они тебя убьют. Они злы, и я не смогу остановить их. Ты знаешь. Иди.

— Не ходи, Жало, — молила Речка.

Жало змеей, на животе, пополз навстречу размеренному тихому голосу Старшего. Еще немного, и можно будет прыгнуть и...

Старший услышал, почуял, отступил на шаг в сторону, и Жало не смог ударить его, как хотел. Он упал рядом, вцепившись в жесткую шерсть Старшего, и с минуту было слышно лишь дыхание врагов, скрип зубов и шуршание подошв по камням. Речка бросилась на помощь, но никак не могла разобрать в темноте, где же горло Старшего. И тут Старший закричал, хрипло, как зверь, и крик его, путаясь в камнях среди скал, заполнил всю пещеру.

Воины были уже близко. Когда они навалились на беглецов, то не решились пустить в ход копья, чтобы не ранить Старшего — казалось, что громадный мохнатый зверь обхватил их тысячью лап и когтей. Жало отпустил Старшего, разбросал лапы воинов и прыгнул на сталагмит. Он остановился на мгновение — сзади копошились

тела, визжала Речка. Жало колебался — что делать. И Речка угадала его мысли.

— Беги, — крикнула она. — Беги! Скорее беги к реке!

И Жало послушно побежал вдоль пещеры, и его подгонял крик Речки.

Крик стих, лишь отдаленное рычание воинов и невнятные слова Старшего неслись по пещере...

Павлыш снова вышел на площадку перед пещерой. Куда провалились все воины? Снова ушли в подземелье? Может быть, другое племя напало на них? Нет, вернее всего что-то неладное с пленниками. Но соваться самому в черную пещеру, где воины, наверное, знают все законы...

Павлыш заглянул в комнату Старшего. Надо же попасть в столь нелепое положение. В конце концов логика требует, чтобы ты, Слава, оставил в покое этих существ. Если заняться спасением окружающих, можно добиться прямо противоположных результатов. Не вернуться ли тебе, судовой лекарь, к исполнению своих обязанностей? Но ребят жалко — парня с девушкой. Иногда так хочется руководствоваться своими ненадежными симпатиями и антипатиями!

Павлыш вошел в комнату Старшего и уселся на шкуру. Здесь было совсем тихо и не донимали мухи — огромные зеленокрылые насекомые, с разлету бившиеся о забрало шлема.

Сидеть в пещере вождя или главного жреца — кто их здесь разберет! — было нелепо. Конкистадору пристало преодолевать пустыни и джунгли, забираться в крайнем случае в горы или что-то переплывать. Но сидеть в чужой пустой пещере и ждать, когда о тебе вспомнят, для конкистадора невыносимо.

В объемистых справочниках по проблемам контакта, где предусмотрено абсолютно все, есть ли параграф: что делать, если о тебе забыли дикие хозяева, которые должны трепетать перед тобой либо выказывать гневное недоверие?

Может, сходить на «Компас», справиться у компьютера, а потом вернуться — к этому времени Старший как

раз придет домой и спросит: «А ты что здесь деласшь, грозный пришелец?»

Павлыш улыбнулся своим мыслям.

Он поднял голову.

Напротив него, на шкуре, там, где так недавно восседал Старший, уютно устроился большеглазый юноша. Прижал колени к подбородку, подложив под него ладони. Смотрел на Павлыша в упор, глаза его были велики, прозрачны, и зрачок занимал весь глаз. У юноши была длинная шея, и голова вытянута вверх, сжата с боков, словно природа, создавая его, старалась подчеркнуть птичье изящество этого существа. Юноша был в костюме, облегающем его плотно, без швов и складок. Но без шлема. И руки его были пусты.

— Здравствуйте, — сказал Павлыш и только тогда удивился: — Вы как сюда попали?

— Я был здесь, — ответил юноша. Глаза его медленно пульсировали.

Мозг Павлыша усиленно работал, перебирая варианты: откуда это существо, этот юноша? Он знает русский язык. Он здесь без шлема, без скафандра, одет легко — то есть живет здесь, привычен к этому миру.

— Вы были в «Компасе»? — спросил Павлыш.

— Был. Вы спугнули меня.

— Почему вы ушли?

— Вы не спрашиваете, почему я пришел?

— Это почти одно и то же.

— Я не желал зла. Мне было любопытно. Я не хотел, чтобы вы меня видели. Зачем? Вы спокойно улетели бы обратно. Как только дождались помощи. Но когда я понял, что вы меня увидели, у меня возникло подозрение, что вас тоже охватит любопытство. И я не ошибся.

— Вы не хотели этого?

— Нет. И я, к сожалению, недооценил вас. Я не думал, что вам удастся проникнуть в долину.

— Откуда вы знаете мой язык? — спросил Павлыш.

— Знаю. — Юноша не стал развивать эту тему. Заговорил о другом: — Простите, что вам пришлось подвергнуться стольким неприятностям из-за аварии. Но, к сожалению, меня не было в те дни в долине. Я не мог прийти к вам на помощь. Потом Старший сказал мне, что его люди видели падающую звезду. И я заинтересо-

вался. Сначала я решил, что корабль погиб. А вы добрались до маяка, не так ли?

— Так, — ответил Павлыш. — Робот опускался здесь несколько лет назад?

— Несколько десятилетий, — поправил его юноша.

— И не обнаружил здесь следов разумной цивилизации.

— Роботы могут ошибаться. Следы, которые доступны их суждению, должны быть весьма очевидны.

— Вы говорите по-русски почти без акцента. — Павлыш настойчиво и безнадежно пытался удовлетворить любопытство.

— Спасибо за комплимент.

— Ни Старший, ни воины не были особо поражены моим появлением. Меня это удивило с самого начала.

— Вот видите, вы наблюдательны. — Юноша остановил жестом Павлыша, намеревающегося продолжать. — Теперь выслушайте меня внимательно. Я обещаю, что завтра же приду к вам на корабль. И тогда все расскажу. И о себе, и о вас, и о том, почему я знаю ваш язык. Тут нет никакой тайны. Однако сейчас у нас очень мало времени. В любую минуту сюда могут войти.

С этими словами юноша легко вскочил, он оказался высок и хрупок.

— Да, кстати, — спросил Павлыш, — где Старший? Неужели мои пленники сбежали?

— Какие пленники? Вставайте.

— Жало и Речка. — Павлыш поднялся и посторонился, пропуская юношу. Ему показалось вдруг, что толкни он его — юноша переломится.

— Вы уже познакомились?

— И при очень драматических обстоятельствах...

— Жало и Речка сидят в отведенной для них камере. Ничего с ними не делается. Я там был несколько минут назад. — Юноша задержался в двери темным силуэтом, тонкие руки замерли в воздухе. — Я вас прошу, и это весьма серьезно, — произнес юноша, — не вмешивайтесь в дела этой долины. Я сейчас уведу вас отсюда лишь мне известным путем. Потом постараюсь распутать то, что вы натворили.

— Я ничего такого не натворил.

— Не перебивайте меня. Вы будете ждать меня на корабле. Я приду. Может, даже не завтра, а сегодня же,

через несколько часов. Я даю слово, что все расскажу. Ясно? А сейчас следуйте за мной. И чем быстрее забудут о вас в этой деревне, тем лучше. Опасны не ваши действия, а сам факт вашего появления.

Над площадкой вились твари, суетились над входом в пещеру. Разогнав их взмахом руки, навстречу шел Старший. Он опустил руку, отер когти о шерсть на бедре, наклонил набок голову и что-то проворчал про себя.

Юноша замер на месте, и Павлыш чуть было не налетел на него.

— Поздно, — сказал юноша по-русски. — Опоздали. Молчите. Говорить буду я.

И тут же заверещал лингвист, потому что юноша перешел на местный язык.

— Ты где пропадал? — спросил он. Голос его был высок и отрывист.

Два воина, шедшие из пещеры вслед за Старшим, остановились, попятились назад, в темноту.

— Великий дух! — воскликнул Старший, сгибаясь к земле и запрокидывая при этом голову вверх, чтобы не упустить глазами взгляда юноши. — Повелитель духов, я виноват перед тобой. Но я думал, что он лживый дух, подосланный Великой Тьмой.

— Иди за мной, — приказал юноша, обходя Павлыша и отступая к комнате Старшего. — Не дело разговаривать под открытым небом. Нас могут увидеть. А видеть меня нельзя.

— Ты прав, Великий дух, — согласился, касаясь когтями земли, Старший. — Пусть стены закроют нас от чужих глаз.

Павлыш мог поклясться, что на лапах Старшего была кровь.

— Говори, — разрешил юноша, обращаясь к Старшему. Руки его все время были в движении, казалось, что они живут независимо от тела. — Говори, что произошло.

— Они опять сбежали, — ответил Старший. — Я не знаю как.

— В чем их грех? — спросил юноша. — Я видел их в пещере. Но не знаю, в чем их грех. Говори быстро.

— Мы поймали их, — объяснил Старший. — Они бежали, но мы поймали их.

— Говори с начала.

— Ты не знаешь? — Старший поднял голову, и Павлыш увидел кровоточащие порезы на его шее — наверно, следы когтей.

— Не спрашивай духа. — Рука юноши взлетела вверх, и длинный палец на секунду замер у лица Старшего. — Ты знаешь, что нельзя спрашивать духа. Если я сказал, что хочу знать, — рассказывай.

Тыльной стороной лапы Старший вытер кровь с шеи.

— Речка плохая, — начал он. — Ты помнишь, дух, что отец ее пришел с гор. Мы хотели убить его, но ты сказал — пусть живет.

— Ее отца звали Немой Ураган? — спросил юноша.

— Да. Немой Ураган. Потом он хотел уйти из долины. Его пришлось унести в храм. Ты помнишь.

— Я помню. И у него осталась дочь?

— Речка. И еще был один молодой. Жало. Он тоже наслушался речей Немого Урагана. Он хотел уйти. Речка ушла с ним.

— Как он узнал дорогу?

— Наверно, Немой Ураган рассказал ему о пути в скалах.

— Я же велел найти путь, по которому прошел Немой Ураган, и завалить камнями.

— Путь берегла Белая смерть. Путь мог пригодиться.

Юноша забыл о присутствии Павлыша. Пальцы его пробежали по груди, засуетились у плеч.

— Ты хочешь сказать, что они ушли к реке?

— Да. Они ушли к реке. На рассвете. Когда я узнал, я послал вдогонку воинов. Через пещеру. Воины догнали их. И Белая смерть тоже.

— Они ушли от Белой смерти?

— Они не ушли. Но твой брат убил Белую смерть.

— Мой брат? — удивился юноша.

Старший мотнул головой в сторону Павлыша.

Юноша только тогда вспомнил о существовании Павлыша.

— Вы?

— Тут я и появляюсь на сцене, — признался Павлыш. Чувствовал он себя неловко. Будто залез в чужой огород и попался сторожу.

— Виноват я сам, — быстро сказал юноша по-русски. — Не надо было мне отлучаться.

— Они вернулись вместе, — произнес Старший, не глядя на Павлыша. — Воины не смели спорить с духом.

— Хорошо, что вы не продолжали творить суд и праву, — бросил юноша Павлышу.

— Я не агрессивен, — возразил Павлыш, подходя к копьям, сваленным в углу, и пробуя пальцем каменное острие. — Скорее, я — зевака. Я готов неделями наблюдать, как ползет кузнечик по листу лопуха или как убирают снег на улицах. Между прочим, удивительное зрелище.

Юноша поморщился, словно ему было больно.

— Не время шутить, — ответил он и обернулся к Старшему, приглашая продолжать.

— Великий дух вчера сказал, что может придти его брат. Но глаза мои обманули меня. Я старый человек и не достоин быть Старшим. Боги наградили твоего брата плотью.

— Боги всемогущи, — проговорил юноша назидательно.

— Твой брат чуть не погиб, провалившись в ловушку на тропе. Я решил, что меня обманули духи тьмы. Ты же оставил меня в неведении.

— А что с Речкой и Жало? — спросил Павлыш.

Старший не ответил. Он молча смотрел на юношу, словно ждал разрешения говорить.

— Говори, — сказал юноша.

— Мы настигли их.

— Они в темнице?

— Его скоро поймают. Воины гонятся за ним.

— Так. — Юноша наклонился вперед, чуть не касаясь Старшего кончиками вытянутых, дрожащих, как струны, пальцев. — Так.

— Не гневайся, Великий дух. Его поймают.

— А Речка где? Что с девушкой? — спросил Павлыш.

— Ее догнали. Она дралась, как дикий зверь.

— Что с ней?

— Она умерла.

— Как? — Юноша еще качнулся вперед.

— Я не мог остановить воинов. Она дралась. Воины были злы.

— Без моего разрешения? — Юноша взмахнул рукой, будто хотел ударить ею по камню.

«Ушибется», — мелькнула мысль у Павлыша.

Рука свободно прошла сквозь камень, и, заметив это, юноша тут же подтянул ее к груди, кинул взгляд на Павлыша и проговорил быстро, словно ничего не произошло:

— Ты совершил плохое дело, Старший. Ты ослушался богов, ибо сказано, что нельзя убивать, не получив слова.

— Я виноват, Великий дух.

Старший был и в самом деле напуган. Его даже не удивило происшествие с рукой Великого духа. Он склонил голову, спрятал ее в шерсти плеч, острые локти торчали под углом к вздыбившемуся хребту.

— Ты убил девушку. Ты упустил Жало. Куда он побежал?

— К долине, к реке. Но его настигнут у завала. Я бы добежал с воинами, но я стар и не могу бегать быстро.

Юноша на мгновение приоткрыл глаза, думал. Посмотрел на Павлыша, сказал по-русски:

— Прошу вас, не волнуйтесь, посидите здесь. Никуда не отлучайтесь. Если бы не вы, девушка была бы жива.

— Хорошо, — ответил Павлыш растерянно.

Юноша обернулся к Старшему:

— Иди за воинами. Ты вернулся, потому что боялся Жало. Ты не хочешь умереть. Иди за воинами. Я пойду вперед и увижу, куда побежал Жало. Я укажу тебе путь. Иди же.

Старший, пятясь выполз из пещеры, зашлепал подошвами.

— Я скоро вернусь, — продолжал юноша. — Я — напрямик.

Он встал и направился к дальнему углу пещеры.

— Ждите.

Он вошел в стену, словно канул в густой туман.

Жало добежал до завала. Тонкие лучики света прорывались в щели между камнями, и вдоль каждого лучика струился теплый живой воздух.

Речки не было слышно. Сейчас Жало не думал о ней. Он видел лишь камни, черные камни и свет, пробивающийся сквозь них. Он толкнул глыбу, она чуть шевельнулась, но не сдвинулась с места. Теперь уже были

слышны шаги и крики, совсем недалеко — а может, еще далеко: звук по пещере летит не так, как на земле.

Жало навалился на камень плечом; отпрыгнул в сторону, когда камень все-таки не поддался, отбежал на несколько шагов, снова бросился на глыбу, и снова неудача. Было бы время, он не спеша расшатал бы камни, нашел тот, который держит на себе завал.

Шаги сзади на мгновение затихли. Воины слушали.

— Он там! — Это был голос Инея.

Жало толкнул самый верхний камень, тот отвалился и покотился навстречу яркому солнцу, и лучи солнца ослепили беглеца.

— Вот он! — Голос был совсем рядом.

Жало нырнул в отверстие и, обдирая шерсть на боках, рвался наружу, как червяк, зажатый в пальцах. Он тянул себя руками, перебирая ими по откосу, подтягиваясь к острым краям скал. В последний момент в пятку ударило копьё, брошенное подбежавшим ближе других воином... Но Жало уже катился по камням и траве, не чувствуя боли; вскочил на четвереньки и побежал громадными скачками вперед, к реке, поджимая раненую ногу.

Его спасло именно то, что он не сумел разобрать завал у входа в пещеру. Отверстие, сквозь которое он выскользнул, было узко даже для него. Не подгоняя его ужас, он никогда бы не протиснулся в эту дыру. Первый же воин, устремившийся за ним, плечами заклинился в камнях, и прошло несколько минут, прежде чем улеглась свалка у завала — распаленные погоней, запахом крови, воины мешали друг другу. А когда они, раскатив камни, выбежали в долину, Жало был уже у самой реки.

Он приостановился на мгновение. Глаза привыкли к свету, страх, только что державший в когтях все тело, отступил куда-то к спине, затаился в позвоночнике, ждал, что копьё вонзится в хребет, пригвоздит к земле. Жало метнулся за дерево, обернулся. Воины, суетившиеся у входа в пещеру, казались маленькими, почти не страшными. Жало услышал собственный хрип, дыхание металось в горле, руки были пусты: ни палки рядом, ни камня. Река бурлила на перекате, и Жало знал, что идти надо дальше, на ту сторону, к низким холмам.

Он ступил в воду. Вода была теплее, чем в ручье, что протекал у деревни. Но в ручье вода лишь чуть покры-

вала камни на дне, а здесь впереди она становилась темной, и не видна была земля, которая скрывается под водой. Но Жало не думал об этом. Воины заметили его и бежали вслед. Из-под разрезающей копьем ступни протянулась красная струйка, смешиваясь с водой, и мелкие черви уже сплывались, чтобы полакомиться кровью.

Жало сделал шаг вперед, и нога провалилась по колено в мягкий ил. Вода подталкивала беглеца к следующему шагу. Он зашел по пояс. Тот берег был еще далеко. Почти так же далеко, как будто он и не вступал в воду. Жало показалось, что вонны уже догоняют его. И он, не прекращая идти вперед, оглянулся. Нет, воины отстали... Нога потеряла опору, дна не было, Жало с головой ухнул в воду, река подхватила его и понесла, крутя, затягивая вглубь, не давая вздохнуть...

Жало рванулся вверх, к воздуху, мелко дергая руками и ногами... Может быть, он бы и выплыл: инстинкт щенка, брошенного в воду, память о тех отдаленных временах, когда предки его жили в воде, существовала где-то в теле, но река была быстра. Она не давала плыть, крутила в водоворотах, но она же и выбросила его на недалекий перекат, ударила о гальку, и, не сознавая что делает, Жало выпрыгнул из воды, как выпрыгивает испуганная рыба.

Здесь было мелко.

Жало стоял покачиваясь, широко расставив ноги, не решаясь сделать ни шага, чтобы река вновь не подхватила его. В ушах, заполненных водой, стоял ровный шум. Но где преследователи?

Жало посмотрел назад. Вода, стекавшая по лицу, заливала глаза. Жало отер ее — и было больно дотрагиваться до лица. Воины уже подбежали к реке и столпились там, где его подхватила и потащила река. Жало увидел, как один из воинов поднял руку с копьем.

Когда копье шлепнулось в воду, чуть-чуть не долетев до беглеца, Жало схватил его и побежал дальше. В одном месте он снова провалился по пояс, но тут же дно поднялось — он побежал теперь по мелкому, прозрачному, прогретому солнцем песку, а воины кричали что-то непонятное вслед — все еще шумела в ушах вода, — но не решались войти в реку, потому что боялись большой воды.

Жало забился в кустарник, упал, пополз вглубь, забыв о зверях, что таятся в колючках, оставляя широкий

след — клочья шерсти и пятна крови. Кусты, пошептавшись, вновь смыкали листья и ветви, и Жало полз и полз, даже когда уже потерял сознание.

Очнулся он, может, через несколько дыханий, а может, через половину дня — он не мог сказать. Рядом кто-то беззвучно шел сквозь кустарник. Жало не тронули ни звери, ни ползучие птицы, ни мокрые змеи, скользившие рядом, чтобы посмотреть, кто осмелился забраться в чашу. Но в непостижимом, бесплотном, беззвучном присутствии кого-то была беда, опасность. Жало замер, заставив себя прервать неровное дыхание. Он смотрел между воздушных корней.

Там через прогалину быстро шел дух — нет, не тот, утренний, добрый, а настоящий Великий дух, которого Жало видел, когда его и других мальчиков Старший привел в храм, где они должны были пройти Первое испытание. Тогда этот дух сидел на троне в храме, одетый в золотой плащ, окруженный ярким сиянием. Тогда дух был милостив и спрашивал о разном. И велел делать нечто, о чем и Жало и другие мальчики забыли, потому что Великий дух приказал им об этом забыть.

Дух шел прямо, кусты перекрывали ему путь колючими ветвями, но дух не останавливался, не разводил ветви — колючки входили в его грудь и пронзали ноги, корявые стволы исчезали в нем и выходили вновь из спины, когда дух проходил дальше. Для духа не было преград. Дух искал его, Жало, ничтожного беглеца, убежавшего от смерти, песчинку, нарушившую закон долины. И Жало вспомнил — а это дозволено было запомнить в храме, — что он должен всегда и во всем слушаться Старшего, потому что Старший выполняет волю богов. И горе тому, кто осмелится этого не сделать.

Дух был один. Воины, видно, остались у реки.

Дух остановился, будто в нерешительности. Наверно, почуял беглеца. Дух смотрел в ту сторону, где укрылся Жало.

— Выходи, — проговорил он громко. — Выходи и будь послушен. Я вижу тебя.

Руки оперлись о траву, подчиняясь приказу, дрогнули ноги, стараясь послушаться. Но Жало был слишком слаб, и слабость эта, вопреки старанию победить израненное тело, задержала его, не позволила даже открыть

рот, чтобы откликнуться, отдать себя во власть всемогущему, всевидящему духу.

И эта задержка привела к странному. Дух двинулся в другую сторону, отвернулся от тянущегося к нему беглеца и громко сказал:

— Выходи, я вижу тебя!

Но теперь он не мог видеть Жало. Он смотрел не на него. И Жало вдруг понял, что дух не всемогущ. Что дух не увидел его, говорил просто так, пугал, надеялся на то, что Жало сам придет к нему.

Жало уже пошел дальше, удаляясь, проходя сквозь кусты, сквозь стволы низких деревьев, бесплотный, но схожий с человеком. Кусты не шевелились, и не было слышно шагов.

— Логическая неувязка, — произнес Павлыш вслух.

Он вновь уселся на шкуру. Он был растерян и обижен. Больше обижен. Он ни при чем в смерти Речки. Если ее убили воины, они это сделали без него. Наоборот, он же спас ребят от Белой смерти. Юноша боялся Павлыша. Нет, не самого Павлыша — что ему Павлыш, если он может проходить сквозь стены? Он боялся присутствия чужого человека в долине. Этим как-то нарушались его планы. И убежали Жало с Речкой, во второй раз убежали, без всякой помощи Павлыша. Он был тогда там, у храма. Да, а как же юноша проходит сквозь стены? Значит ли это, что на Форпосте обитает раса «юношей», столь далеко ушедшая вперед, что добилась проницаемости материи? Значит, тут цивилизация древняя, высокоразвитая и в то же время не технологическая — без городов, машин... Где же она прячется? Под землей? В океане? И посылает миссионеров к отсталым племенам? Космос велик и неразгадан — люди коснулись лишь самых краев его, разгадали лишь первые тайны... И уж совсем сказочный образ возник в мозгу — раса существ бесплотных, полупрозрачных, живущих в воздухе, в облаках, повелевающая приземленными грубыми дикарями... Чепуха. Юноша был вполне телесен, никуда не взлетал и, если ему надо было, убегал на ногах. А камень? Как рука прошла сквозь камень? Движение было нечаянным — проницаемость

юноши не была сознательным действием. А почему тогда он не провалился в землю?

Павлыш постучал пальцем по плоскому камню-столу. Камень был прохладен, безнадежно тверд. Над проникаемостью бились ученые на Земле и у Корон. Но пока без практических результатов. Павлыш подошел к стене, к тому месту, в которое ушел юноша. Никакой потайной двери, никакой щели. Все происходило без фокусов. И вряд ли можно говорить об оптических иллюзиях.

Невнятные голоса донеслись снаружи. Запуршал лингвист, но не смог разобратъ, о чем говорят.

Павлыш подошел к выходу. В долине потемнело: скрылось солнце, рваная туча прилетела с моря, шла низко, касаясь вершин скал. Два воина спускались по тропе, волоча за собой человеческое тело. Тело Речки. Остановились перед трещиной, куда чуть не провалился Павлыш, совещаясь, как перетащить тело вниз. А на дне долины, у хижин, тоже возникло движение, словно только сейчас туда докатилась весть о чем-то неладном, происходящем в пещере. Горстка темных фигурок неуверенно и бестолково продвигалась к ручью и замирала на берегу, будто ручей был рубежом, который невозможно перейти.

Роль наблюдателя, зеваки хороша и интересна лишь тогда, когда тебя не мучает желание вмешаться, пока не начинается грызть ощущение того, что ты, оставаясь наблюдателем, теряешь нечто важное, что не ускользнуло бы от тебя, будь ты участником событий. А бывает и так, что может понадобиться твоя помощь.

Черт с ним, с обещанием сидеть в пещере. Павлыш быстро пошел вниз, к воинам, стараясь не выпускать их из виду.

Один из воинов легко перескочил через трещину. Вторым перекинул ему конец веревки, обмотанный вокруг тела девушки. Затем последовал за ним. Вдвоем они потянули тело к себе, оно сползло в трещину глухо, влажно ударилось о стену. Воины выволокли его наверх и пошли дальше, вниз, не оглядываясь. Желтая пыль поднималась от их шагов, клубилась над Речкой.

Павлыш догнал их у храма. Один из воинов услышал шаги, взглянул, не испугался, решил, что так и надо, раз дух следит за их действиями. Они втащили Речку в темный проем, но сами в храме не остались. Вышли и присели на ступеньках.

Дверь медленно закрывалась.

Павлыш прошел мимо отводивших глаз воинов, толкнул дверь, мягко подавшуюся от толчка. За дверью обнаружился небольшой круглый зал; слабо, но ровно светился сглаженный купол потолка.

Помещение было пустым.

Павлыш стоял спиной к полуоткрытой двери, глядел на пол, где должно было лежать тело девушки, и чувствовал физическую усталость от нелепых загадок планеты. Воины не могли унести Речку далеко от порога. Для этого просто не хватило бы времени. Подходя к храму, Павлыш отлично видел, что они были внутри меньше минуты — ровно столько, сколько требовалось, чтобы втащить тело, оставить его в зале и вернуться ко входу. Никакого люка на полу не было. Камень — выровненный, правда, но самый настоящий камень. Значит, если отвергнуть мистику, кто-то ждал воинов в храме и взял у них тело. Отнес куда-то дальше, во внутренние помещения. Возможно, другие воины или служители храма. Должна быть еще одна дверь. Значит, сейчас Павлыш стоит в «прихожей».

* * *

Свет, падавший прямоугольником от входа, чуть-чуть не достигал дальней стены, и по освещенному полу от башмаков Павлыша протянулись две темные полосы — тень ног. Дверь в следующий зал находилась в том же направлении, спрятанная за каменной плитой, стоявшей торчком у дальней стены. Поэтому Павлыш ее и не заметил сразу. Там, впереди, было шуршание, легкий стук, возня. Павлыш достал пистолет, взвесил на ладони и положил обратно. Как сказал юноша, он уже достаточно натворил дел в долине. Да и вряд ли воины осмелятся тронуть духа. Если на то нет специального указания Старшего. Сзади прилетел порыв мокрого ветра — двигался дождь.

Павлыш обогнул плиту. За ней обнаружился ровно вытесанный проем, и, прежде чем ступить в темноту очередного за сегодняшний день коридора, Павлыш включил племовой фонарь, запрокинул голову, посмотрел вверх. В каменном косяке была щель — дверь опускалаь сверху.

Будь что будет. Павлыш быстро шагнул за порог.

— Есть кто живой? — спросил Павлыш. Повел головой — конус света уперся в стену, метнулся, рассеялся в темноте...

И тут же зажегся свет. Он возник сверху, расширяясь, разгораясь, обозначая сперва темные формы окружающих предметов, потом заползая в углы, выстраивая вещи, давая им цвет и фактуру.

Тело девушки лежало на низком ложе, покрытом светлой блестящей тканью. Голова была повернута набок, губы приоткрыты, желтеет полоска зубов, руки приподняты к груди, словно в попытке защититься, судорожно сжаты темные кулачки. За ложем — длинный серый пульт. Кнопки, индикаторы, экранчики — глаза. Щупальца, руки, лапы, выросшие из серого металла, повисли безжизненно, замерли под странными углами. Две машины — тоже со щупальцами, множество ножек поддерживает их над полом, наверное, это роботы, — застыли неподалеку, перемигиваются огоньками. Свет ярок в громадном зале, там дальше ящики, шкуры животных, банки и сосуды с внутренними органами, образцами растений. Станный музей, лаборатория-жилище миссионера.

А может, и он гость здесь, пришла мысль. Не смог улететь, застрял, коротает век, командуя диким племенем?

Павлыш думал так, а сам склонился над девушкой. Нельзя ли что-нибудь сделать? Вдруг она еще жива?

Девушка была жива.

Формально жива. Раз, другой сократилось умирающее сердце. Пропал, снова возник пульс. Павлыш достал диагноста. Диагност был мал, умещался в ранце, взял его Павлыш на всякий случай, скорее по профессиональной привычке. Диагност зажужжал, впился в грудь девушки тонкой иглой, протянул стрекало ко лбу, заглянул под веко. Был, наверно, доволен, разумная машинка, соскучившаяся по работе. Роботы подъехали поближе, Павлыш сказал им:

— Не мешайте.

Один из роботов отстучал непонятное. Зацокал.

Лингвист молчал — не понял.

Проводки, тончайшие гибкие кабельки протянулись от диагноста к ногам и рукам девушки. Потом защелкал морзянкой огонек на макушке. Работая, диагност гото-

вил шприц. Присоски обхватили горло, под давлением вгоняя под кожу стимулянты. Диагност мог оказать первую помощь, не советуясь в Павлышом. Если помощь нужна срочно. Откинулась крышка, выскочила пластиковая карточка. Павлыш прочел предварительный диагноз: перелом ребер, ссадины, ушибы, повреждения внутренних органов, кровоизлияния. Он не хотел бы оказаться на месте Речки.

Оставил диагноста на месте, пусть сигнализирует, если что случится. Сам открыл карман-аптечку. «Возможен летальный исход», — повторил заключительную фразу доклада диагноста.

Работать было приятно. Павлыш понимал чувства диагноста, не отказывал машине в праве на них — сам соскучился по работе. Предоставлялась возможность — спасти жизнь. Диагност выкинул вторую карточку — результаты анализов. Без них нельзя было продолжать лечение. Состав крови, антитела, температура. Кое-что можно будет сделать и своими силами. Нужна вода. Местная вода.

— Послушай, — обратился Павлыш к роботу, пользуясь лингвистом, настроенным на местный язык. — Сбегай за водой к ручью.

Робот не двинулся с места.

— Не понимаешь, когда с тобой разговаривают?

Робот молчал.

— Придется самому сходить. Только предупреждаю... — Павлыш старался казаться строгим. — Чтобы до девушки не дотрагиваться. Ясно?

Потом диагносту:

— Останешься здесь, лапушка. Чуть что — сигнализируй.

Павлыш настроил внутреннюю связь на диагноста. В ушах неровно застучало сердце Речки, со всхлипом тянулся воздух в легкие.

Павлыш побежал к выходу, за водой.

Роботы стояли неподвижно.

У входа были шум, свалка. Воины пытались задержать растрепанную женщину. Та рвалась к ступеням, бормотала, вскрикивала невнятно. Несколько других женщин

стояли поодаль, не вмешивались, лишь подбадривали нападавшую, ругали воинов.

Щелкнув, включился лингвист.

— Убийцы! Звери, подземные черви! Убийцы! — Лингвист пытался перевести речи всех женщины одновременно, торопился, сбивался, сам себя перебивал:

— Отойди! Узнает Старший, ты не будешь жить! Не кусайся!

Это слова воинов. И снова:

— Убийцы! Где мои дети? Где Жало? Я видела снизу! Мы видели снизу, как вы тащили Речку! За что ее убили? Звери!

Воины не решались пустить в ход копьа, опасаясь женщин — может быть, их собственных матерей, теток, сестер. Лишь отталкивали их, огрызаясь, рычали.

Первым Павлыша увидели женщины, стоявшие в стороне.

— Дух! — закричала одна из них.

Женщины отпрянули, спрятали лица от взора духа. Замерли воины. Лишь одна, не слыша ничего, пыталась пробраться к храму.

— Остановитесь, — произнес Павлыш.

Женщина услышала, заметила его. К удивлению Павлыша, она не склонилась, как остальные, — казалось, ее ярость удвоилась.

— Ты убил ее!

Воины скрестили копьа, она повисла на них, размахивая когтями.

— Ты ее мать? — спросил Павлыш.

— Убийца!

— Она мать Жало, — ответил воин.

— И Речка — ее дочь, — крикнула из толпы старуха. — Речку привел к ней Немой Ураган.

— Мои дети! Где мои дети?

Женщина укусила одного из воинов в плечо, и тот выпустил копье, прижал ладонь к шерsti.

— Ты жестокий дух! Духи — убийцы! Они убили моих детей!

Женщины говорили: «Да, да», — но тихо, прикрывая лица руками.

— Спокойно, — сказал Павлыш. — Я пока никого не убил.

— Вот придет Старший, он узнает о твоих словах,

женщина, — пригрозил воин, вцепившись здоровой рукой в ее волосы.

— Где Речка? Где Жало? — кричала женщина. — Они были красивые, смелые, добрые. Лучше всех в деревне! За что ты убил Речку? Я видела, как вы тащили ее, чтобы духи вынули из нее сердце.

Женщины вторили ей, словно хор в греческой трагедии.

— Сколько же нужно повторять! — закричал тогда Павлыш, чтобы перекрыть гам. — Речка жива. Она только больна, ранена.

В ушах — передавал диагност — слабо билось сердце Речки.

— Пусти меня к ней!

— С удовольствием. Только сначала нужна вода. Кувшин с водой. Пусть мне принесут.

— Вода?

— Да, для Речки. Она хочет пить, разве не понятно?

— Сейчас, — сообразила девушка из хора и замелькала черными пятками по тропинке вниз, к ручью.

— Дух просит воды! — в священном восторге подхватили другие женщины.

Еще две или три из них бросились вслед за девушкой.

Ну вот, вроде намечается прогресс, подумал Павлыш. Юноша опять будет недоволен, хотя я, кажется, укрепляю его репутацию среди женщин долины.

— А где Речка? Я хочу ее видеть, — настаивала мать Жало.

— Погоди. Принесут воды, вместе пойдем.

— Ей больно?

— Она выздоровеет, — вежливо заверил женщину Павлыш. — Через полчаса или через час вы сможете взять ее домой.

Воины успокоились, уселись на ступеньки у ног Павлыша.

Мать стояла, сторбившись, глядела в землю. Ждала. Она непочтительно говорила с духом, она вышла из себя и заслужила кару.

Первые капли дождя взбили пыльные фонтанчики на площадке. Стемнело.

— Будет большой дождь, — произнесла старуха, вроде бы та, что встретила недавно Павлышу у ручья. Она осталась стоять на краю площадки.

— Старуха знает травы, — сообщил доверительно воин, запрокинув к духу голову, отчего обнажились его клыки.

— Это хорошо, — согласился Павлыш. — Она пойдет со мной в храм.

— Людям нельзя в храм, — ответил воин. — Только когда Великий дух призовет их.

— Я не пойду, — отказалась старуха. — Если Старший отдаст Речку матери, я приду в ее дом. Я знаю травы.

Две девушки, запыхавшись, волокли грубо слепленный кувшин. Вода выплескивалась на землю.

— Давайте возьму, — предложил Павлыш.

Девушки не посмели приблизиться к нему, опустили кувшин на землю. Павлыш поднял его и, всходя по ступенькам, предложил матери:

— Можете идти со мной.

Потом воинам, хотевшим было воспротивиться:

— А вас я позову потом. Вы мне можете пригодиться.

Женщина мелко семенила за Павлышом, не оглядываясь, не отставая. Роботы, завидя ее, двинулись было на встречу. Павлыш остановил их:

— Без вас обойдемся. А то обесточу.

Роботы не поняли. Они, тихо жужжа, подбирались к женщине. Усики на их головах шевелились, вспыхивали. Женщина стояла рядом, она даже не увидела Речку: зажмурилась на ярком свете при виде машин.

Павлыш опустил кувшин около ложа; выставя руки вперед, решительно отпихнул роботов. Те остановились.

— Ага, прямых действий вы побаиваетесь. — Павлыш обернулся к женщине: — Гляди на свою Речку, только не мешай мне. Машины тебя не тронут.

Женщина опустилась на корточки в ногах Речки так, чтобы не выпускать роботов из виду, косилась на них опасливо. И шептала: «Что они сделали с тобой, маленькая? Что они с тобой сделали?»

Диагност уже заготовил целую кипу карточек — докладов о состоянии больной. Павлыш забрал карточки, быстро просмотрел их. Женщина разглядела диагноста и спросила снизу, не отрывая от него глаз:

— Что он там делает?

— Это мой друг, — ответил Павлыш, — маленький дух. Он лечит.

Женщина протянула вперед руку, гладила ступни девушки.

Не было кружки, чашки. Павлыш забыл попросить принести что-нибудь поменьше. Пришлось отвинтить колпачок с фонарика диагноста. В воде Павлыш растворил лекарства, дал их попробовать своему маленькому духу. Тот сверил состав со своими данными, дал добро. Павлыш влил содержимое колпачка в рот Речке. Другой рукой держал кисть — пульс был ровным: диагност не терял времени даром. Через минуту, длинную, прошедшую в молчании, диагност засуетился вновь. Лекарства оказывали должный эффект. Речка застонала, приподняла руку, словно защищаясь, открыла глаза. Павлыш думал, что она испугается, но она сразу узнала его.

— Ты здесь? — прошептала она чуть слышно. — А где Жало?

— Он убежал от них.

— А где ты был раньше? Почему не пришел?

— Я не знал.

— Плохо, — сказала девушка. — Они меня били.

— Все, — заверил Павлыш. — Больше это не повторится.

Он не был уверен, что говорил правду, — сегодня он уйдет отсюда и оставит их беззащитными. Кто же этот юноша?

— Не уходи от нас, — произнесла Речка.

Если она и удивилась, увидев его утром у реки, то теперь уже воспринимала его присутствие как нечто естественное. Он был ее дух, добрый дух, потому что она верила в духов и хотела в них верить, ибо миром, даже таким бедным, люди управлять не в состоянии. Могучие силы неба и подземелий поступают, как хотят, с маленькими людьми.

— Не уходи, — прошептала мать.

Жало очень устал и хотел бы поспать. Он даже присел на корточки под большим деревом и подумал: я посплю, а потом проснусь и побегу быстро. Это была очень хитрая и удобная мысль — глаза сразу стали закрываться и голова клониться на грудь.

Но тут Жало вспомнил о Речке. Может, она живая?

Вдруг ее еще не убили? Он не может оставить ее кровь не отомщенной — так нельзя делать. А если он будет спать, Старший отнесет Речку в храм к Великому духу, и там ее разрежут...

Стало страшно, что Речку разрежут. Жало завыл, так ему было страшно. Даже себя он так не жалел.

От страха Жало вскочил — сразу сон ушел. Он поднял копьё с раздвоенным наконечником, которое кинул в него воин, и начал переступать с ноги на ногу в такт движениям, превращая вой в песню — как поют старухи в день мертвых.

Он знал, что надо делать. Надо бежать.

Надо бежать до сломанного дерева с разбитым молнией стволом.

Надо бежать до скалы, похожей на три сомкнутых пальца.

Надо бежать до ямы, на дне которой растут колючие кусты.

Надо бежать до того места, где в речку впадает ручей с желтой водой.

Надо бежать вверх по этому ручью...

Это было как песня. И песню Жало выучил, потому что Немой Ураган заставлял петь ее каждый вечер тихо, чтобы не услышали в соседней пещере. Немой Ураган не мог говорить, но Жало знал язык его пальцев.

Он бежал мимо сломанного дерева, мимо скалы. Треск пальцев, мимо ямы, вверх по желтому ручью — он ухал и громко пел, чтобы другие звери разбежались, а люди слышали. Когда люди услышат, они не будут кидать дротики. Творящий зло всегда беззвучен. Тот, кто предупреждает топотом и криком, — не враг.

Жало устал — такой тяжелый день, — и ноги бежали еле-еле...

Он не добежал до конца песни, которой его научил Немой Ураган.

Путь ему преградили воины — они вышли из-за скал и замерли, подняв копьё. Такие копьё, которых в долине нет. Совсем странные копьё, похожие на ладонь с выпрямленными пальцами.

Воины были в шкурах — таких шкур тоже нет в долине, кто видел шкуры цвета песка с черными пятнами?

Жало не знал, те ли это люди, к которым он бежал.

Если не те, они сейчас ударят его копьями и прекратят его жизнь.

Он знал, как это произойдет: он упадет на траву и в горле его будет торчать древко дротика, а вокруг головы на песке или на земле будет красная кровь.

Жало остановился и опустил копье.

Копье звякнуло о камень.

Воины молчали.

Волосы у них были длинные, падали на плечи. В долине мужчины обрезают волосы на уровне ушей. А эти люди не обрезают. Старший сказал бы, что они совсем дикие. Как звери. Но у Немого Урагана волосы всегда были длиннее, чем у остальных жителей горной долины.

Жало поднял руки к глазам и, сузив большие и указательные пальцы, провел ими под глазами и потом выше, к вискам.

Это удивило встречающих воинов.

Жало не знал, почему это их удивило. Немой Ураган, научив его такому жесту, не сказал, что он — табу. Что его можно совершать лишь тому, кто вождь или сын вождя. И если этот жест сделает простой воин или человек другой крови, то с неба упадет камень и убьет его. Никто никогда не пробовал проверить это табу. Всем хотелось жить.

Небо не разверзлось и не упало на святотатца.

И тогда воины расступились, и жестами и скупыми звуками стали объяснять гостю, что готовы отнести его в становище.

Благодаря Немому Урагану Жало понимал все движения их пальцев и некоторые из звуков — и отвечал им на их языке.

До становища было недалеко. Воины шли сзади, охватив его полукольцом — он ведь мог быть злым духом, которого послало к ним черное Подземелье, чтобы обмануть и потом пожрать всех мужчин.

Но когда они пришли в становище и старшие люди собрались и стали говорить с гостем Короткие Волосы, то все поняли, что это не посланник Подземелья, а самый настоящий сын великого вождя Немого Урагана, который исчез много зим назад... и никто уже не помнил, почему исчез, куда исчез — память племени ухнула в прошлое лишь на десять зим. Только потому, что

Немой Ураган был великим вождем и о нем пели песни, память о его подвигах оказалась длиннее.

Жало знал запретные знаки вождей.

Жало сказал, что его знаки требуют, чтобы воины племени пошли в горную долину и убили его врагов.

Это было справедливо, и Жало имел право требовать этого — он был сыном Урагана и знал запретные для смертных знаки.

Только воины не спешили идти за ним — они готовились к охоте. Они не хотели воевать.

Но старые люди, пошептавшись, сказали:

— Надо идти с сыном Урагана. Надо делать, как велит узы крови. Но лучше спуститься к долине по реке, на лодке...

Некоторые воины рычали от недовольства.

Но нельзя не слушаться богов и стариков. И набрали целую лодку воинов. И поплыли... Жало хотел спать, но не мог показать такой слабости. Он стоял посреди лодки и держал копье.

Он чувствовал себя великим вождем...

* * *

— Вы с ума сошли, Павлыш, — резко произнес голос от входа. — Я же просил, умолял вас оставаться у Старшего. И вы обещали больше не вмешиваться в дела долины.

Юноша отмахнулся от жалобно загудевших роботов, подошел ближе.

При виде его мать упала ниц. Он был настоящим хозяином долины.

— Девушка жива? — удивился юноша. — Старший сказал мне, что ее убили.

— Она умерла бы, если бы я не пришел сюда, — сказал Павлыш.

Резкость в голосе Павлыша заставила юношу метнуть к нему тонкие пальцы, словно умоляя о чем-то. Руки тут же взвились вверх, к пульсирующим глазам.

— Не думайте, что я изверг, — сказал юноша. — И не воображайте, Павлыш, что попали в какой-то притон убийц. Я вам искренне благодарен, что вы спасли девушку. Это у вас диагност? Очень любопытно. Смерть девушки никак не входила в мои планы. Но поймите,

мы имеем дело с примитивной цивилизацией, даже не цивилизацией, со стаей. Жестокости присущи разумным существам на этой стадии развития. Если бы не ваше вмешательство, девушка все равно была бы мертва — так уж написано ей на роду.

— Почему же? — спросил Павлыш, все еще раздраженно. — Кто предписывает ей умереть?

— Не я, — заверил юноша. — Ее собственная жизнь, ее поступки, которыми я стараюсь руководить, клянусь вам, руководить к лучшему. Она по своей воле убежала на рассвете из долины. И без вашего участия погибла бы, убитая Белой смертью. Меня здесь не было. Я не знал об этом. Я не могу читать мысли. Вы ее спасли. Очень хорошо. Но не прошло и часа, как она убежала снова. И я поверил Старшему, что она мертва. Поверил, в этом моя ошибка, но я не застрахован от ошибок.

— Хорошо, — согласился Павлыш. — Я не спорю. Я не знаю ничего о вас — вы обо мне знаете много.

— Я обещал рассказать и расскажу, как только вы вернетесь на корабль.

— Я не уверен, что смогу ждать.

— Почему?

— Как вам объяснить? Когда вмешиваешься...

— Кто вас просил об этом? Неужели вас не научили на Земле, что недопустимо вмешиваться в чужие дела?

— А вы?

— Я? Я знаю, что делаю, — вы же действуете вслепую. В этом разница между нами. — Великий дух приблизился к женщине. — Раз девушка жива, ее, очевидно, можно убрать отсюда? Ваше мнение?

— Наверно, ей не хуже будет дома. Жизни ее ничего, пожалуй, не угрожает.

— Отлично. — Юноша не скрывал, что доволен таким оборотом дела.

Он сказал что-то роботам, и те подкатились к ложу. Женщина приподнялась, оскалилась, защищая Речку.

— Не бойся, — успокоил ее Великий дух. — Они только унесут твою дочь к выходу.

Речка попыталась вырваться из цепких щупалец роботов, но тут же силы оставили ее.

— Погодите, — сказал Павлыш. — Отгоните своих церберов.

— Кого?

Павлыш уже подхватил девушку на руки и пошел к выходу. Мать семенила рядом, поддерживая ноги Речки. Юноша последовал за ними. Он молчал.

У выхода, на ступеньках, Павлыш остановился и, не оборачиваясь, предложил Великому духу:

— Пусть ее отнесут воины.

— Я как раз собирался это сказать.

А когда они, проводив взглядом воинов, послушно и на этот раз осторожно несших девушку к деревне, возвратились в храм, Павлыш спросил:

— Надеюсь, Старший не будет преследовать ее?

— Я ему скажу, — согласился юноша, указывая Павлышу на ложе, еще теплое от тела девушки.

Павлыш подобрал с пола забытого диагноста, уселся. Юноша прошел к пульту, взглянув на показания приборов.

— Надвигается большая гроза, — объявил он.

— Это вас беспокоит?

— Старший с частью воинов остался у реки. Ищут Жало.

— Они убьют его?

— Я приказал доставить его живым.

— Если он дастся живым им в руки, — заметил Павлыш. — И если они совладают с желанием убивать.

— Они должны уже вернуться. Они ищут вдоль скал. На том берегу его нет.

— Вы сами смотрели?

— Да, сам. Воины сказали мне, что он перебрался через реку. Боюсь, что это — только их воображение. Они просто боятся остаться у реки. Там дикие племена. Меня беспокоит, что Жало может найти общий язык с дикарями.

— Ну, и пусть находит. Или вы предпочли бы, чтобы он был убит, раз не воинами, то дикарями?

— Лучше бы он умер, — проговорил юноша сухо.

— Да почему же? Я устал от загадок.

Юноша в волнении прошел сквозь ложе, и Павлыш чуть было не сказал ему: «Осторожнее, ударитесь о край». Но не успел — ноги юноши вошли в ложе, будто их отрезало по колени. И через шаг юноша снова восстановился полностью, не заметив даже, что столь свободно проник сквозь очевидное плотное вещество.

— Я продолжаю настаивать, чтобы вы ушли, — произнес юноша. — Я не могу вас удалить отсюда силой.

Павлыш был не в состоянии одолеть охватившее его упрямство. Он подозревал, что уйдя он сейчас отсюда — никогда не узнает, что же все-таки здесь происходит.

— Я боюсь промокнуть, — улыбнулся он.

— Вы же в скафандре, — не оценил юмора юноша.

— Все равно боюсь. Давайте пойдем на компромисс: вы мне вкратце рассказываете, чем вы здесь занимаетесь — все равно уж обещали. Я тут же покидаю вашу вотчину.

— Вотчина? Не знаю этого слова.

— Ваши владения.

— Точнее нашу лабораторию. Тогда подождите минуту. Одну минуту.

И юноша исчез. Растворился в воздухе. Замельтешили стрелки приборов и застыли. Роботы стояли неподвижно, будто привыкли, что их хозяин умеет проваливаться сквозь землю. Павлыш невольно оглянулся — не возник ли юноша за спиной у него. Но юноши не было.

Глава 5

Эксперимент

Юноша появился на том же месте.

— Вы не утомились?

— Почему?

— Я отсутствовал три минуты.

Павлыш вздохнул:

— Я уже привыкаю к тайнам. Может, вы сядете?

— Нет, мне удобнее говорить с вами так.

— А где вы были?

— Я? Выключился. Мне пришлось покинуть лабораторию. Кстати, мне сказали, что «Сегежа» вышла из большого прыжка в этой системе. Так что ждите гостей.

— Спасибо, — кивнул Павлыш. — Вы хорошо информированы.

— В том-то и дело, что недостаточно. Иначе бы не произошло неудачи с обнаружением вас. Я получил разрешение рассказать вам обо всем. Чтобы избежать дальнейших недоразумений.

Наконец-то, подумал Павлыш. Слушать юношу было трудно — он бегал по комнате, взмахивал руками, вознижал то перед Павлышом, то сзади, и Павлышу приходилось вертеть головой, чтобы уследить за собеседником.

— Меня здесь нет, — сказал юноша. — Не знаю, поняли вы это уже или нет. Я нахожусь далеко отсюда, на другой планете. В лаборатории, у себя дома. То, что вы видите, — трехмерное изображение, управляемое мною. Мое изображение. Копия.

— А я решил, что вы способны проникать сквозь стены.

— К сожалению, нет. Зато оптической иллюзии это доступно.

Юноша быстро подошел к Павлышу, прошел сквозь него, и Павлыш постарался отвести голову — инстинктивно: тело успело среагировать на возможный надвига-

ющийся удар, а мозг не успел дать телу приказ оставаться недвижимым. Юноша слился на мгновение с Павлышом, и тут же оказался позади него, и оттуда донесся насмешливый голос:

— Потускнел ли свет, когда ваши глаза находились внутри меня?

— Честно говоря, не видел, — признался Павлыш. — Я зажмурился. И двойник повторяет все ваши движения?

— Нет, это сложно. Мне бы пришлось бегать часами по лаборатории. Это непрактично. Чаще всего, если не надо покидать храм, то я воспроизвожу движения, которые повторяет моя копия. Как сейчас, например. Лаборатория напоминает это помещение храма. Лишь в исключительных случаях моя копия покидает храм. Тогда управление ею усложняется.

— А обычно в этом не возникает нужды?

— Я нахожусь в храме. Старший приходит ко мне за советом и приказами. Отсюда же я могу наблюдать за всем, что происходит в деревне. Поглядите.

Юноша сказал что-то роботу, и тот подкатился к пульта. Один из экранов зажегся, превратился в овальное окно в долину, прорубленное в скале, неподалеку от крайней хижины. Отсюда была видна дорожка вдоль ручья. Перед второй с краю хижиной стояли оба воина, беседовали о чем-то, не спешили возвращаться наверх. Неподалеку, собравшись кучкой, судачили женщины. Порой одна из них забегала в хижину.

По приказу юноши робот увеличивал изображение до тех пор, пока лицо младшего воина не заняло весь экран, так что можно было разглядеть каждую шерстинку на лице, клык, прикусивший нижнюю губу. Воин оглянулся, посмотрел на Павлыша.

— Он не видит экрана, — уверил юноша. — Приемное устройство хорошо замаскировано в скале. У меня здесь еще несколько экранов. Они контролируют различные части долины. Мы установили их во время экспедиции.

— Вы здесь — нечто вроде этнографической экспедиции?

— Не совсем так. Мы в самом деле Великие духи долины, повелители этих существ.

Дождь, сыпавший до того времени редкими крупными каплями, обрушился на деревню, в несколько секунд загнал воинов и женщин в хижины.

— Жалко, что у нас нет мониторов в хижинах. Но это невозможно, пока они не научатся делать каменные дома. В пещеры переселить их не удалось. Там слишком сыро.

Дождь хлестал по улице, вода буравила канавки, стекала к ручью, распухавшему на глазах. Грохот грома донесся до Павлыша — проник сквозь камень стен. Павлыш ждал.

— Планета эта обнаружена нами около ста лет назад. Мы нашли здесь племена, стаи дикарей, разум в которых лишь пробуждался. Это было необыкновенное везение. Не так ли?

— Так, — согласился Павлыш.

— Мы вышли в космос раньше Земли, — сказал юноша. — Мы видели больше, знаем больше. Но лишь здесь нам удалось застать редчайший, коренной момент в создании разумного существа — рождение цивилизации, ее зарю. Мы могли бы устроить здесь базу, столь далеко от дома, в атмосфере, которая непригодна для дыхания, на земле, которая не может родить нашей пищи. Мы могли изменить планету, приспособить ее для себя. Но мы не пошли на это. Мы оставили все, как есть. Мы решили следить за ней, за тем, как развивается жизнь — поколение за поколением, ждать, пока они изобретут колесо, научатся разводить огонь, взлетят в небо. И на это, мы знали, потребуется много тысячелетий.

Робот по знаку юноши подкатился вновь к пульту — включил еще один экран. Долина реки терялась в тумане ливня.

— Ничего здесь не увидишь, — огорчился юноша. — Куда же девались воины?

— И мы на Земле не знали, что эта планета уже открыта?

— Ничего удивительного, — ответил юноша. — Планет миллионы. Я, например, впервые узнал о Земле вчера, увидев ваш корабль. Хотя Земля давно вышла в космос.

Ручей превратился в широкий поток, и желтая вода приближалась уже к хижинам, покрывала тропинку, обтекала, вздыбливаясь, забытый на тропинке кувшин.

— Мы установили мониторы в некоторых точках планеты, чтобы наблюдать за жизнью ее обитателей. Но этого было недостаточно. Мы ученые, и для нас возможность поставить эксперимент слишком соблазнительна,

чтобы от нее отказаться. И вот лет семьдесят назад — я считаю по земным нормам — мы, группа ученых, добились разрешения провести на планете опыт. Направленный на благо этой планеты. Мы нашли эту долину — достаточно обособленную и легко контролируемую. Здесь обитало небольшое племя. Мы прилетели сюда, остановились в горах. Первым делом взорвали, завалили единственный естественный выход из долины — по крайней мере, тогда мы полагали, что он единственный. Затем приспособили одну из пещер под наблюдательный центр, установили оборудование для связи и контроля, экраны для слежения за повседневной жизнью племени. Затем экспедиция покинула планету, предоставив жителей долины самим себе. И мой предшественник занял место здесь, где сейчас нахожусь я, у пульта в нашей лаборатории. Его оптический двойник вошел в пещеру. Так пещера стала храмом, а он — Великим духом.

— Вы решили управлять развитием жителей долины?

— Да. Мы решили ускорить эволюцию общества. При чем, повторяю, не в масштабе всей планеты — пусть развивается, как ей положено, — мы поставили новый и по-своему грандиозный опыт над небольшим социумом... Вам не кажется, что и большая река выходит из берегов? Я такого ливня просто не помню. Как бы вам не пришлось остаться здесь, пока не схлынет вода.

— Похоже, что так, — произнес Павлыш равнодушно. Сейчас все его внимание было приковано к рассказу юноши. Кончится дождь — вода спадет. Не будет же ливень продолжаться вечно.

— Мы не могли ждать тысячу лет, пока они научатся разводить огонь, и десять тысяч лет, пока они придумают колесо. Но мы могли научить группу людей разводить огонь... Пятьдесят пять лет за этим пультом провел мой предшественник. Пятнадцать лет здесь работаю я.

— Сколько вам лет?

— Много, — улыбнулся юноша. Он спешил. — Каждого ребенка, родившегося в деревне, относят в храм. Воины оставляют его во внешнем помещении, далее ребенок попадает в руки к роботам — они тщательно исследуют его, затем вся генетическая информация передается в лабораторию. Если существуют доступные исправлению генетические изъяны — они исправляются. Если ребенок непригоден для дальнейшего воспроизведения потомства,

мы принимаем меры, чтобы потомства у него не было. Иногда приходится идти на ликвидацию особей. Долина невелика, и приходится тщательно контролировать количество едоков.

— Вы их убиваете?

— Для блага остальных. Не будь этого — долина была бы уже перенаселена, а мы не можем привозить сюда пищу или загонять в долину долгоногов. Не смотрите на меня укоризненно — вы забываете, Павлыш, что мы проводим эксперимент. Цель его — ускорение эволюции на планете, то есть благо для планеты. Не уничтожь мы никуда не годного ребенка, из которого вырастет идиот или бесплодный мутант, он умрет сам по себе, но предварительно отнимет у достойных пищу.

— Но почему не дать части племени покинуть долину?

— Потому что эксперимент — а вы как ученый должны знать это — может проводиться лишь в чистой обстановке. Внешние факторы слишком сложны, чтобы их учесть. Остальная планета для нас — контрольный полигон. Только тщательно изолировав долину, мы можем понять сравнительный ход эволюции. На чем я остановился? Да, мы внимательно наблюдаем за каждым ребенком в племени, мы должны выяснить, на что он способен, должны подыскать ему потенциальную пару — ведь то, что природа совершает, перебрав множество ошибочных вариантов, вслепую, мы должны делать безошибочно. Наконец, в один прекрасный день мы вызываем подростков в храм, где вновь обследуем их, подвергаем влиянию направленной радиации для того, чтобы в их потомстве вызвать благоприятные мутации. А волю нашу — кто на ком должен жениться, кому чем заниматься, где жить, — сообщает Старший. Уходя из храма, подростки забывают, что здесь было, — лишь помнят влияние Великого духа и знают, что воля его нерушима.

— И у вас никогда не бывает срывов?

— Никто не гарантирован от этого. Мы не волшебники, а ученые. Мы — повитухи новой разумной цивилизации. Может быть, со стороны наша работа иногда кажется недостаточно гуманной, — кивок в сторону Павлыша. — Но есть старая русская поговорка: «Лес рубят — щепки летят».

— Вы замечательно выучили язык. Когда и как?

— Не напоминайте. Пока я мучился с языком, вы успели проникнуть в долину.

— Так на планете у вас есть хранилище языковой информации?

— Да, в том числе все основные языки Земли. Информационный раствор вводится прямо в мозг. Это ускоряет дело, но если бы вы знали, насколько это неприятно! Инфорастворы незаменимы и здесь. На других планетах обучение земледелию длится сотни поколений. В долине это заняло полчаса. Выйдя из храма, обработанные туземцы знали о пахоте, севе и уборке все, что им положено было знать. Разумное существо не должно тратить столетия на освоение простых навыков.

Павлыш поднялся с ложа, подошел к юноше и остановился в двух шагах. Неприятно было сознавать, что можно протянуть руку и пронзить собеседника пальцем.

— Была другая поговорка, вернее девиз иезуитов: «Цель оправдывает средства». Девиз сомнительный.

— Когда вы помещаете животное в зоопарк, вы также проявляете к нему жестокость. Вы заставляете его трудиться в цирке или таскать повозки. Вы режете обезьян, прививаете им мучительные болезни.

— Но мы делаем это для людей. Разница между нами и животными — разум.

— Где начинается разум? Только ли инстинктами руководствуется обезьяна? Вы сказали, что, производя опыты над животными, руководствуетесь благом разумных существ, царей природы. Мы не пошли бы на то, чтобы вмешиваться в жизнь существ, добившихся права называться разумными. Жители этой планеты лишь делают первые шаги к разуму. Им нужен ментор, учитель, ибо путь к разуму мучителен и долог. Ментор может облегчить этот путь. В конце концов, укорачивая этот путь, мы оберегаем их от излишних жертв. Вами же сейчас руководят чувства. Настоящий ученый обязан отказать от чувств. Чувства приводят к трагедиям.

— Да, — согласился Павлыш. — Мною руководят чувства, но... Я говорил с вашими подопытными кроликами, со Старшим...

— Старший — умница, великолепная мутация, гордость моего предшественника...

— Вот видите. А мне он неприятен...

— Опять эмоции. Он помощник богов. Когда-нибудь

ему поставят памятник в этой долине. Его благодарные потомки.

— Но я говорил и с Жало и с Речкой. Думали ли вы, что заставило их, с таким риском для жизни, убежать из долины? Инстинкт?

— Не совсем так. Жало попал под влияние Немого Урагана. Немой Ураган был чужим в этой долине. Он попал в нее случайно, через неизвестный нам ход в скалах. Мы позволили ему остаться здесь, так как думали, что влияние его будет ничтожным. Даже интересно было подключить свежую генетическую струю в нашу группу. Мы ошиблись. Его пришлось со временем ликвидировать.

— Почему?

— Он не прижился в долине: привык к большим просторам. Он охотник. Кроме того, организован куда ниже, чем наши подопечные. Даже речевой аппарат у него был недостаточно развит. Мы бы с удовольствием отпустили его на волю. Я уже намеревался стереть у него память о долине и приказать воинам унести его к реке. Но он убежал раньше, чем я успел привести свой план в исполнение. Вернули его в безнадежном состоянии. Он все равно бы умер. Излишняя мягкость привела к неприятностям.

— Вы очень легко это говорите.

— Мне лично искренне жалко этих существ. Как жалко любое живое существо, будь оно разумным или нет. Но в долине, должен признаться, мы не единственные хозяева. Старший также обладает определенной властью. И власть эта зиждется на обычаях, выработанных не только нами — коллективный разум племени тоже фактор, с которым мы считаемся. За семьдесят лет родилась и оформилась мифология племени, традиции и порядки, тем более и это входит в эксперимент. Так вот, племя приносит в жертву богам больных и раненых. Они мешают жить племени — живому социальному организму. Организм от них избавляется. Когда мы столкнулись с туземцами — они просто-напросто пожирали друг друга. Теперь они убивают их в храме и оставляют нам для исследований. Без нас результат был бы тот же самый — с той только разницей, что они продолжали бы пожирать своих ближних. Ураган был принесен в жертву. Но

он успел внести смуту в жизнь нашего племени. Он внушил молодым пустые мечты...

— Вы противоречите себе. Мечта — понятие, свойственное лишь разумным существам.

— Хорошо, я неправильно выразился. Не мечту — возбуждал в них желание вырваться из долины к реке, на широкие просторы, где много пищи. То есть действовал верным путем — через желудок. Приятнее питаться мясом, чем зерном. Мы же научили туземцев сельскому хозяйству и сократили, частично сознательно, частично по необходимости, мясной рацион. Жало — молодой энергичный представитель племени. Присмотритесь к нему внимательнее — волосистой покров на нем реже, он выше других туземцев и держится прямее. Если мы его потеряем, я буду искренне расстроен — я возлагал на него большие надежды как на производителя. Я хотел поглядеть, какое получится потомство от него и дочери Старшего. Крайне любопытно. Может быть, именно здесь мы совершим скачок вперед, сэкономим несколько десятилетий. И я не теряю надежды, что Жало найдется.

— А Речка?

— У Речки плохая наследственность. Она не стабильна, слишком эмоциональна. Мне вообще бы не хотелось, чтобы у нее были дети.

И тут Павлыш вдруг почувствовал, что его перестает интересовать разговор. Даже не мог понять, почему. Как будто он уже слышал когда-то раньше, что скажет увлекшийся юноша, и знал, что на каждое возражение Павлыша у него будет разумный ответ, и знал даже, что ему никогда не поколебать глубокой уверенности экспериментатора в правильности и нужности всего сделанного в этой долине. Когда-то греки верили в судьбу, в предопределенность. В трагедиях люди поднимались против рока и терпели неизбежное поражение, ибо судьба их была заранее решена. В действительности дела у греков обстояли не так уж плохо — трагедии чаще всего оставались трагедиями на сцене. Люди, восставшие против рока, порой добивались успеха. Потому что богов на самом деле не было. Жизнь долины показалась Павлышу осуществленной греческой трагедией. Люди в ней не только верили в предопределенность судьбы, в существование духов, расписавших наперед каждый шаг, но они при этом не ошибались. Духи правили ими и на самом

деле. Стоило родиться младенцу, как вся жизнь его была уже рассчитана наперед умными и неподкупными автоматами: известно, и когда он женится, и сколько у него будет детей, и чем он станет заниматься. И если кто-нибудь восставал против судьбы, то его наказывали, жестоко и неумолимо. Великие духи и их слуги на планете — воины Старшего.

И вот тогда Павлыш, продолжая вполуха слушать бесконечную вязь слов увлекшегося экспериментатора, понимал, что если раньше он сочувствовал Речке и Жало, поскольку спас их от смерти (частично запланированной духами, потому что именно они поставили Белую смерть стеречь проход в скалах, открытый Ураганом) и этим выделил их из безликой пока толпы жителей долины, то теперь вдруг увидел в беглецах героев греческой трагедии, восставших против судьбы, неумолимой и бесстрастной. Шансов победить у них не было. И все-таки, как и положено героям трагедии — жаль, что ни Жало, ни Речка никогда не смогут прочесть Эсхила или Софокла, — отступить они не хотели.

— Вы можете мне возразить, — донесся откуда-то издалека ровный голос юноши, — не руководило ли Речкой чувство, называемое у людей любовью? Отвечу: может быть. Допустимо назвать любовью и отношения у собак: самка следует за самцом. Но с моей точки зрения, Жало не осознавал, что именно генетическая неустойчивость Речки, первобытная дикость, заложенная в нее отцом, лишь недавно преодоленная жителями долины, разбудила в нем атавистические чувства — чувства хищника, стремящегося вонзить клыки в теплый бок долгоногов...

— Смотрите, кто-то пришел, — перебил его Павлыш.

Роботы, как по команде, повернулись ко входу. Оттуда донесся стук.

— Старший, — произнес с облегчением юноша. — Это стучит он. Он не имеет права войти сюда. Хотя, подозреваю, заглядывал. Старшему свойственно любопытство.

Юноша быстро прошел к двери.

Павлыш остался стоять. Роботы глядели на него сердито, а может, это Павлышу показалось. Неужели они поймали Жало? Нет, они не убьют его. Он слишком

ценный генетический материал. Он нужен. Но уже никогда он не увидит больше широкой равнины. И никогда Речка не будет бежать рядом с ним, потому что Жало должен способствовать успеху большого опыта.

Павлыш подошел к экрану, смотревшему на реку. Ливень продолжался. Река широко разлилась по равнине, подступила к самым скалам, вершины деревьев выступали темными холмами над бурлящей водой. Нет, сейчас до корабля не добраться.

— Я отпустил его. — Юноша возвратился в комнату. — Жало они не поймали, и я имею все основания полагать, что он погиб в наводнении.

Юноша тоже подошел к экрану и вгляделся в бешенство воды.

— Нет, ему не выжить.

Он вздохнул печально.

— Это был замечательный самец. Со временем он стал бы вождем племени.

— Мне тоже жалко его, — сказал Павлыш. — Но иначе. Не из-за эксперимента.

— Знаю, — горько улыбнулся юноша и развел в стороны длинные нервные руки. — Но что делать? Разум предусматривает терпимое отношение друг к другу. Устал я сегодня. Пора отдохнуть.

Юноша еще раз взглянул на экран, потом обратился к Павлышу:

— Вам сейчас рискованно выбираться обратно. Оставайтесь здесь. Поспите. Вас здесь никто не побеспокоит. Эти ливни кончатся через несколько часов. Вскоре спадет и вода в реке. Спите, вы тоже сегодня устали.

— Спасибо, — ответил Павлыш. — Я воспользуюсь вашим приглашением. Надеюсь, Жало жив.

— Вы забываете, как мало ценится жизнь в первобытном обществе. Через несколько дней все, включая саму Речку, позабудут об этом молодом существе. Они, по своему, дети — тупые, неразвитые дети.

— Да, кстати, — спросил Павлыш, — если вы изолировали небольшое племя, не приведет ли это к вырождению?

— Это важная проблема. Мы влияем на генетическую структуру, пробуем различные типы мутаций. Иногда получаем любопытные результаты — даже появляется соблазн вывести новые расы — трехглазых, двуххвостых

существ и так далее. У нас поговаривают, что на планете, на другом ее континенте будет со временем создана вторая лаборатория — там станут прослеживать возможные варианты физической эволюции. Постараемся коммурировать с природой. Это пока не решено.

— Спокойной ночи, — попрощался Павлыш.

— У вас с собой есть пища?

— Да, — сказал Павлыш. — Я и не голоден. Устал.

— Я ухожу. Эта работа порой утомляет. Хочется уехать на год-два отдохнуть, подытожить сделанное.

— А что вам мешает?

— Чувство ответственности, — ответил юноша. — Я не могу бросить долину на произвол судьбы. Каждый день чреват неожиданностями. Я ментор, и мой долг находиться рядом. Никто, кроме меня, не знает в лицо каждого обитателя долины, не знает их привычек и наклонностей. Трудно быть божеством...

— Вы подвижник, — признал Павлыш.

— Да, — согласился юноша, и он был похож в этот момент на молодого, полного энтузиазма миссионера, готового пойти на плаху в еретическом государстве и гордого тем, что именно ему предоставлена такая возможность. — Но представляете себе, как прекрасен будет тот день — и я надеюсь дожить до него, — когда я смогу сказать уверенно: «Вы разумны, мои дети. Учитель вам больше не потребуется».

— Наступит ли он? — с сомнением произнес Павлыш.

Когда юноша снова растворился в воздухе, погасли экраны, отодвинулись к двери роботы и дверь опустилась сверху, беззвучно скользнув в пазах, Павлыш понял, что безумно хочет спать. Если бы он не так измотался за короткий день, то, может, подумал бы, что оказался в тюрьме. Если, скажем, миссионеру придет в голову временно изолировать незваного гостя. А, впрочем, все равно. Утро вечера мудренее. Правда, когда проснешься, никакого утра не будет — только-только разгорится день, начавшийся много часов назад.

Павлыш аккуратно разложил баллоны, скафандр, припасы на полу рядом с ложем, оставил лишь нагубник. А ночью, неловко повернувшись, выпустил его из рта, но

не заметил этого — юноша, оказывается, приказал роботам повысить содержание кислорода в помещении. Павлыш спал долго, иногда проскальзывали сны, смутные, незапоминающиеся, злые. Приходилось убегать от кого-то, и бегство прерывалось желтыми мутными потоками, что-то бормотал обиженно Старший, и возвращались минуты крушения «Компаса».

Когда Павлыш проснулся, юноши все еще не было — то ли он спит дольше, то ли вызвали к начальству или на совещание, то ли сидит в своей лаборатории, думает, как избавиться от Павлыша и убрать неожиданные поправки, внесенные в продуманный эксперимент беспокойным землянином.

Зубы почистить нечем — забыл захватить пасту, — не было и воды умыться. Павлыш встал на голову, поболтал ногами, чтобы разогнать кровь в жилах, роботы от изумления придвинулись ближе, включили какие-то приборы на пульте — видно, регистрировали необычную позу, полагали ее частью эксперимента. Позавтракал Павлыш не спеша, потому что надо было решить — то ли сразу, как придет копия юноши, уходить на корабль, нельзя же громить чужую лабораторию из-за того, что ты, Павлыш, по своим земным меркам решил судить чужую цивилизацию, то ли потянуть время, остаться еще на день, узнать побольше о жителях долины и заодно о миссионере, чтобы вернуться к спору с ним, имея в руках не только эмоции, но и факты.

Решив придерживаться второго варианта, Павлыш подошел к пульту и, дожевывая бутерброд, попытался разобратся, как включаются экраны обзора. Встревоженный робот подкатил поближе, желая сохранить приборы от чужого, но Павлыш успел нажать нужную кнопку.

Экран, глядевший в деревню, показал стихший, измельчавший дождь, воду вровень с полом хижин и безлюдье. Деревня и даль долины за ней были окутаны серым серебристым светом — поднявшееся высоко солнце пробивалось сквозь облака. Дождь кончался.

Второй экран, направленный в сторону реки, также оказался окном в серебристый день, подобный последнему дню потопа, когда бог уже устал поливать мир водой, но не собрался еще разогнать тучи. С возвращением придется подождать.

Сидеть взаперти также не входило в планы Павлыша.

Он дожевал бутерброд, выпил кофе, оделся. Оставалось лишь зашелкнуть забрало шлема, и он готов покинуть скучный храм. Юноша не появлялся.

В последующие полчаса Павлыш перезарядил камеры, детально ознакомился со своей тюрьмой, пытаясь найти способ связаться с лабораторией, чтобы поторопить или разбудить юношу. Решил было нажимать все кнопки подряд, пока хозяева не прибегут остановить нахала, и лишь природная воспитанность удерживала Павлыша от этого решительного шага. Наконец, не выдержав, он занес уже ладонь над первым рядом кнопок, как движение на экране заставило ладонь замереть в воздухе.

Мерно шлепая по воде и грязи, к деревне приближались воины, которые кого-то несли. Павлыш пригляделся. Это была Речка. Старший семенил сзади, порой широко разевая пасть, видно, приказывал, подгонял. Деревня молчала, никто не вышел навстречу, не выглянул из хижин.

Рядом, на втором экране, который глядел за пределы долины, мелькнуло что-то черное.

Павлыш кинул взгляд туда. По реке, еле отличаясь от плывущих стволов, неслась длинная долбленая лодка. Люди в ней казались вертикальными черточками. Лодка приближалась. Павлыш увеличил изображение, а сам снова посмотрел на первый экран. Мать Речки метнулась к воинам, вцепилась в шерсть Старшему. Тот рванулся вперед, оскалится, присел, испугался.

Лодка приближалась. У людей в ней были копья.

Старший крикнул что-то. Воин обернулся и занес копьё над женщиной.

Лодка разворачивалась, приближалась к обрыву, она шла прямо на камеру. Павлыш не был уверен, что на носу стоит Жало. Надо было подождать еще несколько минут.

Женщина упала на тропинку, забилась в воде, лужа темнела от ее крови. Воины продолжали свой неторопливый шаг. Старший догнал их. Люди из хижин подходили к лежащей женщине. Молчали.

Лодка приближалась к обрыву.

— Что случилось, Павлыш? Вы решили разрушить лабораторию? Этого еще не хватало. Я готов проклясть день...

Павлыш не мог объяснить себе, почему он выключил

второй экран. Он не хотел, чтобы юноша увидел лодку. Он надеялся, что на носу ее стоит Жало — погибший при наводнении, упрямый Жало.

— Они убили женщину, — сказал Павлыш. — Посмотрите. Это тоже входит в эксперимент?

— Да, прискорбно, — произнес юноша.

Он дал еще большее увеличение, но экран показывал лишь спины, сомкнувшиеся вокруг убитой женщины. Волосатые, согнутые спины.

— Как это случилось?

— Откройте дверь, — попросил Павлыш. — Я не смог. Они волокут Речку наверх. Старший берет власть в свои руки.

— Не может быть. Успокойтесь, Павлыш. На ранних этапах развития общества власть вождя безгранична.

— Вы сами уверяли меня, что контролируете всю жизнь долины. Или Речка и в самом деле не устраивает вас, как нестабильный тип?

Павлыш увидел, что дверь поднимается вверх.

— Подождите здесь, — сказал юноша. — Поверьте, я справлюсь без вас. Мы не имеем права подрывать авторитет Старшего. Он нам нужнее, чем половина деревни.

Павлыш не послушался. Он выбежал вслед за юношей в полутемный круглый зал, последовал дальше, к выходу, к серебристому дождю, шуму капель, крикам воинов, стону Речки, резким приказам Старшего. Процессия приближалась к храму.

— Остановитесь! — Голос юноши разнесся далеко по долине.

Интересно, подумал Павлыш, как они решили проблему передачи звука?

Воины остановились, бросили Речку на землю.

— Старший, вступи в храм, — приказал юноша.

— Слушаюсь, Великий дух, — ответил Старший, склоняясь к земле. Он поднялся по каменным ступеням, остановился перед духом. — Речка не будет жить, — произнес Старший просто.

— Я не говорил тебе этого.

— Речка не будет жить. Если она будет жить, завтра два, три, четыре других убегут из долины. Они скажут: Старший не велик. Дух оставил его.

— Ты убил ее мать.

— Она подняла руку на меня. Она хотела меня убить. Мои воины оказались быстрее.

Юноша развел руками, сказал Павлышу по-русски:

— Вы же видите, он логичен.

— И вы согласны с ним?

— Он думает не о себе. Он думает о судьбе общины.

— Удобное оправдание.

— Вы неразумный собеседник.

— А вы жалесте, что я здесь. Вы не уверены в абсолютной правильности ваших поступков. События выходят из-под контроля, но вы продолжаете цепляться за иллюзию чистого эксперимента. Не будь меня, вы бы тут же санкционировали казнь девушки. Тем более, что она представляет для вас интерес, как объект патологоанатомического вскрытия.

— Вы правы, — ответил сухо юноша.

Старший ждал. Он был уверен в своей правоте.

— Я не могу вмешиваться в их решения, — объяснил юноша Павлышу.

Павлыш ничего не ответил. Он знал, что не отдаст им Речку, что бы ни делали воины, Старший и бесплотный миссионер. И еще он мысленно пошел по пещере вместе с теми, кто находился в лодке. Если там был Жало. И он не хотел говорить юноше о лодке. Лодку он приберегал как неотразимый аргумент в их споре.

— Что ты будешь делать с Речкой? — спросил юноша.

— Исполню волю духов, — произнес Старший, и Павлышу показалось, что он чуть улыбнулся. Боги всемогущи, но богам можно польстить, богов иногда можно и обмануть — пусть думают, что Старший подчиняется им беспрекословно.

— Тогда отпусти ее, — вмешался Павлыш.

Старший удивился. Ответил не Павлышу, ответил юноше:

— Духи говорят: Старший наказывает виновных и кормит людей. Старший не наказывает виноватых — Старшего убьют. Некому будет кормить людей.

— Отдайте Речку мне, — предложил Павлыш по-русски.

— Что вы с ней будете делать? Возьмете на Землю? Поместите в зоопарк?

— Нет, — она будет жить на этой планете. — Но я помогу ей найти племя ее отца.

— Пусть она будет жертвой Великому духу, — настаивал тихо Старший. — Великий дух любит жертвы.

— Делай, — как знаешь, — разрешил юноша.

— Мы отдаем тебе ее тело, — продолжал Старший, вновь склоняясь перед юношей. — И тело ее матери. Ты будешь смотреть внутрь них и читать знаки судьбы.

Речка очнулась. Приподнялась на локте, узнав Павлыша.

— Дух, — сказала она, — мне больно. Где Жало?

— Не беспокойся, — ответил Павлыш. — Жало придет.

— Не говорите глупостей, — прервал юноша.

Он спустился по ступеням, подошел к Речке.

Воины и Старший смотрели на него.

Павлыш взглянул вверх. По его расчетам, те, другие, должны были появиться у входа в пещеру.

Ему показалось, что темная фигура мелькнула на краю обрыва и скрылась.

Внизу, у ручья, стояли, не расходились, жители деревни.

Дождь почти перестал, и ветер разгонял облака, рвал их на части.

— Вы можете сказать, что Речка нужна вам в храме, — крикнул Павлыш юноше, оттягивая время.

— Законы, по которым живут эти существа, выше наших с вами желаний, Павлыш.

— Законы созданы вами.

Наверху были люди. Павлыш старался смотреть туда, не поворачивая головы, не выдавая движением своей заинтересованности в происходящем там, у пещеры.

— Веди ее, — велел юноша.

Потом поглядел на Павлыша. Голос его был грустен.

— Вы чужой здесь, не знающий ни психологии, ни судьбы этих существ, стараетесь сломать их жизнь, ввергнуть их вновь в пучину дикости. Что руководит вами?

Воины по знаку Старшего подхватили Речку под мышки.

— Дух, — крикнула Речка Павлышу, — меня не убьют?

— Нет, — ответил Павлыш громко. Он хотел обратить на себя внимание. Они вот-вот появятся из-за поворота. — Я говорю тебе...

И не успел договорить.

Жало стоял на тропе у поворота, в нескольких метрах

выше. Он размахивал пращей и показался Павлышу схожим с юным Давидом.

Камень ударил Старшего в плечо, тот пошатнулся, попытался повернуться в сторону, откуда прилетел камень, но не успел, потому что второй человек, вставший рядом с Жало, пригвоздил его к земле дротиком.

Воины, рыча, бросились вверх, забыв о духах и о Речке.

Только двое из них успели добежать до Жало — дротики охотников поражали их на бегу. Наверху завязалась драка, и Жало, вырвавшись оттуда, громадными прыжками бросился вниз, к Речке.

Солнце уже начало клониться к горизонту, хотя до заката оставалось много часов, когда Павлыш вышел из пещеры и остановился у груды камней.

Жало стоял сзади. Он проводил Павлыша до выхода. В руке у него было раздвоенное копье воина. Копье было велико и тяжело, и Жало прислонил его к скале.

— Ты вернешься, дух? — спросил он.

— Постараюсь, — ответил Павлыш. — Но не обещаю.

— Я скажу в деревне, что вернешься, — сказал Жало уверенно.

— Ладно уж, — улыбнулся Павлыш.

— Дай мне свет, — попросил Жало.

— Какой свет?

Жало показал на запасной фонарь Павлыша.

— Зачем тебе?

— Ночью я пойду по долине. Там есть разные звери.

Жало очень хотелось получить фонарь, приобщиться к великому колдовству.

— Я мог взять сам, — добавил Жало. — Ты не видел. Я не взял. Дай.

— Ваше благородство, молодой человек, переходит всякие границы, — произнес Павлыш по-русски, выключив лингвиста.

Жало не понял, протянул руку. Павлыш отстегнул фонарь. Когти твердо сомкнулись вокруг трубки, Жало нажал кнопку. Свет фонаря днем был слаб, и Жало направил его в глубь пещеры.

— Хороший свет, — заключил он. — Я пошел. Люди Немого Урагана начнут пир без меня. Это плохо.

— Это и в самом деле плохо, — согласился Павлыш. — Они все съедят.

— Нет, все не съедят, — серьезно ответил Жало. — Я великий охотник и великий воин. Мне оставят пищу.

— Ладно, иди, нахал. Смотри, чтобы Речка лежала, и пусть старуха дает ей травы.

— Я знаю, — сказал Жало.

И ушел. Повернулся и ушел. В долине еще не научились прощаться. Кроме того, Жало, хоть и считал себя великим охотником, не был уверен, что ему оставят мяса.

У реки Павлыш задержался. Вода спала, но река все еще была мутной, бурной, быстрой. Придется забираться под воду, и может снести. Павлыш проверил, хорошо ли приторочены камеры.

— Вы ушли, когда меня не было, — прозвучали слова юноши.

Юноша подошел беззвучно, как и подобает духам.

— Я бежал за вами от самого храма, Павлыш. На это уходит много энергии.

— Мы с вами обо всем поговорили.

— Да. Почти обо всем. Я хотел задать еще один вопрос.

— Какой?

— Вы включали второй экран?

— Да.

— И видели, как дикари подбирались к долине?

— Вы сами предостерегали меня от вмешательства в жизнь планеты.

— Но не будь вас, Жало никогда бы не добрался до племени Немого Урагана.

— Оставайтесь при своем мнении, — ответил Павлыш, делая шаг вперед. Вода вздыбилась, обтекая башмак. — Я могу дать слово, что не случись истории с Жало сегодня — через месяц, через год все равно бы что-нибудь случилось. Так всегда бывает, когда ставят эксперимент над разумными существами, основываясь лишь на их инстинктах и не желая увидеть остального. Вы хотели превратить неразумных существ в разумных и потому отказали им в праве на разум. Я, честно говоря, доволен, что так вышло. У меня с самого начала сложилось о

Жало и Речке особое мнение. И, чтобы убедить в этом вас, потребовались драматические события.

— Кое в чем вы правы, — признался юноша, догоняя Павлыша и шагая по воде, чуть касаясь ее ступнями. — Ошибки бывают в любом деле.

— Если выберете нового вождя, не останавливайте свой выбор на Жало. Он склонен к хвастовству.

— Я думал об этом.

— А хвастовство — типично человеческое качество.

— Прощайте, — сказал юноша. — Лучше было бы, если бы вы не пришли сюда.

— Прощайте, — ответил Павлыш. — Я не жалею, что пришел. По крайней мере, теперь вам долину не закрыть снова. У людей будет много мяса, и мир их станет шире.

— Да, эксперимент придется модифицировать. Но мы его не прекратим. Слишком много вложено сил.

— Я и не сомневался, — произнес Павлыш.

Вода уже добралась до пояса, пошатывала его, влекла в глубину, и бредущий по воде юноша говорил сверху, почти с неба.

Павлыш шагнул вперед и ушел в воду по грудь, потом с головой.

Когда он выбрался на другой берег, юноши уже не было.

ПОЛОВИНА ЖИЗНИ

Повесть

Чуть выше Калязина, где Волга течет по широкой, крутой дуге, сдерживаемая высоким левым берегом, есть большой, поросший соснами остров. С трех сторон его огибает Волга, с четвертой — прямая протока, которая образовалась, когда построили плотину в Угличе и уровень воды поднялся. За островом, за протокой, снова начинается сосновый лес. С воды он кажется темным, густым и бескрайним. На самом деле он не так уж велик и даже не густ. Его пересекают дороги и тропинки, проложенные по песку, и потому всегда сухие, даже после дождей.

Одна из таких дорог тянулась по самому краю леса, вдоль ржаного поля, и упиралась в воду, напротив острова. По воскресеньям, летом, если хорошая погода, по ней к протоке приезжал автобус с отдыхающими. Они ловили рыбу и загорали. Часто к берегу у дороги приставляли моторки и яхты, и тогда с воды были видны серебряные и оранжевые палатки. Куда больше туристов высаживалось на острове. Им казалось, что там можно найти уединение, и потому они старательно искали щель между поставленными раньше палатками, высадившись, собирали забытые консервные банки и прочий сор, ругали предшественников за беспорядок, убежденные в том, что плохое отношение к природе — варварство, что не мешало им самим, отъезжая, оставлять на берегу пустые банки, бутылки и бумажки. Вечерами туристы разжигали костры и пили чай, но в отличие от пешеходов, ограниченных тем, что могут унести в рюкзаках, они не пели песен и не шумели — чаще всего они прибывали туда семьями, с детьми, собаками, запасом разных продуктов и примусов.

Однорукий лесник с хмурым мятым лицом, который выходил искупаться к концу лесной дороги, привык не обижаться на туристов и не опасался, что они подожгут

лес. Он знал, что его туристы — народ обстоятельный и солидный, костры они всегда заливают или затапывают.

Однорукий лесник скидывал форменную тужурку с дубовыми листьями в петлицах, расстегивал брюки, ловко снимал ботинки и осторожно входил в воду, щупая ногой дно, чтобы не наступить на осколок бутылки или острый камень. Потом останавливался по пояс в воде, глубоко вздыхал и падал в воду. Он плыл на боку, подгребая единственной рукой. Надежда с Оленькой оставались обычно на берегу. Надежда мыла посуду, потому что в доме лесника на том конце дороги не было колодца, а если кончала мыть раньше, чем лесник вылезал из воды, садилась на камень и ждала его, глядя на воду и на цепочку костров на том берегу протоки, которые напоминали ей почему-то ночную городскую улицу и вызывали желание уехать в Ленинград или в Москву. Когда Надежда видела, что лесник возвращается, она заходила по колено в воду, протягивала ему пустые ведра, и он наполнял их, вернувшись туда, где поглубже и вода чище.

Если поблизости оказывались туристы, лесник накидывал на голое тело форменную тужурку и шел к костру. Он старался людей не пугать и говорил с ними мягко, вежливо и глядел влево, чтобы не видеть был шрам на щеке.

На обратном пути он останавливался, подбирал бумажки и всякую труху и сносил к яме, которую каждую весну рыл у дороги и которой никто, кроме него, не пользовался.

Если было некогда или не сезон и берега пусты, однорукий лесник не задерживался у воды. Набирал ведра и спешил домой. Надежда приезжала только по субботам, а Оленька, маленькая еще, боялась оставаться вечером одна.

Он шел по упругой ровной дороге, пролегшей между розовыми, темнеющими к земле стволами сосен, у подножия которых сквозь слой серых игл пробивались кусты черники и росли грибы.

Грибов лесник не ел, не любил и не собирал. Собирали их Оленька, и, чтобы доставить ей удовольствие, лесник научился солить их и сушить на чердаке. А потом они дарили их Надежде. Когда она приезжала.

Оленька была леснику племянницей. Дочкой погибше-

го три года назад брата-шофера. Они оба, и лесник, которого звали Тимофеем Федоровичем, и брат его Николай, были из этих мест. Тимофей пришел безруким с войны и устроился в лес, а Николай был моложе и на войну не попал. Тимофей остался бобылем, а Николай женился в сорок восьмом на Надежде, у него родилась дочь, и жили они с Надеждой мирно, но Николай попал в аварию и умер в больнице. До смерти Николая лесник редко виделся с братом и его семьей, но, когда настало первое лето после его смерти, лесник как-то был в городе, зашел к Надежде и пригласил ее с дочкой приезжать в лес. Он знал, что у Надежды скудно с деньгами, других родственников у нее нет — работала она медсестрой в больнице. Вот и позвал приезжать к себе, привозить девочку.

С тех пор Надежда каждое лето отвозила Оленьку дяде Тимофею, на месяц, а то и больше, а сама приезжала по субботам, прибирала в доме, подметала, мыла полы и старалась быть полезной, потому что денег за Оленьку Тимофей, конечно, не брал. И то, что она хлопотала по дому, вместо того чтобы отдыхать, и злило Тимофея, и трогало.

Был уже конец августа, погода портилась, ночи стали холодными и влажными, словно тянуло, как из погреба, от самого Рыбинского моря. Туристы разъехались. Была последняя суббота, через три дня Тимофей обещал привезти Олю к школе, ей пора было идти в первый класс. Была последняя ночь, когда Надежда будет спать в доме Тимофея. И до весны. Может, лесник приедет в Калязин на ноябрьские, а может, и не увидит их до Нового года.

Надежда мыла посуду. На песке лежал кусок хозяйственного мыла. Надежда мыла чашки и тарелки, что накопились с обеда и ужина, проводила тряпкой по мылу и терла ею посуду, зайдя по щиколотки в воду. Потом полоскала каждую чашку. Оля озябла и убежала куда-то в кусты, искала лисички. Лесник сидел на камне, накинув тужурку. Он не собирался купаться, но и дома делать было нечего. Они молчали.

Полоская чашки, Надежда наклонялась, и лесник видел ее загорелые, крепкие и очень еще молодые ноги, и ему было неловко оттого, что он не может поговорить с Надеждой, чтобы она оставалась у него совсем. Ему было бы легче, если бы Николая никогда не существовало,

и потому лесник старался смотреть мимо Надежды, на серую сумеречную воду, черный частокол леса на острове и одинокий огонек костра на том берегу. Костер жгли не туристы, а рыбаки, местные.

Но Надежда в тот вечер тоже чувствовала себя неловко, будто ждала чего-то, и, когда взгляд лесника вернулся к ней, она распрямилась и спрятала под белую в красный горошек косынку прядь прямых русых волос. Волосы за лето стали светлее кожи — выгорели, от загара белее казались зубы и белки глаз. Особенно сейчас. Тимофей отвел глаза — Надежда смотрела на него как-то слишком откровенно, как на него смотреть было нельзя, потому что он был некрасив, потому что он был инвалид и еще был старшим братом ее погибшего мужа и потому что он хотел бы, чтобы Надежда осталась здесь.

А она стояла и смотрела на него. И он не мог, даже отводя глаза, не видеть ее. У нее была невысокая грудь, тонкая талия и длинная шея. А вот ноги были крепкими и тяжелыми. И руки были сильные, налитые. В сумерках глаза ее светились — белки казались светло-голубыми. Тимофей нечаянно ответил на ее взгляд, и сладкая боль, зародившись в плече, распространилась на грудь и подошла к горлу ожиданием того, что может и должно случиться сегодня.

Тимофей не мог оторвать взгляда от Надежды. А когда ее губы шевельнулись, он испугался наступающих слов и звука голоса.

Надежда сказала:

— Ты, Тима, иди домой. Оленьку возьми, она замерзла. Я скоро.

Тимофей сразу поднялся, с облегчением, полный благодарности Надежде, что она нашла такие ничего не значащие, но добрые и нужные слова.

Он позвал Олю и пошел к дому. А Надежда осталась домыывать посуду.

2

Даг поудобнее уселся в потертом кресле, разложил список на столе и читал его вслух, отчеркивая ногтем строчки. Он чуть шурился — зрение начинало сдавать, хотя он сам об этом не догадывался или, вернее, не позволял себе догадываться.

— А запасную рацию взял?
— Взял, — ответил Павлыш.
— Второй тент взял?
— Ты дочитай сначала. Сато, у тебя нет черных ниток?

— Нет. Кончились.
— Возьми и третий тент, — сказал Даг.
— Не надо.
— И второй генератор возьми.
— Вот он, пункт двадцать три.
— Правильно. Сколько баллонов берешь?
— Хватит.
— Сгущенное молоко? Зубную щетку?
— Ты меня собираешь в туристский поход?
— Возьми компот. Мы обойдемся.
— Я к вам зайду, когда захочется компота.
— К нам не так легко прийти.
— Я шучу, — сказал Павлыш. — Я не собираюсь к вам приходить.

— Как хочешь, — сказал Даг.

Он смотрел на экран. Роботы ползали по тросам, как тли по травинкам.

— Сегодня переберешься? — спросил Даг.

Даг торопился домой. Они потеряли уже два дня, готовя добычу к транспортировке. И еще две недели на торможение и маневры.

На мостик вошел Сато и сказал, что катер готов и загружен.

— По списку? — спросил Даг.

— По списку. Павлыш дал мне копию.

— Это хорошо, — сказал Даг. — Добавь третий тент.

— Я уже добавил, — сказал Сато. — У нас есть запасные тенты. Нам они все равно не пригодятся.

— Я бы на твоём месте, — сказал Даг, — перебирался бы сейчас.

— Я готов, — сказал Павлыш. Даг был прав. Лучше перебраться сейчас, и если что не так, нетрудно сгонять на корабль и взять забытое. Придется провести несколько недель на потерявшем управление, мертвом судне, брошенном хозяевами неизвестно когда и неизвестно почему, летевшем бесцельно, словно «Летучий голландец», и обреченном, не встретить они его, миллионы лет проваливаться в черную пустоту космоса, пока его не притя-

нет какая-нибудь звезда или планета или пока он не разлетится вдребезги, столкнувшись с метеоритом.

Участок Галактики, через который они возвращались, был пуст, лежал в стороне от изведанных путей, и сюда редко заглядывали корабли. Это была исключительная, почти невероятная находка. Неуправляемый, оставленный экипажем, но не поврежденный корабль.

Даг подсчитал, что, если вести трофей на буксире, горючего до внешних баз хватит. Конечно, если выкинуть за борт груз и отправить в пустоту почти все, ради чего они двадцать месяцев не видели ни одного человеческого лица (собственные не в счет).

И кому-то из троих надо было отправиться на борт трофея, держать связь и смотреть, чтобы он вел себя пристойно. Пошел Павлыш.

— Я пошел, — сказал Павлыш. — Установлю тент. Опробую связь.

— Ты осторожнее, — сказал Даг, вдруг расчувствовавшись. — Чуть что...

— Главное, не потеряйте, — ответил Павлыш.

Павлыш заглянул на минуту к себе в каюту поглядеть, не забыл ли чего-нибудь, а заодно попрощаться с тесным и уже неуютным жилищем, где он провел много месяцев и с которым расставался раньше, чем предполагал. И оттого вдруг ощутил сентиментальную вину перед пустыми, знакомыми до последнего винта стенами.

Сато ловко подогнал катер к грузовому люку мертвого корабля. Нетрудно догадаться, что там когда-то стоял спасательный катер. Его не было. Лишь какое-то механическое устройство маячило в стороне.

Толкая перед собой тюк с тентами и баллонами, Павлыш пошел по широкому коридору к каюте у самого пульта управления. Там он решил обосноваться. Судя по форме и размерам помещения, обитатели его были пониже людей ростом, возможно, массивнее. В каюте, правда, не было никакой мебели, по которой можно было бы судить, как устроены хозяева корабля. Может, это была и не каюта, а складское помещение. Обследовать корабль толком не успели. Это предстояло сделать Павлышу. Корабль был велик. И путешествие обещало быть нескучным.

Следовало устроить лагерь. Сато помог раскинуть тент. Переходную камеру они устроили у двери и прове-

рили, быстро ли тент наполняется воздухом. Все в порядке. Теперь у Павлыша был дом, где можно жить без скафандра. Скафандр понадобится для прогулок. Пока Павлыш раскладывал в каюте свои вещи, Сато установил освещение и опробовал рацию. Можно было подумывать, что он сам намеревается здесь жить...

Разгонялись часов шесть. Даг опасался за прочность буксира. В конце разгона Павлыш вышел на пульт управления корабля и смотрел, как летевшие рядом серебряные цилиндры — выброшенный за борт груз — постепенно отставали, словно провожающие на платформе. Перегрузки были уже терпимые, и он решил заняться делами.

Пульт управления дал мало информации.

Странное зрелище представлял этот пульт. Да и вся рубка. Здесь побывал хулиган. Вернее, не просто хулиган, а малолетний радиолюбитель, которому отдали на растерзание дорогую и сложную машину. Вот он и превратил ее в детекторный приемник, используя транзисторы вместо гвоздей, из печатных схем сделав подставку, а ненужной, на его взгляд, платиновой фольгой оклеил свой чердачок, словно обоями. Можно было предположить — а это предположение уже высказал Даг, когда они попали сюда впервые, — что управление кораблем раньше было полностью автоматическим. Но потом кто-то без особых церемоний сорвал крышки и кожухи, соединил накоротко линии, которые соединять было не положено, — в общем, принял все меры, чтобы превратить хронометр в первобытный будильник. От такой вивисекции осталось множество лишних «винтиков», порой внушительных размеров. Шалун разбросал их по полу, словно спешил завершить разгром и спрятаться раньше, чем вернутся родители.

Удивительно, но нигде не встретилось ни одного стула, кресла или чего-либо близкого к этим предметам. Возможно, хозяева и не знали, что такое стулья. Сидели, скажем, на полу. Или вообще катались, словно перекати-поле. Павлыш таскал за собой камеру и старался заснять все, что можно. На всякий случай. Если что-нибудь стрясется, могут сохраниться пленки. Чуть гудел шлемовый фонарь, и оттого абсолютнее была тишина. Было так тихо, что Павлышу начали чудиться шелестящие шаги и шорохи. Хотелось ходить на цыпочках, буд-

то он мог кого-то разбудить. Он знал, что будить некого, и хотел было отключить шлемофон, но потом остерегся. Если вдруг в беззвучном корабле возникнет шум, звук, голос, пускай он его услышит.

И от этой невероятной возможности стало совсем неудобно. Павлыш поймал себя на нелепом жесте — положил ладонь на рукоять бластера.

— Атавизм, — сказал он.

Оказалось, сказал вслух. Потому что в шлемофоне возник голос Дага.

— Ты о чем?

— Привык, что мы всегда вместе, — сказал Павлыш. — Неудобно.

Павлыш видел себя со стороны: маленький человек в блестящем скафандре, жучок в громадной банке, набитой трухой.

Коридор, который вел мимо его каюты, заканчивался круглым пустым помещением. Павлыш оттолкнулся от люка и в два прыжка одолел его. За ним начинался такой же коридор. И стены, и пол везде были одинакового голубого цвета, чуть белесого, словно выгоревшего от солнца. Свет шлемового фонаря расходился широким лучом, и стены отражали его. Коридор загибался впереди. Павлыш нанес его на план. Пока план корабля представлял собой эллипс, в передней части которого был обозначен грузовой люк и эллинг для улетевшего катера или спасательной ракеты, пульт управления, коридор, соединяющий пульт с круглым залом, и еще три коридора, отходявшие от пульта. Известно было, где находятся двигатели, но их пока не стали обозначать на плане. Времени достаточно, чтобы все осмотреть не спеша.

Шагов через сто коридор уперся в полуоткрытый люк. У люка лежало что-то белое, плоское. Павлыш медленно приблизился к белому. Наклонил голову, чтобы осветить его ярче. Оказалась просто тряпка. Белая тряпка, хрупкая в вакууме. Павлыш занес над ней ногу, чтобы перешагнуть, но, видно, нечаянно дотронулся до нее, и тряпка рассыпалась в пыль.

— Жалко, — сказал он.

— Что случилось? — спросил Даг.

— Занимайся своими делами, — сказал Павлыш. — А то вообще отключусь.

— Попробуй только. Сейчас же прилечу за тобой. План не забудь.

— Не забыл, — сказал Павлыш, отмечая на плане люк.

За люком коридор расширился, в стороны отбегали его ветви. Но Павлыш даже пока не стал отмечать их. Выбрал центральный, самый широкий путь. Он привел его еще к одному люку, закрытому наглухо.

— Вот и все на сегодня, — сказал Павлыш.

Даг молчал.

— Ты чего молчишь? — спросил Павлыш.

— Не мешаю тебе беседовать с самим собой.

— Спасибо. Я дошел до закрытого люка.

— Не спеши открывать, — сказал Даг.

Павлыш осветил стену вокруг люка. Заметил выступающий квадрат и провел по нему перчаткой.

Люк легко отошел в сторону, и Павлыш прижался к стене. Но ничего не произошло.

Вдруг ему показалось, что сзади кто-то стоит. Павлыш резко обернулся, полоснул лучом света по коридору. Пусто. Подвели нервы. Он ничего не стал говорить Дагу и переступил через порог.

Павлыш оказался в обширной камере, вдоль стен шли полки, на некоторых стояли ящики. Он заглянул в один из них. Ящик был на треть наполнен пылью. Что в нем было раньше, угадать невозможно.

В дальнем углу камеры фонарь поймал лучом еще одну белую тряпку. Павлыш решил к ней не подходить. Лучше потом взять консервант, на Земле интересно будет узнать, из чего они делали материю. Но когда Павлыш уже отводил луч фонаря в сторону, ему вдруг показалось, что на тряпке что-то нарисовано. Может, только показалось? Он сделал шаг в том направлении. Черная надпись была видна отчетливо. Павлыш наклонился. Присел на корточки.

«Меня зовут Надежда» — было написано на тряпке. По-русски.

Павлыш потерял равновесие, и рука дотронулась до тряпки. Тряпка рассыпалась. Исчезла. Исчезла и надпись.

— Меня зовут Надежда, — повторил Павлыш.

— Что? — спросил Даг.

— Здесь было написано: «Меня зовут Надежда», — сказал Павлыш.

— Да где же?

— Уже не написано, — сказал Павлыш. — Я дотронулся, и она исчезла.

— Слава, — сказал Даг тихо. — Успокойся.

— Я совершенно спокоен, — сказал Павлыш.

3

До того момента корабль оставался для Павлыша фантомом, реальность которого была условна, словно задана правилами игры. И, даже нанося на план — пластиковую пластинку, прикрепленную к кисти левой руки, — сетку коридоров и люки, он за рамки этой условности не выходил. Он был подобен разумной мыши в лабораторном лабиринте. В отличие от мыши настоящей Павлыш знал, что лабиринт конечен и определенным образом перемещается в космическом пространстве, приближаясь к солнечной системе.

Рассыпавшаяся записка нарушала правила, ибо никак, никаким самым сказочным образом оказаться здесь не могла и потому приводила к единственному разумному выводу: ее не было. Так и решил Даг. Так и решил бы Павлыш, оказавшись на его месте. Но Павлыш не мог поменяться местами с Дагом.

— Именно Надежда? — спросил Даг.

— Да, — ответил Павлыш.

— Учти, Слава, — сказал Даг. — Ты сам физиолог. Ты знаешь. Может, лучше мы тебя заменим? Или вообще оставим корабль без присмотра.

— Все нормально, — сказал Павлыш. — Не беспокойся. Я пошел за консервантом.

— Зачем?

— Если встретится еще одна записка, я ее сохраню для тебя.

Совершая недолгое путешествие к своей каюте, извлекая консервант из ящика со всякими разностями, собранными аккуратным Сато, он все время старался возобновить в памяти тряпку или листок бумаги с надписью. Но листок не поддавался. Как лицо любимой женщины: ты стараешься вспомнить его, а память рождает лишь отдельные, мелкие, никак не удовлетворяю-

щие тебя детали — прядь над ухом, морщинку на лбу. К тому времени, как Павлыш вернулся в камеру, где его поджидала (он уже начал опасаться, что исчезнет) горстка белой пыли, уверенность в записке пошатнулась. Разум старался оградить его от чудес.

— Что делаешь? — спросил Даг.

— Ищу люк, — сказал Павлыш. — Чтобы пройти дальше.

— А как это было написано? — спросил Даг.

— По-русски.

— А какой почерк? Какие буквы?

— Буквы? Буквы печатные, большие.

От отыскал люк. Люк открылся легко. Это было странное помещение. Разделенное перегородками на отсеки разного размера, формы. Некоторые из них были застеклены, некоторые отделены от коридора тонкой сеткой. Посреди коридора стояло полушарие, похожее на высокую черепаху, сантиметров шестьдесят в диаметре. Павлыш дотронулся до него, и полушарие с неожиданной легкостью покатилося вдоль коридора, словно под ним скрывались хорошо смазанные ролики, ткнулось в стенку и замерло. Луч фонаря выхватывал из темноты закоулки и ниши. Но все они были пусты. В одной грудой лежали камни, в другой — обломки дерева. А когда он присмотрелся, обломки показались похожими на остатки какого-то большого насекомого. Павлыш продвигался вперед медленно, поминутно докладывая на корабль о своем прогрессе.

— Понимаешь, какая штука, — слышался голос Дага. — Можно утверждать, что корабль оставлен лет сорок назад.

— Может, тридцать?

— Может, и пятьдесят. Мозг дал предварительную сводку.

— Не надо стараться, — сказал Павлыш. — Даже тридцать лет назад мы еще не выходили за пределы системы.

— Знаю, — ответил Даг. — Но я еще проверю. Если только у тебя нет галлюцинаций.

Проверять было нечего. Тем более что они знали — корабль, найденный ими, шел не от Солнца. По крайней мере, много лет он приближался к нему. А перед этим должен был удаляться. А сорок, пятьдесят лет назад лю-

ди лишь осваивали Марс и высаживались на Плутоне. А там, за Плутоном, лежал неведомый, как заморские земли для древних, космос. И никто в этом космосе не умел говорить и писать по-русски...

Павлыш перебрался на следующий уровень, попытался распутаться в лабиринтах коридоров, ниш, камер. Через полчаса он сказал:

— Они были барахольщиками.

— А как Надежда?

— Пока никак.

Возможно, он просто не замечал следов Надежды, проходил мимо. Даже на Земле, стоит отойти от стандартного мира аэродромов и больших городов, теряешь возможность и право судить об истинном значении встреченных вещей и явлений. Тем более непонятен был смысл предметов чужого корабля. И полушарий, легко откатывающихся от ног, и ниш, забитых вещами и приборами, назначение которых было неведомо, переплетения проводов и труб, ярких пятен на стенах и решеток на потолке, участков скользкого пола и лопнувших полупрозрачных перепонок. Павлыш так и не мог понять, какими же были хозяева корабля, — то вдруг он попадал в помещение, в котором обитали гиганты, то вдруг оказывался перед каморкой, рассчитанной на гномов, потом выходил к замерзшему бассейну, и чудились продолговатые тела, вмержшие в мутный лед. Потом он оказался в обширном зале, дальняя стена которого представляла собой машину, усеянную слепыми экранами, и ряды кнопок на ней размещались и у самого пола, и под потолком, метрах в пяти над головой.

Эта нелогичность, непоследовательность окружающего мира раздражала, потому что никак не давала построить хотя бы приблизительно рабочую гипотезу и нанизывать на нее факты — именно этого требовал мозг, уставший от блуждания по лабиринтам.

За редкой (впору пролезть между прутьями) решеткой лежала черная, высохшая в вакууме масса. Вернее всего, когда-то это было живое существо ростом со слона. Может быть, один из космонавтов? Но решетка отрезала его от коридора. Вряд ли была нужда прятаться за решетки. На секунду возникла версия, не лишенная красочности: этого космонавта наказали. Посадили в тюрьму. Да, на корабле была тюрьма. И когда срочно надо

было покинуть корабль, его забыли. Или не захотели взять с собой.

Павлыш сказал об этом Дагу, но тот возразил:

— Спасательный катер был рассчитан на куда меньших существ. Ты же видел эллинг.

Даг был прав.

На полу рядом с черной массой валялся пустой сосуд, круглый, сантиметров пятнадцать в диаметре.

А еще через полчаса, в следующем коридоре, за прикрытым, но не запертым люком Павлыш отыскал каюту, в которой жила Надежда.

Он не стал заходить в каюту. Остановился на пороге, глядя на аккуратно застланную серой материей койку, на брошенную на полу косынку, застиранную, ветхую, в мелкий розовый горошек, на полку, где стояла чашка с отбитой ручкой. Потом, возвращаясь в эту комнату, он с каждым разом замечал все больше вещей, принадлежавших Надежде, находил ее следы и в других помещениях корабля. Но тогда, в первый раз, запомнил лишь розовый горошек на платке и чашку с отбитой ручкой. Ибо это было куда более невероятно, чем тысячи незнакомых машин и приборов.

— Все в порядке, — сказал Павлыш. Он включил распылитель консерванта, чтобы сохранить все в каюте таким, как было в момент его появления.

— Ты о чем? — спросил Даг.

— Нашел Надежду.

— Что?

— Нет, не Надежду. Я нашел, где она жила.

— Ты серьезно?

— Совершенно серьезно. Здесь стоит ее чашка. И еще она забыла косынку.

— Знаешь, — сказал Даг, — я верю, что ты не сошел с ума. Но все-таки я не могу поверить.

— И я не верю.

— Ты представь себе, — сказал Даг, — что мы высадились на Луне и видим сидящую там девушку. Сидит и вышивает, например.

— Примерно так, — согласился Павлыш. — Но здесь стоит ее чашка. С отбитой ручкой.

— А где Надежда? — спросил Сато.

— Не знаю, — сказал Павлыш. — Ее давно здесь нет.

— А что еще? — спросил Даг. — Ну скажи что-нибудь. Какая она была?

— Она была красивая, — сказал Сато.

— Конечно, — согласился Павлыш. — Очень красивая.

И тут Павлыш за койкой заметил небольшой ящик, заполненный вещами. Словно Надежда собиралась в дорогу, но что-то заставило ее бросить добро и уйти так, с пустыми руками.

Павлыш опрыскивал вещи консервантом и складывал на койке. Там была юбка, сшитая из пластика толстыми нейлоновыми нитками, мешок с прорезью для головы и рук, шаль или накидка, сплетенная из разноцветных проводов.

— Она здесь долго прожила, — сказал Павлыш.

На самом дне ящика лежала кipa квадратных белых листов, исписанных ровным, сильно наклоненным вправо почерком. И Павлыш заставил себя не читать написанного на них, пока не закрепил их и не убедился, что листки не рассыплются под пальцами. А читать их он стал, только вернувшись в свою каюту, где мог снять скафандр, улечься на надувной матрас и включить на полную мощность освещение.

— Читай вслух, — попросил Даг, но Павлыш отказался. Он очень устал. Он пообещал, что обязательно прочтет им самые интересные места. Но сначала проглядит сам. Молча. И Даг не стал спорить.

4

— «Я нашла эту бумагу уже два месяца назад, но никак не могла придумать, чем писать на ней. И только вчера догадалась, что совсем рядом, в комнате, за которой следит глупышка, собраны камни, похожие на графит. Я заточила один из них. И теперь буду писать». (На следующий день в каюте Надежды Павлыш увидел на стене длинные столбцы царапин и догадался, как она вела счет дням.)

— «Мне давно хотелось писать дневник, потому что я хочу надеяться, что когда-нибудь, даже если я и не доживу до этого светлого дня, меня найдут. Ведь нельзя же жить совсем без надежды. Я иногда жалею, что я неверующая. Я бы смогла надеяться на бога и думать, что это все — испытание свыше».

На этом кончался листок. Павлыш понял, что листки лежали в стопке по порядку, но это не значило, что Надежда вела дневник день за днем. Иногда, наверно, проходили недели, прежде чем она вновь принималась писать.

— «Сегодня они суетятся. Стало тяжелее. Я опять кашляла. Воздух здесь все-таки мертвый. Наверно, человек может ко всему привыкнуть. Даже к неволе. Но труднее всего быть совсем одной. Я научилась разговаривать вслух. Сначала стеснялась, неловко было, словно кто-нибудь может меня подслушать. Но теперь даже пою. Мне бы надо записать, как все со мной произошло, потому что не дай бог кому-нибудь оказаться на моем месте. Только сегодня мне тяжело, и когда я пошла в огород, то по дороге так запыхалась, что присела прямо у стенки, и глупышки меня притащили обратно чуть живую».

Дня через два Павлыш нашел то, что Надежда называла огородом. Это оказался большой гидропонный узел. И нечто вроде ботанического сада.

— «Я пишу сейчас, потому что все равно пойти куда не смогу, да глупышки и не пустят. Наверно, надо ждать прибавления нашему семейству. Только не знаю уж, увижу ли я...»

Третий листок был написан куда более мелким почерком, аккуратно. Надежда сэкономила бумагу.

— «Если когда-нибудь попадут сюда люди, пусть знают про меня следующее. Мое имя-отчество-фамилия Сидорова Надежда Матвеевна. Год рождения 1923-й. Место рождения — Ярославская область, село Городище. Я окончила среднюю школу в селе, а затем собиралась поступать в институт, но мой отец, Матвей Степанович, скончался, и матери одной было трудно работать в колхозе и управляться по хозяйству. Поэтому я стала работать в колхозе, хотя и не оставила надежды получить дальнейшее образование. Когда подросли мои сестры Вера и Валентина, я исполнила все-таки свою мечту и поступила в медицинское училище в Ярославле, и кончила его в 1942 году, после чего была призвана в действующую армию и провела войну в госпиталях в качестве медсестры. После окончания войны я вернулась в Городище и поступила работать в местную больницу в том же качестве. Я вышла замуж в 1948 году, мы переехали

на жительство в Калязин, а на следующий год у меня родилась дочь Оленька, однако мой муж, Николай Иванов, шофер, скончался в 1953 году, попав в аварию. Так мы и остались одни с Оленькой».

Павлыш сидел на полу, в углу каморки, затянутой белым тентом. Автобиографию Надежды он читал вслух. Почерк разбирать было несложно — писала она аккуратно, круглыми, сильно наклоненными вправо буквами, лишь кое-где графит осыпался, и тогда Павлыш наклонял листок, чтобы разобрать буквы по вмятинам, оставленным на листке. Он отложил листок и осторожно поднял следующий, рассчитывая найти на нем продолжение.

— Значит, в пятьдесят третьем году ей уже было тридцать лет, — сказал Сато.

— Читай дальше, — сказал Даг.

— Здесь о другом, — сказал Павлыш. — Сейчас прочту сам.

— Читай сразу, — Даг обижался. И Павлыш подумал вдруг, как давно Даг ему не завидовал и как вообще давно они друг другу не завидовали.

— «Сегодня притащили новых. Они их поместили на нижний этаж, за пустыми клетками. Я не смогла увидеть, сколько всего новеньких. Но по-моему, несколько. Глупышка закрыл дверь и меня не пустил. Я вдруг поняла, что очень им завидую. Да, завидую несчастным, оторванным навсегда от своих семей и дома, заключенным в тюрьму за грехи, которых они не совершали. Но ведь их много. Может, три, может, пять. А я совсем одна. Время здесь идет одинаково. Если бы я не привыкла работать, то давно б уже померла. И сколько лет я здесь? По-моему, пошел четвертый год. Надо будет проверить, посчитать царапинки. Только я боюсь, что сбилась со счета. Ведь я не записывала, когда болела, и только мысль об Оленьке мне помогла выбраться с того света. Ну что же, займусь делом. Глупышка принес мне ниток и проволоки. Они ведь что-то понимают. А иголку я нашла на третьем этаже. Хоть глупышка и хотел ее у меня отобрать. Испугался, бедненький».

— Ну? — спросил Даг.

— Все я читать все равно не смогу, — ответил Павлыш. — Погодите. Вот тут вроде бы продолжение.

— «Я потом разложу листки по порядку. Мне все кажется, что кто-то прочтет эти листки. Меня уже не будет, прах мой разлетится по звездам, а бумажки выживут. Я очень прошу тебя, кто будет это читать, разыщи мою дочку Ольгу. Может, она уже взрослая. Скажи ей, что случилось с матерью. И хоть ей мою могилку никогда не отыскать, все-таки мне легче так думать. Если бы мне когда-нибудь сказали, что я попаду в страшную тюрьму, буду жить, а все будут думать, что меня давно уж нет, я бы умерла от ужаса. А ведь живу. Я очень надеюсь, что Тимофей не подумает, что я бросила девочку ему на руки и убежала искать легкой жизни. Нет, скорее всего они обыскали всю протоку, решили, что я утонула. А тот вечер у меня до конца дней останется перед глазами, потому что он был необыкновенный. Со всем не из-за беды, а наоборот. Тогда в моей жизни должно было что-то измениться... А изменилось совсем не так».

— Нет, — сказал Павлыш, откладывая листок. — Тут личное.

— Что личное?

— Здесь о Тимофее. Мы же не знаем, кто такой Тимофей. Какой-то ее знакомый. Может, из больницы. Погодите, поищу дальше.

— Как ты можешь судить! — воскликнул Даг. — Ты в спешке обязательно упустишь что-то главное.

— Главное я не упущу, — ответил Павлыш. — Этим бумажкам много лет. Мы не можем искать ее, не можем спасти. С таким же успехом мы могли бы читать клинопись. Разница не принципиальная.

— «После смерти Николая я осталась с Оленькой со всем одна. Если не считать сестер. Но они были далеко, и у них были свои семьи и свои заботы. Жили мы не очень богато, я работала в больнице и была назначена весной 1956 года старшей сестрой. Оленька должна была идти в школу, в первый класс. У меня были предложения выйти замуж, в том числе от одного врача нашей больницы, хорошего, правда, пожилого человека, но я отказала ему, потому что думала, что молодость моя все равно прошла. Нам и вдвоем с Оленькой хорошо. Мне помогал брат мужа Тимофей Иванов, инвалид войны, который работал лесником недалеко от города. Несчастье со мной произошло в конце августа 1956 года. Я не

помню теперь числа, но помню, что случилось это в субботу вечером... Обстоятельства к этому были такие. У нас в больнице выдалось много работы, потому что было время летних отпусков и я подменяла других сотрудников. Оленьку, к счастью, как всегда, взял к себе пожить Тимофей в свой домик. А я приезжала туда по субботам на автобусе, потом шла пешком, и очень хорошо отдыхала, если выдавалось свободное воскресенье. Его дом расположен в сосновом лесу недалеко от Волги».

Павлыш замолчал.

— Ну, что дальше? — спросил Даг.

— Погодите, ищу листок.

— «Я постараюсь описать то, что было дальше, со всеми подробностями, потому что как работник медицины понимаю, какое большое значение имеет правильный диагноз, и кому-нибудь эти все подробности понадобятся. Может быть, мое описание, попади оно в руки к специалисту, поможет разгадать и другие похожие случаи, если они будут. В тот вечер Тимофей и Оленька проводили меня до реки мыть посуду. В том месте дорога, которая идет от дома к Волге, доходит до самой воды. Тимофей хотел меня подождать, но я боялась, что Оленьке будет холодно, потому что вечер был нетеплый, и попросила его вернуться домой, а сама сказала, что скоро приду. Было еще не совсем темно, и минуты через три-четыре после того, как мои родные ушли, я услышала тихое жужжание. Я даже не испугалась сначала, потому что решила, что по Волге, далеко от меня, идет моторка. Но потом меня охватило неприятное чувство, словно предчувствие чего-то плохого. Я посмотрела на реку, но никакой моторки не увидела...»

Павлыш нашел следующий листок.

— «...но увидела, что по направлению ко мне чуть выше моей головы летит воздушная лодка, похожая на подводную лодку без крыльев. Она показалась мне серебряной. Лодка снижалась прямо передо мной, отрезая меня от дороги. Я очень удивилась. За годы войны я повидала разную военную технику и сначала решила, что это какой-то новый самолет, который делает вынужденную посадку, потому что у него отказал мотор. Я хотела отойти в сторону, спрятаться за сосну, чтобы, если будет взрыв, уцелеть. Но лодка выпустила железные

захваты, и из нее посыпались глупышки. Тогда я еще не знала, что это глупышки, но в тот момент сознание у меня помутнело, и я, наверно, упала...»

— Дальше что? — спросил Даг, когда пауза затянулась.

— Дальше все, — ответил Павлыш.

— Ну что же было?

— Она не пишет.

— Так что же она пишет, в конце концов?

Павлыш молчал. Он читал про себя.

«Я знаю дорогу на нижний этаж. Там есть путь из огорода, и глупышки за ним не следят. Мне очень захотелось поглядеть на новеньких. А то все мои соседи неразумные. К дракону в клетку я научилась заходить. Раньше боялась. Но как-то посмотрела, чем его кормят глупышки, и это все были травы с огорода. Тогда я и подумала, что он меня не съест. Может, я долго бы к нему не заходила, но как-то шла мимо и увидела, что он болен. Глупышки суежились, подкладывали ему еду, мерили что-то, трогали. А он лежал на боку и тяжело дышал. Тогда я подошла к самой решетке и присмотрелась. Ведь я медик, и мой долг облегчить страдания. Глупышкам я помочь не смогла бы — они железные. А дракона осмотрела, хоть и через решетку. У него была рана — наверно, хотел выбраться, побился о решетку. Силы в нем много — умом бог обидел. Я тут стала отчаянная — жизнь не дорога. Думаю: он ко мне привык. Ведь он еще раньше меня сюда попал — уже тысячу раз видел. Я глупышкам сказала, чтобы они не мешали, а принесли воды, теплой. Я, конечно, рисковала. Ни анализа ему не сделать, ничего. Но раны загноились, и я их промыла, перевязала как могла. Дракон не сопротивлялся. Даже поворачивался, чтобы мне было удобнее».

Следующий листок, видно, попал сюда снизу пачки и не был связан по смыслу с предыдущими.

«Сегодня села писать, а руки не слушаются. Птица вырвалась наружу. Глупышки носились за ней по коридорам, ловили сетью. Я тоже хотела поймать ее, боялась, что разобьется. Но зря старалась. Птица вылетела в большой зал, ударилась с лету о трубу и упала. Я потом, когда глупышки тащили ее в свой музей, подобрала перо, длинное, тонкое, похожее на ковыль. Я и жалела птицу, и завидовала ей. Вот нашла все-таки в

себе силу погибнуть, если уж нельзя вырваться на свободу. Еще год назад такой пример мог бы на меня оказать решающее влияние. Но теперь я занята. Я не могу себя потратить зря. Пускай моя цель нереальная, но все-таки она есть. И вот, такая расстроенная и задумчивая, я пошла за глупышками, и они забыли закрыть за собой дверь в музей. Туда я не попала — там воздуха нет, — но заглянула через стеклянную стенку. И увидела банки, кубы, сосуды, в которых глупышки хранят тех, кто не выдержал пути: в формалине или в чем-то похожем. Как уродцы в Кунсткамере в Ленинграде. И я поняла, что пройдет еще несколько лет, и меня, мертвую, не сожгут и не похоронят, а поместят в стеклянную банку на любованье глупышкам или их хозяевам. И стало горько. Я Балю об этом рассказала. Он только поежился и дал мне понять: того же боится. Сiju над бумагой, а представляю себя в стеклянной банке, за-спиртованную».

Потом, уже через несколько дней, Павлыш отыскал музей. Космический холод заморозил жидкость, в которой хранились экспонаты. Павлыш медленно шел от сосуда к сосуду, всматриваясь в лед сосудов покрупнее. Боялся найти тело Надежды. А в ушах перебивали друг друга нетерпеливо Даг и Сато: «Ну как?» Павлыш разделял страх Надежды. Лучше что угодно, чем банка с формалином. Правда, он отыскал банку с птицей — радужным эфемерным созданием с длинным хвостом и большеглазой, без клюва головой. И еще нашел банку, в которой был Баль. Об этом рассказано в следующих листах.

«Я все сбиваюсь в своем рассказе, потому что происходящее сегодня важнее, чем прошедшие годы. Вот и не могу никак описать мое приключение по порядку.

Очнулась я в камерке. Там горел свет, неяркий и неживой. Это не та комната, где я живу сейчас. В камерке теперь свалены ископаемые ракушки, которые глупышки притащили с год назад. За четыре с лишним года мы раз шестнадцать останавливались, и каждый раз начиналась суматоха, и сюда тащили всякие вещи, а то и живых существ. Так вот, в камерке, кроме меня, оказалась посуда, которую я мыла и которая мне потом очень пригодилась, ветки сосны, трава, камни, разные насекомые. Я только потом поняла, что они хотели уз-

нать, чем меня кормить. А тогда я подумала, что весь этот набор случайный. Я есть ничего не стала: не до того было. Села, постучала по стенке — стенка твердая, и вокруг все время слышится жужжание, словно работают машины на пароходе. И кроме того, я ощутила большую легкость. Здесь вообще все легче, чем на Земле. Я читала когда-то, что на Луне сила тяжести тоже меньше, и если когда-нибудь люди полетят к звездам, как учил Циолковский, то они совсем ничего не будут весить. Вот эта маленькая сила тяжести и помогла мне скоро понять, что я уже не на Земле, что меня украли, увезли, как кавказского пленника, и никак не могут довести до места. Я очень надеюсь, что люди, наши, с Земли, когда-нибудь тоже научатся летать в космическое пространство. Но боюсь, что случится это еще не скоро».

Павлыш прочел эти строки вслух. Даг сказал:

— А ведь всего год не дожила до первого спутника.

И Сато поправил его:

— Она была жива, когда летал Гагарин.

— Может быть. Но ей оттого не легче.

— Если бы знала, ей было бы легче, — сказал Павлыш.

— Не уверен, — сказал Даг. — Она бы тогда ждала, что ее освободят. А не дождалась бы.

— Не в этом дело, — сказал Павлыш. — Ей важно было знать, что мы тоже можем.

Дальше он читал вслух, пока не устал.

— «Они мне принесли поесть и стояли в дверях, смотрели, буду есть или нет. Я попробовала — странная каша, чуть солоноватая, скучная еда. Но тогда я была голодная и как будто оглушенная. Я все смотрела на глупышек, которые стояли в дверях, как черепахи, и просила, чтобы они позвали их начальника. Я не знала тогда, что их начальник — Машина — во всю стену дальнего зала. А что за настоящие хозяева, какие они из себя, до сих пор не знаю, отправили этот корабль в путь с одними железными автоматами. Потом я думала, как они догадались, какая пища мне не повредит. И ломала себе голову, пока не попала в их лабораторию и не догадалась, что они взяли у меня, пока я была без сознания, кровь и провели полное исследование организма. И поняли, чего и в каких пропорциях мне нужно, чтобы не

помереть с голоду. А что такое вкусно, они не знают. Я на глупышек давно не сержусь. Они, как солдаты, выполняют приказ. Только солдаты все-таки думают. Они не могут. Я все первые дни проплакала, просилась на волю и никак не могла понять, что до воли мне лететь и лететь. И никогда не долететь.

...У меня вдруг появилось беспокойство. Это, наверно, из-за того, что я теперь не одна. Такое создается впечатление, что скоро случатся изменения. Не знаю уж, к лучшему ли. Только к худшему изменяться некуда. Сегодня снилась мне Оленька, и я во сне удивлялась, почему она не растет, почему бегают такая маленькая. Ведь ей пора бы и вырасти. А она только смеялась. Я, когда проснулась, очень встревожилась. Не значит ли это, что Оленьки уже нет на свете? Раньше я никогда не верила предчувствиям. Даже на фронте. Насмотрелась на обманчивые предчувствия. А теперь вот весь день не могла себе места найти. Я потом подумала еще вот о чем: а откуда я решила, что я правильно считаю дни? Я ведь царапинку делаю, когда встаю утром? А если не утром? Может, я теперь чаще сплю. Или реже. Ведь не угадаешь. Здесь всегда одинаково. И я подумала, что, может, прошло не четыре года, а только два. Или один. А может, и наоборот — пять, шесть, семь лет? Сколько же лет сейчас Оле? А мне сколько? Может, я уже старуха? Я так переволновалась, что побежала к зеркалам. Это, конечно, не зеркала. Они чуть выпуклые, круглые, похожие на экраны телевизоров. Иногда по ним пробегают зеленые и синие зигзаги. Других зеркал у меня нет. Я долго всматривалась в экраны. Даже глупышки, которые там дежурили, стали сигналить мне — что нужно? Я только отмахнулась. Прошли те времена, когда я их звала палачами, мучителями, фашистами. Теперь я их не боюсь. Я боюсь только Машину. Начальника. Я долго смотрелась в зеркала, переходила от одного к другому, искала то, что посветлее. И ничего решить не смогла. Вроде бы это я — и нос такой же, глаза провалились, и лицо кажется синее. Но это, вернее всего, от самого зеркала. Мешки, правда, под глазами. И я вернулась в комнату».

— Это крайне интересно, — сказал Даг. — Ты как, Павлыш, думаешь?

— Что?

— Об этой проблеме. Изолирую человека на несколько лет так, чтобы он не знал о ходе времени вне его помещения. Изменится ли биологический цикл?

— Я сейчас не об этом думаю, — сказал Павлыш.

— «Я вдруг вспомнила о котенке. Совсем забыла. А сегодня вспомнила. Они котенка откуда-то достали. С Земли, конечно. Он пищал и мяукал. Это было в первые дни. Пищал он в соседней камерке, и глупышки все туда бегали, никак не могли догадаться, что ему молоко нужно. Я тогда совсем робкая была, и они меня привели к нему, к котенку, думали, что я смогу помочь. Но я же не могла объяснить им, что такое молоко. А видно, в их искусственной пище чего-то не хватало. Я с котенком возилась три дня. Кашу водой разбавляла, в этой заботе забывала даже о своем горе. Но котенок сдох. Видно, человек куда выносливей зверя, хоть и говорят, что у кошки восемь жизней. Я-то живу. Наверно, котенок тоже у них в музее лежит. Теперь я бы нашла чем его кормить. Я знаю ход в их лабораторию. И глупышки ко мне по-другому относятся. Привыкли. А дракон совсем плох. Видно, скоро умрет. Я у него вчера просидела долго, снова промыла раны. А он совсем ослаб. Я с ним сделала открытие. Оказывается, дракон может каким-то образом влиять на мои мысли. Не то чтобы я понимала его, но, когда ему больно, я это чувствую. Я знаю, что он рад моему приходу. И я жалею теперь, что раньше не обращала на него внимания — боялась. Ведь, может быть, он такой же, как я. Тоже пленник. Только еще более несчастный. Его все эти годы держали в клетке. Может, этот дракон — медсестра в больнице на какой-то очень далекой планете. И так же приехала эта дракониха провести свою дочку. И попалась в наш зоопарк. И прожила в нем много лет в клетке. И все хотела втолковать глупышкам, что она не глупее их. Так и умрет, не втолковав. Я, значит, сначала улыбнулась, а потом расплакалась. Вот и сижу реву, а мне идти пора, ждут.

И все-таки, если я думаю о драконе, то думаю, что моя судьба лучше. Я хоть пользуюсь какой-то свободой. И пользовалась ею с самого начала. С тех пор, как помер котенок. Я много думала, почему так получилось, что все остальные пленники — сколько их тут есть (за перегородками на остальных этажах воздух другой — туда мне не пройти, и там тоже, наверно, есть пленни-

ки) — сидят взаперти. Лишь я довольно свободно разгуливаю по этажам. Почему-то они решили, что я им не опасна. Может быть, их хозяева на меня похожи. Доверили мне котенка. Пустили в огород и показали, где семена. В лабораторию мне можно ходить. Даже слушаются меня глупышки. Тот, кто эти листки будет читать, наверно, удивится, что за глупышки? Это я железных черепах так называю. Как узнала, что они машинки, что они простых вещей не понимают, так и стала их звать глупышками. Для себя. Но все равно, если задуматься, жизнь моя ненамного лучше тех, кто в клетках. И в камерах. Просто моя тюрьма обширнее, чем у них. Вот и все. Я же пыталась через глупышек объяснить Машине, начальнику, что это чистое преступление — хватать живого человека и держать его так. Я хотела им объяснить, что лучше им связаться с нами, с Землей. Но потом я убедилась, что, кроме машин, здесь никого нет. А машинам дан приказ — летайте по вселенной, собирайте, что встретится на пути, потом доложите. Только уж очень долгий обратный путь. Я еще надеюсь, что доживу, а дожив, встречусь с ними и все им выложу. А может, они и не знают, что где-нибудь, кроме их планеты, есть разумные люди?»

Когда Павлыш кончил читать этот листок, Даг сказал: — В общем, она рассуждала довольно логично.

— Конечно, это был исследовательский автомат, — сказал Павлыш. — Но есть тут одна загадка. И Надежда ее уловила.

— Загадка? — спросил Сато.

— Мне кажется странным, — сказал Павлыш, — что такой громадный корабль, посланный в дальний поиск, не имеет никакой связи с базой, с планетой. Видно, летит он много лет. И за это время информация устаревает.

— Я не согласен, — сказал Даг. — Представь, что таких кораблей несколько. Каждому выделен сектор Галактики. И пускай они летят много лет. Неважно. Ведь органическую жизнь они обнаружат, дай бог, на одном мире из тысячи. Вот они свозят информацию. Что такое сто лет для цивилизации, которая может рассылать разведчиков? А потом уж они на досуге рассмотрят трофеи и решат, куда посылать экспедицию.

— И они хватают все, что попадется? — спросил Сато, не скрывая неприязни к хозяевам корабля.

— А какие критерии могут быть у автоматов, чтобы определить, разумное ли существо им попало?

— Ну, Надежда, например, была одета. Они видели наши города.

— Неубедительно, — сказал Павлыш. — И где гарантия, что в мире икс разумные существа не ходят голыми и не одевают в платья своих домашних животных.

— И шансы на то, что они выловят именно разумное существо, столь малы, — добавил Даг, — что ими они, наверно, просто пренебрегают. В любом случае они стремятся сохранить живьем все свои трофеи.

— Разговор пустой, — попытожил Павлыш, поднимая следующий листок. — Мы пока ничего не знаем о тех, кто послал корабль. И не знаем, что они думали при этом. В известной нам части Галактики ничего подобного нет. Значит, они издалека. Мы знаем только, что они были у нас, но по какой-то причине не вернулись домой.

— Может, это и к лучшему, — сказал Даг.

Остальные промолчали.

«Как-нибудь потом, будет время, напишу о моих первых годах в тюрьме. Сейчас многое уже кажется туманным, далеким — и ужас мой, и отчаяние, и то, как я искала выход отсюда, думала даже, что заберусь к ним в центр и поломаю все их машины. Пускай мы разобьемся. Это в то время я так думала, когда боялась, что они снова прилетят к нам на Землю и натворят что-нибудь плохое. Но я поняла, что с их кораблем мне не справиться. Наверно, тут сто инженеров не поймут, что к чему. А сейчас мне пора вернуться к тем событиям, которые произошли уже не так давно, месяцы, недели назад, уже после того, как я раздобыла бумагу и начала писать дневник. Новые пленники, которых подобрали в последний раз, попали на мой этаж, наверно, потому, что у нас с ними одинаковый воздух. Их подержали сначала в карантине, на другом этаже, а потом отправили в камеры недалеко от моих владений. Меня одолела надежда, что вдруг это тоже люди или кто-нибудь хотя бы похожий. Но когда я их увидела — подсмотрела, как глупышки завозили в камеру еду, поняла, что опять для меня сплошное разочарование. Я как-то видела в Ярославле, в магазине, продавали трепангов. Я тогда подума-

ла: бывает же гадость, и как только люди едят? Другие покупатели в магазине так же реагировали. Новенькие животные оказались похожими на таких трепангов. Было их в камере двое, росточком они с собаку, скользкие и отвратительного вида. Я расстроилась и ушла к себе. Даже записывать ничего в дневник о них не стала. На другой день все рассказала моей драконихе, но она, конечно, ничего не поняла. Если бы я не ждала чего-то, легче было бы перенести такое разочарование. Этих трепангов из камер не выпускали. Я скоро уже поняла, что их всего пятеро — двое в камере, а трое в клетке, за железной дверью. Их пишу я тоже вскоре увидела, потому что глупышки мой огород потеснили, разводили в лоханках какую-то плесень, словно живая, она шевелится, и вонь от нее неприятная. И эту плесень таскали трепангам.

...Что-то опять плохо стало драконихе. Я уж в лаборатории опыты развела. Посмотрел бы на меня Иван Акимович из нашей больницы. Он мне все советовал пойти учиться. Говорил, что из меня получится врач, потому что у меня развита интуиция. Но жизнь меня засосала, я осталась неучем. О чем сильно теперь жалею. Правда, мне не раз приходилось замещать лаборантку, и я умела делать анализы и ассистировать при операциях: маленькая больница — хорошая школа, всем бы молодым медикам советовала через нее пройти. Но разве здесь мои знания могли пригодиться?»

— Ты чего молчишь? — спросил Даг. — Пропускаешь?

— Все сам прочтешь. Я хочу добраться до сути, — ответил Павлыш.

«Хоть я испытывала отвращение к трепангам, но понимала, что отвращение мое несправедливое. Ничего они мне плохого не сделали. И тем более я уже привыкла жить среди таких чудес и уродцев, что и во сне не приснятся. Посчитать мои дни здесь — такая получается бесконечная и одинаковая цепочка, что страшно делается. А вдуматься, то получится, что каждый день узнаю что-нибудь, смотрю, думаю. До чего же человек выносливое существо! Ведь и я кому-то кажусь страшным уродом. Может, даже и моей драконихе.

Наверно, эти трепанги могут думать. Такое решение мне пришло в голову, когда я увидела, что, стоит мне пройти мимо их клетки, они за мной следят и двигают-

ся. Как-то я шла с огорода с пучком редиски — редиска хилая, вялая, но все-таки витамины. Один трепанг во-зился у самой решетки. Мне показалось, что он старает-ся сломать замок. Что же, подумала я, ведь и мне такое приходило в голову. В первые дни, когда я сидела вза-перти, и в те дни, когда меня запирали, потому что при-ближались к другим планетам. Подумала и даже остано-вилась. Ведь что же это получается? Как я. Значит, думают? А трепанг, как увидел меня, зашипел и отполз внутрь. Но не успел, потому что один из глупышек был неподалеку (я-то его не видела, привыкла не замечать), и он ударил трепанга током. Такое у них наказание. Трепанг съежился. Я на глупышку прикрикнула и хоте-ла дальше пойти, но тут и мне досталось. Да так сильно он меня ударил током, что я даже упала и рассыпала редиску. Видно, он хотел мне показать, что с этими, с трепангами, мне делать нечего. Я поднялась кое-как — суставы последнее время побаливают — и ушла к себе. Сколько живу здесь, а не могу привыкнуть, что я для них все-таки как кролик в лаборатории. В любой момент они могут меня убить и в музей, в банку. И ничего им за это не будет. Я зубы стиснула и ушла.

...Потом-то оказалось, что этот удар током мне даже помог. Трепанги сначала думали, что я одна из их хозя-ев. Приняли даже меня за главную. И если бы не глупышкино наказание, меня бы считали за врага. А так, прошло дня три, иду я мимо них опять дракониху леч-чить, вижу, один трепанг возится у решетки и шипит. Тихо так шипит. Осмотрелась я — глупышек не видно. “Чего, — спрашиваю, — несладко тебе, милый?” Я за эти дни и к трепангам уже успела привыкнуть, и они не казались мне такими уродами, как в первый день. А трепанг все шипит и пощелкивает. И тогда я поняла, что он со мной говорит. “Не понимаю”, — я ему ответи-ла и хотела было улыбнуться, но решила, что не сто-ит — может, моя улыбка ему покажется хуже волчьего оскала. Он снова шипит. Я ему говорю: “Ну что ты ста-раешься? Словаря у меня нету. А если ты не ядовитый, то мы с тобой друг друга обязательно поймем”. Он за-молчал. Слушает. Тут в коридоре показался большой глупышка, с руками как у кузнечика. Уборщик. Я хоть и знала, что такие током не бьют, но поспешила даль-ше — не хотела, чтобы меня видели перед клеткой. Но

обратно шла, снова задержалась, поговорила. Все есть с кем душу отвести. Потом мне пришло в голову: может, им удобнее со мной объясняться по-письменному? Я написала на листке, что меня зовут Надеждой, принесла ему, показала и при этом, что написала, повторила вслух. Но боюсь, что он не понял. А еще через день случилось столкновение у одного из трепангов с глупышками. Я думаю, что ему удалось открыть замок и его поймали в коридоре. Попал он на уборщиков, и они его сильно помяли, пока других глупышек звали, а он сопротивлялся. Я в коридоре была, услышала шум, побежала туда, но опоздала. Его уже посадили в отдельную камеру, новый замок делали. Вижу — другие трепанги волнуются, беспокоятся в клетках. Я попыталась тогда пробраться в камеру к трепангу, которого отделили. Глупышки не пускают. Током не бьют, но не пускают. Тогда я решила их переупрямить. Встала около двери и стою. Дождалась, пока они дверь откроют, и успела заглянуть внутрь. Трепанг лежит на полу, весь израненный. Тогда я пошла в лабораторию, собрала там свою медицинскую сумку — ведь не в первый раз приходится здесь выступать неотложной помощью — и пошла прямо в камеру. Когда глупышка хотел меня остановить, показала, что у меня в сумке. Глупышка замер. Я уже знала — они так делают, когда советуются с Машиной. Жду. Прошла минута. Вдруг глупышка откатывается в сторону — иди, мол. Я просидела около трепанга часа три. Гоняла глупышек, словно своих санитарок. Они мне и воду принесли, и подстилку для трепанга, но одного я добиться не смогла — чтобы привели еще одного трепанга. Ведь свои лучше меня знают, что ему нужно. И самое удивительное — в тот момент, когда глупышек в камере не было, трепанг снова зашипел, и в его шипении я разобрала слова: “Ты чего стараешься?” Я поняла, что он запомнил, как я с ним разговаривала, и старается мне подражать. Вот тогда я первый раз за много месяцев по-настоящему обрадовалась. Ведь он не только подражал, он понимал, что делает.

...Меня удивляло, как быстро они запоминали мои слова, и, хоть им трудно было их произносить — рот у них трубочкой, без зубов, — они очень старались. Я все эти дни и недели жила как во сне. В хорошем сне. Я заметила в себе удивительные изменения. Оказалось,

что нет на свете существ приятней, чем трепанги. Поняла, что они красивые, научилась их различать, но, честно скажу, ровным счетом ничего в их шипении и пощелкивании я не понимала. Да и сейчас не понимаю. Я их учила, как только была возможность, — мимо прохожу, слово говорю, разные предметы проношу рядом с клеткой, показываю, и они сразу понимают. Они выучили, как зовут меня, и, как завидят (если рядом глупышек нет), сразу шипят: «Нашешда, Нашешда!» Ну как малые дети! А я узнала на огороде, что они любят. И старалась, чтобы их подкормить. Хоть и еда у них вонючая — так и не привыкла к этому запаху. Глупышки по части трепангов имели строгий наказ Машины — на волю их не отпускать, глаз не сводить, беречь и не доверять. Так что я не могла открыто с ними видаться. А то бы и меня заподозрили. И вот тоже удивительно — сколько я провела здесь времени, и была для глупышек неопасна. Одна была. А вместе с трепангами мы стали силой. И я это чувствовала. И трепанги мне говорили, когда научились по-русски. И вот наступил такой день, когда я подошла к их клетке и услышала:

— Надежда, надо уходить отсюда.

— Ну куда отсюда уйдешь? — ответила я. — Корабль летит неизвестно куда. Где мы теперь, никому не ясно. Ведь разве мы сможем управлять кораблем?

И тогда трепанг Баль ответил мне:

— Управлять кораблем сможем. Не сейчас. После того, как больше узнаем. И ты нам нужна.

— Смогу ли я? — отвечаю.

Тут они вдвоем заверещали, зашипели на меня, уговаривали. А я только улыбнулась. Я не могла им сказать, что я счастлива. Все равно — вырвемся мы отсюда или нет. Я и трепанги — какой союз! Посмотрела бы Оля на свою старуху мать, как она идет по синему коридору мимо закрытых дверей и клеток и поет песню: «Нам нет преград ни в море, ни на суше!»»

— В общем, она нашла единомышленников, — ответил кратко Павлыш на разгневанные требования Дага читать вслух. — Поймите, я же в десять раз быстрее проглядываю эти листки про себя.

— Вот уж... — начал было Даг, но Павлыш уже читал следующий листок.

«Несколько дней я не писала. Некогда было. Это со-

всем не значит, что я была занята больше, чем всегда, — просто мысли мои были заняты. Я даже постриглась покороче, долго стояла перед темными зеркалами, кромсая скальпелем волосы. За что я отдала бы полжизни — это за уют. Ведь никто меня не видит, никто не знает здесь, что такое глажка, никто, кроме меня, не знает, что такое одежда. А ведь сколько мне пришлось потратить времени, чтобы придумать, из чего шить и чем шить. Хуже, чем Робинзону на необитаемом острове. И вот я стояла перед темным зеркалом и думала, что никогда не приходилось мне ходить в модницах. А уж теперь, если бы я появилась на Земле, вот бы все удивились — что за ископаемое? Сейчас, по моим расчетам, на Земле идет шестидесятый год. Что там носят женщины? Хотя это где как. В Москве-то, наверно, модниц много. А Калязин — город маленький. Вот я и отвлеклась. Думаю о тряпках. Смешно? А Баль, это мой самый любимый трепанг, ради того, чтобы выучить получше мой язык, пошел на жертву. Порезался чем-то страшно. И глупышки меня на помощь позвали. Я тут у них уже признанная «скорая помощь». Я Баля ругала на чем свет стоит, а не учла, что он памятливым. Вот он теперь все мои ругательства запомнил. Ну, конечно, ругательства не страшные — голова садовая, дурачина-простофиля — такие ругательства. Раз я имею свободу движения по вашей тюрьме, то у меня теперь две задачи — во-первых, держать связь между камерами, в которых сидят трепанги. Во-вторых, проникнуть за линию фронта и разузнать, где что находится. Вот я и вспомнила военные времена».

Следующий листок был коротеньким, написан в спешке, кое-как.

«Дола три раза заставлял меня ходить за перегородку, в большой зал. Я ему рассказывала. Дола главный. Они, видно, решили между собой, что моей помощи им мало. Должен пойти в операторскую Баль. До переборки я его доведу. Дальше у него будет моя бумажка с чертежом. И я останусь у переборки ждать, когда он вернется. Страшно мне за Баля. Глупышки куда шустрее. Пойдет он сейчас — в это время почти все они заняты на других этажах».

Запись на этом обрывалась. Следующая была написана иначе. Буквы были маленькими, строгими.

«Ну вот, случилось ужасное. Я стояла за перегородкой, ждала Баля и считала про себя. Думала, если успеет вернуться прежде, чем я досчитаю до тысячи, — все в порядке. Но он не успел. Задержался. Замигали лампочки, зажужжало — так всегда бывает, если на корабле непорядок. Мимо меня пробежали глупышки. Я пыталась закрыть дверь, их не пускать, но один меня так током ударил, что я чуть сознание не потеряла. А Баля они убили. Теперь он в музее. Мне пришлось скрываться у себя в комнате, пока все не утихло. Я боялась, что меня запрут, но почему-то меня они всерьез не приняли. Когда я часа через два вышла в коридор, поплелась к огороду — пора было витамины моей драконихе давать, — у дверей к трепангам стояли глупышки. Пришлось пройти, не глядя в ту сторону. Тогда я еще не знала, что Баля убили. Только вечером перекинулась парой слов с трепангами. И Дола сказал, что Баля убили. Ночью я переживала, вспомнила, какой Баль был милый, ласковый, красивый. Не притворялась. В самом деле очень переживала. И еще думала, что теперь все погребло — больше никому в операторскую не проникнуть. А сегодня Дола объяснил мне, что не все потеряно. Они, оказывается, могут общаться, даже совсем не видя друг дружку, разговаривать, пользуясь какими-то волнами и на большом расстоянии. И вот Баль потому и задержался, что своим товарищам передавал все устройство рубки управления нашего корабля и свои по этому поводу соображения. Он даже побывал у самой Машины. Он знал, что, наверно, погибнет — он должен был успеть все передать. И Машина убила его. А может, и не убивала — она ведь только машина, но так и получилось. Каково, думала я, было моим прадедам — они ведь крепостные, совершенно необразованные. Они считали, что Земля — центр всего мира. Они не знали ничего о Джордано Бруно или Копернике. Вот бы их сюда. А в чем разница между мной и дедом? Я ведь хоть и читала в газетах о бесконечности мира, на моей жизни это не отражалось. Все равно я жила в центре мира. И этот центр был в городе Калязине, в моем доме на Циммермановой улице. А оказалось, моя Земля — глухая окраина...»

Даг что-то говорил Павлышу, но тот не слышал. Хотя

отвечал невразумительно, как спящий тому, кто будит его до времени.

«Первый раз за все годы проснулась от холода. Мне показалось, что трудно дышать. Потом обошлось. Согрелась. Но трепанги, когда я к ним пришла, сказали, что с кораблем что-то неладно. Я спросила, не Баль ли виноват. Они ответили — нет. Но сказали, что надо спешить. А я-то думала, что корабль вечный. Как Солнце. Дола сказал, что они теперь много знают об устройстве корабля. И о том, как работает Машина. Сказали, что у них дома есть машины посложнее этой. Но им нелегко бороться с Машиной, потому что глупышки захватили их, как и меня, врасплох. И без меня им не справиться. Готова ли я и дальше им помогать? “Конечно, готова”, — ответила я. Но ведь я очень рисковую, объяснил мне тогда Дола. Если им удастся повернуть корабль или найти еще какой-нибудь способ вырваться отсюда, они смогут добраться до своего дома. А вот мне они помочь не смогут. “А разве нет на корабле каких-нибудь записей маршрута к Земле?” — спросила я. Но они сказали, что не знают, где их искать, и вернее всего они спрятаны в памяти Машины. И тогда я им объяснила мою философию. Если они возьмут меня с собой, я согласна куда угодно, только бы отсюда вырваться. Уж лучше буду жить и умру у трепангов, чем в тюрьме. А если мне и не удастся отсюда уйти, хоть спокойна буду, что кому-то помогла. Тогда и умирать легче. И трепанги со мной согласились.

На корабле стало еще холодней. Я потрогала трубы в малом зале. Трубы чуть теплые. Два глупышки возились у них, что-то чинили. С трепангами я договориться смогла, а вот глупышки за все годы ничего мне не сказали. Да и что им сказать? Но мне надо идти, и я совсем не знаю, вернусь ли к моим запискам. Я еще хочу написать — даже не для того, кто будет читать эти строчки, а для себя самой. Если бы мне сказали, что кого-нибудь можно посадить на несколько лет в тюрьму, где он не увидит ни одного человека, даже тюремщика не увидит, я бы сказала, что это наверняка смерть. Или человек озверееет и сойдет с ума. А вот, оказывается, я не сошла. Износилась, постарела, измучилась, но живу. Я сейчас оборачиваюсь на прошлое и думаю — а я ведь всегда, почти всегда была занята. Как и в моей настоящей жиз-

ни на Земле. Наверно, моя живучесть и держится на том, что умеешь найти себе дело, найти что-то или кого-то, ради чего стоило бы жить. А у меня сначала была надежда вернуться к Оленьке, на Землю. А потом, когда эта надежда почти угасла, оказалось, что даже и здесь я могу пригодиться».

И последний листок. Он обнаружился в пачке неисписанных листков, тех, что Надежда заготовила, обрезала, но не успела ничего на них написать.

«Уважаемый Тимофей Федорович!

Примите мой низкий поклон и благодарность за все, что вы сделали для меня и моей дочери Ольги. Как вы там живете, не скучаете ли, вспоминаете ли меня иногда? Как ваше здоровье? Мне без вас порой бывает очень тоскливо, и не думайте, пожалуйста, что меня останавливало то, что вы инвалид...»

Дальше было две строчки, густо зачеркнутых. И нарисована сосна. Или ель. Плохо нарисована, неумело.

5

Потом прошло несколько дней. Павлыш спал и ел под своим тентом и уходил в длинные коридоры корабля, как на работу. На связь он выходил редко и отмалчивался, когда Даг начинал ворчать, потому что его товарищи воспринимали Надежду как сенсацию, удивительный парадокс — для них она оставалась казусом, открытием, явлением (тут можно придумать много слов, которые лишь приблизительно раскроют всю сложность их переживаний, в которых не было одного — отождествления).

Павлыш оставался все время рядом с Надеждой, ходил по ее следам, видел этот корабль — его коридоры, склады, закоулки — именно так, как видела их Надежда, он проникся полностью атмосферой трагической тюрьмы, которая, вернее всего, и не предназначалась для такой роли, которая внесла в жизнь медсестры из калязинской больницы страшную неизбежность, которую та осознала, но с которой в глубине души все-таки не примирилась.

Теперь, зная каждое слово в записках Надежды и расшифровав последовательность передвижений женщины по кораблю, уяснив значение ее маршрутов и дел, побывав и в тех местах, куда Надежда попасть не могла, о

существовании которых даже не подозревала, Павлыш уже мог знать, что произошло потом, причем именно знать, а не догадываться.

Обрывки проводов, перевернутый робот-глупышка, темное пятно на белесой стене, странный разгром в рубке управления, следы в отделении корабельного мозга — все это укладывалось в картину последних событий, участником которых была Надежда. И Павлыш даже не искал следы, а знал, что там и там они могут оказаться. А если их не оказывалось, он шел дальше до тех пор, пока уверенность его не подкреплялась новыми доказательствами.

...Надежда спешила дописать последний листок. Она очень жалела теперь, что так мало писала в последние недели. Она всегда не любила писать. Даже сестры корили ее за то, что совсем не пишет писем. И только сейчас она вдруг представила, что, если улетит с трепангами, может так случиться, что корабль попадет в руки к разумным существам, и даже к таким, которые передадут ее записки на Землю. И вот они будут клясть ее последними словами за то, что не описала свою жизнь подробно, день за днем, не описала ни трепангов, хоть знает их теперь как своих родственников, ни других, с которыми ей пришлось иметь дело на корабле, — одни давно уже погибли, другие попали в музей, третьим, видно, суждено будет погибнуть, потому что трепанги смогли узнать — уж они куда больше Надежды разбираются во всякой технике, — что корабль так долго не возвращался к себе домой из-за того, что в системах его произошли неполадки. Если так дело пойдет дальше, он будет до скончания века носиться по вселенной, понемногу ломаясь, умирая, как человек.

Все последние дни для Надежды проходили в спешке. Ей приходилось делать множество дел, значения которых она не всегда понимала, но знала, что они важны и нужны для цели, ясной трепангам. Она понимала, что расспрашивать их об этом бессмысленно. Они и не могли ей объяснить, даже если бы хотели. За эти годы Надежда научилась тому, что она не может понять даже самых неразумных обитателей корабля, не говоря уже о трепангах. Ведь сколько они прожили рядом с драконихой, сколько часов Надежда провела рядом с ней, а ведь так ничего она не узнала. Или шарики, жившие в стеклян-

ном кубе. Шариков было много, десятка два. При виде Надежды они часто начинали менять цвет и раскатываться крупными бусинами по дну куба, складываясь в фигуры и круги, словно давали ей знаки, которых она понять не могла. Надежда говорила о шариках трепангам, но они или забывали сразу, или не удосуживались поглядеть на них. Надежда, когда стало ясно, что путешествие подходит к концу, связала из проводков мешок, чтобы захватить шарики с собой. Знала даже, что шарикам нужна вода — больше ничего им не нужно.

Вот и сейчас, как допишет, сложит свое добро, надо бежать открывать три двери, которые нарисовали ей трепанги на плане. Эти двери трепангам не открыть, потому что квадратики слишком высоки для них.

Надежда поняла, что они возьмут с собой ту лодку, которая когда-то захватила ее в плен. На ней и полетят. Но для того чтобы сделать это, надо обязательно вывести из строя главную машину. А то к лодке не пройти и Машина просто не выпустит их с корабля. Для этого Надежда тоже была нужна.

Надежда не спала уже вторую ночь. И не только потому, что была охвачена возбуждением, но и потому, что трепанги не спали вообще и не понимали, почему ей надо обязательно отключаться и ложиться. И стоило ей улечься, как сразу в мозгу она ощущала толчок — трепанги звали ее.

Складывая листки, Надежда вдруг засомневалась, оставлять ли их здесь. А может, взять с собой на лодку? Может, им лучше будет с ней? Мало ли что случится в пути? Нет, рассудила, сама-то она всегда может рассказать. А на корабле ничего не останется.

Толчок в голове. Надо бежать. Надежде вдруг показалось, что она уже не вернется сюда. Жизнь, тянувшаяся так медленно и монотонно, вдруг набрала страшную скорость и помчалась вперед. И именно сейчас она может оборваться...

— Мы постараемся повернуть сам корабль к нашей планете, — сказали ей трепанги. — Но это очень рискованно. Ведь для этого мы должны заставить мозг корабля подчиниться нам. Если нам это не удастся, то мы постараемся вывести его из строя. Так, чтобы воспользоваться спасательной лодкой. Но прилетит ли она куда надо, сможем ли мы ею управлять — мы тоже не увере-

ны. Поэтому возможно, что нам грозит смерть. И мы должны сказать тебе об этом.

— Знаю, — сказала Надежда. — Я была на войне.

Но это ничего не говорило трепангам, у которых давно не было войн.

Трепанги тоже не теряли времени даром. Они сделали такие палки, которыми надо дотронуться до глупышки и он выключается. Палку дали Надежде. Она должна была идти впереди и открывать двери.

Два трепанга пошли за ней следом. Два других поспешили, поползли, подпрыгивая, наверх, где тоже было отделение с какими-то машинами, как капитанский мостик на пароходе, только без окон.

— Три двери, — повторял трепанг. — Но за последней дверью, возможно, не будет воздуха. Или будет не такой, как в нашем отделении. Сразу не входи. Подождем, пока наполнится. Ясно?

Трепанги всегда говорили ясно, они очень старались, чтобы Надежда понимала их приказы и просьбы. За первой дверью Надежда как-то была. Помнила, что там широкий проход и по стенам стоят запасные глупышки. Как мертвые. Трепанги сказали ей, что там глупышки подзаряжаются, отдыхают. Почему она туда попала и когда это было — Надежда не помнила. Но коридор с мертвыми глупышками в нишах запомнился отчетливо.

— Они тебя не тронут, — сказал Дола.

— Не успокаивай, — сказала Надежда.

— Только не рискуй. Без тебя нам не выбраться. Помни это.

— Отлично помню. Не волнуйся.

Надежда провела ладонью по квадрату в стене, и дверь отошла в сторону. В том коридоре был странный запах, сладкий и в то же время горелый. Все ниши были заняты.

— Им приходится теперь дольше подзаряжаться, — сказал Дола, ползший сзади. — Ты видела, что их меньше стало в наших отсеках?

— Да, заметила, — сказала Надежда. — Не забыть бы взять шарик.

— Шарик?

— Я о них говорила.

— Осторожнее!

Один из глупышек вдруг резко выскочил из ниши и

поехал к ним, собираясь загородить дорогу и, может, отогнать их обратно. Глупышка спешил устранить непорядок.

— Быстрее, — сказал Дола. — Быстрее.

Надежда побежала вперед и постаралась перепрыгнуть через глупышку, бросившегося к ней под ноги.

Но глупышка — как это она забыла? — тоже подпрыгнул и ударил ее током. К счастью, несильно. Наверно, сам не успел подзарядиться. Надежда упала на колени и выронила палку. Ушиблась больно и даже охнула. Ноги у нее были уже не те, что несколько лет назад. Она ведь в техникуме играла в волейбол. За «Медик». Второе место в Ярославле. Только это было очень давно.

Глупышку остановил Дола, который тоже имел такую же палку, как у Надежды, только покороче.

— Что с тобой? — спросил он. Голос у трепанга шипящий, без всякого выражения, но по ощущению в голове Надежда поняла, как он волнуется.

— Ничего, — сказала Надежда, поднимаясь и заставляя себя забыть о боли. — Пошли дальше.

До следующей двери было шагов двадцать. Еще один глупышка стал вылезать из ниши, но делал он это медленно.

— Машина уже получила сигнал, — сказал Дола. — Они с ней связаны.

Надежда добежала, ковыляя, до двери, но квадрата на нужном месте не оказалось.

— Я не знаю, как открыть, — сказала она.

Сзади было тихо.

Она оглянулась. Дола стоял неподвижно. Второй трепанг отбивался палочкой от трех глупышек сразу.

— Скорее, — сказал наконец Дола.

— Может, есть другой путь? — спросила Надежда, чувствуя, как у нее холодеют руки. — Эту дверь нам не открыть.

— Другого пути нет, — сказал Дола, и голос его шептал, шелестел откуда-то снизу, издали. Дверь была заперта надежно.

Еще глупышки, другие, вялые, медленные, выползали из ниш, и казалось, что на трепанга надвигается стадо слишком больших божьих коровок.

И в этот момент дверь открылась сама. Распахнулась резко, так что Надежда еле успела отпрыгнуть в сторо-

ну, потому что почувствовала, что дверь открывается неспроста. Так вбегает домой хозяин, подозревающий, что к нему забрались воры.

Дола тоже успел отпрыгнуть в сторону. Трепанги умеют иногда прыгать довольно резко.

Из двери выскочил глупышка, которого Надежда никогда раньше не видела. Он был чуть ли не с нее ростом и скорее был похож на шар, а не на черепашку, как прочие. У него было три членистые руки, и он громко, угрожающе жужжал, словно хотел распугать тех, кто осмелился зайти в неположенное место.

Откуда-то вырвалось пламя и пролетело, заполняя коридор, совсем рядом с Надеждой, и она ощутила его обжигающую близость. Она зажмурилась и не увидела, как Дола успел, подобрав палку, остановить глупышку, заставить его замереть. Хоть и было поздно.

Черепашки, толпившиеся в дальнем конце коридора, уже потемнели, словно обуглились, а второй трепанг, который сдерживал их и не успел отскочить, когда открылась дверь, превратился в кучку пепла на полу.

Все это Надежда видела как во сне, словно ее не касались ни опасность, ни смерть. Она понимала, что ее дело — пройти за вторую дверь, потому что дверь может закрыться, и тогда все, ради чего погибли Баль и этот трепанг, окажется бессмысленным и ненужным.

За второй дверью оказался круглый зал, словно верхняя половина шара. Они успели вовремя. К двери уже катился второй большой глупышка. Дола успел броситься к нему и обезвредить раньше, чем тот начал действовать.

Перед Надеждой было несколько дверей, совершенно одинаковых, и она обернулась к Доле, чтобы он сказал, куда идти дальше.

Тот уже спешил вперед и быстро, изгибаясь, как испуганная гусеница, высоко поднимая спину, пополз мимо дверей, на какую-то долю секунды останавливаясь перед каждой и словно вынюхивая, что за ней находится.

— Здесь, — сказал он. — Ищи, как войти.

Надежда уже стояла рядом. Эта дверь также была без запора. И какое-то тупое отчаяние овладело Надеждой. Она тогда просто толкнула дверь рукой, и та, словно ждала этого, провалилась вниз.

Они были перед Машиной. Перед хозяином корабля,

перед тем, кто отдавал приказы спускаться на чужие планеты и забирать все, что попадется, перед тем, кто поддерживал на корабле порядок, кормил, наказывал и хранил его пленников и добычу.

Машина оказалась просто стеной с множеством окошек и разноцветных лампочек, серых и голубых плиток и рукоятей. Это была Машина, и ничего более. Она удивила Надежду. Нет, не разочаровала, а удивила, потому что за годы, проведенные здесь, Надежда много раз пыталась представить себе хозяина корабля и наделяла его множеством страшных черт. Но именно безликость Машины ей никогда не приходила в голову.

Маленький глупышка, который сидел где-то высоко на машине, соскользнул вниз и покатился к ним. Надежда хотела ткнуть его палкой, но палка была у Дола, и тот пополз навстречу глупышке и остановил его.

— Что дальше? — спросила Надежда, переводя дух. Ее юбка, сшитая из найденной на корабле материи, похожей на клеенку, распоролась на коленях и замаралась кровью — оказывается, она сильно расшиблась, когда прыгала через глупышку.

Дола не ответил. Он уже стоял перед Машиной и крутил своей червяковой головкой, разглядывая ее.

Что-то щелкнуло, словно от взгляда Дола, и зал наполнился громким прерывистым шипением. Надежда отпрянула, но тут же догадалась, что это голос другого трепанга.

— Все в порядке, — сказал тогда Дола. — Посади меня вот сюда. Я поверну эту ручку.

Надежда посадила его повыше, и он сделал что-то в Машине.

— Наши, — сказал Дола, уже опустившись снова на пол и ползя вдоль Машины, — на центральном пульте. Если все будет в порядке, мы сможем управлять кораблем.

Дола прислушивался к шипению, которое исходило из черного круга — видно, какого-то переговорного устройства, и говорил Надежде, что надо сделать, если сам не мог дотянуться до того или иного рычага или кнопки. И Надежда вдруг поняла, что они находятся в машинном отделении парохода и капитан со своего мостика отдает им приказания: «Тихий ход, полный ход». И скоро они поедут дальше, домой.

И ее охватила странная, сладкая усталость. Ноги отказались ее держать. Она села на пол и сказала Доле:

— Я отдохну немножко.

— Хорошо, — сказал Дола, прислушиваясь к словам своих товарищей с капитанского мостика.

— Я отдохну, а потом буду тебе помогать.

— Они пытаются перевести корабль на ручное управление, — сказал ей Дола через некоторое время, и голос его донесся издали-издали.

И тут же Дола вскрикнул. Она никогда не слышала, чтобы трепанги кричали. Что-то случилось такое, что заставило его сильно испугаться.

Огоньки на лице Машины гасли один за другим, перемигиваясь все слабее, будто прощались друг с дружкой.

Шипение из репродуктора превратилось в слабый визг, и Дола выкрикивал какие-то отдельные звуки, которые не могли иметь смысла, но все же имели.

— Быстро, — сказал Дола. — К катеру.

Чего-то они не учли. В Машине, на вид покорившейся восставшим пленникам, сохранились клеточки, которые приказали ей остановиться, умереть, лишь бы не служить другим, чужим.

Надежда поднялась на ноги, чувствуя, как Дола толкает ее, торопит, но никак не могла должным образом испугаться — все ее тело продолжало цепляться за спасительную мысль: «Все кончилось, все хорошо, теперь мы поедем домой».

И даже когда она бежала за Долой по коридору, мимо обожженных глупышек, даже когда они выскочили наружу и Дола велел ей скорее сносить к катеру еду и какие-то круглые, тяжелые предметы, вроде морских мин, помогая ей при этом, она продолжала убаюкивать себя мыслью, что все будет в порядке. Ведь они одолели машину.

У люка, который вел к катеру, Надежда сваливала продукты и бежала снова, потому что надо было захватить и воду, и еще этих шаров, в которых, оказывается, был воздух. И Дола все старался объяснить ей, но забывал слова и путался, что теперь Машина перестала вырабатывать воздух и тепло, и скоро корабль умрет, и, если они не успеют погрузить и подготовить к отлету катер, их уже ничто не спасет.

Два других трепанга прибежали с капитанского мости-

ка, притащив какие-то приборы, и стали возиться в ка-тере. Они даже не замечали Надежду — движения их были суматошны, но быстры, словно каждая из их рук — а их у трепангов по два десятка — занималась своим делом.

Сколько продолжалась эта беготня и суматоха, Надежда не могла сказать, но где-то на десятом или двадцатом походе в оранжерею она вдруг поняла, что в корабле стало заметно холодней и труднее дышать. Ее даже удивило, что предсказания Дола сбываются так быстро. Ведь корабль же закрытый. Она не знала, что устройства, поглощавшие воздух, чтобы очистить и согреть его, еще продолжали работать, а те, что должны были этот воздух возвращать на корабль, уже отключились. Корабль погибал медленно, и некоторые его системы, о чем тоже Надежда знать не могла, будут работать еще долго: месяцы, годы.

Надежда хотела было забежать к себе в каюту и забрать вещи, но Дола сказал ей, что придется отбывать через несколько минут, и тогда она решила вместо этого притащить еще один шар с воздухом, потому что он нужен был всем, а без юбки или косынки, без чашек она обойдется.

Когда она тащила шар к катеру, то увидела на полу мешок, сплетенный из цветных проводов. «Господи, — подумала она, — я же совсем забыла». Она добежала до катера, опустила шар у люка.

— Скорее заходи, — сказал Дола изнутри, вкатывая тяжелый шар.

— Сейчас, — сказала Надежда, — одну минутку.

— Ни в коем случае! — крикнул Дола.

Но Надежда уже бежала по коридору к мешку и с ним к стеклянному кубу, где ждали ее шарики. А может, и не ждали. Может, она все придумала.

Шарики при виде Надежды рассыпались лучами из центра, словно изображали ромашку.

— Скорее, — сказала им Надежда. — А то мы останемся. Поезд уйдет.

Она сунула мешок внутрь, и, к ее удивлению, шарики послушно покатались внутрь. Она была даже благодарна им, что они так быстро управились.

Мешок оказался тяжелым, тяжелее, чем шары с воз-

духом. Надежда тащила его по коридору, и, несмотря на стужу в корабле, ей было жарко. И она задыхалась.

И если бы она не была так занята мыслью о том, как добраться до катера, она бы заметила еще одного большого глупышку, который, видно, охранял какое-то другое место на корабле, но, почуяв неладное, когда умерла Машина, покатился по коридорам отыскивать причину беды.

Надежда уже подбегала к катеру, ей оставалось пройти несколько шагов, как глупышка, который тоже увидел катер и направил свой огненный луч прямо в люк, чтобы сжечь все, что было внутри, увидел ее. Неизвестно, что подумал он и думал ли он вообще, но он повернул луч, и Надежда успела лишь отбросить мешок с шариками.

Но этой секунды было Доле достаточно, чтобы захлопнуть люк. И следующий выстрел глупышки лишь заставил почернеть бок катера. Исчерпав свои заряды, глупышка застыл над кучкой пепла. Отключился. Шарик выскочил из мешка и раскатился по полу.

Дола открыл люк и сразу все понял. Но он не мог задерживаться. Может быть, если бы он был человеком, то собрал бы пепел, оставшийся от Надежды, и похоронил его у себя дома. Но трепанги таких обычаев не знают.

Дола завинтил крышку люка, и катер оторвался от умирающего корабля и понесся к звездам, среди которых была одна, нужная трепангам. Они еще не знали, удастся ли им до нее добраться.

Павлыш поднял с пола обгоревший клочок материи — все, что осталось от Надежды. Потом собрал в кучку шарики. История кончилась печально. Хотя оставалась маленькая надежда на то, что ошибся, что Надежда успела все-таки улететь на катере.

Павлыш поднялся и подошел к холодному, пустому, сделавшему все, что от него требовалось, роботу, который так и простоял все эти годы, целясь в пустоту. Робот выполнял свой долг — охранял корабль от возможных неприятностей.

— Ты уже часа два молчишь, — сказал Даг. — Ничего не случилось?

— Потом расскажу, — сказал Павлыш. — Потом.

Они сидели с Софьей Петровной у самого окна. Она пила лимонад, Павлыш — пиво. Пиво было хорошее, темное, и сознание того, что его можно пить, что ты находишься в простое и до ближайшей медкомиссии месяца три, не меньше, обостряло сладкое ощущение небольшого, простительного проступка.

— А разве вам можно пить пиво? — спросила Софья Петровна.

— Можно, — сказал коротко Павлыш.

Софья Петровна недоверчиво покачала головой. Она была убеждена, что космонавты не пьют пива. И была права.

Она отвернулась от Павлыша и смотрела на бесконечное поле, на причудливые на фоне оранжевого заката силуэты планетарных машин.

— Долго что-то, — сказала она.

Софья Петровна казалась Павлышу скучным и правильным человеком. Она, наверно, отлично знает свое дело, учит детей русскому языку, но вряд ли дети ее любят, думал Павлыш, разглядывая ее острый, завершенный профиль, гладко причесанные и собранные сзади седые волосы.

— Почему вы меня разглядываете? — спросила Софья Петровна, не оборачиваясь.

— Профессиональная привычка? — ответил вопросом Павлыш.

— Не поняла вас.

— Учитель должен видеть все, что происходит в классе, даже если это происходит у него за спиной.

Софья Петровна улыбнулась одними губами.

— А я решила, что вы ищете сходства.

Павлыш не ответил. Он искал сходства, но не хотел в этом признаваться. Шумная компания курсантов в синих комбинезонах заняла соседний стол. Комбинезоны можно было снять еще в ангаре, но курсантам нравилось в них ходить. Они еще не успели привыкнуть ни к комбинезонам, ни к пилоткам с золотым гербом планетарной службы.

— Что-то они запаздывают, — повторила Софья Петровна.

— Нет, — Павлыш взглянул на часы. — Я же советовал вам подождать дома.

— Дома было не по себе. Создавалось впечатление, что кто-то сейчас войдет и спросит: «А почему вы не едете?»

Софья Петровна говорила правильно и чуть книжно, словно все время мысленно писала фразы и проверяла их с красным карандашом.

— Все эти годы, — продолжала она, приподняв бокал с лимонадом и разглядывая пузырьки на его стеклах, — я жила ожиданием этого дня. Это может показаться странным, так как внешне я старалась ничем не проявлять постоянного нетерпения, владевшего мною. Я ждала, пока расшифруют содержание блоков памяти того корабля. Я ожидала того дня, когда будет отправлена экспедиция к планете существ, которых моя бабушка называла трепангами. Я ждала ее возвращения. И вот дождалась.

— Странно, — сказал Павлыш.

— Я знаю, насколько вы были разочарованы при нашей первой встрече, когда я не проявила ожидавшихся от меня эмоций. Но что я должна была делать? Я же представляла себе бабушку лишь по нескольким любительским фотографиям, по рассказам мамы и по четырем медалям, принадлежавшим бабушке с тех лет, когда она была медицинской сестрой на фронте. Бабушка была для меня абстракцией. Моя мать уже умерла. А ведь она была последним человеком, для которого сочетание слов «Надежда Сидорова» означало не только любительскую фотографию, но и воспоминание о руках, глазах, словах бабушки. Со дня исчезновения бабушки уже прошло почти сто лет... Я ощутила связь с ней лишь потом, когда вы уехали. Нет, виноваты в том не газеты и журналы со статьями о первом человеке, встретившем космос. Причина в дневнике бабушки. Я стала мерить собственные поступки ее терпением, ее одиночеством.

Павлыш наклонил голову, соглашаясь.

— И я не такой сухарь, как вы полагаете, молодой человек, — сказала вдруг Софья Петровна совсем другим голосом. — Я основная исполнительница ролей злых старух в нашем театре. И меня любят ученики.

— Я и не думал иначе, — соврал Павлыш.

И, подняв глаза, встретился с улыбкой Софьи Петров-

ны. Ее втянутые щеки порозовели. Она сказала, поднимая бокал с лимонадом:

— Выпьем за хорошие вести.

Даг быстро шел между столиков, издали заметив Павлыша и Софью Петровну.

— Летят, — сказал он. — Диспетчерская получила подтверждение.

Они стояли у окна и смотрели, как на горизонте опустился планетарный катер, как к нему понеслись разноцветные под закатом капли флаеров. Они спустились вниз, потому что Даг отлично знаком с начальником экспедиции Клапачом и надеялся, что сможет поговорить с ним раньше журналистов.

Клапач вылез из флаера первым. Остановился, оглядывая встречающих. Курносая девочка с очень белыми, как у Клапача, волосами подбежала к нему, и он поднял ее на руки. Но глаза его не переставали искать кого-то в толпе. И когда он подходил к двери, то увидел Дага, Павлыша и Софью Петровну. Он опустил дочку на землю.

— Здравствуйте, — сказал он Софье Петровне. — Я уж боялся, что вы не придете.

Софья Петровна нахмурилась. Ей было не по себе от ощущения, что на нее смотрят телевизионные камеры и фотоаппараты.

Перед лицом Клапача покачивался похожий на шмеля микрофон, и Клапач отмахнулся от него.

— Она долетела? — спросила Софья Петровна.

— Нет, — сказал Клапач. — Она погибла, Павлыш был прав.

— И ничего?..

— Нам не пришлось долго расспрашивать о ней. Посмотрите.

Клапач расстегнул карман парадного мундира. Летный состав всегда переодевается в парадные мундиры на внешних базах. Остальные члены экипажа стояли за спиной Клапача. На площадке перед космопортом было тихо.

Клапач достал фотографию. Объектив телекамеры спустился к его рукам, и фотография заняла экраны телевизоров.

На фотографии был город. Приземистые купола и длинные строения, схожие с валиками и цепочками ша-

ров. На переднем плане статуя на невысоком круглом постаменте. Худая, гладко причесанная женщина в мешковатой одежде, очень похожая на Софья Петровну, сидит, держа на коленях странное существо, похожее на большого трепанга.

— Пап, — сказала курносая девочка, которой надоело ждать. — Покажи мне картину.

— Возьми, — Клапач отдал ей фотографию.

— Червяк, — сказала девочка разочарованно.

Софья Петровна опустила голову и короткими, четкими шагами пошла к зданию космопорта. Ее никто не останавливал, не окликал. Лишь один из журналистов хотел было кинуться вслед, но Павлыш поймал его за рукав.

Фотографию у девочки взял Даг.

Он смотрел на нее и видел мертвый корабль, проваливающийся в бесконечность космоса.

Через минуту площадь перед космопортом уже гудела от голосов, смеха и той обычной радостной суматохи, которая сопровождает приход в порт корабля или возвращение на Землю космонавтов.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступление</i>	3
Тринадцать лет пути	11
Последняя война	75
Великий дух и беглецы	283
Половина жизни	399

Кир Булычев
(Игорь Всеволодович Можейко)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Серия А.

Том 1.

Великий дух и беглецы

Составитель А. Алексеев

Художник К. А. Сошниская

Художественный редактор Т. В. Бобрынина

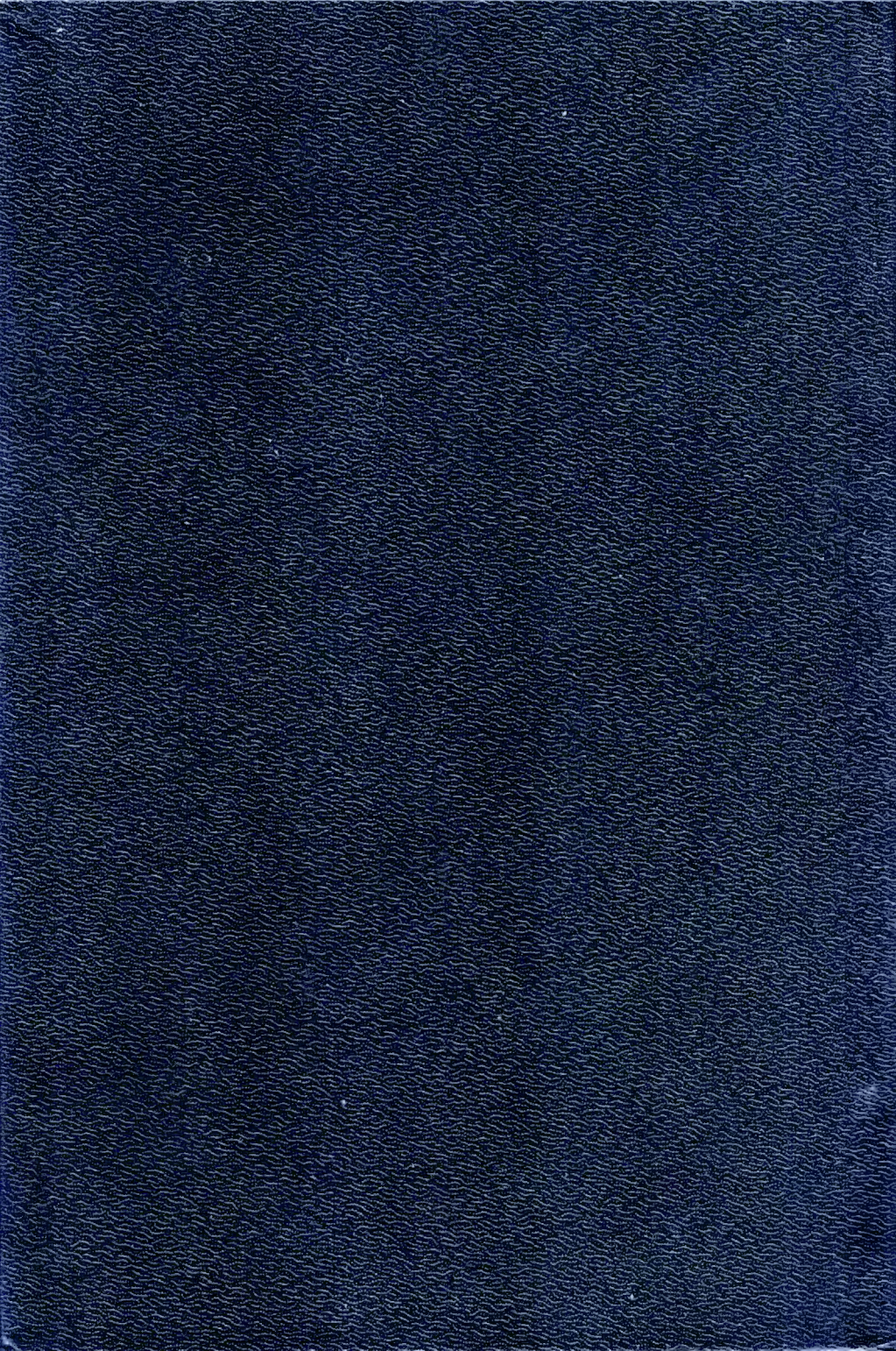
Технический редактор А. Н. Анисеев

Корректор Т. Л. Сологуб

Сдано в производство 15.01.93. Подписано в печать 1.02.93
Формат 84 × 108 1/32. Объем 14 п. л. Уч.-изд. л. 23,52. Печать офсетная.
Бумага книжно-журнальная. Тираж 100 000 экз. Заказ 78.

Отпечатано с готовых диапозитивов, изготовленных ТОО издательством «Хронос», 127254, г. Москва, а/я 19, во Владимирской книжной типографии. 600 000. г. Владимир, Октябрьский проспект, 7.

420098. Казань, ул. Пугачева, 45, фирма «ЭЛКО».

1800v

